

Священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиреченский и Верненский Ольга Ходаковская

Призванный напоминать о силе Православной веры и своим и чужим, да не осуждаю правого вместо виноватого, да не обличаю того, кого нужно утешать. А более прошу возносить за Святую Церковь и Россию молитвы Скорому Помощнику. Он даст нам разум, даст совесть, способность относиться к делу усердно и серьезно и вновь покажет нас народом великим, народом крепким, народом славным.

Епископ Семиреченский и Верненский Пимен

«Священномученик Пимен, епископ Семиреченский и Верненский» – документальное повествование о выдающемся деятеле Русской Православной Церкви – миссионере на Востоке, церковном публицисте, проповеднике, отдавшем свою жизнь за православную Россию и ее народ. В самом начале «красного террора» 3/16 сентября 1918 года епископ Семиреченский и Верненский Пимен (в миру – Петр Захариевич Белоликов) был расстрелян в Семиреченской области Туркестанского края в городе Верном (Алма-Ате). Книга – итог большой исследовательской работы кандидата философских наук О.И. Ходаковской, которая в течение ряда лет была сотрудницей Алма-Атинского епархиального управления.

Введение

В притворе Богородице-Рождественской церкви в Новгороде неизвестный мастер изобразил небесный свод со звездами и в каждую звезду вписал имя святого, прославившего новгородскую землю. Если написать такой же небосвод на воображаемом, до сих пор не построенном храме новомучеников Российских, будет тесно светилам. Как астрономы дали название и описали каждую светящуюся точку Вселенной, так и наша Церковь должна собрать сведения о людях, твердо стоявших за веру в годы ее преследования, когда делалась попытка уничтожить в России Православие.

В сонме русского духовенства, гонимого после Октябрьской революции, первомученики стоят особо. Их судьбы и характеры индивидуальны, но объединило этих служителей Божиих то, что своими жизненными установками, отношением к себе, развитием внутренней жизни они подготовились к тому, чтобы без сожаления – как рубаху снять – умереть за неизмеримо более важное, чем собственная жизнь.

Пришло время рассказать об одном из них – миссионере на Востоке, церковном публицисте, переводчике древнесирийских христианских текстов, блестящем проповеднике, наставнике юношества, вобравшем все богатство русской церковной традиции, епископе Семиреченском и Верненском Пимене (Белоликове). В самом начале «красного террора» он был расстрелян в городе Верном, центре Семиреченской области Туркестана¹.

Расстрел владыки Пимена был осуществлен руками карательного отряда красных партизан, вызванного из района Самарканда. Видимо, этот же отряд подавил взрыв негодования народа, собравшегося на центральной площади Верного после расправы над владыкой. С того момента и до недавних пор имя епископа Пимена бдительно охранялось государственной карательно-репрессивной системой от открытого всенародного почитания и признания.

Свою судьбу епископ Пимен знал. В 1916 году будущий семиреченский архипастырь при наречении его во епископа сказал: «Для всякой законной власти ныне не легко при частом столкновении ее с усиливающейся тайной беззакония. Люди не в силах оказываются защищать добро и противостоять злу. Происходит развал общественной жизни. Еще труднее бывает здесь положение епископов Православной Церкви. Как неприятель желал бы уничтожить офицеров вражеского воинства и для этого направляет на них всю свою разрушительную силу, так и противники Церкви, желая ее подчинить себе, не хотят щадить епископов»².

Гонения на Церковь вошли в число акций сначала фактического, а потом официально объявленного «красного террора», с помощью которого «народная власть» утверждалась в России. В 1923 году историк С. П. Мельгунов писал: «Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики: нельзя себе представить более циничные формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Это система, нашедшая своих идеологов, это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила еще никогда власть в мире»³.

Семья священника Новгородской епархии Захарии Белоликова стала одной из многих жертв «красного террора». Из шести сыновей отца Захарии, принявших духовный сан либо служивших Церкви в миру, погибли четверо. Священники Иоанн и Алексей Белоликовы, имевшие приходы один в Георгиевском храме города Старая Русса, другой в родном селе Васильевском Череповецкого уезда, расстреляны по приговору «троек» осенью 1937 года, Белоликов Василий – профессор Киевской Духовной Академии – бесследно исчез в 1935 году. Сыном отца Захарии был и епископ Семиреченский и Верненский Пимен.

18 апреля 1918 года Первый Всероссийский Поместный Собор издал определение «О мероприятиях, вызываемых гонениями на Православную Церковь», в котором было сказано о необходимости составлять новый российский мартиролог. Но

только в 90-х годах XX века начался сбор сведений о духовенстве, погибшем либо подвергшемся различным репрессиям в годы установления советской власти и в период «социалистического строительства» в той части России, которая ныне выделилась в самостоятельное государство Казахстан. Раскрылись архивы, молчаливо хранившие мрачные тайны истории, и исследователи получили возможность знакомиться с делами о «контрреволюции», которые прояснили многие мученические судьбы...

Так, 12 февраля 1920 года в семиреченской станице Талгар расстрелян священник соседнего села Евгеньевка Леонтий Андреевич Клименко, 1888 года рождения, обвиненный в контрреволюционных выступлениях против советской власти. Вместе с ним по тому же обвинению расстрелян Гранитов Иван Михайлович – протоиерей талгарской Николаевской церкви, 1875 года рождения. Священник семиреченской станицы Исыкской Андрей Иосифович Дальников умер в тюрьме от голода. Протокол № 5 коллегии Семиреченской областной ЧК от 19 февраля 1920 года гласит «Слушали дело законоучителя г. Верного Рождественского Анатолия Дмитриевича, 1891 года рождения. Постановили: расстрелять как контрреволюционера с конфискацией имущества»⁴.

Первым о жертвах гражданской войны среди духовенства Семиреченской области во всеуслышание заявил епископ Пимен. За месяц до собственной гибели, пренебрегая чредой угроз, исходивших от верненских революционных властей, он известил через ташкентский «Туркестанский церковный вестник» о «первых погибших пастырях в эту междоусобную войну»: иеромонахе Мелетии, священнике Владимире Дмитриевском в Копале, священнике Евстафии Малаховском в станице Надеждинской (Иссыке) Верненского уезда, священнике Василии Калмыкове в станице Подгорненской Джаркентского уезда, священнике Георгии Степанюке в селе Николаевском Лепсинского уезда и священнике Виссарионе Селинине в станице Урджарской⁵.

Вся недолгая жизнь владыки Пимена была наполнена проникновенной любовью к России и русским святыням. Его

расцвет как пастыря произошел на русском севере – в годы ректорства в Пермской Духовной Семинарии. Он был пастырем по Божью указанию, само имя Пимен, данное ему при монашеском постриге, означает «пастырь». Окруженный полнотой народного благочестия, возглавляя массовые шествия паломников к пермским святыням, архимандрит Пимен находил ненапряжным предупредить о легкости, с которой это благочестие и эти святыни можно надолго утратить. Где теперь обитель на Еловой горе, ее храмы, святые ключи и поклонный крест в память павших на поле брани, где местночтимая икона Николы Чудотворца из деревни Кольцово? Закономерным итогом пастырской самоотдачи стала любовь народная, которую отец Пимен снискал в Перми. Ревностнейший иерарх того времени епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский; † 1918) нашел в архимандрите Пимене родственную душу и надежного помощника во всех начинаниях. Для отца Пимена он добивался викарного епископства в Пермской епархии. Ему подарил на прощание памятную для себя панагию, которая будет на груди семиреченского епископа в часы ареста и расстрела.

Одним из главных направлений деятельности епископа Пимена в условиях советской власти и гражданской войны стало миротворчество, смягчение душ, напоминание о братолюбии и доброделании Христа ради. Он поставил крепкий, построенный на христианском мировоззрении народа, заслон межсословной ненависти между казачеством и крестьянством, насаждавшейся большевиками. Другим направлением деятельности, также ставшим причиной озлобления верненских вероотступников и последующей расправы, была последовательная линия проведения в церковную жизнь решений Всероссийского Поместного Собора, в частности, сопротивление Декрету о гражданском браке, растлевающем русский православный народ и ломающем его вековые религиозно-нравственные устои.

Епископ Пимен тесно соприкасался со всеми явлениями повседневности, но составлял резкий контраст неприглядной действительности. Идеальные представления о назначении

России, о православности народа, о «забывшем о самолюбии подвижничестве» были его неизменными поводами, которые направляли каждый шаг жизни, и он легко перешагивал коварные западни и унижительные ловушки, которые уготовливала жизнь. Вспомним тютчевские строки:

Крылом своим меня обвей,
Волненья сердца утоли.
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

С утра до вечера в покоях владыки находился народ, безошибочно чувствовавший в нем настоящего подвижника. Авторитет его слова был так велик, что стал реальной оппозицией действиям революционных властей.

Характер епископа Пимена совмещал в себе твердую волю с восприимчивостью к художественно-прекрасному и красоте человеческих свойств, память и интеллект ученого с привычкой к физическому труду; властность выдающегося оратора-проповедника органично переходила в нем в полное отсутствие внешнего самоутверждения – ни намек на позу. Не умеющие почувствовать глубины духа этого человека могли бы уличить его даже в простоватости...

Привлекает тяга владыки Пимена к общению с детьми: она заполняла его жизнь, на каком бы поприще он ни оказался. Вплоть до дня ареста и расстрела владыка в своих покоях проводил занятия детского духовного кружка, одаривая детвору из простого народа своей неиссякаемой добротой, мудростью и внутренним светом.

Было в Преосвященном Пимене что-то и от воина, привыкшего к тяжкому ратному труду, сказалось пастырство на Кавказском фронте, дружба с генералами и офицерами Урмийского отряда. И кто знает, какой горький, но незыблемый опыт отречения от движений собственного сердца и естества стоял за твердой готовностью отдать свою жизнь на высшую потребу. Несомненно, и ему можно было приписать слова его старшего друга, архиепископа Андроника: «Моя жизнь – плевок... но церковное дело – святыня моя»⁶.

С именем семиреченского архипастыря связана одна, ныне почти забытая, страница миссионерских трудов Русской Церкви синодального периода – труды Урмийской православной миссии в Персии. Деятельность Миссии была хорошо известна церковной общественности России в предреволюционное двадцатилетие. Присоединение к Православию части персидских сирийцев-несториан и успешная подготовка последующего присоединения уже всего народа во главе с несторианским патриархом Мар-Шимуном Биньямином сулили выдающуюся победу русскому миссионерскому делу и укрепляли общие позиции России на Востоке. Епископ Пимен и епископ Сергей (Лавров) были теми энергичными тружениками Миссии, благодаря которым и появилась возможность такого успеха. Война с Турцией и революция в России свели на нет их миссионерские труды. Революция уничтожила и самый тип миссионера, преданного русской православной монархической государственности и служившего ее интересам в глубоком убеждении, что это служение угодно Богу и укрепляет Вселенское Православие.

В одной проповеди периода ректорства в Пермской Духовной Семинарии отец Пимен обращается к забытому языческому обычаю зарывать живого человека на месте нового города. Отец ректор сказал тогда: «В этом насильственном и диком обычае выражается верная и глубокая мысль, что для успеха великого дела нужна жизнь человека целиком, не только его пот как признак краткого по времени труда... Христианство потребовало от человека не мгновенного самоубийства, но продолжительного самоотверженного труда на всю его жизнь...»⁷. Епископ Пимен и стал тем человеком, который лег в землю на месте нынешнего города Алма-Аты. Он сам явился великой христианской жертвой. Всю жизнь служивший интересам православной России, он и теперь, в новых исторических условиях, призван послужить ее воссозданию, и в первую очередь помочь Православию сохраниться и утвердиться в Средней Азии – там, где оно исторически завоевало себе право на существование.

В церковно-исторической литературе уже отмечалось, что русская святость XX века – это крестоношение и внутренний подвиг⁸, почти не отмеченные чудесами и знамениями. О такой святости с особой силой может поведать именно архивный документ, церковная хроника. Уже сами по себе они могут звучать как свидетельства огромной силы и нести в себе житийность.

Составление документального жизнеописания епископа Пимена необходимо и для того, чтобы объяснить трудные вопросы, касающиеся личности подвижника и его окружения. Эта необходимость вызвана также тем, что о служении епископа Пимена в городе Верном рассказывается в романе «В городе Верном», впервые появившемся в печати в 1957 году. Его автор Дм. Снегин, рассчитывая, что жизнь исторического героя – архиерея с именем Пимен, – в силу «непререкаемых» антирелигиозных догм, никогда не будет объектом уважительного изучения, приписал ему худшие человеческие свойства, ложные временные границы пребывания на Верненской кафедре, родство с жандармским ротмистром и т. д. Роман много раз переиздавался, и эти посеи кое-где взошли и рассеяли сорняковые семена. Даже при написании этой книги автору порой было трудно отстраниться от навязанного отвратительного образа... Но встревоженный разум шаг за шагом освещался лучами света – мощными фактами действительной биографии. Жизненные перевязи – епископ Пимен и архиепископ Андроник Пермский, протоиерей Философ Орнатский, святой Николай Японский, святой Иоанн Кронштадтский, – согреты взаимным притяжением, духовным и человеческим родством, отраженные в многочисленных архивных документах и свидетельствах современников, стали прочным фундаментом, на который и легла кладка безупречной биографии епископа.

Материалы о жизни семиреченского епископа были собраны благодаря соборной помощи, которую оказывали разные люди: священник Николай Балашов (Новгородская епархия), иеромонах Стефан (Садо, С.-Петербургская Духовная Академия), многие годы собиравший материалы об Урмийской

православной миссии; внучатая племянница епископа Пимена Н. Н. Хлебова (Череповец), П. Г. Резниковский (Ташкент), П. Н. Агафонов (Пермь) и десятки алмаатинцев. Среди них, в первую очередь, должно быть названо имя покойного краеведа профессора Н. П. Ивлева. Без его помощи многие важные документы, касающиеся служения епископа Пимена в городе Верном, остались бы для автора этой книги недоступными. Неизменную поддержку исследованию оказывал Высокопреосвященнейший Алексей (Кутепов), архиепископ Алма-Атинский и Семипалатинский.

За содействие научной работе в Перми и Ташкенте автор благодарен Высокопреосвященнейшим архиепископам Пермскому и Соликамскому Афанасию (Кудюку) и Ташкентскому и Среднеазиатскому Владимиру (Икиму).

Перелистывая вновь и вновь страницы проповедей епископа Пимена, который раз внимаешь их особенной интонации. Истины Святой Церкви будто бы открываются вновь во всей силе и свежести, исходя из уст этого человека, освященные его делами. Он доказал, что дороже этих истин не было для него ничего: «Счастье – в Боге, в единении с Ним. Нам необходимо постоянное чувство, которое размягчало бы наше сердце и направляло бы нашу мысль к Богу. Без него невозможно никакое благое изменение нашей жизни. Его, прежде всего, старались возбудить в себе наши благочестивые предки, приступая к какому-нибудь великому делу. Оно возвеличит и нас, жаждущих своего обновления и просвещения. Не замедлит наша победа, если мы будем правду творить и святиться еще и еще под покровом Церкви Православной. Аминь».

Часть 1. От доброго дерева

Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый, ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника.

(Лк. 6: 43–44)

Отчий дом

Прежде чем рассказать о событиях, имеющих решающее значение для судьбы выдающегося деятеля Русской Православной Церкви начала XX столетия, обратимся к истоку: первому детскому крику, родительскому гнезду, безмятежному миру детства.

«Я возрастал с детства в исключительно счастливых для духовной жизни условиях. Дома искреннее благочестие отца, нелицемерная набожность матери были первыми посадками моей религиозности»⁹. Так говорил о себе святитель, и нам предстоит сейчас, насколько позволяют собранные документы, воссоздать благотворные обстоятельства его детства.

Епископ Пимен родился 5 ноября 1879 года в селе Васильевском¹⁰ Череповецкого уезда Новгородской губернии и был шестым ребенком в семье сельского священника Захарии Белоликова. При крещении его нарекли именем Петр.

Метрические книги Васильевской церкви поведали о том, что в январе 1870 года 56-летний священник Васильевского прихода Василий Сивяков тяжело заболел и на время болезни из ближайшего села Новая Ерга пригласили молодого батюшку Захарию Белоликова¹¹. Отец Василий от одра болезни уже не поднялся, и после его кончины отец Захария окончательно перебрался с семьей в Васильевский приход. К маю 1870 года относится и первая запись, сообщающая о новом батюшке: крестил «местный священник Захария Белоликов».

Служение отца Захарии на старинном приходе-погосте, известном еще в XVIII веке, продолжалось более тридцати лет. Пятнадцать из них васильевский настоятель был благочинным храмов Череповского (старинное произношение. – О. Х.) округа и вышел за штат в 1902 году. Приход на короткое время принял его сын Иоанн [1]¹², а затем зять – священник Павел Диаконов, женившийся на Анне Захариевне. Когда 28-летняя Анна умерла, отец Павел покинул Васильевское и отчее гнездо перешло к одному из младших сыновей отца Захарии – священнику Алексию Захариевичу [2]. На этом приходе отец Алексей служил

до мученической кончины (он был расстрелян в октябре 1937 года по печально известной 58-й статье).

По метрическим книгам Васильевской церкви, хранящимся в Вологодском областном архиве, можно составить летопись большой семьи. Они рассказывают о рождении детей, называют имена восприемников. Как правило, это близкие родственники родителей: их многочисленные братья и сестры, племянники. Приходит свой черед и для полных драматизма записей о смертях. За рождением младенца Александры Дяконовой 5 февраля 1906 года последовала смерть матери, Анны Захариевны, случившаяся 14 марта того же года. Перед смертью ее приобщил Святых Таин брат – священник Павел Белоликов, а отпевал другой брат – Алексей. 22 апреля младенец Александра скончалась «от родимца», и отпевал ребенка отец. На этом полоса несчастий семьи Белоликовых не кончилась. 5 мая того же 1906 года в отчем доме в возрасте 39 лет от неизлечимой болезни умер заштатный священник, бывший законоучитель Череповской учительской семинарии Александр Захариевич Белоликов. Его отпевал второй зять отца Захарии – священник Чудской церкви отец Вячеслав Иванов.

Метрические книги 1879 года не сохранились, и мы уже никогда не сможем узнать, кто были восприемники младенца Петра – будущего епископа Семиреченского и Верненского Пимена.

Что известно о происхождении отца Захарии? Вырос он в деревне, был сиротой. В 1848–1849 годах в Череповецком уезде свирепствовала холера. Она- то, по-видимому, и унесла его родителей... Из старых, похожих на жесть приходских книг, клировых ведомостей, церковной переписки постепенно выявляются ценные сведения.

Фамилия Белоликовы принадлежит к числу церковных – тех, которые давались в духовных семинариях по усмотрению начальства пономарским детям, недавним выходцам из крестьян, фамилий не имевшим. Существовал даже общепринятый подход к такому выбору: наиболее способных учеников наделяли фамилиями, образованными от церковных праздников, а тот, кто отличался кротким нравом, тихим

поведением, внешним благообразием, получал фамилию, соответствующую приметам характера или внешности. И какой-нибудь «Федор, Иванов сын» становился Рождественским, или Преображенским, или Смирновым, или Добронравовым.

Отец Захария не был первым, принявшим благозвучную фамилию. Сопоставление документов позволяет сделать вывод, что он сам уже был священническим или дьяконским сыном.

В клировых ведомостях¹³ есть сведения за 1848 год об умершем от холеры священнике Никольской церкви Николаевского прихода Череповецкого уезда Глебе Стефановиче Белоликове, пономарском сыне. Епархиальное управление берет его троих детей и имущество под строгую опеку, назначает опекуна. По возрасту дети подходят мальчику-сироте по имени Захария, но такого имени среди детей покойного Глеба Белоликова нет.

И все-таки именно здесь начало скромной родословной епископа Пимена. Находятся клировые ведомости, в которых значится, что отец покойного Глеба Белоликова, Стефан, был пономарем Христорождественской церкви села Пусторадицкого того же уезда, то есть он был выходцем из крестьян. Выходит, что его дети Глеб и Иван (отец Захарии Ивановича), выучившись в Новгородской Духовной Семинарии, вышли из ее стен Белоликовыми.

Итак, священниками были дед и отец епископа Пимена.

Дед Иоанн Белоликов умер во время эпидемии холеры, как и его брат Глеб. Он оставил после себя малолетних сирот, которые очевидно, разделили судьбу своих двоюродных братьев, то есть были взяты под опеку Епархиальным управлением. Кроме Захарии, были еще сын Алексей, впоследствии настоятель Андреевского храма в бывшем аракчеевском имении Грузино в Новгородской губернии, и дочери Авдотья, Серафима и Анна, которые в будущем стали одна крестьянской, другая купеческой, а третья священнической женами. Потомки Анны Ивановны – Мирославские – ныне живут в Череповце, и в их семейном альбоме столетней давности есть ее фотографии. Она окружена большим дружным семейством.

Село Васильевское (Романово), расположенное в 34 верстах севернее уездного города Череповца, стало колыбелью внука отца Иоанна – епископа Пимена, в XX веке прославившего Русскую Церковь и безупречной жизнью во Христе, и мученической кончиной, и предстоит теперь всмотреться в это место.

Старый дом, тот самый, который занял отец Захария, переехав в Васильевское, был одноэтажным длинным строением, тремя окнами с торца выходившим к церковным воротам. Терраса на всю длину дома вдоль глухой (без окон) южной стены напоминала кавказские постройки. Дом состоял из просторной кухни с русской печью, залы и спальни. Из сеней дверь вела в другую половину дома, там была еще одна большая комната, но зимой в ней не жили. В зале стояла на редкость красивая изразцовая печь.

Полное описание всей усадьбы привожу из письма 86-летней племянницы владыки – Анны Алексеевны, детство которой протекало в Васильевском:

«Уважаемая Ольга Ивановна! С глубоким волнением и радостью получила Ваше письмо. От всего сердца я и дочка благодарим Вас за такое искреннее поздравление и добрые пожелания. Прилагаю чертеж нашей усадьбы и даю некоторые пояснения к нему. В дальнем углу за домом было крытое гумно и невдалеке от него сенник. Между сенником и огородом была площадка, где сушили привезенное сено, а затем убирали в сенник. От дома шли грядки с овощами, а за ними картофельное поле. Дальше шли поля, где сеяли лен, овес, ячмень, клевер и немного ржи. С другой стороны, напротив гумна, был сад, там, кроме старых яблонь, из которых плодоносила одна «кувшинка», ничего не было. Среди этого сада был поставлен новый небольшой домик, но в нем мы не жили (он сохранился и теперь). За гумном росла дикая малина, и мы, дети, лакомились ею. Для нас делали лакомство: брюкву варили, затем разрезали на кусочки и запекали в русской печи, было очень вкусно. За домом были скотный двор и сарай, а во дворе построены баня и амбар».

Такой осталась в памяти прекрасная усадьба сельского священника отца Захарии. Летом в поле на уборке сначала сена, затем ржи, льна работали все трудоспособные члены семьи. Внук отца Захарии, доктор геологических наук Антонин Николаевич Белоликов, вспоминает, как летом 1915 года их семья приезжала в дом отца и как все взрослые, собравшиеся там на время летних отпусков, принимали участие в полевых работах.

В Васильевском приходе в церковной ограде стояли две церкви: старая и новая. Старая Богородице-Рождественская церковь, построенная на средства прихожан в 1820 году, имела два престола: в честь Рождества Богородицы и в память великомученика Георгия Победоносца. Вторая церковь была выстроена также тщанием прихожан в 1862 году и освящена во имя святителя Василия Великого. Она считалась основным приходским храмом, была более чем в два раза больше старой (13х22 м против 6х20 м). В большом храме, кроме основного, имелось еще два престола: в честь Тихвинской иконы Божией Матери и во имя преподобного Кирилла Белозерского. Но колокольня, возвещавшая благовест округе, была, все же, при малом храме. Интересно, что из семи васильевских колоколов, общим весом в 118 пудов, больший весил 80 пудов. Гулким, глубоким звоном созывал он мирян на чинные, строго уставные богослужения, которые совершал отец Захария.

Оба храма окружала железная ограда, стоявшая на метровом каменном основании. Большие церковные ворота и калитка находились напротив дома священника.

Из описи 1938 года видно, что большой храм благоукрашало более 80 деревянных икон, поднимался резной деревянный иконостас, в ризнице хранилось большое количество облачений, в библиотеке – 200 томов книг церковного содержания. Все это десятилетиями приобреталось Белоликовыми и их предшественниками¹⁴.

От усадьбы и церквей на север простиралось большое сельское кладбище. На востоке за алтарной абсидой постепенный спуск уводил в широкие поля. За небольшой речкой, почти ручьем, под названием Светик, поля переходили

в густые сказочные леса. Если с берега Светика смотреть в сторону села и погоста, то открывался не менее проникновенный, исконно русский вид на пятиглавие большого храма и многоярусную белую колоколенку небольшой церквушки с неизменным для архитектуры начала XIX века большим куполом и маленькой луковкой на тонком барабане. В ясную погоду они плыли в сине-белоснежном небе, унося за собой темный шлейф старого погоста.

Свои детские васильевские впечатления епископ Пимен вспоминал не один раз, рассуждая о началах детской религиозности и прочной нравственности.

«Представим себе дитя в храме. Продолжительные богослужения, многочисленные поясные и земные поклоны, осенение крестным знаменем, безмолвие и сосредоточенность богомольцев, благоговение священника – все это глубоко влияет на детскую душу, создавая в ней приснопамятные и дорогие впечатления, могущие дать направление всей последующей его жизни. Это упражнения воли в труде, бдении, терпении, постоянстве.

Недостаточно знать и любить добро – необходимо еще иметь силу и достигнуть его. Упражнение воли будущего пастыря должно начаться в семье и состоять в неуклонном следовании всем обычаям Церкви Православной, особенно в постоянном посещении богослужения и соблюдении постов. Православное богослужение поставляет человека вне житейской суеты, наполняет его душу святыми и благодатными впечатлениями, научает чаще заглядывать внутрь себя, на дно души.

Богослужение – лучшая школа для воспитания сильной на все доброе и стойкой в добре воли, оно научает и тому, как приобрести действительную силу поступать по предлагаемым образцам нравственного совершенства, безропотно и терпеливо переносить неизбежные в сем мире страдания за веру и правду...

Вставание ранним утром, простаивание целых часов за богослужением – первые начальные уроки воли дитяти, которые он получает в храме.

Человеку хочется спать, но вот до слуха его доносится гулкий и ясный звон колокола, призывающий в храм. Пусть он поборет лень и чувство угодения плоти. Он будет тем самым упражнять волю свою в опытах самоотречения, хотя бы и в простейшей форме, но направленных на достижение высшей нравственной цели»¹⁵.

И не свою ли семью имел в виду владыка Пимен, когда писал: «В духовных семьях есть обычай задавать детям вопросы о дневном евангельском чтении, о замечательных стихирах, об обрядах, постах, кладущих печать торжественности и таинственности на лицо православного человека... Благо тому дитяти, которое, вынеся из церкви возвышенные впечатления, встретит в кругу своей семьи горячее сочувствие и поддержку своими расспросами и разговорами о виденном и слышанном в храме Божиим. Это чаще всего встречается в домах духовенства...»¹⁶.

В «Новгородских епархиальных ведомостях» нашелся некролог на отца Захарию, скончавшегося 28 октября 1904 года. Очевидно, он написан одним из сыновей отца Захарии¹⁷. Некролог насыщен драгоценными сведениями о семье Белоликовых, об атмосфере, царившей в ней.

«Свыше 30 лет о. Захария прожил в приходе Васильевской церкви и снискал общую любовь своею простотою, отзывчивостью на всякое горе, внимательностью к духовным нуждам своего стада. Насколько велика была его популярность как руководителя прихода, видно из того, что все, и старые и малые, текли со своими нуждами в дом о. Захарии в полной уверенности, что он даст разумный совет и наставление. Никому не было отказа, и всякий уходил очарованный доступностью и любовью батюшки... Благоговейное, неторопливое совершение богослужения, истовое, без пропусков, располагало прихожан к неопустительному посещению богослужения. Храм в Романове всегда полон молящихся.

Почивший имел большую семью. Ясно, что приходилось ему тяжело, когда дети подросли и потребовались расходы на их образование. Он деятельно следил за образованием детей,

внимательно расспрашивал о ходе преподавания наук в училище и семинарии, при этом прямо поражал нас, семинаристов, твердым знанием наук семинарского курса. Древние языки, например, он знал куда лучше нашего!.. Готовя своих детей к пастырскому служению, он старался возможно раньше приучить детей к участию в богослужении, побуждал детей к неленостному посещению богослужения заставлял читать и петь на клиросе, говорить проповеди. Знанием церковного устава, молитвословий и песнопений Октоиха мы все обязаны его заботливости.

Выросший в сиротстве в деревне, он не чуждался труда, даже черного. Приятно было видеть отца Захарию, окруженного многочисленной семьей на работе во время уборки сена и хлеба. И радовалось его родительское сердце, что пример его трудолюбия внедрял в детях уважение к труду. Сил своих он не жалел, лишь бы воспитать своих детей в духе церковности, вдохнуть им религиозное чувство, внушить уважение к духовному званию и любовь к труду...»¹⁸.

Принято считать, что в России перед революцией духовная среда была рассадником безверия и революционных идей, что дети духовенства особенно решительно отменяли образ жизни отцов вместе с их верой. Перед нами же встает пример прочной преемственности и в вере, и в пастырстве, и в человеческих свойствах. Отцу, понуждавшему сыновей к амвонному слову, принадлежит немалая заслуга в том, что епископ Пимен обладал выдающимся даром оратора и проповедника. Служебные характеристики владыки Пимена неизменно отмечают его трудолюбие, инициативность и даровитость – и это тоже добрый посев отца Захарии.

Мать епископа Пимена Мария Ивановна (в девичестве Орнатская) была дочерью священника Богоявленской церкви села Новая Ерга, отстоявшей от Васильевского на несколько верст. Молодой отец Захария начинал здесь свое пастырское служение.

Фамилия Орнатские церковного происхождения (от латинского – риза, покров). Она известна в Русской Церкви с начала XIX века. Ее носил настоятель Антониева монастыря

архимандрит Амвросий – ректор Новгородской Духовной Семинарии, впоследствии архиепископ Пензенский¹⁹, перу которого в соавторстве с митрополитом Евгением (Болховитиновым) принадлежала известная многотомная «История российской иерархии».

Немаловажным обстоятельством биографии епископа Пимена является тот факт, что его двоюродными братьями по матери были петербургские клирики – протоиерей Философ Николаевич и священник Иоанн Николаевич Орнатские. Отец Философ – известный петербургский проповедник и церковный деятель предреволюционных десятилетий, настоятель Казанского собора, впоследствии стал одним из первых петроградских новомучеников [3].

Отец Иоанн Орнатский был женат на племяннице великого пастыря святого праведного Иоанна Кронштадтского, о котором он оставил замечательные воспоминания. Известно, что батюшка Иоанн Кронштадтский особенно любил бывать у Философа Николаевича. После обеда они уходили в кабинет. «Ну, Философ, идем, рассказывай мне...» – начинал отец Иоанн. Отцу Философу было о чем рассказать. Он был членом или председателем многих благотворительных религиозных обществ, принимал деятельное участие в устройстве ночлежных домов, школ, приютов; был гласным в Городской думе от Церкви. В сан протоиерея отец Философ был возведен в 1898 году, как указано в его послужном списке, «во внимание к отлично усердной и полезной деятельности по званию председателя Общества религиозно-нравственного просвещения и особым трудам по построению трех храмов сего Общества».

В смутное время первой революции 1905 года святой праведный Иоанн Кронштадтский был почти насильно увезен своими почитателями из мятежного Кронштадта. Беседу однажды с отцом Философом у него дома, он сказал: «Вот и пойми их, Философ, меня увезли из Кронштадта, боясь за мою жизнь, и теперь в газетах поносят, а ты оставался и увещевал их, и тебя также поносят»²⁰.

В 1913 году отец Философ Орнатский стал настоятелем Казанского собора в Петербурге (второго по величине после Исаакиевского). Священномученик митрополит Петербургский Владимир (Богоявленский), желая обновить руководящие церковные должности молодыми свежими силами, вопреки сложившейся традиции преемственности настоятельских мест в соборах по старшинству, остановил свой выбор на протоиерее Философе Орнатском. Верующими это назначение было принято восторженно. Народ знал и любил отца Философа, его проповеднический талант привлекал многих, искавших живого яркого слова.

В 1918 году с началом разрушительных действий победившей власти Советов отец Философ развернул обличительную проповедническую деятельность, активизировал церковную жизнь Петрограда, устраивал крестные ходы, служил панихиды по очередным жертвам террора. Так, он произнес суровую обличающую проповедь на панихиде по убиенному протоиерею Петру Скипетрову, убийство которого произошло на улице на глазах у отца Философа. (Они были родственники, женаты на сестрах Заозерских.) Он был в числе тех, кто организовал весной 1918 года приезд Святейшего Патриарха Тихона в Петроград. Отец Философ лично приезжал за Святейшим в Москву и сопровождал его до Петрограда.

Будущий глава обновленцев А. Введенский говорил большевикам: «Уберите отца Философа – и митрополит Вениамин будет ваш», а редактор «Нового времени» Суворин писал батюшке: «На Вас, отец Философ, одна надежда, все вокруг молчат». И отец Философ не молчал, хотя знал, что долго такая смелая проповедь не продлится и что дни его сочтены. Его расстреляли вместе с сыновьями – офицерами Николаем и Борисом – на Ильин день 2 августа 1918 года²¹.

Протоиерей Философ Орнатский принял истинно исповедническую смерть. В книге «Новые мученики Российские» приводится рассказ рабочего Обуховского завода, шофера Павлова, возившего приговоренных на расстрел.

«Больше всех запомнилось, как с батюшкой Орнатским ехали... Батюшка Орнатский умирал как святой человек. В ту

ночь с разных тюрем 32 человека взяли на грузовик. Говорили, что все монархисты-офицеры. Были молодые, были и седые. Один говорил, что он полковник гвардии, и крепко ругал большевиков: «Погибнете вы, хоть через 20 лет, а все погибнете, как псы. Будет опять Россия как Россия, а вы пропадете».

Конвойные молчат, слушают. А батюшка Орнатский успокаивает полковника и говорит: «Ничего, ко Господу идем. Вот примите мое пастырское благословение и послушайте святые молитвы».

И стал читать, что полагается, – отходную над умирающим. Читает четко, твердым голосом. Читает и благословляет.

Была темная дождливая ночь... Все арестованные притихли и крестятся. Конвойные отвернулись. Меня жуть берет, и хмель выскакивает. Приказано было вывезти за Лигово, на берег залива. Долго мы ехали, а батюшка Орнатский все молитвы читал.

На месте, на самом берегу, выгрузили и поставили всех рядом. Здесь уже ждали чекисты. Подходили с наганами и стреляли в затылок. Батюшку рукояткой револьвера с ног сбили, а потом пристрелили в голову. Все убитые были брошены в море. Потом передавали, что труп отца Орнатского не утонул и его тело было выброшено волнами у Ораниенбаума. Там его тайком, говорят, и похоронили жители»²².

Есть дополняющие этот рассказ сведения.

Отца Философа Орнатского, как уже было сказано, расстреливали вместе с его двумя сыновьями. Когда батюшку спросили: «Кого сначала убивать, вас или сыновей?» – он ответил: «Сыновей».

Пока их расстреливали, отец Философ, встав на колени, читал отходную. Для расстрела отца Философа построили взвод красноармейцев. Те отказались стрелять. Позвали китайцев, но и они отказались. Тогда подошел молодой комиссар и выстрелил из револьвера в упор.

В 80-х годах XX века еще были живы бывшие прихожане Казанского собора, которые говорили: «Отец Философ – святой

человек, и мы все молимся за него». Ныне в Петербурге делает свои первые шаги созданное в память об отце Философе Свято-Философское общество. Сведения о жизни одного из петроградских первомучеников и выдающегося церковного деятеля предреволюционных десятилетий собирает Музей Гознака – бывшей Экспедиции заготовления государственных бумаг, в домово́й церкви которой отец Философ служил более двадцати лет. Прославление протоиерея Философа Орнатского в лике святых – дело будущего.

Вступив в родство с великим кронштадтским пастырем, Орнатские породнили с ним и епископа Пимена. По приезде в Верный осенью 1917 года сообщил в печати о предстоящих 28 октября и 20 декабря, в дни памяти отца Иоанна, молебнах в крестовой церкви Архиерейского дома, И мы можем предположить, с какой душевной теплотой, как сокровенно служились молебны человеком, принадлежавшим к близкому окружению великого российского светильника и прозорливца.

Стоит рассказать еще об одном Орнатском, брате Марии Ивановны, – Василии Ивановиче. Дом его на Английской набережной в Петербурге служил гостеприимным пристанищем для многочисленных племянников Белоликовых и Орнатских, а потом и их детей, съезжавшихся учиться в город на Неве. Василий Иванович Орнатский окончил Медико-хирургическую академию и, видимо, имел немалую известность как врач. Он заслужил высочайшее доверие быть врачом-акушером при императорском дворе. Студентом в 60-х годах прошлого века Василий Иванович имел неожиданную встречу и беседу с царем Александром Освободителем. Это случилось в Летнем саду во время подготовки к экзамену. Государь проявил искренний интерес к студенту, сердечно пожелал успеха на экзамене. И уже в 20-х годах, когда славный город русских царей стал «городом Ленина», старенький врач средней школы завещал своей жене похоронить его в том самом мундире, в котором получил жизненное напутствие от российского императора.

Такими вот талантливыми людьми, тружениками, патриотами, бесребрениками были близкие сородичи епископа Пимена. Они не имели родословной от Рюрика, привилегий,

имений, титулов (так как были недавними выходцами из земледельческого сословия)', но на трудолюбии, дарованиях и на нравственных устоях таких, как они, держались духовные и культурные завоевания старой России.

Внучатая племянница владыки Пимена, Вера Петровна Белоликова, свидетельствует о том, что и знакомые Белоликовых, и те, кто вступал с ними в родство, неизменно отмечали особую «белоликовскую» доброту. Однажды, уже в 80-х годах, она спросила одного из внуков отца Захарии – Антонина Николаевича Белоликова:

– Дядя Тоша, зачем мы живем на свете?

– Как зачем? Конечно, для того чтобы делать добро...

Вернемся к Марии Ивановне. Она родила десятерых детей: восемь сыновей, одного из которых потеряла годовалым, и двух дочерей. Односельчане с уважением говорили о ней как о редкостно работающем человеке. Когда начинались работы на гумне, она трудилась с утра до вечера, и ни один колосок у нее не пропадал.

Известный уже в советское время череповецкий врач Александр Алексеевич Нелазский вырос в соседнем с Васильевским селе Абаканове, тоже в семье священника. Их семья породнилась с Белоликовыми, когда Веру Нелазскую в 1904 году выдали замуж за Алексея Захариевича. Нелазский оставил тетрадь воспоминаний о доме, в котором он вырос, замечательное живописание быта большой сельской священнической семьи. Можно смело провести параллель между двумя семьями. Место, где Александр Алексеевич вспоминает о своей матери, как будто адресовано Марии Ивановне.

«Она вела все большое хозяйство, она не знала отдыха от забот о муже, детях. Десять беременностей, десять родов, кормление грудью десяти младенцев, всех надо было выпестовать, выстрадать их детские болезни без медицинской помощи... Мою мать я представляю в постоянном действии с раннего утра и до позднего вечера. Когда утром я пробуждаюсь, мама уже встала и помогает отцу в его ежедневном омовении. Я встаю, одеваюсь, иду в кухню умываться, там топится русская

печка, около нее хлопочет домработница, мама готовит тесто, а потом пироги. После завтрака в зимнюю пору она подготавливает для прядения нитки для ткани или основу, или за крёсном (ткацкий станок) сидит и ткёт льняное полотно или скатерти с каким-нибудь затейливым рисунком, иногда цветные, а другой раз половики (дорожки) в разноцветную полоску из толстой пряжи, а то в качестве утка идет нарезанная разноцветная ветошь из изношенных ситцевых рубашек, платьев и других обносков. Всевозможной ткани изготавлялось столько, что все нижнее нательное белье, все постельное белье было из своего домашнего полотна...

Вечером при свете пятилинейной лампы мама и домработница усаживаются за пряжу льна. В летнюю горячую пору у мамы другая работа – сад, огород с парником с капустной и брюквенной рассадой для себя и для продажи, пасека, полевые работы. Осенью – уборка хлебов и овощей, заготовка на зиму грибов, капусты, уборка с поля и переработка льна. Надо было всю семью одеть, обуть, обмыть, обшить...»²³.

Епископ Пимен как-то высказал мысль, которая звучит поразительно: «Дети духовенства, пока они живут в семье, – святые дети»²⁴. А в одном из выступлений перед учащимися Духовной Семинарии он произнес слова, прямо служащие оценкой своему детству и условиям полученного воспитания:

«Как дети духовенства, как питомцы духовной школы, вы пользуетесь первые из всех христиан неоцененными благами: вам близки средства и освящения, и спасения, вы почитаете, так сказать, у самых истоков богословия и благочестия, которых всегда будет желать от вас наш христоролюбивый народ. Вы почиваете первые на груди Богочеловека. Но за это вам надо быть готовыми предстоять у Креста Его, разделяя Его скорби и унижения»²⁵.

Это не размытое буднями, такое пронзительно четкое осознание избранной близости к Богочеловеку по рождению и дало свои плоды, когда пришло время епископу Пимену самому не только встать у Креста Спасителя, но и разделить вместе с Ним Его Голгофу.

Ближайший от села Васильевского (Романова) город – Череповец. Сейчас он знаменит своим гигантским металлургическим комбинатом. Старый город (до революции его называли Череповец – с ударением на втором слоге) задавлен крупноблочными и панельными новостройками, но сохранилось здание Учительской семинарии, в ней преподавал старший брат епископа Пимена – отец Александр Белоликов.

Возле Воскресенского собора, что на Соборной горке, на берегу реки Шексна, когда-то начинался город как монастырская слобода. Череповец принадлежит теперь не Новгородской, а Вологодской области. От Череповца до Вологды – два часа пути по железной дороге, до Новгорода – семь часов. Есть одна замечательная примета, выделяющая Череповец: на оживленном перроне вокзала стоит действующая Никольская часовня. Из привокзальной сутолоки, сделав только один шаг, оказываешься в молитвенной тишине среди старинных икон перед тихим свечным пламенем. В часовне освящен престол и два раза в неделю совершается Божественная литургия.

Рядом на автовокзале объявляют время автобусных рейсов на Васильевское. Вот и родное село епископа Пимена. Небольшое, с добротными усадьбами. Старый стиль русской жизни возобновляется своей экономической стороной, но прихода в Васильевском пока нет. Малая Богородице-Рождественская церковь, в которой крестили епископа Пимена, снесена летом 1937 года еще при отце Алексии Белоликове. По акту 1935 года, это было «здание кирпичное, построенное 115 лет тому назад на сплошном булыжном фундаменте... толщина кирпичных стен до 75 см, выложенных на известковом растворе, оштукатуренных с обеих сторон». Казалось бы, стоять ему и стоять... Тем не менее, в этом же акте указывается на необходимость «срочного ремонта стен полосовым железом в 15 местах, перекладки двух голландских печей, перестила полов в колокольне, смены балок из-под колоколов, внутренних поправок пола, ремонта рам». Церковная «двадцатка» во главе с церковным старостой Бибиковым сумму в 24 тысячи рублей для такого ремонта найти не смогла, на что и рассчитывал Петриневский райисполком. На заседании областной комиссии

по вопросам культов от 29 декабря 1936 года постановили: «Учитывая, что 20-кой не выполняется капитальный ремонт церкви, что ведет к разрушению здания и угрожает общественной безопасности, и имея в виду добровольный отказ 20-ки от пользования церковью, Васильевскую церковь закрыть, а здание снести».

Оставалась рядом стоявшая церковь во имя Василия Великого. Ее закрыли после ареста и расстрела отца Алексия постановлением президиума Петриневского райисполкома от 25 февраля 1938 года: «Принимая во внимание, что для богослужебных обрядов верующих на расстоянии 7–9 км имеется молитвенное здание такого же течения, поэтому Васильевскую церковь закрыть, кирпичное здание церкви без ремонта использовать под клуб...»²⁶.

Гигантский атеистический молох затребовал и эти жертвы среди тысяч других. Несколько лет назад здание при пожаре лишилось крыши, но до сих пор его кирпичные стены завораживают особой церковной красотой, ритмом оконных проемов притягивают к себе выразительностью своего объема. Внутри видны контрфорсы и несущие колонны. Неужели когда-то храм был полон людей и гудел мощный колокол? Вокруг сохранились старые деревья, летом среди заброшенных стен вырастает крапива в человеческий рост. Где-то там могилы отца Захарии и Марии Ивановны...

Дочь расстрелянного батюшки Алексия Захариевича Клавдия Алексеевна живет в трех километрах в селе Новая Ерга – родовом гнезде Орнатских. Ей известно, что отец Захария и Мария Ивановна были погребены у алтарной абсиды Богородице-Рождественской церкви, той самой, которую снесли в 1937 году.

У Владыки Пимена не было другого дома, кроме отчего. В 1918 году из города Верного в Васильевское пришла посылка с вещами, оставшимися после его кончины. Вероятно, келейник Диамид Алексеевич Пискур другого адреса не знал, да его и не было. С деревенской бережливостью бывший унтер-офицер собрал в нее то, что обычно берут с собой в дорогу, других вещей попросту не было.

Стены Васильевского храма стоят безмолвные и призрачные как печальный памятник утраченной вере народа, его еще недавней обращенности к Богу. И все-таки стены стоят, а вот в Новой Ерге от Богоявленской церкви остался лишь пригорок в центре села.

Из построек усадьбы Белоликовых сохранился «новый» домик, поставленный в начале века в саду, амбар да церковная сторожка. Неожиданно выясняется, что у внуков и правнуков есть и вещи из дома отца Захарии: зеркало в две трети человеческого роста в черной деревянной раме, деревянные часы с маятником и несколько небольших икон – семейных, белоликовских! Запомнилась одна из них Иверская икона: в серебряном окладе бесконечно кроткий, неземной лик Божией Матери.

С уважением поклоняясь памяти предков, внуки и правнуки, чтобы не забыть могилу, заготовили простой памятник. Неожиданно попросили меня составить текст на железную табличку. После сотворения крестного знамения в благоговейном сердце родился текст:

«Здесь покоятся настоятель Васильевского прихода протоиерей Захария Иванович Белоликов... и его жена Мария Ивановна, урожденная Орнатская, родители новомучеников Русской Православной Церкви: епископа Семиреченского и Верненского Пимена, протоиереев Иоанна и Алексия, профессора Киевской Духовной Академии Василия [4] Белоликовых. Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим».

Годы учения в духовных школах

Кирилловское Духовное училище

«Книжное обучение мое шло в местностях, которыми справедливо гордится русский православный народ. Низшее образование я получил под покровом обители святого Кирилла Белоезерского, чудотворца; среднее – в обители преподобного Антония Римлянина в Великом Новгороде, в Семинарии, воспитавшей великого светильника Русской Православной Церкви святителя Тихона Воронежского; наконец, высшее богословское образование мною получено в славной своею древностью Киевской Академии, воспитавшей таких великих святителей, как Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Феодосий Черниговский, Иоанн Тобольский. Я чувствовал себя счастливым, опытно постигая, чем воистину должна славиться наша Святая Русь»²⁷.

Система духовного образования в России до революции включала несколько ступеней. В девять лет отрок из духовного сословия отдавался в Духовное училище, курс которого был рассчитан на пять лет. Закончившие его успешно к четырнадцати годам молодые люди поступали в Духовную семинарию, где обучение длилось четыре либо шесть лет. Четырехлетняя программа была общеобразовательной, и уже два последних года давали пастырскую подготовку.

В училище и в семинарии знания оценивались по разрядам. Выпускник семинарии, получивший первый разряд, имел право без экзамена поступить в высшее учебное заведение – Духовную академию. В ней – еще четыре года учения.

Несколько поколений Белоликовых и Орнатских получали начальное образование в Кирилловском Духовном училище, отстоявшем от Васильевского к северу на 84 версты по почтовому тракту. Когда-то город Кириллов возник как слобода при знаменитом Кирилло-Белозерском монастыре, обители преподобного Кирилла Белоезерского. Он располагался в окрестностях трех сказочно прекрасных синих озер – Сиверского, Долгого и Лунского – и отовсюду имел вид на величественный монастырь, белые стены которого как бы

вырастали из воды. В те времена Кириллов был беднейшим захолустным городишком, оживлявшимся только во время ярмарок – «Введенской» в ноябре и «Кирилловского съезда» в августе. Но что до того маленьким мальчикам, оторванным от привычной обстановки отчего дома? Зато мощная обитель Белозерская с ее святынями ежедневно перед глазами. Сияющая белыми стенами и величественным шедевром архитектуры, Рождественской церковью, она давала возможность выстоять в первых глубоких жизненных переживаниях. Митрополит Евлогий (Георгиевский) пишет в своих воспоминаниях:

«Курс Духовного училища был пятилетний (4 класса и подготовительный). Дети поступали – крошки, девятилетие мальчики. Их привозили из теплого семейного гнезда в казарму. Какую бурю они, бедные, переживали! Их распределяли по койкам (в одном дортуаре²⁸ человек по 40). Иной малыш и с хозяйством-то своим – бельем, тетрадками, книжками – не умеет управиться и спать не умеет, не имея под боком стенки...

Приезжали они, нежные, сентиментальные, доверчивые, и переживали, каждый по-своему, настоящую драму. Суровая школа была. Скромной детской радостью были только прогулки и гимнастика... Но самое светлое воспоминание тех школьных лет – наша ежегодная весенняя радость, ожидавшая нас по окончании учебного года. Возвращение домой, в родные семьи, на летние каникулы... Что могло с этой радостью сравниться! Чувство природы, воли, радости существования наполняло наши души какой-то особой чудной поэзией. «Тюрьма» с ее сердитыми (хотя и добрыми по природе) учителями забывалась, летний отдых казался бесконечным...»²⁹.

В практике начальной духовной школы были длительные пешие прогулки наставников с воспитанниками к памятным либо особо живописным местам окрестностей. Маршруты кирилловских питомцев пролегли к реке Шексне – к женскому Горицкому монастырю, удивительно красиво расположенному у горы Мауры. Отсюда открывался незабываемый вид на все стороны света и в особенности на Кириллов. Минуя пороги и шлюзы, поднимались на пароходике вверх по течению Шексны к

ее истоку, где, по преданию, первоначально стоят Белоезерск, основанный варягом Синеусом.

Священник Алексей Нелазский, вспоминая с Кирилловском училище, говорит о суровой постановке воспитания в нем. «Неуспевающих пороли за плохие успехи, шалунов – за плохое поведение, хороших – за плохие успехи неуспевающих: к хорошему ученику прикрепляли неуспевающего. Такой наставник плохого ученика назывался аудитором и нес полную ответственность за успехи своего подопечного...»³⁰.

Так ли уж плохи попечительство учеников Кирилловского училища друг за друга и угроза сурового наказания? Обер-прокурор Синода тех лет К. Н. Победоносцев вполне сознательно и по-христиански выдержанно подходит к обоим моментам.

«Какие бы ни были училища и семинарии для образования людей к деятельности ... для всех одно правило – приучать молодые души, чтобы умели приказывать и умели повиноваться. Мудрость приказания, мудрость послушания, способность к тому и другому – вот истинная мера культуры и доблести человеческой... Когда угрожающее зло явственно предстает воображению и угрожающее страдание вполне ощутительно в духе, тогда налагается действительная узда на стремление к немедленному удовлетворению настоящего желания»³¹.

Мы не знаем, какие педагоги руководили в течение пяти лет духовным и нравственным развитием Петра Белоликова. Известно, что в Духовных училищах преподавали, как правило, выпускники Духовных академий³². Знаем, что 9–14-летних мальчиков воспитатели обязательно водили на богослужения, и не будем забывать, что местом детских молитв был Кирилло-Белозерский монастырь, с храмовых икон которого сиял надмирным ликом преподобный Кирилл Белозерский.

Митрополит Евлогий отмечает большую свободу, которая предоставлялась ученикам Духовных училищ. Сама по себе свобода, конечно же, направления не задает, но в сыне отца Захарии и Марии Ивановны она лишь укрепляла уже полученные нравственные и духовные задатки.

Новгородская Духовная Семинария

Дальнейший путь «духовника» (так называли учеников Духовных училищ) Петра Белоликова был освящен семейной традицией – поступлением в Новгородскую Духовную Семинарию. Он начал обучение в Семинарии в 1804 году.

В 476 верстах западнее Череповца величественно вознесла свои золотые надглавия София Новгородская. Древний Софийский собор как-то буднично, тихо стоит в Новгородском кремле среди дворянских зданий XVIII и XIX веков, перемешанных с боярской стариной, среди старых лип и тополей внутреннего парка, вблизи ослепительно синей реки Волхов. На стене бывших покоев новгородских архиереев появилась примета нового времени – мемориальная доска, сообщающая о том, что «здесь жил выдающийся церковный и общественный деятель митрополит Арсений (Стадницкий)». Вспомнилась его скромная могила у Скорбященской часовни на Боткинском кладбище в Ташкенте, в которой он служил в последние годы своей жизни, находясь в туркестанской ссылке.

В центре кремля в обрамлении густой зелени возвышается известный памятник «Тысячелетие России», открытый в праздник Рождества Богородицы – 8 сентября 1862 года. Издали он напоминает Царь-колокол. На круглом постаменте установлена «держава» – величественный символ царской власти – в виде, шара с крестом. На ее сфере у подножия креста возвышается Ангел, назидаящий коленопреклоненного монаха, а ниже по кругу тянется рельеф с изображением людей, составляющих славу России. Культура и история у подножия креста...

В соборе неподалеку от Царских врат с недавнего времени снова установлена святыня Русского Православия – новгородская икона Божией Матери «Знамение». Икона помещена в стеклянный футляр, в котором поддерживаются влажность и тепловой режим, наиболее благоприятные для ее сохранности. В 1170 году она обратила в бегство от стен

Новгорода неприятеля, которому не могла противостоять никакая земная сила.

После Божественной литургии в Софийском соборе узнаю от старушки, что Семинария находилась в самом городе, в Антониевом монастыре. А слышала она это от покойного мужа, который был намного старше ее... Адрес подтвердил настоятель Великой Софии отец Анатолий Малинин. Пospешив на другой берег Волхова, проехав вдоль него несколько остановок, оказываюсь около того места, где находился старейший в России Антониев монастырь. «Место изрядное, удобное и веселое как ситуацией, так и близостью Новгороду двомя токмо верстами отстоящее, над рекою Волховом лежащее, весьма к устроению Академии по обстоятельствам и угодиям приличное», – писал архиепископ Амвросий (Юшкевич. † 1745), стараниями которого Семинария была открыта 30 октября 1740 года.

До революции Новгородская Духовная Семинария была одним из самых значительных средних церковных учебных заведений России. В 1890 году к 150-летию ее основания вблизи монастырской рощи был выстроен в стиле того времени новый трехэтажный корпус, фасадом выходивший на Волхов. Ныне это Педагогический университет, в котором прошлое его стен прочно забыто. В роще поставлены бетонные коробки новых корпусов. Только кирпичная ограда вдоль берега и задумчивый широкий вид за ней – все те же.

В нескольких шагах от главного корпуса стоит древнейший русский храм в честь Рождества Богородицы. Его стены помнят и молитвы преподобного Антония Римлянина, и семинарские службы, и пение хора новгородских семинаристов. Шесть лет это место было уделом юношеских молитв будущего епископа Пимена. Нигде нельзя так сопереживать христианской судьбе, как у алтаря. Богатство религиозного чувства с его оттенками и переходами чуткая душа вбирает даже из внешней храмовой обстановки, всегда неповторимого единства иконостаса, фресок, небольших образов на внутривходовых перепутьях и просто сводов и оконных проемов.

Под свод собора летом 1994 года впускали желающих – пока только как в музей. Невольно вспомнились строки Лермонтова «Но не курится уж под ним кадильниц благовонный дым, не слышно пенья в поздний час молящих иноков за нас». На потолке притвора нарисованы звезды, в каждой из которых читается имя новгородского святого. На гладком полу значатся имена погребенных здесь бояр. Вот одно из них – Волкова. Эта раба Божия завещала похоронить себя под порогом храма, чтоб всякий входящий попирает ее прах ногами...

Дух покаяния, чудес и несокрушимой духовной силы витает здесь. Тяжелой глыбой в углу лежит камень, на котором преподобный Антоний приплыл по водам в эти места. Житие преподобного повествует о том, что он молился в Римской земле на скале, вдававшейся в море. Однажды небольшая часть этой скалы, омываемая морскими волнами, оторвалась, и, стоя на ней, преподобный переплыл море до русских пределов, через Неву и Ладогу достиг в 1106 году Великого Новгорода.

Желающие и теперь могут припасть к камню и довериться воле Божией, как когда-то это сделал преподобный Антоний, несомый волнами в неизвестность. Образ смиренного монаха, плывущего на камне в кромешной тьме либо в свете дня, сознательно или подсознательно сопровождал выпускников Новгородской Духовной Семинарии. Перемещаясь мысленно от приозерных суровых стен Кирилло-Белозерской обители к исполненной не меньшей притягательной силы своим мирным покоем обители Антониевой, думаешь о том, что юность владыки Пимена тесно соприкасалась с вещественной, осязаемой средой, всецело посвященной Богу Именно в 90-х годах XIX века преподаватели Семинарии являлись членами новгородского Общества любителей древности, созданного в 1894 году ученым, археологом, краеведом В. С. Передольским. Среди них – ректор архимандрит Михаил (Темнорусов; † 1912), преподаватель Н. А. Сперовский – будущий епископ Димитрий, преподаватель Ф. А. Малов. Вольно и невольно юноши-семинаристы приобщались к русской истории. На исторической почве формировались их идеалы государственного и

общественного устройства. Здесь, в Великом Новгороде, Петр Белоликов осознал кровную историческую связь Православия и Русской земли, принял в сердце их неотделимость. И новгородские уроки отечественной истории позднее дали ему силы встать на защиту этого единства.

«Поступление в Семинарию обозначало подчеркнутый момент в жизни, момент перехода из детского возраста в отроческий и юношеский. Оно обозначало глубокий перелом в самосознании. Ни у гимназистов, ни у реалистов такого перехода не было. Это очень важно отметить для понимания некоторых особенностей психологической жизни семинаристов. Появлялась большая свобода, чем это было в Духовном училище.

Наконец, период обучения заканчивался позже, чем, скажем, в гимназии или реальном училище, а именно около 20–21 года. Что связано было с профессией священника. Были еще особенности семинарского курса, выгодно отличавшие его от гимназического, – преподавание философии, которая не изучалась в гимназиях. Оно резко поднимало умственный уровень и кругозор семинаристов над гимназистами. Изучалась в стенах Семинарии и медицина: считалось, что она необходима будущим пастырям. Семинаристы хорошо зарекомендовали себя как мастера писать сочинения, они были признанными знатоками классических языков.

Все это создавало особые условия развития семинаристов и особое отношение их к своей alma mater. Наряду с регламентированным порядком учения и жизни у семинаристов существовали свои организации. Существовала, например, ученическая библиотека. Комплектование ее регулировалось сверху, организация распорядка пользования ею была в руках семинаристов. Беря книгу, я чувствовал ответственность перед своей библиотекой, во главе которой стоял один из наших же товарищей. Ни в каких других школах такой библиотеки не было. Семинаристский хор был в полном смысле свободным союзом. Сколько хороших воспоминаний связано с организацией вечеров! Здесь именно выявлялись таланты организаторов, музыкантов, певцов и декламаторов. Нельзя не

упомянуть и о декоративном мастерстве, проявляемом в дни великих праздни ков, особенно Пасхи. Многие пользовались городской библиотекой Много было времени для чтения При всем режиме давалась возможность в период формирования личности свободно развиваться тем или другим задаткам природы кого-либо.

Были ли в семинариях темные стороны? Да, были, но не они определяли «физиономию» всего учреждения; это были только нарывы, но они быстро вскрывались. Нельзя отрицать того, что именно в семинариях воспитывалось у учеников чувство товарищества, дружбы. «Братва» – так называли семинаристы свой коллектив. Именно в семинарии был выработан тезис характеризующий отношение учеников к учителям «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». ³³

Автор этих нигде не изданных воспоминаний во времена хрущевского атеизма хотел, пусть для архивной папки, реабилитировать семинарию как учебное заведение, в котором прививалась человеческая культура в лучшем смысле. Вера, умноженная на светлый дух просвещенности, непобедима. А что касается только веры, то вот слова митрополита Вениамина (Федченкова): «Я знал почти исключительные примеры неверия семинаристов. В нашем классе лишь двое представлялись «атеистами». Но на них и их неверие решительно никто не обращал внимания. И даже не уважали их. Пустыми считали»³⁴.

Воспоминания, принадлежащие пермскому семинаристу А. Игнатьеву, дополняются свидетельствами из самой Новгородской Семинарии – ее выпускника предреволюционных лет:

«Почему-то принято считать, что содержание воспитанников в Семинарии было скудным, полуголодным, что самые помещения и вообще вся обстановка, в которой они жили, была грубой и убогой. Вероятно, такие представления складывались не без влияния тех описаний жизни духовных учебных заведений, которые оставили в нашей литературе бывшие воспитанники этих заведений, начиная с Помяловского. Но эти описания носят сугубо личный характер, и в них в большинстве

случаев слышится голос человека трудной судьбы, озлобленного неудачника, во многом несправедливо охаявшего воспитавшую его школу... В нашей Новгородской Семинарии само здание и все помещения в нем – классные комнаты, спальни – были просто превосходными по обилию в них света, по высоте потолков, по простору размещения. Весь распорядок учебно-воспитательной работы, вообще всей повседневной жизни был на редкость слаженный и четкий. По сравнению с теперешним временем хозяйство велось аккуратно и добропорядочно»³⁵.

В годы учения Петра Белоликова инспектором Новгородской Семинарии был тот самый митрополит Арсений (Стадницкий), в чью память сооружена теперь мемориальная доска на стенах бывших архиерейских покоев в Новгородском кремле. По рассказу Анны Алексеевны Шпилевой, всю жизнь дорожившей памятью об епископе Пимене, владыка Арсений, находясь в ссылке в Ташкенте, вспоминал о своем бывшем подопечном и утверждал, что он был воспитанником праведного Иоанна Кронштадтского. Думается, что как инспектор отец Арсений был хорошо осведомлен о том, куда уезжал на рождественские либо пасхальные каникулы семинарист Петр Белоликов. Слава кронштадтского светоча не позволила бы ему допустить здесь какую-либо неточность.

Впоследствии, будучи ректором Духовной Семинарии, отец Пимен много общался с семинаристами. Он искренне и неподдельно любил светлый мир юности. В его плодотворной ректорской деятельности отражались собственный опыт, воспоминания о собственном строе молодых чувств и мыслей.

«Ваше вдохновенное пение на богослужении служит несомненным доказательством, что вы, дорогие юноши, кончаете курс людьми религиозными. Эта ваша религиозность избавит вас от многих тяжких сомнений в будущем, сделает вас поддержкою слабых, которые будут искать вашей помощи: вы будете победителями, а не побежденными, где бы вы ни подвизались»³⁶.

Владыка Пимен высоко ценил семинарское образование, ведущее, как отмечалось им, от глубокого формирования

мышления и речи к самостоятельному размышлению о сущем и, наконец, выводящее на высоту богословского созерцания. Вот выдержка из его рассуждений:

«С этим образованием не может сравниться никакое другое среднее образование. Теперешний строй нашей духовной школы укрепился веками, освящен продолжительным употреблением и хорошо приспособлен к естественному и духовному росту человека».

Преосвященный Пимен ратовал за сохранение сословной замкнутости Духовной Семинарии, за то, чтобы не открывать широко ее двери для дворянства, купечества и т.д. Он называл духовенство лучшим сословием России и призывал не разрушать его устои в «омуте светской, хотя и интеллигентной жизни».

Признавая правильность упреков духовной школе и духовному сословию, владыка Пимен подчеркивал относительный характер этой правды:

«Эта правда будет правдою до тех пор, пока мы будем стоять на точке зрения принципиальной, на сравнении наших священников – академистов и семинаристов – с тем, чем они должны быть по христианскому учению. Но на практической почве ни дворянство, ни купечество, ни мещанство, ни крестьянство лучшего педагогического материала в духовную школу не даст»³⁷.

В докладе на тему «Высота пастырского служения и путь приготовления к нему», прочитанном на Владикавказском епархиальном съезде в 1911 году, отец Пимен, в то время ректор Ардонской Духовной Семинарии, реабилитирует и духовную сторону семинарского образования и воспитания. В его рассуждении видится тень грядущего оправдания старой духовной школы стойкостью ее питомцев в эпоху церковных гонений.

«Духовная школа служила с честью Русской Православной Церкви. За ее жизненность ручаются имена величайших русских святителей – Филарета Московского, Филарета Черниговского, Филарета Киевского, митрополитов – ученых деятелей Макария, Евгения, архиепископов Иннокентия, Димитрия Херсонских,

Антония (Амфитеатрова) Казанского и многих, многих других святителей, из которых как великие светила сияют и по смерти: святитель Тихон Задонский (учился в Новгородской Духовной Семинарии), Феодосий Черниговский, Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Иосиф Белгородский (воспитанники Киевской Духовной Академии), отец Иоанн Кронштадтский (питомец Архангельской Семинарии и Петербургской Академии). О пригодности семинарского образования для всякого рода служения ближнему свидетельствуют имена министров, прошедших через семинарию. Но для нас, конечно, убедительнее имена святых и священных лиц. Раз они выходили из наших школ, мы не вправе осуждать последнюю за внутреннюю испорченность³⁸.

В 1900 году Петр Белоликов окончил Новгородскую Духовную Семинарию по первому разряду. Всего лишь троим из выпуска в пятьдесят человек без экзамена открывались двери Духовных академий России. Традиционно первые ученики Новгородской Духовной Семинарии поступали в Петербургскую Духовную Академию, но волею учебного комитета лучший выпускник Новгородской alma mater Петр Белоликов едет в Киев. В тот же год его брат Николай по первому разряду переводится в выпускной шестой класс, а младший Алексей – во второй. Самому младшему, Василию, будущему профессору Киевской Духовной Академии, еще предстояло закончить Кирилловское Духовное училище.

Как-то, уже в должности ректора Пермской Духовной Семинарии, отец Пимен признался своим питомцам, что ему и его товарищам высшее образование давалось с большим трудом и немалыми скорбями. Но трудности учения закаляли волю и укрепляли молитвенное упование на Божию помощь, без чего знания не формируют личности и не воспитывают мужественного характера.

Киевская Духовная Академия

Дальнейший путь питомца Новгородской Духовной Семинарии вел на юг России – в Киев. Святыни русского севера уступили место духовным кладезям Киевской Руси: от Софии Новгородской к Софии Киевской, Князь-Владимирскому собору, киево-печерским преподобным.

Путеводитель по Киеву, изданный в 1890 году, указывает местонахождение Духовной Академии: Братский Богоявленский монастырь в древнейшей части Киева – на Подоле.

Академия располагалась в двух корпусах – старинном могилянском³⁹ и николаевской эпохи, между которыми поднимался главный академический храм – Богоявленский собор, построенный в стиле барокко в самом конце XVII века. Над Царскими вратами собора помещался кипарисовый византийской работы крест, которым иерусалимский Патриарх Феофан благословил возникшее в начале XVII века Богоявленское монашеское братство. В храме покоилась чудотворная икона Божией Матери «Братская», или «Вышгородская». Этот образ и прекрасный хор студентов Академии привлекали в собор множество богомольцев. Академия славилась богословской библиотекой, насчитывавшей 50 тысяч томов, и церковно-археологическим музеем.

Киевская Духовная Академия начала свое существование в 1615 году как киево-братская школа. С 1631 года она называлась Киево-Могилянской коллегией – в память больших заслуг перед ней знаменитого поборника Православия митрополита Петра Могилы. В 1701 году своей грамотой Петр Первый возвел Киево-Могилянскую коллегию в степень Академии. В 1819 году последовало преобразование Академии, и из всесословного общеобразовательного учреждения она превратилась в специальное высшее богословское учебное заведение.

В России не было другой школы с таким знаменитым прошлым. Академия была оплотом русского православного богословия. К XX веку три русские Духовные Академии как бы

разделили между собой три направления сравнительного богословия: если Петербургская Духовная Академия взяла антипротестантское направление, а Казанская противоисламское, то Киевская прочно сохраняла репутацию защитника православной веры от католического влияния.

Соприкасаясь с рационализмом западноевропейского богословия, южнорусская богословская школа сама во многом заимствовала его скрупулезную логику и отточенную риторику. В церковных кругах старой России эту «киево-могилянскую складку» принято было приписывать всем ее выпускникам, хотя далеко не все из них тяготели к сугубой схоластике. В проповедях епископа Пимена уроки Киевской Академии выразились в твердой логичности и последовательности, а что касается церковной риторики (красноречия), то у епископа Семиреченского и Верненского она питалась более искренней верой, чем традицией, которая в чем-то, конечно же, помогала ему.

С судьбой Академии тесно переплелось множество человеческих судеб. В 1900 году в число ее 175 студентов вошел Петр Захариевич Белоликов. Вместе с ним на одном курсе учились замечательные личности – будущие иерархи-новомученики митрополит Одесский и Херсонский Анатолий (Грисюк) [5] и архиепископ Рижский и Митавский Иоанн (Поммер) [6]. К этим именам нужно добавить имя известного в Грузии блестящего литературоведа и историка Корнилия Кекелидзе.

Отзывы о богословских диссертациях 45 выпускников Киевской Духовной Академии 1904 года дают возможность ближе узнать этот курс. С кем-то Петр Белоликов, а с 1903 года – иеродиакон Пимен разделял студенческий быт: киевские академисты жили в главном корпусе (он же был и учебным) по двое. Выбранная тема обязательного выпускного сочинения была хорошо известна всем. Названия сочинений очерчивают круг научных интересов всего выпуска. Работы оценивались как отлично хорошие, отличные, весьма хорошие, очень хорошие, очень удовлетворительные, удовлетворительные и, наконец, достаточные для степени кандидата богословия.

Первый по списку (т.е. по общим учебным успехам) иеромонах Анатолий (Грисюк) пишет сочинение на тему «Учение святого апостола Павла о лице Иисуса Христа в Послании к Евреям». Но лучшим на курсе (отлично хорошее) признано сочинение Корнилия Кекелидзе «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение». Отмечаются его «изумительное трудолюбие и научная работоспособность». Будущий рижский святитель иеродиакон Иоанн (Поммер) подает сочинение на тему «Религиозное воспитание в дохристианском мире и в первые века христианства», оцененное как весьма хорошее. Отмечено сочинение Митрофана Инсарского «Раскрытие мысли апостола Павла о законе как пестуне во Христе». Митрофан Инсарский и иеромонах Анатолий были оставлены в Академии профессорскими стипендиатами: первый – по кафедре догматического богословия, второй – по церковной истории.

Иеродиакон Пимен (Белоликов) окончил курс Академии одним из лучших – пятым по списку. Его сочинение на тему «Отношение Вселенских Соборов к творениям церковных писателей» удостоено отличной оценки. На основе соборных деяний отец Пимен исследует догматический вклад святоотеческой литературы в деятельность семи Вселенских Соборов. Отзывы дали преподаватели Академии – и. д. доцента Ф. Мищенко и заслуженный ординарный профессор К. Попов. Профессор К. Попов так отзывался о сочинении: «Прекрасное впечатление... ценный в научном отношении труд... Это сочинение представляет собою труд весьма интересный и важный и по отношению автора к его первоисточникам и пособиям, и по обработке заключенного в них материала, и по изложению. Круг изученных автором первоисточников очень обширен... Успешное изучение первоисточников свидетельствует о способности автора к напряженной умственной деятельности и удачным обобщениям. Автор пользуется русскими и иностранными пособиями только такими, которые освещают положение изучаемого им предмета в науке, всегда оставаясь самостоятельным в исследовании его. Первым он отдает предпочтение, ставя таким образом свою

работу в связь с русскими богословскими и церковно-историческими исследованиями... К иностранным пособиям он обращается редко, избегая, по-видимому, учености, заимствованной на скорую руку, на время и напоказ. Изученный отцом иеродиаконом материал серьезно обдуман, основательно объяснен, расположен планомерно и изложен вполне литературным языком. В основе исследования иеродиакона Пимена лежала мысль о постепенном возрастании богословского авторитета на Вселенских Соборах...».

Другой рецензент коротко излагает содержание сочинения и дает нам возможность больше узнать о нем:

«В первой главе сочинения отец Пимен, обозревая деятельность первых трех Вселенских Соборов, находит, что Никейский и Константинопольский Соборы не пользовались писаниями отцов Церкви. Третий Вселенский Собор, в противовес рационализму Нестория, обосновывает свои определения на авторитете святоотеческих писаний, но избегает ссылок на писателей антиохийской школы, из которых многие впоследствии были признаны славными отцами Церкви. Такая осторожность объясняется происхождением несторианства из антиохийской школы. В Четвертом Вселенском Соборе отец Пимен видит «решительный переход на почву святоотеческих преданий» и посвящает этому Собору вторую главу. В третьей главе деятельность Пятого Собора он характеризует как «борьбу за чистота Предания».

Пятым Вселенским Собором, по мнению отца Пимена, заканчивается первый период в истории рассматриваемого вопроса – период, как он выражается, «непосредственного доверия» Соборов к творениям церковных писателей.

Деяния последующих Соборов автор рассматривает как второй период исследуемого вопроса – углубление в подлинный смысл [творений], стремление к полноте и систематизации церковных писателей.

План сочинения весьма строен, можно разве возразить против обобщения глав в две части и различия двух периодов, ибо и в первом периоде было не только «непосредственное доверие» к творениям церковных писателей, но и оценка их, и

различаются периоды несущественно, но по главам сочинение развивается как по ступеням. У автора вообще видна твердая привычка к логической связанности, и этой связанности он настойчиво подчиняет исторический материал; выводы у него естественно готовятся обзором материала и являются достаточно обоснованными...»⁴⁰.

В духовных школах Петр Белоликов не только получил фундаментальное богословское образование, но и утвердился в «страсти бесстрастной» – ярко выраженной любви к Святой Руси. Обращение к опыту предков, сокровенная, прочувствованная связь с ними – ярко выраженная доминанта проповедей отца Пимена в будущем. Вот один из характерных примеров:

«Мы пожинаем плоды добрых семян, посеянных нашими предками. Нам достались святые обители и храмы, созданные их потом и кровью; мы унаследовали их мощи как спасительные источники, мы имеем от них святые чудотворные иконы, покрывавшиеся миллионами лобзаний, обмытые потоками человеческих слез, бесчисленное множество раз видевшие человеческое горе в разных его видах. И молиться перед ними научились мы от наших благочестивых предков. И этот церковный древлеправославный дух охраняет пока многих членов Церкви Христовой от скверны и порока, от пагубных разделений ради своих выгод, своего самолюбия... Душе человека опасно менять направление жизни, данное и проверенное благочестивыми предками»⁴¹.

С пребыванием в стенах Киевской Духовной Академии связано еще одно поворотное событие в жизни Петра Белоликова. «Когда для меня возник вопрос о том, как устроить свою жизнь после школы то пережитые в духовных школах впечатления и воспоминания властно потребовали от меня жизни иноческой»⁴². 6 августа 1903 года в Киево-Печерской Лавре студент Петр Белоликов принял монашеский постриг с именем Пимен, а 24 августа того же года был рукоположен во иеродиакона. Впереди его ожидало служение в Урмийской православной миссии в Персии, на которое он примерно тогда же дал согласие.

Постриг и диаконское рукоположение совершил митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий). Этот выдающийся иерарх Русской Церкви в свое время отдал одиннадцать лет жизни служению в Православной миссии в Пекине. Как бывший Экзарх Грузии он был достаточно осведомлен и об Урмийской православной миссии. Владыка Флавиан, по словам епископа Пимена, с любовью поддерживал его юношеское стремление к жизни духовной – монашеству. Он же, как бывший миссионер весьма сочувственно приветствовал и последующее назначение отца Пимена в далекую Урмию.

Кафедру в Киеве митрополит Флавиан принял уже в преклонных годах. В молодости после окончания Московского университета он поступил послушником в Чудов монастырь. Владыка Флавиан имел не только все ордена, включая орден Андрея Первозванного, но и искренне почитался российским монашеством. По примеру прежних киевских митрополитов большую часть года почтенный иерарх жил в Голосеевской пустыни, в пяти верстах от Киево-Печерской Лавры, в живописном месте недалеко от Днепра. Здесь в беседах с умудренным жизнью наставником Петр утвердился в намерении посвятить себя монашескому служению в миру – несомненно, самой трудной стезе церковного делания. И через семь лет после пострига он не терял с владыкой Флавианом духовной связи и искал его наставничества. В одном из писем он писал: «Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь и Отец. Во-первых, благословите принести Вам запоздалое поздравление с исполнившимся двадцатипятилетием Вашего святительского служения. Этот знаменательный юбилей служит хорошим поучением для меня, а отчасти и укором моему малодушию, с каким я несу собственное легкое служение. Да поможет Вашему Высокопреосвященству Господь еще долгие годы продолжать свое служение нашей отечественной Церкви и служить живым примером для меня, молодого и малодушного монаха. Во-вторых, спешу заранее поздравить Вас, Владыко Святый, со Светлым праздником Воскресения Христова. Да сохранит Вас Воскресший, да подкрепит Он Ваши силы, старостию

ослабленные, на радость Вашей пастве и всем знающим Вас, Владыко Святой...

Когда я слышу о Вас, то мое сердце исполняется отрадою от сознания, что я Ваш постриженник, духовное Ваше дитя, но, увы! Мне самому нечем похвалиться, разве что немощами моими».

Почувствовав ослабление в своей духовной жизни прежнего молитвенного аскетического настроя и не оправдывая себя занятостью миссионерскими делами тридцатилетний игумен Пимен просит своего духовного отца помочь ему. Это письмо – пример монашеского самоосуждения и деятельного контроля над собой. «Стыдно, Вл[адыко] Святой,— пишет отец Пимен, — но должно мне признаться, что, предавая себя на духовный подвиг, я мало об этом вспоминаю. Не то чтобы уж совсем не было досуга, досуг для этого дела всегда найдется. Нет, просто небрежность, а от небрежности забвение взятых на себя обязанностей, забвение о молитве, о телесном воздержании, о воздержании языка, срамные помыслы, нечистые движения тела; ко всему этому я привык и этим не ужасаюсь, как раньше. Ревность пропала совершенно, а ее место заступила холодность к духовным подвигам. Поэтому я просил бы Ваше Высокопреосвященство наставить меня, указать мне способ, как разогреть себя...»⁴³.

Накануне принятия окончательного решения об отречении Петра от мира проходили грандиозные торжества по поводу прославления одного из самых ярких светильников русского монашества – преподобного Серафима Саровского. И это, возможно, сыграло не последнюю роль в решении Петра Белоликова принять монашество.

Небесным покровителем монаха Пимена стал преподобный Пимен Многоболезненный, Киево-Печерский, что в Ближних пещерах, ибо постриг был совершен накануне дня памяти этого святого – 6 августа.

Житие Пимена Многоболезненного не затерялось в истории русской святости, его не затмили имена великих святых. С волнением вчитываешься в эту «тайную биографию» епископа

Пимена, в источник света, отсветом от которого должна была стать его жизнь.

Преподобный Пимен Многоболезненный болел от рождения. С ранних лет он мечтал о постриге. Родители были вынуждены принести свое чадо в Печерский монастырь и просить иноков молиться о нем. Ночью под видом игумена и братии пришли к болящему Ангелы и совершили постриг, назвали Пименом, сказав, что его выздоровление будет признаком близкой кончины. Волосы его они положили на гробницу преподобного Феодосия в запертой церкви, и на другой день их там нашли.

После пострига еще двадцать лет преподобный Пимен оставался недужен, но сам исцелял окружающих, повторяя: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21:19). А накануне его кончины над обителью поднялись три огненных столпа. Утром он встал совершенно здоровым и обошел кельи, прощаясь с братией, совершая исцеления и являя прозорливость. В пещере преподобного Антония он указал место для своего погребения. При словах: «Вот идут постригавшие меня для принятия души моей!» – святой тихо предал свой дух Богу.

3 июля 1904 года ректором Киевской Духовной Академии епископом Платоном (Рождественским) иеродиакон Пимен был рукоположен во иеромонаха. Приказа о своем назначении в Урмийскую миссию он дождался и Петербурге и получил его 12 августа 1904 года, а на следующий день, 13 августа, епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), викарий Петербургский, возложил на него набедренник – знак церковного отличия, который в синодальный период заслужить было не так просто, но для иеромонахов-миссионеров это отличие было своего рода привилегией.

За сухими строчками послужного списка⁴⁴ стоят живые и очень непростые обстоятельства. Ведь петербургский викарий епископ Кирилл сам только что был отозван из Урмийской православной миссии, где недолго, но успешно потрудился в должности ее начальника. Он ввел иеромонаха Пимена в круг дел Миссии, подготовил к встрече с тамошними миссионерами.

В предыдущие годы неудачные кандидатуры членов Миссии усложнили ее деятельность. Отъезд архимандрита Кирилла требовал тщательного выбора нового сотрудника для пополнения ее штата. Можно предположить, что на трудное и опасное служение молодой иеромонах получил благословение – не мог не получить! – у близкого ему великого кронштадтского подвижника святого праведного Иоанна. Это было благословение на девять последующих лет успешной деятельности в Миссии, на три года ректорства в Духовных семинариях, на недолгий период святительского служения и, может быть, на самую мученическую смерть – словом, на всю последующую жизнь.

Часть 2. Миссионерские труды. Урмийская православная миссия

Он поставил... на дело служения, для
созидания Тела Христова, доколе все придем в единство
веры и познания

Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного
возраста Христова.

(Еф. 4,11–13)

Из истории миссии

Труды Урмийской православной миссии были посвящены присоединению к Православию сирийских несториан. У истоков этого дела стоял первый епископ Туркестана Преосвященный Софония (Сокольский)⁴⁵. Будучи на Туркестанской кафедре, епископ Софония написал и подготовил к печати книгу «Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии...». Книга эта родилась в результате его поездки в Закавказье, в места проживания сирийцев-несториан, и большой научной работы. Книга Преосвященного Софонии, изданная в Санкт-Петербурге в 70-е годы прошлого столетия, была хорошо известна в Миссии, в которую вновь назначенный сотрудник иеромонах Пимен прибыл в сентябре 1904 года.

Идеалы миссионерства владели тогда сердцами многих служителей Русской Православной Церкви. Успешно продолжалась миссия в Японии святителя Николая (Касаткина), архиепископа Японского. В Северной Америке ее возглавлял святитель Тихон (Белавин), архиепископ Алеутский и Североамериканский, – будущий Патриарх-исповедник. Из прошлого Русской Церкви поднимались великаны миссионерского дела – преподобные Трифон Печенгский, Трифон Вятский, Симеон Верхотурский, Герман Аляскинский, святители Стефан Пермский, Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский, Иннокентий Московский.

Как бы обобщенный образ русского миссионера представлен в слове о великой миссии святителя Стефана Пермского, сказанном отцом Пименом в 1915 году в Перми:

«Да, он благодетельствовал страну Велико-Пермскую, связав ее узами веры и любви с Россией. Он установил правильные христианские отношения между отдельными зырянскими племенами, расположив одних к терпению, других к великодушию. Он обличал насильников, он ходатайствовал за

угнетенных и бедных пред властями. Такими трудами своими он положил начало гражданской жизни первых насельников страны Пермской. Но как человек религиозный он не остановился только на начале своего общественного служения. До самой своей смерти он не переставал заботиться о стране Пермской... Мы любим добро, но наша любовь редко выражается на деле, потому что мы боимся препятствий своим идеалам и предприятиям. Вот в таком-то колебании и полезна молитва святого Стефана за нас пред престолом Божиим...»⁴⁶.

Весьма характерны для русского миссионерства слова начальника Урмийской православной миссии епископа Сергия (Лаврова): «Курд» стало синонимом «разбойника». И досадно, и жалко. В самом деле, кто когда-либо занялся воспитанием и облагораживанием курдов? Предоставленные самим себе, они, как плохие школьники, оставленные без призора: все низшие склонности развиваются и удовлетворяются беспрепятственно. Курды ждут своего объединителя и воспитателя. Конечно, не турки, не татары, не персы могут сделать их людьми, ибо сами сохранили в себе много дикости, сами некультурны и негосударственны. Я подозреваю, что роль воспитывать курдов будет историей вручена России. А поводом будет проникновение Православия в среду сирийцев-несториан Курдистана...»⁴⁷.

К началу XX века русские православные миссии существовали в Японии, Корее, Китае, Персии, Северной Америке. На миссионерское служение направлялись чаще всего иеромонахи с академическим образованием: предполагалось их всецелое посвящение себя делу, максимально приближенному к апостольскому.

Духовное ведомство Российского государства действовало здесь в согласии с дипломатическим и военным. Кандидатуры миссионеров согласовывались с Министерством иностранных дел, и по делам миссий шла оживленная переписка между министром иностранных дел и обер-прокурором Синода. Русское миссионерство без принятых в политике и неизбежных для нее способов укрепляло русское влияние и русское присутствие нравственным, духовным преимуществом

православной веры, ее учением о добре, любви, милосердии. Миссии были проводниками русской культуры в широком смысле: в издательской, общепросветительской работе, в быту.

Из русских заграничных миссий Урмийская была самой молодой. Она возникла в 1898 году, хотя период, предшествовавший ее учреждению, длился почти всю вторую половину XIX века⁴⁸.

Миссия находилась в городе Урмия на северо-западе Персии, в пятнадцати верстах от Урмийского озера. Деятельность миссионеров протекала среди ассирийцев-несториан, потомков населения Древней Ассирии. В I веке ассирийцы одними из первых приняли христианство от апостолов Мар-Аддея и Мар-Мари (Фаддея и Мария), но в V веке отклонились в несторианскую ересь.

Несторианство известно и в Туркестане, в частности в Семиречье. По многочисленным материальным памятникам, найденным здесь, можно с уверенностью говорить, что христианство существовало в этих местах в доисламский период.

Обратимся к книге епископа Туркестанского и Ташкентского Софонии.

«Несторианская ересь возникла по вопросу о соединении во Христе двух природ, Божеской и человеческой, и обязана не только именем, но и основным пунктом своего неправославного учения Несторию, бывшему в Константинополе патриархом в первой половине V столетия. Неправомыслие Нестория относительно означенного догмата, без всякого сомнения, занесено им было с Востока, из Антиохии, и сделалось гласным в Константинополе вскоре по восшествии его на престол. Несторий утверждал, что Дева Мария была и есть Христородица, а не Богородица и что рожденный Ею Христос не есть Богочеловек, а только Богоносец не есть Бог Истинный, а только Эммануил – с нами Бог, что соединение во Иисусе Христе двух природ, Божеской и человеческой, есть не более как соприкосновение, но отнюдь не ипостасное, то есть рожденный Марию Христос, имея свою отдельную личность человеческую, воспринял в себя Бога Слова, но таким образом,

что воспринятый Бог, обитая в человеке Христе, как во храме, действовал совокупно с воспринявшим, но не соединялся с Ним Своею Божественною природою так преискренне, чтобы составить с Ним одно лицо Богочеловека, тем паче не рождался с Ним, не страдал и не умирал...

Неокрепший мир Церкви снова был нарушен, и мятущаяся Церковь видимо стала делиться как бы на два стана... Коварный Несторий отвергал всякое вразумление, упорствовал в своем лжемудровании. Оставалось разгоревшуюся распрю решить Вселенским Собором, и этот Собор, известный под именем Третьего Вселенского, созван был и открыт в Эфесе в 431 году. Грозная анафема Собора и самые преследования со стороны гражданской власти всех держащихся осужденного мнения, казалось, более служили к озлоблению и ожесточению заблуждавшихся, чем к усмирению их и вразумлению.

Строгий эдикт, изданный императором вскоре после Халкидонского Собора, рассеял возмутителей общественной тишины и многих из главных агитаторов несторианизма. Вслед за сим несторианизм стал видимо ослабевать на западе, но зато не ослабевал он, а напротив разрастался и крепнул на востоке...»⁴⁹.

В начале второго тысячелетия христианской эры несторианская церковь пережила взлет – период большой миссионерской активности. Несторианские миссионеры имели своих последователей в Туркестане, Китае, Индии, на Цейлоне. На этих территориях существовали несторианские митрополии, строились храмы, действовали богословские школы, существовали монашеская жизнь, церковное искусство. Несториане всюду несли проповедь Евангелия и христианское просвещение.

Закат несторианства приходится на XIV-XV века. Спасаясь от меча Тамерлана, пережив другие тяжкие удары со стороны разных мусульманских правителей, под властью которых ассирийцы-несториане жили с VII века, потеряв свои древние митрополии, несториане бежали в горы Курдистана, а позднее спустились в долины Урмии. Часть из них, которая жила в Месопотамии, на исконной земле ассирийцев, перешла в

католичество. К началу XIX века ассирийцы-несториане проживали в районе к западу от Урмийского озера в Персии и в горах Хакьяри в Восточной Турции. Общее число их в это время достигало 120–150 тысяч человек. Это все, что осталось от некогда многомиллионной паствы. Во главе ассирийцев-несториан стоял патриарх, кафедра которого находилась в селении Кудшанис в Курдистане. Ему подчинялись епископы турецких и персидских епархий так же, как и мелики (князья-правители). Книжно-церковная образованность к этому времени сохранилась минимально и в основном в духовном сословии. Собственных школ до прихода западных миссионеров в тот период у несториан не было. Богослужебным языком несторианской церкви непрерывно с самого появления христианства в Сирии оставался сирийский классический язык (арамейский), на котором совершался полный круг богослужений.

Отношение ассирийцев-несториан к России еще с конца XVIII века, когда Россия взяла под защиту и покровительство единоверных грузин и армян и вплотную приблизилась к их пределам, было дружественным. Русская Церковь почиталась единоверной, а вступление под покров России и единство с Русской Православной Церковью были желанным для иерархии и для народа.

В течение XIX века несториане неоднократно делали попытки соединиться политически и религиозно с Россией. По согласованию с авторитетными в «восточных делах» иерархами, святителями Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским, и Феофаном (Говоровым), епископом Владимирским и Суздальским, был отобран кандидат для посылки в качестве эmissара к несторианам. Им и стал имеющий большой опыт служения на Востоке архимандрит Софония (Сокольский) впоследствии первый епископ Туркестанский и Ташкентский. По результатам двух продолжительных поездок архимандрит Софония представил в Синод справки о несторианах в Персии и Турции и об их стремлении к Православию.

В 1890-х годах главным инициатором движения за соединение несториан с Православием стал урмийский епископ Мар-Ионан. В начале 1898 года было, наконец, принято решение удовлетворить прошение о воссоединении. Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии В. В. Болотов обосновал принципы воссоединения несториан с Православием. Подробной исторической справкой он доказал, что несториан Церковь изначально принимала по третьему чину – через отречение от ереси и покаяние, но с признанием ранее принятых ими Таинств Крещения, Миропомазания и Священства. Он же составил полный «Чин, како примати приходящих ко Православной Церкви от несторианского исповедания».

Делегация несториан во главе с епископом Мар-Иоаном прибыла в Петербург, и 25 марта 1898 года, в праздник Благовещения, в Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершилось торжество присоединения. В Русской Православной Церкви появилась новая епархия – Урмийская, которую возглавил епископ Супурганский Мар-Ионан (Иона), но фактически всю полноту управления взяла на себя вновь созданная Урмийская русская православная духовная миссия. Указ о ее создании последовал сразу же (определение Синода от 26 марта 1898 г.). «Послужить славе Церкви Русской и пользе далеких айсоров, этих древнейших христиан, в отдаленной от нас стране – это великая и достойная задача», – отмечал тогда известный миссионер протоиерей Иоанн Восторгов⁵⁰.

Итак, в конце XIX века целая епархия ассирийцев-несториан (15 тысяч человек) впервые за полторы тысячи лет воссоединилась с Православной Церковью. Тогда открылась перспектива перехода в Православие всей несторианской церкви (около 120 тысяч человек) вместе с ее патриархом Мар-Шимуном Биньямином, жившим в Турции.

История Урмийской миссии до прибытия иеромонаха Пимена (Белоликова) будет неполной, если не рассказать о неудачах Миссии, постигших ее на первых порах. Как признавался впоследствии обер-прокурор Синода К. Н. Победоносцев, он и Святейший Синод до конца не понимали

всей сложности и особой деликатности задач новой Миссии, тех трудностей, с которыми она сразу столкнется.

«Прошлое завещало новой епархии много беспорядков и полное расстройство церковной дисциплины, которую сознательно и намеренно расшатывали инославные миссионеры, подрывая всеми средствами в течение последних 70 лет власть местных абун (епископов), причем епископам перестали повиноваться местные каши́ и шемаши́ (священники и диаконы), имея неограниченную свободу переходить от одного исповедания к другому, соблазняясь отпускаемыми от инославных миссий деньгами», – писал отец Иоанн Восторгов.

В Урмии действовали богатые западные Миссии: американская (пресвитерианская), французская (католическая) и английская (епископальная). Новообращенным сирийцам было с кем и с чем сравнивать новых миссионеров. Следовало многое предусмотреть и подготовиться к долгой и трудной работе по насаждению православной церковной образованности и благочестия. Для успеха Миссии в таком крае, как Урмия нужен был особо тщательный подбор миссионеров. Российский посланник в Тегеране писал: «Успех воссоединения сирийских айсор всецело будет зависеть от такта, благоразумия, доброго поведения и осторожности членов Миссии».

Первый состав Урмийской миссии, работавший под руководством архимандрита Феофилакта (Клементьева)⁵¹, был почти полностью смнен по настоятельному требованию консула в Тавризе и по результатам ревизии Миссии в сентябре 1901 года.

Распри в Миссии сделались тогда предметом огласки в Урмии, они породили раскол внутри нее, и сторонники той и другой стороны посылали в Синод взаимные жалобы и обвинения. В конце концов весь состав Миссии был отозван в Россию, и Синод стал ждать результатов ревизии, порученной протоиерею Иоанну Восторгову, командированному в Урмию Экзархом Грузии архиепископом Флавианом (Городецким). Отец Иоанн опросил большое число людей, собрал все необходимые материалы и результаты проверки представил в Синод.

В дальнейшем пришлось с большим трудом рассеивать неблагоприятное впечатление от этих разногласий в Миссии.

Новый состав был подобран намного тщательнее. Начальником Миссии был назначен архимандрит Кирилл (Смирнов), широко известный в советское время как первый кандидат на должность Местоблюстителя патриаршего престола [7]. Его помощником стал иеромонах Сергей (Лавров), сыгравший впоследствии выдающуюся роль в истории Урмийской миссии.

Архимандрит Кирилл сумел восстановить пошатнувшийся авторитет Миссии. Он ввел ежедневные богослужения, создал переводческую группу, наладил издательскую деятельность. В короткие сроки были построены корпуса Миссии – лучшие здания в городе.

Осенью 1903 года в Петербурге возникло Кирилло-Сергиевское урмийское братство, бессменным председателем которого стал товарищ обер-прокурора Синода В. К. Саблер. Братство находилось под покровительством императрицы Марии Феодоровны, а его попечителем был петербургский митрополит. Членами Братства были ревнители Православия из влиятельных кругов Петербурга. Собранные Братством средства шли на строительство храмов и устройство школ в Урмии. Братство действительно предпринимало ценные начинания. Так, В. К. Саблер, основатель Кирилло-Сергиевского братства помощи Урмийской миссии в 1905 году специально для Миссии в Берлинской библиотеке и во Французской национальной библиотеке им были заказаны снимки с православных сирийских (мелькитских) рукописей.

Выдержав экзамен на трудном участке церковного дела, архимандрит Кирилл через полтора года был отозван в Петербург, где принял сан епископа Гдовского, викария Петербургского. Его преемником стал молодой игумен Сергей (Лавров), бессменно руководивший Миссией с июня 1904 по июль 1916 года (с 1913 года – епископ Салмасский), за исключением нескольких периодов длительных отпусков, во время которых полноту ответственности за Миссию нес его помощник – отец Пимен.

Епископ Сергей [8] был неординарной фигурой в Русской Православной Церкви того времени. Блестящий выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии, добровольно отказавшийся от места профессорского стипендиата Академии, он очень скоро настолько овладел ассирийским народным и книжным классическим языком, что свободно общался со своими пасомыми, служил на ассирийском языке, занимался переводческой деятельностью. Это был умный волевой, решительный человек, которому в первую очередь следует приписать достижения Миссии. Он занимал большое место и в жизни отца Пимена.

Сирийские православные приходы были разбросаны по всей Урмии. Постепенно они стали создаваться в других, соседних с ней, провинциях. На пути русских миссионеров вставляли древние несторианские святилища, заросшие на крыше травой, с почерневшими камнями, обширные и гулкие внутри. Они достались в наследство от тысячелетней истории христианства на этой земле и храмостроительной традиции несториан. Об одном из них пишет начальник Миссии архимандрит Сергей (Лавров):

«Расположен он на полугоре, высоко над селом, выстроен из камня. Было великолепное солнечное утро, когда мы поднялись к храму: лучи, отдаваясь назад от горы, как будто собирались вокруг него. Вход донельзя низкий и узкий. Кроме того, что дверь мала, как и в других храмах, вдобавок перед нею выстроена в ее рост стена параллельно дверной стене, приходится к двери подходить боком. Внутри храм обычного несторианского типа: крыша – полукруглый свод, в алтарной двери – тесаный камень. Церковь очень сырая, ибо свету мало: два-три отверстия обслуживают весь храм. Впечатление величественное. Сирийская древность прославлявшая и поклонявшаяся Христу, здесь как бы живо встает перед сознанием»⁵².

Миссионеры приезжали в села, чтобы придать сельским церковным праздникам торжественность и укрепить в Православии жителей. Богослужения совершали на древнем сирийском языке, проповедь обычно произносилась на простые

темы на новосирийском. Эти языки существенно различались фонетически и лексически. В новом имелось значительное количество привнесений из тюркских наречий. Еще в 1904 году встал вопрос, на каком языке совершать богослужения, поскольку простой народ язык богослужебных книг не понимал. Но можно ли было отказаться от молитвословий на древнесирийском, или, иначе, арамейском, языке, на котором разговаривал Сам Господь Иисус Христос и на котором вскричало Его человеческое естество на кресте: «Или, Или! лима савахфани?» (Мф. 27:46)? Богослужения на арамейском языке были подлинным сокровищем Православия, его достоянием.

На новосирийский язык перевели ектении и некоторые песнопения, чин погребения мирян, но окончательно разговорный язык в богослужебную практику вводить не стали, а пошли по другому пути – широкого церковного просвещения в школах.

«Догматическое сознание сирийской православной общины установилось и стоит незыблемо. Для грамотных и учащихся оно дано в изданных книгах вероучения, для остальных утверждается проповедью и храмом. Храмы – главные проповедники и осуществители религиозной жизни при содействии духовенства», – сообщал начальник Миссии архимандрит Сергей 14 ноября 1913 года в Петербурге на годичном собрании Кирилло-Сергиевского урмийского братства. В этом отношении, по словам докладчика, Миссия «была благословлена»: под ее попечительством к 1913 году находилось уже 36 храмов, 10 из которых построены заново, а 18 перестроены и обновлены. Внешне они мало походили на российские, «византийского» в них было немного, и все же они резко отличались от похожих на мечети несторианских святилищ.

В докладе для Братства архимандрит Сергей рассказал об инертности старой несторианской обрядности, о привычке причащаться без исповеди, о практике служения литургии одним священником два и три раза в день, о приношении животных в жертву, об отсутствии просфор на проскомидии, о

непочитании икон и неупотреблении восковых свечей. На утрени в Вербное воскресенье с вербами и зажженными свечами можно было видеть только офицеров и солдат русского отряда. Внешнюю и внутреннюю стороны церковной жизни предстояло терпеливо созидать.

Господь содействовал трудам Миссии, и это проявилось, прежде всего, в помощи ее сотрудникам – немногочисленной, но избранной части русского миссионерства. Состав Миссии 1898–1902 годов сирийским языком не владел, службы записывались со слов переводчика на сирийском языке русскими буквами, а затем читались. Проповеди также произносились с помощью переводчика. Но архимандрит Сергей и его сотрудники – архимандрит Пимен, иеромонах Виталий (Сергеев) и священник Василий (Мамонтов), – овладев сирийским языком, подняли дело православной проповеди на должную высоту. Это имело решающее значение в деле усвоения сирийцами истин Православия⁵³.

В стенах домового церкви при Миссии урмийцам преподавался еще один урок – нравственно-исторический: в церковных торжествах участвовала вся русская колония, и это демонстрировало единение Российского государства с Христовой Церковью. Службы и крестные ходы в подчеркнутой красоте и полноте православного обряда были образом-символом этого единства. Этот акцент, эта специфика миссионерского богослужения в Персии отцом Пименом глубоко осознавались и переживались. На торжественных церковных службах в Миссии совершалось не только самоуглубленное служение иноков, но и созидание исторически мощного и величественного образа справедливой и богомудрой православной России. Страницы журнала «Православная Урмия» воссоздают обстановку одного из таких церковных торжеств, на которых держалась идея Миссии.

21 февраля 1913 года, в день ежегодного церковного поминовения русских царей, Россия отмечала 300-летие Дома Романовых. Отец Пимен произнес слово о значении религиозного союза царя и русского народа в истории: «И этот уголок Персии принимает участие в нашем торжестве. И здесь

иноплеменники и иноверцы учатся любить и уважать Россию в союзе с ее царем. Поможем же им в этом деле и скажем, что составляет для русского народа его благочестивый государь. Под покровом Православной Церкви, на основе православной веры утвердился дивный союз русского царя со своим народом. Русский народ в избрании своего царя так определил свое отношение к нему: «Царь-батюшка будет для нас всем, и мы будем для него все». Но цари наши постоянно напоминали своему народу, что они царствуют Божиею милостью, что вера народная есть и для них самое дорогое наследие»⁵⁴.

В храме Миссии в тот день молился цвет русской колонии: командир 5-го стрелкового Кавказского полка полковник князь Вачнадзе, вице-консул С. П. Голубинов, управляющий Урмийским отделением учетно-ссудного банка в Персии А. В. Федотов-Чеховской, полковник Генерального штаба Д. И. Андриевский и другие члены русской колонии Урмии, а также ученики православных школ. Множество местных жителей наполнило не только церковь, но и коридоры главного здания Миссии и ее двор.

Из Миссии на войсковой плац направился крестный ход. Стрелки 5-го Кавказского полка несли хоругви, святой крест и полковой образ. Несмотря на грязь, холод, ветер и начавший сыпать мелкий снег, на торжество пришли губернатор и другие персидские аристократы, инославные миссионеры, купцы и крестьяне. К аналою поставили хоругви и иконы и внесли знамя полка. На молебне пели стрелки под управлением капитана Левковича. Наконец, при возглашении многолетия из русских орудий был произведен салют.

К 1913–1914 годам у Миссии открылись замечательные перспективы: несторианский патриарх Мар-Шимун Биньямин и несториане-горцы захотели присоединиться к Русской Церкви. Ожидалось полное воссоединение с Православием уже всего сирийского народа. В близости исторического акта отец Сергей был возведен в сан епископа Салмасского, удостоен в Царском Селе аудиенции Государя. В журнале «Православная Урмия» неутомимый летописец Миссии отец Пимен запечатлел встречу в Персии первого русского епископа – извлеченный из забвения

памятник одной победы русского миссионерского дела на Востоке:

«Уже за сорок верст от Урмии стали появляться верховые сирийцы, явившиеся приветствовать прибывшего русского архиерея. В 25-ти верстах епископа встретили казаки Горско-Моздокского полка, сюда же приехал вице-губернатор Урмии встречать епископа – честь, приравнивающая последнего к рангу посланника великой державы... Почти на каждом шагу всеобщее оживление и напряженное ожидание местного населения. Вот при мосте, построенном через речку Назлучай, стоит пестрая разнообразная толпа народа: это православные сирийцы деревень Караджалу и Зумалан. По получении надлежащих разъяснений толпа живописно располагается на весенней травке по обоим берегам речки Назлучая в терпеливом ожидании приезда владыки. Далее, при селении Изерлуви группа женщин и детей справляются о времени прибытия русского халифы и терпеливо садятся на зеленевшую весеннюю траву у шумевшей весенней водою канавки. У деревни Гердабад стояла густая толпа армян... Чем ближе к городу, тем толпы встречающих становились гуще. Дорога от селения Гердабад до Урмии сплошь кишела народом мусульманским и сирийским, исполненным необычайного любопытства и оживления. Около 3 часов пополудни послышался звон на крыше миссийской церкви, войска трех родов оружия шеренгами встали по ближайшей к Миссии улице, украшенной флагами. По этой же улице последовал навстречу Преосвященнейшему Сергию крестный ход из Миссии во главе с и. о. начальника Миссии архимандритом Пименом. Под звуки музыки двух полковых оркестров остановился экипаж владыки, сопровождаемый длинным рядом других фаэтонов и конвоем русских и персидских казаков. Владыка в мантии последовал за крестным ходом в Миссию при колокольном звоне и пении «Спаси, Господи» и «Достойно есть». Далеко разлилась волна народа, но еще дальше раздавались эти патриотические и церковные молитвы русских людей. Их пели все ученики миссийского училища, шедшие впереди, их повторяли и православные воины, их провозглашали и члены миссийского

клира. По отзыву всех, Урмия никогда не видела такой встречи»⁵⁵.

Миссионеры воодушевлялись сознанием того, что они служат соединению сирийцев в единый народ, развитию его национального самосознания на основании апостольской веры. Вместе с тем созидание единого и доброжелательного России народа в Персии и Турции было важным делом и для России. Был близок к подчинению России и переходу в Православие несторианский и национальный центр патриарха-католикоса Мар-Шимуна в Кудчанизе. Присоединение должно было привести за собою сирийцев турецких областей Гявар, Джилу, Тияры, Баз, Тхума. В унии с Римом пока находились сирийцы Месопотамии (яковиты), но католическое влияние на них было слабо, месопотамские яковиты также посматривали в сторону России и ее Церкви. Для осуществления своих планов миссионерам важно было иметь в Персии сильный православный центр, который отражал бы усилия инославных миссионеров и осуществлял свое влияние. Но начавшаяся летом 1914 года первая мировая война, объявление 29 октября 1914 года войны России с Турцией остановили дело широкого присоединения к Православию сирийцев.

Деятельность русской Миссии в тех условиях свернута не была. В секретном послании министра иностранных дел Сазонова обер-прокурору Саблеру от 22 ноября 1914 года относительно Миссии было предрешено: «Что касается Духовной Миссии, то ей надлежало бы оставаться в Урмии по примеру иностранных миссий, которые решили разделить тяготы войны со своей паствой до последней крайности»⁵⁶. 17 сентября 1914 года министр иностранных дел уведомил обер-прокурора о том, что «для защиты христианского населения Урмии назначено два казачьих полка при соответствующей артиллерии». В защите провинции от турок вместе с русскими отрядами принимали участие и сирийцы. По одежде и всему внешнему облику они не отличались от турок, поэтому решено было сирийских ополченцев снабдить старыми фуражками миссионерского училища. 28 сентября 1914 года только что сформированные сирийские дружины вместе с русскими

войсками в двухдневном бою разбили курдские отряды. Но, несмотря на стойкое и мужественное сопротивление, турки все же оккупировали провинцию и подступили к городу. 10 октября 1914 года карательный турецкий отряд сжег все сирийские селения в районе курдского Тергявара и Мергявара. Более трех тысяч христиан, потерявших все, собралось в городе. Но истинная катастрофа разразилась в начале следующего года. 30 декабря 1914 года русское командование в Иране получило приказ срочно оставить Урмийскую область ввиду угрозы обхода турками русского воинства с тыла. Русское консульство и начальник военного Урмийского отряда, сознавая предстоящую трагедию, противились этому приказу до последнего, но вынуждены были подчиниться. Вице-консул Введенский писал: «Увод отряда из Урмии знаменует неминуемую катастрофу всего нашего влияния, силы и добытых результатов дела государственного значения. Резня христиан вероятна. С уходом солдат начнется паника и повальное бегство».

В ночь со 2 на 3 января 1915 года вместе с русскими войсками в Россию временно ушла Урмийская православная миссия и двадцать пять тысяч сирийцев. Английский миссионер описывал этот исход следующим образом: «Насколько хватало глаз, по дорогам двигался сплошной поток беженцев, по временам такой густой, что создавались пробки. Это была ужасная картина, и я не хотел бы ее вновь увидеть. Многие старики и дети умирали на дороге»⁵⁷.

Турки и курдские феодалы, заняв районы с сирийским населением, начали грабежи и убийства. Страшному разгрому и разграблению подверглись деревни, в которых неприятель встречал активное сопротивление. Там, где еще совсем недавно с радостью и надеждой встречали русских миссионеров, строили новые красивые церкви, создавали школы, дети устраивали спектакли и пели песни растроганным родителям, рыскали звери в человеческом подобии, не щадившие ни детей, ни их родителей, ни храмы, ни жилища...

Летом 1915 года русские войска освободили Урмию, Миссия вернулась в разоренный, исстрадавшийся край, но оправиться от пережитого уже не смогла. В 1917 году в «Русском

паломнике» (№ 31–32) Пимен Белоликов, тогда уже епископ Салмасский, начальник Урмийской православной миссии, опубликовал статью под названием «Одна из жертв настоящей войны, изуродованные святые иконы». К заметке епископ Пимен приложил фотографии икон домово́й миссионерской церкви в городе Урмия. Он пишет; «Неисчислимы жертвы настоящей великой войны народов мира. Человек и его здоровье, его семья и благосостояние, его честь и достоинство, его жилище и храмы, его лучшие чувства и надежды, его религия – святая святых души человека – все подверглось наглому издевательству озверевших неприятелей... Цель победы над нашими неприятелями... победа над самой войною, над ее жестокостями, прекращение войны на возможно долгое время, обеспечение мирного процветания общественной жизни народов... Русские православные люди помнят, что эти святые иконы суть только малая часть из понесенных нами здесь многочисленных жертв за нынешнюю войну».

Таким образом, перед войной 1914 года цель Миссии – воссоединение ассирийцев-несториан с Православной Церковью – была совсем близка, но из-за революционных событий в России она не была достигнута. И та паства, которую успела приобрести и воспитать Миссия рассеялась либо была уничтожена турками и курдами.

Однако в своем историческом повествовании об Урмийской православной миссии мы несколько забежали вперед. Вернемся к 1904 году – времени когда иеромонах Пимен впервые приехал в Урмию.

Годы 1904–1911

Если прочесть путевые заметки одного урмийского миссионера, написанные им, видимо, и по первым впечатлениям, и после знакомства с существовавшими тогда географическими путеводителями⁵⁸, то можно составить достаточно ясное представление о путешествии отца Пимена в Персию. Правда, его первая дорога в Урмию отклонилась в Череповец: в родном селе Васильевском умирал от болезни печени отец – протоиерей Захария Иванович Белоликов. Будущий деятель Урмийской миссии простился навсегда с человеком, на которого был во многом похож, которому был многим обязан, и поспешил на дело, ставшее главным в его недолгой жизни. Он расставался с Россией ровно на три года и вновь ступил на родную землю уже в период летне-осеннего отпуска 1907 года. В Персии же Господь сохранил его от эпидемии холеры и тифа, от малярии, шальной мусульманской пули и курдского ножа в спину – всех тех опасностей, которыми была полна жизнь миссионера в тех краях.

Путь по железной дороге пролегал через всю Россию с севера на юг и далее лежал через российское Закавказье. Впечатления были настолько яркими, что не чувствовалось утомления длинного пути. «Все казалось новым, значительным и страшно интересным». Тифлис. После атмосферы русского севера и малороссийского киевского колорита отец Пимен окунулся «в оживленный, цветущий промышленностью торговый город, административный и духовный центр Закавказья, столицу древнего Грузинского царства, разросшуюся в европейский город самый крупный в азиатских владениях России».

С огромным интересом он ждал встречи с сирийцами – айсорам, как их еще называли. «Неудивительно, если я должен был встретить здесь и персидских айсор и таким образом войти в соприкосновение с народом, среди которого отныне начиналась моя миссионерская деятельность. Айсоры начали переселяться в наши пределы из Персии еще в конце 30-х годов прошлого столетия, по окончании русско-персидской

войны. Тогда они в числе трех тысяч человек поселились в Эриванской губернии. Вскоре после того, как победы русских войск на Кавказе создали славу и обаяние среди живущих вблизи азиатских народов, наплыв персидских айсор в Закавказье стал увеличиваться. В настоящее время в одном Тифлисе их насчитывается до 2-х тысяч».

Впереди еще несколько этапов пути – по железной дороге через Эривань (Ереван) до Джульфы, на автомобиле до Тавриза, на лошадях до Урмийского озера, которое нужно было пересечь на парходике... и только тогда открывался вдали долгожданный город Урмия. Вновь назначенный миссионер, увлеченный новизной, любовался природой Закавказья, видом горы Арарат, расспрашивал попутчиков, записывал впечатления. «Через реку Бамбак настолько высокий железнодорожный мост (по высоте второй в мире), что из окон вагона она кажется тесемочкой... Наблюдая только из окна вагона, не раз задумываешься, как богато, вообще, Закавказье, во всем видно, как хорошо живут здесь захребетники сермяжной Руси...»

И уже по дороге от Тавриза к Урмии:

«Характерная особенность этой монотонной местности – высокие горные цепи по окраинам и безводные степные пространства в центре... Решительно не на чем отдохнуть глазу. Остроконечные каменные стены, лишённые всякого признака растительной жизни, мрачно вздымаются к светло-голубому небу. Укутанная как бы дымкой атмосфера. Царит полнейшая, ничем не прерываемая тишина. Всюду доминируют растрескавшиеся цепи известняка, песчаника и наносных сланцев».

И позднее закавказские ландшафты будут незримо сопровождать повествования владыки Пимена о судьбах урмийских христиан и делах Урмийской русской православной миссии.

По мере приближения к цели путешествия появляется чувство беспокойства оттого, что «бок о бок этот загадочный и ставший почему-то страшным Восток». Возникает множество затруднений, моментов риска, и именно здесь записи

обнаруживают немалую долю юмора – достойный способ преодолевать дорожные и жизненные невзгоды, свойственный, как видно по другим источникам, и самому Пимену, и всей урмийской братии. Хранимый Божиим покровом, путешественник благополучно достиг места своего назначения.

Сейчас трудно сказать, остались ли в Урмии, этом провинциальном городе на севере Ирана, следы большой русской колонии, некогда обитавшей здесь: 5-го Кавказского стрелкового полка, консульского казачьего конвоя, самого Русского консульства, Русского ссудного банка и, конечно же, Урмийской православной миссии. В 1904 году закончилось строительство главного миссионерского корпуса, Архиерейского дома, пансиона для учащихся. Двор Миссии свободно раскинулся на восточной окраине города – ближней к огромному соленому озеру с солончаковыми берегами. А город? О нем нам расскажут сами миссионеры. Так, отец Николай Рубин писал:

«В плодородной и хорошо возделанной равнине на запад от Урмийского озера в расстоянии 18 верст лежит город Урмия, весь утопающий в зелени своих садов и виноградников...

Дома здесь строят всегда посреди сада или двора и окружают их со всех сторон высокими глинобитными стенами. Улица же представляет собой узкий коридор с высокими грязными стенами по обеим сторонам.

Над узкими кривыми улицами вечно висит прозрачное облако пыли, подымаемой бесконечно движущимися караванами. Невыразимый шум и звон персидских бубенцов и колокольчиков, величиною от обыкновенного ореха до небольшого ведра, нацепленных на сбруе по бокам и на шее животных, наполняет воздух непрерывным гулом минорного тона.

Только дома богатых сирийцев, миссионеров и мусульман построены из обожженного кирпича, но большинство их находится вне городских стен. Эта часть Урмии оживлена растительностью, довольно опрятна и прилична, хотя и не везде. Но здесь и улицы широкие с аллеями ветел, и дома с окнами наружу»⁵⁹.

«В общем этот город, как и прочие персидские города, носит известный шаблонный характер: тот же ров и высокие глинобитные стены вокруг города, те же высокие городские ворота в нескольких местах, те же пыльные узкие улицы... Дома с плоскими крышами издали представляются неуклюжею кучею ящиков...

Отвратительное санитарное состояние Урмии всегда оплачивалось населением дорогою ценою. Еще у многих в памяти ужасная холера, бывшая здесь в 1904 году. Это мое первое впечатление от Урмии, где тогда можно было видеть внезапное заболевание и смерть людей на улице.

А теперь вместо холеры бесцеремонно гуляет брюшной тиф. От зараженного воздуха трудно уберечься как то показывают ежегодное появление здесь сильной малярии и случаи заболевания и смерти солдат и казаков нашего отряда летом минувшего года»⁶⁰.

В послужном списке деятельность отца Пимена в Урмийской миссии представлена ровным восхождением. По указу о вызове начальника Миссии архимандрита Сергия на чреду священнослужений в Петербург «три последних месяца 1905 года он [отец Пимен – Ред.] состоял начальником Миссии; в 1906 году назначен официальным помощником начальника Миссии; всемиловито сопричислен к ордену Анны третьей степени в 1908 году; в сан игумена с возложением палицы возведен 6 сентября 1908 года, 12 июля 1911 года – в сан архимандрита»⁶¹. К формуляру приписана характеристика: «Энергичен, весьма способен, в службе более или менее ровен».

Ко времени прибытия отца Пимена в Урмию, круг обязанностей миссионера уже определился. Новичкам оставалось принять этот «канон» к сведению и включиться в богослужения и проповедническую деятельность, преподавание в училище, заняться переводами, литературной публицистикой и издательским делом, помощью урмийским христианам в судебно-гражданских делах. А о своем внутреннем состоянии в первый период пребывания в Миссии епископ Пимен позднее говорил так:

«Жизнь в чужой стране среди неверного и разноязычного населения была всегда тревожна, временами же и опасна. Сперва там везде чуялись беды, поэтому меня часто посещала тоска по спокойной жизни в России, боязнь как за свою жизнь, так и за свою честь и успех своего дела. Понемногу, однако, это миновало и уступило место молодому задору и самоуверенности в борьбе с врагами России и Православия. Указанное настроение явилось вскоре же, как только обнаружили мои успехи в изучении местных языков, края, народонаселения и миссионерского дела западных христиан. Религиозного и благочестивого в этом горделивом настроении было мало. Поэтому-то оно и повредило моей деятельности в Персии, ибо удалило меня оттуда. О, как бы хотел я забыть эти ошибки самоуверенности и преувеличенной самооценки, но хорошо, что я не могу забыть этого!».⁶²

Домовая церковь Миссии была устроена на втором этаже главного корпуса и освящена во имя преподобных Кирилла, просветителя славян, и Сергия Радонежского. Сохранились фотографии интерьера храма, помнившего владыку Пимена молодым иеромонахом и потом епископом Салмасским. Последнюю службу в церкви Миссии он отслужил накануне отъезда в город Верный на Крестовоздвижение 1917 года. После революции советское правительство передало все строения Миссии Ирану – и храма не стало.

Один из миссионеров⁶³ назвал храм «тихой пристанью, куда может прибегать для отдохновения и укрепления уставшая душа миссионера». Но у храма было и другое, уже чисто миссионерское, назначение – всей своей обстановкой давать представление о красоте и силе православного богослужения. Этому не мало способствовал орехового дерева резной иконостас с изображениями русских угодников Божиих и сирийских святых, напоминавших о славном прошлом древнесирийской Православной Церкви.

Миссии принадлежал древнейший в Урмии храм Март-Мариам (т. е. Владычицы Марии), он стоял на кладбище с тем же названием. По преданию, одни из волхвов, пришедших поклониться Младенцу Христу, по имени Каспар, был перс

родом из Урмии. Его останки покоились под одной из стен Март-Мариамской церкви, окруженной благоговейным почитанием не только христиан, но и мусульман. Усилиями Миссии над древним строением был надстроен еще один храм – во имя Святителя и Чудотворца Николая.

Как уже отмечалось, отец Пимен был «летописцем» Миссии, занимался литературной работой, вел обширную переписку со многими издательствами. Из-под его пера вышло около полусотни писем и корреспонденций в русские газеты и журналы. Информировать общественность России о событиях, связанных с переходом целой части народа и православную веру в стране Льва и Солнца – исконно мусульманской стране, – превратилось для Миссии помимо прочего в суровую необходимость по той причине, что привлекательный, «ходкий», окрашенный элементами восточной экзотики материал зачастую оказывался в руках случайных людей, искажавших истинную картину дела. Даже подводя итоги пятнадцатилетнего существования Миссии, миссионеры были вынуждены отметить «выходки лжебратий – разных корреспондентов, мимолетных наблюдателей нашей работы и криво о ней судивших».

На протяжении многих лет отец Пимен посылал свои очерки в «Русский паломник», «Церковный вестник» и особенно в «Московские ведомости»⁶⁴. Цель привлечь к Миссии внимание и вызвать сочувствие церковной общественности России успешно достигалась.

В 1911 году отец Пимен решился послать в далекую Японию знаменитому японскому миссионеру архиепископу Николаю (Касаткину) свою книжечку «Урмия в годы персидских смут». Японский святитель сердечно поблагодарил за книгу, заметив, однако, что с большей частью изложенного он уже знаком по публикациям автора в «Московских ведомостях».

Отголоски обширной пименовской корреспонденции тех лет нашлись даже в «Туркестанских епархиальных ведомостях», издававшихся в городе Верном. В них также появилась перепечатка из «Владикавказских епархиальных ведомостей» урмийского сообщения отца Пимена «Следы иудейства и

язычества в религиозности православных жителей Урмии и Кавказа»⁶⁵.

Одна из самых интересных страниц урмийских трудов отца Пимена – переводческая деятельность.

В 1902 году в Миссии была создана комиссия по переводу богослужебных текстов с церковнославянского на древнесирийский язык. Одновременно комиссия обратилась и к древнесирийским церковным писателям донесторианского периода. Труды ученых урмийских монахов принесли свои плоды: были переведены и отпечатаны в миссионерской типографии многие чинопоследования Православной Церкви. Начальнику Миссии епископу Сергию принадлежала заслуга составления сирийско-русского словаря.

Вклад в переводческие труды Миссии будущего епископа Пимена на удивление объемный и значительный. Он добросовестно переводил учебную литературу для училища при Миссии. В письме от 28 марта 1910 года к своему духовному отцу, митрополиту Флавиану, отец Пимен перечислил только то, что перевел за 1909 год, и объем проделанной работы впечатляет, тем более что перечисление переводов сопровождается сетованием на нездоровье: «Нынешний год оказался очень тяжелым для меня. За зиму я два раза болел сильной лихорадкой и теперь совершенно отощал и ослаб. Но не теряю надежды на поправку и молю Бога о том, чтобы скорее миновали мои немощи и я по-прежнему энергично нес бы свое служение. Я преподаю 6 предметов, надзираю за учениками и перевожу богословские сочинения на новосирийский язык. За этот год я перевел Церковную историю Евграфа Смирнова, хотя и неполную (опустил несколько страниц из истории просвещения в Восточной Церкви и Западных религиозных обществах за 2 последних периода); перевожу теперь богословие Преосвященного Макария⁶⁶, перевел Историю гражданскую общую с русского (курс Биллярминова), наконец, кончаю перевод Гиляровского «Психологии». Бог даст, этим летом начнем печатать кой-что из переведенного»⁶⁷.

Самая интересная и значительная часть переводов отца Пимена – древнесирийские житийные и святоотеческие тексты.

Отец Пимен перевел «Житие блаженного Мар-Евгена, начальника иноков страны Низибийской на горе Изла», «Житие святого Иакова, епископа Низибийского в городе Тхумы», «Сказание о славных делах Раббулы, епископа благословенного города Ургэй (Эдессы)», «Гимны святого Раббулы», «Речь о человечестве Господа, которую написал Кирилл, епископ Александрийский, к благословенному царю Феодосию и послал экземпляр его к святому Раббуле...», «Изъяснения, которые произнес Мар-Раббула, епископ Ургэй, в Константинопольском храме пред всем народом».

Из сделанных им переводов на древнесирийский богослужебных текстов были изданы чинопоследования праздников Рождества Богородицы и Крестовоздвижения. Не так давно преподаватель Московской Духовной Академии А. И. Сидоров выпустил в свет в серии «Библиотека отцов и учителей Церкви» сочинение Блаженного Феодорита Кирского «История боголюбцев». Древнее сочинение является патериком раннего сирийского монашества. В качестве приложения к публикации А. Сидоров поместит памятник сирийской агиографии «Житие блаженного Мар-Евгена, начальника иноков в стране Низибийской на горе Изла», переведенный архимандритом Пименом. Перевод был напечатан в Сергиевом Посаде в 1913 году, и, видимо, это обстоятельство объясняет, почему именно он оказался включенным в поле зрения патрологов. Другие, не менее значительные, переводы отца Пимена были также опубликованы им накануне первой мировой войны, но не в общероссийских изданиях, а в малотиражном миссионерском журнале «Православная Урмия» и потому малоизвестны русской церковной науке.

Аьртъ рtdахпi и Дхулкфа(Эрщ.1.)
чр*зь Россіксхот Имтраторскот
вице – консульство » Русого*
Православной Духовной Миссіи.

Номера журналов «Православная Урмия» за 1913–1914 годы фактически авторские: большая часть опубликованных материалов принадлежит архимандриту Пимену. В одном случае стоит полная подпись, в другом – инициалы, в третьем

не стоит ничего, но стиль угадывается – это опять он. Переводы (за полной подписью переводчика) помещаются из номера в номер. Остановимся несколько подробнее на переводе отцом Пименом Жития святого епископа Раббулы.

Антиохийская Церковь внесла немалый вклад в общую сокровищницу христианства. Блаженный Раббула, как и другие древние сирийские святые, входит в число общепочитаемых христианских святых⁶⁸.

Еще сравнительно недавно, в 50-х годах XX века, известный патролог Г. В. Флоровский отмечал, что раннесирийская христианская литература изучена слабо. Очевидно, эта причина и побудила отца Пимена обратиться к имени забытого сирийского аскета-подвижника Раббулы, богослова, гимнографа, обличителя неправомыслия Нестория.

Если начать чтение «Сказания о славных делах Раббулы»⁶⁹, появляется и уже не оставляет чувство значительности текста, текущего, как глубокие и ровные воды. Слово из раннего средневековья читается так, будто его написал наш современник. Все достойное, что отмечается в сирийском православном епископе Раббуле, – ответ на нашу нынешнюю, знакомую многим ностальгию по праведному, неутомимому борцу с грехами, облеченному в епископское достоинство! Идеальный образ, который подсказывала христианская интуиция, облекся здесь в достоверность и осязаемость. Нельзя сказать, что житийная литература Православия скудна жизнеописаниями святителей. Напротив, но дело в том, что конкретное время всякий раз порождает по-своему прочувствованный идеал – вроде бы и тот, что и всегда, да и не тот, так как к нему добавляются требования, порожденные только нашим опытом. Настойчивое подчеркивание милосердия эдесского епископа выявляет эту черту характера как решающую в устройении христианской души, а слово, дело, личная жизнь святого представляются главными факторами в устройении Церкви. Для отца Пимена «Сказание о славных делах Раббулы» было, наверное, не только переводческой школой, но и значительным нравственным уроком, преподанным на будущее.

Переводы отца Пимена были основой его будущей магистерской диссертации. Об этом можно судить по строкам из письма к митрополиту Флавиану где он пишет о симпатиях к древнесирийскому языку, который «использует для написания магистерской диссертации»⁷⁰. О ее содержании отец Пимен упоминает в другом письме – к архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому). Темой был выбран памятник «Сирийской дидаскалии», то есть учительства (дидасками в Древней Церкви называли учителей, толковавших Евангелие)⁷¹.

Магистерская диссертация так и не была подана к защите. Рукописи переводов, прочие материалы бесследно исчезли после гибели их хозяина. Но все еще теплится надежда, что из алма-атинских архивов их могли, как утверждают старые архивные сотрудники, передать в московские. Хотя прискорбных предположений куда больше, и они почти убеждают, что архив владыки Пимена пропал.

Не стоит удивляться или гадать, почему предрасположенный к научным занятиям сотрудник Миссии не стал магистром богословия. Ведь именно на годы его миссионерского служения пришлась так называемая Иранская революция 1906–1911 годов, которая началась вслед за событиями 1905 года в России. Советские историки называют ее антифеодальной и антиимпериалистической, но в начале века в России такие события именовались проще и точнее – смуты. Шла борьба за власть «наверху», и неустойчивостью воспользовались «моджахиды» и «фидаи» – революционеры, во многом наученные «товарищами» из русского Закавказья.

7 октября 1906 года открылся первый иранский Парламент – меджлис, который принял конституцию, ограничивающую власть шаха. Но менялись шахи, создавались новые конституционные учреждения, а страна оставалась полудикой, непросвещенной идеалами честности, скорого справедливого суда и милосердия, реально действующим в ней законом оставался закон грабежа. Русские миссионеры, наблюдавшие первобытные беззакония, искренне были уверены, что присутствие русского начала в стране будет для нее благом. В 1907 года Россия и Англия заключили между собой соглашение,

по которому северная часть Ирана стала территорией русского присутствия, к глубокой радости и облегчению для миссионеров. Скоро в Урмии появились русские военные отряды. После особо тяжелого периода Тебризского восстания 1908–1909 годов – русское оружие постепенно положило смутам конец.

В это время отец Пимен пишет небольшую книжку «Православная Урмия в годы персидских смут». Она рассказывает о трагической судьбе православных сирийцев, оказавшихся среди персов, курдов, турок, усвоивших практику безнаказанности смутного времени, и о трудностях миссионерского дела в этих условиях. Брошюра была напечатана в 1911 году в Киеве в типографии КиевоПечерской Успенской Лавры.

«Русские миссионеры, – говорится в брошюре, – пришли в Урмию по приглашению самих сирийцев, и начало их деятельности выгодно отличило их от прочих, инославных, миссионеров, занимающихся теперь в Урмии ловлей сирийских душ. Оно дает нам возможность не приспособляться к сирийцам в том, в чем нельзя к ним приспособиться, быть прямодушными и откровенными в разговоре с ними – одним словом, высоко держать знамя Православия, которому, кажется, одному суждено объединить этот исстрадавшийся и разложившийся народ.

Сирийцы Урмии пока не понимают этой цели и вместе основания нашей деятельности. Многие из них откровенно нам заявляли, что мы должны являться к ним только для раздачи милостыни, путем ли открытия бесплатных школ, постройкою ли храмов, ходатайством ли на суде или помощью нищим, безразлично». Но люди более дальновидные понимали, что «наша Миссия нужна не только как благо творительное учреждение, но и как такая воспитательница их, которая может впоследствии приобщить их к благам русской жизни и культуры. На Персию у сирийцев плохая надежда потому что и в обновляемой Персии основанием реформ остается тот же Коран, как раньше. Америка – за морями, да и ее миссионеры начинают жить в свое только удовольствие. Католические

монахи – лазаристы из Франции – работают среди сирийцев, но кто теперь не знает, что и эти миссионеры убежали из своего отечества и в Персии нашли только убежище для себя. А Россия у сирийцев у всех на уме, Россия у них под боком.

И эта Россия известна сирийцам как защитница христиан от злобы мусульман. Пусть нас не обвиняют в политической агитации среди сирийцев. Они сами прекрасно знают, на что им ближе всего надеяться. Защита, защита, защита – вот о чем вопят ежедневно сирийцы и нигде ее не находят, кроме русской Миссии и консульства в Урмии».

Во второй части брошюры, где представлена картина деятельности миссионеров, меняется первоначальное настроение книги. Автор пишет, что в завершении ее повеяло теплой надеждой. Но далее он замечает: «Не моему слабому слову усилить и возгреть ее, потому что суровая действительность нашего времени способна разрушить самые светлые упования». Заключительные строки выражают поразительно теплое чувство, и невольно отмечаешь: успех миссии всегда обусловлен избытком любви.

«Осмелюсь прибавить, что народ, портившийся под разнообразными влияниями в продолжение сотен лет, не мог преобразиться в течение каких-нибудь двенадцати лет под влиянием горсти работников, состоящей из 4–5 человек. И вы, несомненно, еще долгое время будете слышать мало утешительного про сирийцев.

Но вашей помощи, вашей милости всегда будет ждать исстрадавшаяся и озлобленная беднота сирийская, ни в чем не виноватая и никому не угрожающая. Ради этой бедноты и мы здесь работаем в надежде на помощь Божию и на помощь наших братьев – ревнителей благовествования Христова»⁷².

По поводу этой книги в журнале «Православная Урмия» появилась небольшая заметка без подписи под названием «Со страниц прошлого» – дружеское слово вслед автору, весной 1911 года оставившему Миссию:

«В руках у меня написанная год назад брошюра... последняя памятка доброго сердца бывшего деятеля русской Духовной миссии в Урмии, ныне ректора Ардонской Семинарии

архимандрита Пимена... Поездки миссионеров по селам для богослужения и проповеди теперь часто соединяются с опасностью для жизни. Автор брошюры сам был обстрелян курдами осенью 1907 года и спасся от них только благодаря быстрым ногам своего коня. В актовом зале самой Миссии посетитель увидит в стене пулю какого-то шального мусульманина, упражнявшегося в стрельбе и избравшего мишенью наше жилище»⁷³.

Отец Пимен уехал в Россию из-за несложившихся отношений с начальником Урмийской миссии, архимандритом Сергием. Впервые он принял решение оставить Миссию в конце 1910 года. Позади были шесть лет увлеченных трудов, опасностей с риском для жизни. Он занимал должность помощника начальника Миссии. Мы уже говорили о том, насколько обширно было поле деятельности миссионеров, сколько требовало нравственных усилий, дальновидности, терпения, какую твердость в вере и какой политический кругозор предполагало! Польза дела требовала неизменно подчиняться начальнику Миссии, за которым всегда было последнее слово. Архимандрит, а потом епископ, Сергей обрек своего не менее даровитого и энергичного помощника на роль «вечного второго». Готовность отца Пимена к самостоятельному решению вопросов и инициативность не могли развернуться в полную меру, потому что как старожил Миссии и как ее начальник епископ Сергей оставался тем единоначалием, которому отец Пимен осознанно уступал, конечно же, ради общей пользы цела. Несомненно, что в интересах Миссии отец Пимен жертвовал собой. Но рано или поздно должен был встать вопрос, насколько оправданна затянувшаяся жертва с точки зрения интересов Церкви и того Божия предназначения, которым отмечен каждый человек. Был и другой мотив, побуждавший отца Пимена просить об отзыве из Миссии. Он заключался в чувстве неудовлетворенности малыми церковными запросами паствы, как отмечается в рапорте начальника Миссии. В донесении архимандрита Сергия митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому) от 15 сентября 1910 года говорится:

«... Относительно русского состава Миссии я должен добавить, что о. игумен Пимен становится более нетерпеливым и менее выдержанным, чем прежде. Все уже замечают, что он тяготится своим положением и настроен против меня. Мне удастся сглаживать самые неудобосглаживаемые шероховатости, о коих и писать лишне, но все же положение нелегкое.

Отец игумен – почтенный труженик, но он желает более широкого и свободного поприща деятельности. В дополнение он здесь часто страдает от лихорадки и ревматизма. Он просил меня письменно ходатайствовать о его переводе в Россию. Его перевод – дело необходимое, ибо раз у него сердце не лежит здесь, то и не следует силой держать. Но кто же его заменит? Я бы желал иметь помощника хоть немного мне сочувствующего (этого не было и нет в Пимене: во всем он против).

Я запросил о. Корнилия, но еще не получил ответа. Его перевод сюда с возведением в сан игумена и с увеличением (жалованья) до 175 р. в месяц (вместо теперешних 125) для меня очень желателен. И он сам все еще не забыл Урмию... Если не удастся осуществить перевод о. Корнилия, то уезд о. Пимена может очень тяжело сказаться на Миссии за неимением достойного заместителя».

20 сентября 1910 года святейший Синод открыл «Дело по ходатайству начальника Урмийской духовной миссии о замещении его помощника игумена Пимена другим лицом». 13 октября 1910 года архимандрит Сергей выслал дополнительно к донесению рапорт, в котором повторяется просьба отца Пимена и дополняются обстоятельства его жизни в Урмии:

«Помощник начальника Миссии игумен Пимен обратился ко мне с письменным заявлением, в коем излагает, что за шестилетнее пребывание в Урмии его здоровье, и без того слабое, значительно пошатнулось от неблагоприятного влияния урмийского климата (здешней лихорадки, истощающей организм). Ввиду этого он, игумен Пимен, просит ходатайствовать меня перед высшей церковной властью о предоставлении ему другого места службы где-либо в России.

Со своей стороны я считаю долгом службы донести, что, во-первых, урмийский климат при всех его удовлетворительных сторонах на некоторых лиц влияет плохо, вследствие упомянутой лихорадки, и что игумен Пимен в последнее время хворает больше, чем в прежние годы своей здесь службы, во-вторых, о. игумен – почтенный работник Миссии, но, как заметно, многие отрицательные стороны урмийской церковной действительности в последнее время сильно расхолаживают его церковную ревность к насаждению здесь Православия (сирийцы в общем обнаруживают мало склонности к собственно церковной и духовной стороне Православия), и, в-третьих, о. игумен как человек даровитый, работоспособный и энергичный, несомненно, с известного времени желает деятельности на поприще более широком, чем то положение, какое он здесь занимает. В дополнение ко всему, о. игумен принадлежит к числу таких натур, которые склонны спокойно и лучше работать тогда, когда им дается больше инициативы, а последняя, конечно, у него как у помощника начальника не может быть большая».

Отец Сергей просит совершить перевод весной 1911 года по окончании учебного года в миссийском Духовном училище. «Я не думаю, чтобы игумен изменил сложившееся в нем желание и убеждение в том, что ему нужно служить в России. А равно я не думаю, чтобы он мог отныне проходить здесь свое служение с той необходимой ревностью, какую он имел прежде. В смысле невозможности его перевода теперь я со своей стороны сделал ему соответствующие объяснения»⁷⁴.

В результате рассмотрения дела о переводе отца Пимена в Россию в «Церковном вестнике» в марте 1911 года появилось Определение Святейшего Синода:

«На должность ректора Александровской Ардонской Семинарии назначить помощника начальника Урмийской миссии игумена Пимена (Белоликова) с возведением его на основании примечания к парагр. 24 Устава Духовной Семинарии в сан архимандрита»⁷⁵.

Год ректорства в Ардонской Духовной Семинарии не принес отцу Пимену каких-либо осложнений. Он сумел расположить к

себе сотрудников, скрепить корпорацию Семинарии, но вскоре начал жалеть о совершенном шаге и, не смотря на то, что ректорство сулило очень быстрое продвижение по службе, принял твердое решение вернуться и Миссию. О своих сожалениях он написал митрополиту Флавиану из Ардона уже 11 ноября 1911 года:

«С Урмией расстался, по об Урмии скорблю, не переставая. И у меня там были привязанности, и их пришлось порвать. И чем дольше живу здесь, тем больше душа моя просится в Урмию. Поведал я тайный зов души моей Высокопреосвященнейшему Николаю, архиепископу Японскому. Святитель ответил мне: «Вижу из Вашего письма, что сердце Ваше и Урмии. Дай Бог, чтобы тайный зов души Вашей опять привел Вас в Урмию». Пока держусь, Владыко святой, но думаю, что моя привязанность к Урмийской миссии не исчезнет. К этому надо прибавить и чувство раскаяния пред о. архимандритом Сергием. Я с ним кое в чем не соглашался, я восставал против него. Но я забывал о его постоянном благожелательном отношении ко мне; я не уважал ревности его, я не замечал его высокого самоотвержения Пишу это не затем, чтобы сейчас проситься в Урмию, но чтобы, если буде т в том нужда предложить свои услуги для тамошней духовной нивы...».

В другом письме к владыке Флавиану, датированном 2 июля 1912 года, отец Пимен пишет:

«Понятна мне стала в текущем году поведенная Вами нам, еще бывшим молодыми послушниками, тоска Вашего Высокопреосвященства по Миссии и по миссионерскому делу. Стосковал и я и решил Богу содействующу продолжать начатое дело в Урмии. Дело разворачивается очень широкое, предвидится присоединение, патриарха Мар-Шимуна к Православию с целым сонмом несториан мирян и духовных лиц. Отец Сергей работает сильно, но не помог ему новый заместитель священник Рубин, который и уехал уже из Урмии. Я, раскаявшись в своем непостоянстве и малодушии, еду помогать ему туда. Прошу Ваше Высокопреосвященство

благословить меня, да укрепит меня Господь и да даст нам плод обильный»⁷⁶.

Надежды начальника Миссии отца Сергия на иеромонаха Корнилия были напрасны: от предложения поехать в Персию повторно он решительно отказался, не захотел сменить должность инспектора Санкт-Петербургской Духовной Семинарии на беспокойную жизнь на Востоке. Заменивший на короткое время отца Пимена саратовский священник Николай Рубин тоже надолго в Миссии не задержался. Его история в двух словах была такова. Овдовев, он собирался принять постриг. Не сумев пройти подготовку к нему в Оптиной пустыни, решил сделать это в Персии под началом «строного архимандрита Сергия», но и эта попытка, видимо, также не была удачной, и через полгода отец Николай вернулся в Россию. В Миссии постоянно появлялись сотрудники, которые надолго в ней не задерживались. Упомянутый иеромонах Корнилий (Соболев) прибыл одновременно с отцом Пименом в 1904 году и прослужил до 1907 года. Тогда же приступивший к деятельности иеромонах Сергей (Шемелин) отбыл в декабре 1905 года, а приехавший за год до них иеромонах Ювеналий (Масловский) засобирался в Россию уже летом 1904 года. Сказывались многие неблагоприятные обстоятельства, среди них – постоянная опасность для жизни и чести миссионера.

Отец Пимен уезжал из Урмии трижды, дважды возвращался, ибо не мог забыть восемь лет, проведенных среди сравнительно небольшой группы сотрудников Миссии с которыми были пережиты общие тревоги и опасности лихолетья персидских смут. Об этом, ни с чем несравнимом, миссионерском братстве и единении отец Пимен, оставивший добровольно Миссию и служивший уже во Владикавказской епархии, заскучал так, что попросился назад. Оказалось, непросто оторваться сердцем от ставшей близкой Урмии.

Намерение архимандрит» Пимена вернуться в Урмию возвысило его в глазах церковной общественности. «Кавказский благовестник» писал:

«Святейшим Синодом назначен помощником начальника Урмийской миссии архимандрит Пимен (Белоликов). Это

назначение в особенности знаменательно тем, что состоялось по желанию самого же архимандрита Пимена, причем он оставил видное место ректора Александровской Семинарии в с. Ардоне, сулившее ему быстрое повышение по службе.

Миссионер по призванию, он изучил сирийский язык и с любовью говорит о развитии православной миссионерской деятельности не только в Урмии, а и в Курдистане и даже в Турции.

Вновь назначенный помощник Урмийской миссии – уроженец Новгородской епархии и кандидат Киевской Духовной Академии. Отправляясь к горячо любимой Миссии уже во второй раз, архимандрит Пимен, помимо миссионерской деятельности думает там закончить свои ученые труды»⁷⁷.

Годы 1912–1914

В августе 1912 года архимандрит Пимен вернулся в Миссию, чтобы прожить там еще два плодотворнейших года. Поет ли хор учащихся Духовного училища – регентует отец Пимен, создается ли библиотека для военнослужащих Урмийского гарнизона – книги «солдатикам» по средам и пятницам выдает отец Пимен. Он освящал закладку здания городского Николаевского коммерческого училища для местного населения, выполнял послушание полкового священника на приведении к присяге молодых стрелков, редактировал журнал, сам писал для него. Отец Пимен активно содействовал тому, чтобы гарнизонный духовой оркестр играл по воскресеньям во дворе Миссии, радовался этому от всей души и горячо поддерживал идею проведения концертов силами русской колонии. Он гордился успехом концертов и впечатлением, которое произвели на местных жителей русские пляски и пение. Любое положительное проявление русского влияния вызывало в нем всплеск воодушевления. При деятельном участии архимандрита Пимена в весенние дни 1914 года при Миссии была создана червоводня шелковичных червей.

При всем том отец Пимен оставался священником, который проповедовал без устали. 15 апреля 1914 года он освятил закладку трех заведений русского подданного Афтандилова: лесопилки, паровой мельницы и кирпичного завода. «Успех указанных предприятий, – предупреждает его проповедь, – обеспечится, если предприниматель будет преследовать не цель личного только обогащения, а общую пользу и будет всегда иметь страх Божий». 20 мая того же года отмечалось 50-летие завоевания Кавказа, на урмийском плацу отец Пимен служил панихиду по убиенным русским воинам и в своей речи сказал много проникновенных слов о России и о культурно-историческом значении празднуемого события. В небольшом выступлении перед закладкой упомянутого Николаевского шестиклассного городского училища в Урмии 30 мая 1914 года отец Пимен сказал:

«Слава Богу, управляющему течением жизни человеческой! Он нас убожит и оживляет, смиряет и возвышает, разъединяет народы и опять их соединяет между собою. Это таинственное соединение представителей двух народов мы и теперь наблюдаем. Одним Господь дает возможность делать добро, другим посылает искреннее доверие и желание принять это добро. Одни протягивают руку помощи, другие берут эту руку, чтобы идти и действовать по ее указанию. Первые обещают свет знаний, другие готовы следовать за этим светом. Действительно, близко утро, когда исчезнут ночные страхи, когда люди с доверием и надеждою будут взирать на мир Божий и род человеческий. И когда настанет это утро, почерпайте воду с веселием от источника спасения, ныне открываемого.

Господи! На этом месте пошли свет Свой и истину Свою. Дай возможность одним совершить начатое доброе дело, другим принять его и оказаться достойными его. Аминь»⁷⁸.

В этих словах отражаются нравственные и духовные мотивы, которыми руководствовались русские люди в своей деятельности в Закавказье и Персии, в первую очередь сам отец Пимен. В одном из материалов в «Православной Урмии» он сформулировал далеко идущие задачи России как покровительницы христиан в мусульманских странах. Влияние России необходимо укреплять для усиления армян в Турции и сирийцев в Персии и Курдистане, потому что исчезновение или ослабление этих христианских народов отнимет у России славу покровительницы христиан в мусульманском мире, даст возможность встать против Кавказа сильному, сплоченному народу имя которому будет объединенный тюркский народ. В другой статье он предупреждает, что неизбежным действием в защите христиан в мусульманском мире является прямое давление, которое одно только принимается на Востоке.

Следует отметить, что миссионерская евангельская проповедь произносилась на сирийском языке. Ее лучшие образцы, в том числе и пименовские, печатались в журнале, который Миссия издавала на сирийском языке с 1905 года.

Расположенный ко всем людям и всякому доброму начинанию, архимандрит Пимен был незаменим и в

гражданских, и в духовных делах. Светлая открытость навстречу другой душе и свойственная отцу Пимену потребность миссионерского единения сделали его инициатором переписки со знаменитым миссионером в Японии – архиепископом Николаем (Касаткиным)⁷⁹. Кончина японского святителя в 1912 году побудила отца Пимена написать о нем статью.

«На мне лежит нравственный долг поделиться с людьми, преданными интересам нашей Церкви, воспоминаниями о почившем апостоле Японии... Эти воспоминания не суть плод моего личного знакомства с ним: я никогда не видал лица его. Но и мои прежние сослуживцы по Урмийской миссии всегда ставили этого дивного проповедника истины Христовой себе за образец, стремились при всяком удобном случае войти с ним в сношение.

А любовь архипастыря-миссионера всегда побуждала отвечать его на запросы и недоумения его младших соработников, преподать им мудрый совет, утешить, ободрить их.

Еще в 1906 году из Урмийской миссии были отправлены просветителю Японии составленный мною отчет о состоянии Миссии за 1905 год и несколько отпечатанных в типографии Миссии богослужебных книг на сирийском языке.

Святитель вскоре же ответил любезным письмом и присылкою книг, изданных им и его ближайшими учениками на японском языке. Конечно, нам самим нельзя было бы проникнуть в содержание этих книжек в красивых красных кожаных переплетах, испещренных продольными столбцами каких-то непонятных иероглифов. Но любящая рука апостола Японии сделала по-русски надпись на каждой книжке уясняющую ее содержание и указывающую ее назначение – в библиотеку Урмийской православной миссии. Интересны были и иллюстрации, приложенные к этим книжкам, обнаруживающие тонкий эстетический вкус, как самого апостола Японии, так и доставшегося его жребию народа...

Но особенно интересно было письмо архиепископа Николая, приложенное к вышеупомянутым книгам. В нем видна также миссионерская ревность, которая воодушевляла всю его

жизнь... Порадовался он успехам Урмийской миссии и выразил скорбь о том, что мало еще Русская Церковь дает проповедников-миссионеров среди народов, жаждущих истины Христовой. Но, видно, Господину жатвы неужгодно еще извести делателей на жатву Свою, заключил святитель Божий свое отеческое письмо к нам. Порадовались мы этому его вниманию к нам и подивились его чисто юношескому почерку, живости его мыслей, миссионерской ревности и отеческой любви к нам, его младшим соработникам...»⁸⁰.

К 1914 году география влияния Урмийской православной миссии начала расширяться. Открылась дочерняя Миссия в провинции Салмас, в Хое, которую возглавил иеромонах Виталий (Сергеев). Начались переговоры о воссоединении с Русской Православной Церковью несториан Курдистана, и епископ Сергей отправился в места их проживания – туда, где жизнь человека не ценилась ни во что, где не было никакой единой власти, которая могла бы сдерживать страсти вооруженных с ног до головы людей, где сирийские христиане жили во многовековом плену у курдов.

В октябре 1913 года в Миссию явились два несторианина и попросили от имени пославшей их общины сульдюзского селения Мамет Яра принять их в Православную Церковь и направить к ним православного священника. Туда послали добровольца-миссионера отца Иону Геваргизова. Мало-помалу отец Иона присоединил к Православной Церкви до 350 душ. Земля в Сульдуже принадлежала помещикам-мусульманам – мугаджирам (беглецам) из Эриванской губернии. Они мало считались с интересами христиан, могли в любой момент отказать в земле и месте для жительства. Помещики писали властям о нежелательности насаждения здесь Православия. Но отец Иона продолжал бороться за интересы христиан, не обращая внимания на угрозы.

8 мая 1914 года в Сульдуз поехал отец Пимен. «Сульдюзские впечатления» – так назвал он рассказ об этой поездке. Рассказ дает возможность прочувствовать обстановку и неповторимый колорит миссионерского служения в Иране. В отличие от Курдистана Сульдуз с его центром в Соуджбулаге

оставил в общем благоприятное впечатление. «Мы покинули смиренный и тихий Соуджбулаг, пожелав ему, чтобы он увидел не только русские штыки и флаги, но и русские книги, и русские школы, и святой крест»⁸¹.

Общие права сирийца-христианина в Персии были сильно урезаны: на суде свидетельству мусульман оказывали полное доверие при невнимании к доводам христиан. Посредничество Миссии приносило сирийцам-христианам большое облегчение. И для работников Миссии судебная деятельность была хорошей школой для изучения всех сторон жизни сирийцев, их нравов и обычаев. Об одном из таких дел отец Пимен пишет в «Православной Урмии»:

«Еще в недавнем прошлом христиане Урмии, невольно почитая священный день мусульман – пятницу (джума), не имели возможности по-христиански встретить и проводить христианские воскресные и праздничные дни. Персидские власти не стеснялись с этими днями и по разным делам тягали в город на суд, а нередко и в тюрьму сажали христиан именно в эти дни... Отвыкали таким образом сирийцы от семей, отвыкали и от храмов и дичали, привыкая чтить только мусульманский произвол. Такая необеспеченность покоя сирийцев в воскресные и праздничные дни побудила нашу Миссию поднять дело о возвышении чести воскресных и праздничных дней в том смысле, чтобы персидские власти Урмии не беспокоили христиан в эти дни...»⁸².

Примечательным местом Урмийской православной миссии был ее двор. Окруженный каменной оградой, с быстро выросшими деревьями, он представлял собой колоритнейшую картину. Здесь была настоящая толкучка с утра до вечера. То там, то здесь стояли и сидели группы просителей по судебным делам. Хотя Миссия добровольно взяла на себя роль посредницы между персидским судом и сирийцами-христианами, за помощью обращались не только православные сирийцы, но и лютеране, и несториане, в угоду ситуации принимавшиеся восхвалять достоинства русской веры и ее пастырей. Приходили и мусульмане, угрожая в случае неоказания им помощи «сесть в бест» – нечто вроде сидячего

молчаливого протеста. Однажды такую группу нашли в конюшне – укрытие в доме, по тамошнему обычаю, означало неизбежность последующей помощи.

Между чалмами и барашковыми папахами мелькали изредка скуфейки миссионеров и их умные энергичные лица. Появление начальника Миссии отца Сергия или его заместителя, отца Пимена, вызывало всеобщее оживление, просители окружали их тесным кольцом и принимались бурно излагать суть тяжбы. В конце концов, Миссия была вынуждена установить для просителей два дня в неделю и строго указать, что разбираться будут только дела православных христиан. Удовлетворить всех приходящих означало совсем оставить миссионерское дело и превратиться в суд и полицию.

Завершали зрелище на миссийском дворе разминающиеся в рукопашной борьбе юноши в форменных фуражках и тужурках – ученики семилетнего Духовного жилища при Миссии, дорогого ее детища, основы надежд и упований.

Это училище было основано в 1902 году по типу русской Духовной семинарии, но с семилетним курсом; не обучали в нем только древним языкам и философии. Общее число воспитанников составляло 70–90 человек, и почти все они жили при училище. Кое-кто по окончании училища уезжал учиться в Россию: известно, например, что в 1916 году юноши-сирийцы учились в Самарской, Пермской, Воронежской Духовных Семинариях.

Выпускники училища были призваны послужить сирийской нации в качестве учителей, клириков и вообще культурных деятелей. Приложение своих знаний они должны были найти и у мусульман, что поставило бы последних под христианское влияние. Питомцы Миссии пополняли кадры учителей сельских школ, которых Миссия устроила до шестидесяти – с двумя тысячами мальчиков и девочек. Уместно сказать, что сельские школы для детей-сирийцев всецело содержались Миссией: она платила жалованье учителям, покупала ученикам книги, учебные принадлежности и дрова, чугунные печи для отопления помещений и даже рогожки, на которых сидели ученики и ученицы⁸³. Преподавание велось на родном сирийском языке. С

русским языком учащиеся знакомились, но, ни о какой русификации речи не было.

Миссионерским училищем и сельскими школами заведовал помощник начальника Миссии архимандрит Пимен, который для первого был как бы ректором, а для вторых епархиальным наблюдателем⁸⁴.

В отчет училища за 1913–1914 учебный год отец Пимен включил имена преподавателей и названия дисциплин, которые они вели:

Заведующий училищем архимандрит Пимен – психологию, Священное Писание Ветхого и Нового Завета, литургику, церковную историю.

Священник Павел Иванов – новый и древний сирийские языки, догматику.

Священник Авдий Георгиев – русский язык, физику, нравственное богословие.

Диакон Александр Моисеев – географию, русский язык, катехизис, литургику.

Учитель Павел Георгиев – арифметику, русский язык, гражданскую историю.

Учитель Давид Ширинский – арифметику, алгебру, геометрию.

Учитель Матвей Яковлев – географию, новосирийский и древнесирийский языки.

Учитель мирза⁸⁵ Иосиф – персидский.

Учитель Феодор Пиденко – церковное пение.

Новостью того отчетного года стало шелководство – «ученики приобрели интерес к этому важному и прибыльному для их родины занятию». По воскресным и праздничным дням отец Пимен собирал своих воспитанников для внеклассных бесед – «занимались устным обсуждением задававшихся им положений, относящихся к истории и современной жизни сирийского народа». По словам отца Пимена, «эти беседы будили мысль юношей, отучали их от застенчивости, но, в то же время, не давали им вдаваться в празднословие, а толкали их на путь последовательного логического мышления».

В отчете отмечается, что поведение учеников было доброе и в достаточной степени религиозное, чему способствовала близость к Миссии и ее храму. В течение учебного года учащиеся пять раз исповедовались и приобщались Святых Таин. После подробной записи о состоянии здоровья воспитанников отец Пимен сообщил имена выпускников, «которых училище имеет утешение выпустить на ниву Господню»⁸⁶.

Пожалуй, никакой отчет не передаст так достоверно атмосферу, царившую в училище, как несколько зарисовок все того же «урмийского летописца» – отца Пимена:

«Май месяц для большинства урмийской учащейся молодежи не представляет собой страдного времени, как в России, когда наши учащиеся маются, изнывают в предэкзаменной подготовке, в страхе пред грозным трибуналом экзаменаторов. То, что здесь называют «сахсэ́та» (экзамен), напоминает скорее наши школьные выпускные акты.

Школьные акты в Урмии представляют собой чрезвычайно привлекательную картину всеобщего воодушевления. Этим воодушевлением полны и ученики, полны и учителя, и воспитатели. Торжествуют выпускные ученики, готовясь на акте выступать провозвестниками той мудрости, которой их учила школа, разгорается любопытством и собравшаяся публика... Жизни и веселости здесь гораздо больше, чем на русских школьных актах».

Одно такое торжество Миссия пережила 30 июня 1914 года. Русские чиновные гости опоздали, и заведующий училищем (о. Пимен) прочитал отчет на сирийском языке. Последовало чтение выпускниками своих сочинений. В промежутках младшие классы читали стихи: «Вперед» Надсона, «Весна в степи» Никитина, по персидски «Разговор Саади». «Рай завидует школе», – прозвучала лейтмотивом симпатичная мысль персидского поэта. По заведенной традиции, были и музыкальные номера: «Вниз по матушке по Волге», «Обеты юношей» и по сирийски – прощальная песня выпускников училища. Раздавались выпускные свидетельства, произносились напутственные речи. Поздравляли выпускников

и их ближайшие родственники, которые приветствовали своих юношей каждый сообразно своему темпераменту: кто шумно обнимал их, кто сдержанно приветствовал, а кто и просто плакал от радости. Наблюдать это было истинным праздником!

Надолго запомнились несколько актовых речей: Осии Мурадалувского «Доказательства истинности Православной Церкви», написанная по-сирийски, а потом самим автором переведенная на русский язык; Сергея Дизатакинського «О цели и смысле жизни человеческой»; Исаака Агарского «О благотворительности христиан в апостольское время», представляющая трогательное изображение любви и милосердия первых христиан. Но гвоздем выпускного акта в собственном смысле было сочинение ученика Соломона Кевсийского «Размышление о будущем вероятном состоянии сирийского народа». Далее приводим дословный комментарий отца Пимена:

«Это сочинение решительно опровергает горделивые мысли теперешних сирийцев о том, якобы они потомки древних ассирийцев («тень ассирийцев тяжела для нас», признается автор), и рекомендует осиянную тихим светом Библии теорию о том, что они – сирийцы, имевшие некогда столицей Дамаск, давшие свои язык халдеям при дворе Навуходоносора и евреям во время Иисуса Христа. Первая честь предков нынешних сирийцев заключается в том, что они вслед за евреями приняли христианство, вторая – что они дали миру величайших святых отцов, а третья – в их миссионерской деятельности. подвигнувшей их дойти даже до стен недвижного Китая. Теперешние сирийцы не могут идти в сравнение со своими величавыми предками... Тем не менее в сирийцах нашего времени сохранились и добрые задатки, которые разовьются в могучую силу под влиянием Православия, которое шире протестантства, глубже католичества и древнее несторианства. [Сочинение] многих заставило призадуматься.

До сих пор сирийцы думали о подъеме своей нации путем развития наук, торговли и т. п., не лишенном доли своекорыстных средств. Теперь Соломон сказал им убежденно свое правдивое слово: «Мы не таковы, какими должны быть.

Великое дело нашего обновления должно быть совершено на чистой основе и чистыми людьми»⁸⁷.

Еще пример праздника, на этот раз школьного акта в сельской школе, живо представлен отцом Пименом в «Православной Урмии»:

«Кроме решения каких-нибудь замысловатых задач, пения сирийских песен нестройными, но звонкими детскими голосками, к удовольствию собравшихся отцов, матерей и родственников, учащиеся разыгрывают очень остроумные школьные представления. Одно представление я видел на церковном дворе селения Диза. Там было поставлено несколько стульев для почетных посетителей, а остальная публика сидела просто на земле.

Угол, образовавшийся из одной церковной стены и прилегающей к ней ограды, был завешан рогожей там приготавливались «артисты». Немного спустя после нашего прихода, оттуда вышла наряженная старухой девочка и, бросившись мне в ноги, произнесла по сирийски монолог-жалобу на свою судьбу да на сына, который живет один в Тифлисе и совсем ее забыл. Это произнесено было столь естественно, но настолько не соответствовало выражению лица маленькой артистки, что публика не могла не рассмеяться. Но смеяться долго было некогда. Явились два артиста-мальчика, из которых один, с высокой корзинкой на голове, утыканной куриными перьями, изображал злого ангела, а другой, в накинутой на плечи белой простыне, был некоторым подобием доброго Ангела. Они затеяли спор о том, кому достанется мир. Злой ангел уверял, что он завладеет всем человечеством и всех людей сделает такими же злыми, как он сам. Противник его возражал, что на белом свете еще довольно добрых людей, которые боятся Бога, и в доказательство указал на существование целой России, которая-де всех злых людей сделает добрыми.

Явились затем еще два артиста: один – сириец в обыкновенном сирийском платье, а другой – еврей в лапсердаке. Поздоровались рукопожатием. Сириец спрашивает еврея, как его зовут. Еврей отвечал, что сказал бы свое имя, да

боится, что мусульмане услышат и выгонят его. «А ты не бойся, – ободрял его сириец, – ведь здесь русские есть. Вон консульский флаг над городом. Скажи свое имя, они тебя не дадут в обиду».

В дальнейшем разговоре оба собеседника признались друг другу, что плохо им живется в Персии, что вся надежда у них на русских, которые одни только и могут их устроить. В разговор вставлено было несколько нелестных замечаний по адресу католиков и протестантов-американцев, которые не хотят их защищать перед мусульманами. Как видите, представления эти велись на жизненные темы, и недаром они вызвали живое сочувствие публики...

Другое я видел в школе подгорного селения Чарбаш. Мальчики представляли жизнь и смерть богатого и Лазаря (по евангельской притче). Картина благополучия богача состояла в том, что артист, его изображавший, сидел на стуле, поставленном на ковре. Одет он был в хорошую барашковую шапку и суконную гейму – обычный костюм здешних зажиточных персиян. В руках у него был кальян – тоже обычный в Персии символ благополучия. Вокруг него толпились слуги, которые нахально разгоняли других мальчиков, представивших различных посетителей, пришедших к богачу со своими нуждами. Бедный Лазарь, подползший на четвереньках к этому богачу, был без жалости отброшен ретивыми слугами богача после того, как последний прочитал ему с высоты своего стула нотацию о том, что нужно не гулять, а работать. Лазарь после того умирает, бесприютный и голодный. Но и богача скоро постигает кара. Смерть, которую представлял мальчик с серпом, приходит к нему и объявляет, что близко время его разлуки с землей. Богач не верит, смеется над грозною вестницей, но один взмах серпа прекращает его жизнь. Затем являются бесы, которые тащат его в ад. Адский огонь представляют зажженные мальчиками кусочки бумаги. Тем не менее, богач стонет, извивается от боли, изнывает в бесполезных жалобах на судьбу. Мучения его особенно усиливаются, когда он вдали видит презираемого им Лазаря сидящим в спокойной позе на ковре. Драма эта при всем

убожестве обстановки написана и разыграна очень живо и произвела на зрителей сильное впечатление. Нельзя не посочувствовать всем этим забавам сирийских детей... в этом можно видеть пробуждение в самих сирийцах любви к искусству. Еще сравнительно недавно сириец осуждал свою жену, если слышал, что она поет песню.⁸⁸

Однако мирная деятельность Миссии была прервана началом первой мировой войны. В то же время вновь обострились отношения между отцом Пименом и начальником Миссии епископом Сергием. Епископ Сергей в письме к митрополиту Владимиру от 12 июля 1914 года писал, что «для Урмии [сирийский епископ] Мар-Илия совершенно не нужен, даже лишен и вреден здесь... надо восстановить Тергяварскую кафедру, призвавши на нее опять Мар-Илию. Это освободило бы Урмию для Миссии, а начальника оной было бы целесообразно сделать епископом Урмийским. Одновременно надо удержать здесь для работы архимандрита Пимена, начинающего тяготиться своим положением. Надо возвести его в сан епископа Салмасского, с назначением ему местопребывания в Салмассе. Иначе вероятно, что отец Пимен совершенно охладит к Миссии. Да и для меня труден он в данном положении. Все данные к тому, чтобы возвысить отца Пимена, а другого пути к сему нет, кроме изложенного»⁸⁹.

За первым последовал второй документ – рапорт митрополиту Владимиру от 9 октября 1914 года. На этот раз епископ Сергей решительно отказывался от какого-либо сотрудничества с отцом Пименом⁹⁰, но приказ о перемещении отца Пимена в Пермь был уже подписан днем раньше. «Иссякнувшее терпение» епископа Сергия опередила решимость его помощника – он сам попросил о переводе.

Не исключено, что вопрос о перемещении был поднят еще весной 1914 года в Министерстве иностранных дел после конфликта отца Пимена с русским вице-консулом в Урмии Введенским. В ходе конфликта отец Пимен послал в Синод ряд телеграмм, резко осуждавших действия дипломата:

«Консул Введенский заявил мне вчера [о] своем распоряжении персидским властям не принимать

непосредственных жалоб русскоподданных – это распоряжение задевает нашу Миссию, до сих пор пользовавшуюся услугами местных властей для защиты православных; потеря этого права отзывается уменьшением влияния Миссии [на] население, правом обращаться [к] персидским властям пользуются инославные миссии, недоверие нашей Миссии меня оскорбляет, прошу Министерство иностранных дел выяснить положение нашей Миссии». «Консульская политика решительно вредит влиянию Православной миссии и затягивает рассмотрение дел сирийцев, возбуждает недовольство населения...».

«Губернатор послал на православного священника 14 полицейских по ничтожному денежному делу, полицейские взяли больного священника босым, повели в город [с] издевательствами, побоями, [в] тюрьме священник сидел [в] оковах. Миссией освобожден. Консул защищает губернатора, доверяя мусульманским властям, презирая христиан, инцидентом возбуждены инославные».

«Избит мусульманами другой православный священник, безвинно лишен креста, мусульмане осмелели чрезвычайно, высказывают угрозы остальным священникам».

«Расследование унижения православного священника идет вяло, народ, запуганный губернатором, боится давать показания, гарантия консула никто не верит, необходимы чрезвычайные меры [по] восстановлению поруганной чести священника и Миссии».

Возможно, действия персидских властей и консула не совсем точно комментировались отцу Пимену пострадавшими сирийцами, но дело приняло слишком серьезный оборот, и отец архимандрит вынужден был принести вице-консулу Введенскому извинения. «Не признаете ли Вы возможным привлечь серьезное внимание архимандрита Пимена на неосновательность его жалобы на вице-консула, на которого не задумался возвести тяжкое обвинение в «презрении к христианам», и объяснить Духовной Миссии, что туземцы-христиане, в том числе и священники, должны подчиняться законным требованиям властей, являя собой пример

безупречных во всех отношениях граждан?» – спрашивал обер-прокурора министр иностранных дел⁹¹.

В секретной консульской переписке того же времени говорится о «наших миссионерах, не умеющих, к сожалению, освободиться от власти совершенно непригодных в миссионерском деле профессиональной страстности и увлечений»⁹².

В пасхальные дни 1914 года по следам этого конфликта архимандрит Пимен писал: «Работа православных миссионеров в Персии среди разноплеменного и разноверного населения обставлена многими трудностями, о которых миссионеры других стран, пожалуй, не имеют и понятий. Мы здесь немощны, но мы и крепки, мы почетны, но мы и бесчестны. Мы встречаем и теплое сочувствие русской колонии, но мы слышали и резкую критику нашей деятельности, которая якобы имеет неблагоприятную задачу перевоспитать на началах Православия сирийцев. Такие критики с плеча обычно не обращают внимания на то положение, что народ, находившийся под разнообразными неблагоприятными влияниями в течение многих сотен лет, не мог быть исправлен в течение 15 лет маленькою горстью миссионеров. Против последних за 15 лет было все и инославные миссии, показавшие свою несостоятельность за период в 70–80 лет, и несочувствие русских людей, имевших случай заглянуть в Персию. Мы верим, что протестантские миссии, несмотря на свою претензию слыть образованными и проводниками культуры и на свое материальное превосходство, обанкротятся нравственно. Мы чувствуем, что наши люди поймут всю ложь католической пропаганды здесь и сами дадут ей достойный отпор. Мы надеемся, что не сочувствующие способам нашей миссионерской работы поймут всю их целесообразность и приспособленность их к сирийскому характеру, ценящему порядок, обрядность, уставность и прочие свойства православных богослужения и жизни. Надеемся на ваше сочувствие, добрые русские люди. Пусть воскреснет русская дружба между русскими людьми здесь, и тогда мы ничего не убоимся»⁹³.

Просьба отца Пимена о переводе была удовлетворена. В октябре 1914 года архимандрит Пимен был отозван в Россию и назначен ректором Пермской Духовной Семинарии. В следующей части книги остановимся подробнее на педагогической деятельности архимандрита Пимена. Это служение отца Пимена началось еще в 1911 году, когда он впервые покинул Урмию.

Часть 3. Отец ректор

Ардонский год

Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы.
(Еф. 5, 15–16)

Указом Святейшего Синода от 3 марта 1911 года отец Пимен был назначен ректором Александровской Духовной Семинарии в селении Ардон Владикавказской епархии. Ему предстояло жить и трудиться на Кавказе, в Осетии, хотя выехать из Миссии отца Пимена во многом побудило желание служить в России. В ответе на письмо митрополита Флавиана, в котором наставник поддерживал в своем духовном сыне надежду и заповедовал покорность воле Божией, содержатся строки: «Не только в Ардоне, но даже и в других худших местностях я найду всегда много хорошего, лишь бы не была у меня отнята способность славить Бога и молиться за себя и за людей»⁹⁴.

Ардонская Духовная Семинария заслуживает специального церковно-исторического очерка. Здесь же вкратце заметим, что Семинария была открыта в 1895 году в осуществление широкой программы императора Александра III по развитию образования на Кавказе. Первоначально она соответствовала типу миссионерской семинарии, базой для которой стало созданное в 1887 году Осетинское Духовное училище. Позднее она была преобразована в Духовную Семинарию обычного типа (программа и задачи миссионерской Семинарии были иными). За годы своего существования это учебное заведение выпустило несколько поколений горской интеллигенции: не только образованного духовенства, но и врачей, юристов, педагогов. В ее стенах начинали либо продолжали свое церковное служение многие будущие иерархи Русской Православной Церкви XX века. Ардон был за плечами и у епископа Пермского и Соликамского Андроника (Никольского; † 1918), которому отец Пимен станет соратником тремя годами позже. Конечно, оба они приходили почтить память

погребенного у стен пермского кафедрального собора пермского епископа Иоанна (Алексеева); † 1905), который был основателем Ардонской Семинарии и являлся ее ректором долгие годы. С 1904 по 1907 год ректором Ардонской Семинарии был отец Арсений Смоленец († 1937). В 1910 году он был хиротонисан во епископа Пятигорского, викария Владикавказской епархии, и его общение с новым ректором отцом Пименом было частым и тесным [9].

Новый ректор прибыл в Ардон 13 июня 1911 года и был торжественно встречен в Покровской церкви Семинарии корпорацией преподавателей и воспитанниками. Приезд совпал с торжественным актом по случаю окончания учебного года и еще одним весьма неординарным событием: семинарист-магометанин (!) выразил желание присоединиться к Православию. Ректор сам совершил перед литургией Таинство Крещения, а после отпуска произнес первую в новой должности речь.

Так начался ардонский год жизни будущего семиреченского и верненского епископа. Этот год не затерялся для нас в огромном потоке событий жизни Русской Православной Церкви того времени, в скоплениях имен и судеб, благодаря сохранившимся шести письмам отца Пимена своему духовному отцу митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому). Кое-что добавила хроника церковной жизни периодически публикуемая во «Владикавказских епархиальных ведомостях».

Первое ардонское письмо митрополиту Флавиану:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь и Отец.

Прежде всего, поздравляю Вас с Монаршим вниманием и милостью. Да усладят они труды Ваши, да дадут Вам сил еще много лет трудиться на благо нашей Матери Св[ятой] Церкви Православной. Радуюсь тому, что удостоилась царского посещения моя вторая купель – Киево-Печерская Лавра. Да не оскудевают в ней разного рода православные поклонники и да не перестанет она быть источником воды живой для русского народа.

Печалюсь, однако, как и все русские люди, что светлые киевские дни омрачились неожиданным злодеянием, стоившим жизни одного из первейших слуг Царя. Дай Бог поскорее успокоиться взволнованному русскому народу и найти в руководители достойного заместителя Столыпину.

Молитвами Вашего Высокопреосвященства работаю в Ардонской Семинарии с 13-го июня. Страна здесь по условиям существования в ней и по окружающему Семинарию населению очень похожа на Урмию: та же отдаленность от культурного и промышленного центра края; та же дикость и вместе красота природы; те же выступления осетин (как и мусульман Урмии) против русского влияния. Тем не менее, удалось кое-что сделать. Прежде всего, удалось собрать вокруг себя преподавателей. Их немного, потому что свободны кафедры Гражданской, Церковной истории, древних языков, Св[ященного] Писания Ветхого Завета и философских предметов; но и те преподаватели жили между собой немирно.

Теперь все наличные преподаватели – монахи и холостые – обедают и ужинают у меня. Обед и ужин проходит в оживленных разговорах о впечатлениях дня, об уроках, учениках, о новостях, вспоминаем прежние годы, делимся воспоминаниями и т. д. Преподаватели сами говорят, что прежде аульная обстановка влияла на них очень плохо, заставляла дичать и опускаться.

Ученики произвели на меня хорошее впечатление. Есть у них некоторая грубость, неотесанность, но, в общем, народ добрый и послушный. Занимаются очень усердно: за прошлый год была только одна переэкзаменовка. В нынешнем году трое поступили в Казанскую Академию. Больное место Семинарии – это ее хозяйство. Мне по принятии ее пришлось установить и довести до сведения Преосвященнейшего Агапита и Хозяйственного Управления при Св[ятейшем] Синоде о громадной задолженности Семинарии за первую половину текущего года (т. е. до моего приезда) и полном отсутствии средств к ее существованию.

С 5-го по 11-е августа я сопровождал Преосвященнейшего Агапита, епископа Владикавказского и Моздокского, в его

поездке по селам горной Осетии. Поездка была трудная, но интересная и напомнила мне во многом мои поездки по Урмийской области. Путешествовали мы и на экипажах, и верхом, и пешком. Были и приключения Владыка упал с лошади, но благополучно, я упал с лошади и выкупался в горной речке. На обратном пути под нами опрокинулся экипаж. Усталые, но здоровые, мы очень довольны были поездкой Народ (осетины) везде встречал нас радушно, внимательно слушал поучения Владыки, усердно молились. Были мы и в таких местах, где ни один из прежних архиереев Владикавказских не бывал.

Простите, Ваше Высокопреосвященство, меня за мое длинное письмо. Прошу святительского благословения Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря и Отца нижайший послушник Архимандрит Пимен ректор Александровской Духовной Семинарии (в с. Ардон Терской области).

11 сентября 1911 года».

Поездка, о которой упоминает отец Пимен в письме, была в самые труднодоступные горные приходы Осетии. Епископ Агапит⁹⁵ с отцом ректором проделали 250 верст в экипажах и 100 верст верхом. Узкие тропинки, вьющиеся по склонам гор над страшными обрывами, то поднимались на огромную крутизну, то опускались вниз, в пропасти. Случалось переходить по тонким жердям над пропастями, перебираться через бурные реки; дорога, размытая дождями, была труднопроходима. В Цейском ущелье владыка упал с лошади на узком мосту, но задержался на двух его перекладинах. На обратном пути при выезде из ущелья бричка с Преосвященным Агапитом и отцом ректором на полном ходу наскочила на пень, и их выбросило из нее, только чудом и милостью Божией они отделались несильными ушибами.

Дни, проведенные в этом путешествии, напоминали трудовую жизнь первых подвижников Христова дела... В селение Цми они прибыли ночью верхом. Это поразило, привело в трепет жителей – все они от мала до велика ждали их во дворе школы. Дело в том, что в Касарском ущелье, лежащем

перед селом, не только ночью, но и днем каждый неверный шаг грозил гибелью. Совершив при свете факелов молебн Божией Матери и крестный ход, ночью же верхом двинулись дальше, в Нар. И долго разносились в горных аулах по-осетински молитва «Спаси. Господи, люди Твоя», «Многая лета» Государю Императору и народная песнь в честь великого Георгия⁹⁶. Почетный конвой со стрельбой и джигитовкой провожал их до Военно-Осетинской дороги.

Второе письмо из Ардона митрополиту Флавиану наполнено текущими заботами дня и отличается психологическими деталями:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец.

Спасибо Вам за милостивое письмо. Не могу никогда я заслужить то милостивое внимание ко мне, которое Вы всегда оказываете.

Слышал я, что Вы опять в Петербурге. Итак, опять труды, опять заботы не только о себе, не только о Киеве, но и общем спасении нашем. Помогите Вам Господи в Ваших великих трудах. Слышно, состав членов на предстоящую зимнюю сессию Св[ятейшего] Синода будет очень обильный. Можно ожидать, что и дела будут решаться важные. Дай Бог нам дождаться умиротворения и объединения христианского мира.

У нас в Терской области первейшая главнейшая новость – перевод Преосвященнейшего Агапита в Екатеринослав. С 17 по 23 октября будут его проводы и чествования. Да, правду сказать надо, жаль Святителя, столь благостного, столь трезвого и мудрого умом. Это для меня был утешитель и ангел-хранитель. Я быстро с ним сошелся, и он меня всюду расхваливал как человека, который больше 6 лет прожил в Персии. Теперь не знаю, каков будет Высокопреосвященный Питирим⁹⁷ и когда приедет. Опасаюсь, что будет очень строг. Но Бог милостив, будем стараться угодить и новому Владыке.

Я должен теперь поведать Вашему Высокопреосвященству о деле, касающемся очень близко меня и вверенной мне Семинарии. По приезде сюда в половине июня месяца я застал здесь следы очень неумелого хозяйничанья. Несмотря на

израсходование всего положенного, Семинария поражала меня бедностью своей обстановки: фильтры для воды и водопровод не действовали, полы в ученических помещениях были со щелями, пароводяное отопление не действовало на 1/3; тюфяки учеников были набиты пыльной и старой мочалой и поражали своим старым и грязным видом: подушки были набиты всякого рода отбросами от оленей: плохую шерстью, были уши, и хвосты, и даже копыта оленей. Когда стал подсчитывать, на что израсходованы деньги, то оказалось, что из бюджета нынешнего года заплачены долги за прошлый год. Подсчитавши все это, я вошел с рапортом к Пр[еосвященному] Агапиту, который разразился горькими сетованиями по адресу моего предшественника о[тца] Иерофея. Он-де ему представлял только лучшие стороны Семинарии, а дурные скрывал. Впрочем, Владыка знал о печальном экономическом положении нашей Семинарии и даже вскоре после отъезда о[тца] Иерофея и до моего приезда снарядил ревизию. Тем не менее Владыка был поражен моими представлениями, потому что не ожидал того, что я так отнесусь к делу. Дело в том, что о[тец] Иерофей представил меня ему как человека доверчивого, который все примет без всякого недоверия.

Я просил бы Ваше Высокопреосвященство помочь нам своим личным ходатайством у людей, ведающих экономическую жизнь духовно-учебных заведений.

Простите за столь грустное писание.

Смягчите мою скорбь Вашим милостивым ходатайством и благословите меня. Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря и Отца нижайший послушник Архимандрит Пимен, ректор Александровской Духовной Семинарии.

16 октября 1911 года».

Письма отца Пимена своему духовному отцу в совокупности представляют собой почти дневниковые записи. Вот большая выдержка из третьего письма митрополиту Флавиану:

«Лишился я благостного архипастыря, Преосвященного Агапита, и опять осиротел. Новый Высокопреосвященный очень добр и ласков, но все здесь говорят, что он скоро уйдет от нас.

Таким образом, за короткое время пастве Владикавказа придется увидеть третьего Владыку. Во всяком случае, это болезненная для здешней епархии перемена. Борьба с язычеством, упорно держащимся среди осетин, с магометанством (среди них же) и сектантством среди русских требует для православных постоянного руководителя. Теперь это условие не выполняется. Да и, кроме того, много лишних, бесполезных для дела волнений и приготовлений мы переживаем, что отвлекает от работы всех. Дай Бог, чтобы если Высокопреосвященнейшему Питириму суждено будет покинуть нас, то достался нам святитель, знающий Владикавказскую епархию и готовый работать для нее, несмотря ни на какие страхи. Дела мои по Семинарии идут хорошо. Я сошелся с преподавателями и пользуюсь доверием учеников. Вначале я имел очень много дополнительных уроков за неявкой новых преподавателей. Теперь же остаюсь при четырех ректорских уроках, которые и преподаю по силам и способностям своим. Преподавание других учителей, насколько я посещал их, идет тоже удовлетворительно. Педагогические и распорядительные собрания проходят мирно и скоро, потому что за общим обедом и ужином мы успеваем столкнуться и согласиться относительно многого.

Больное место Семинарии – это дефицит, ожидающий ее и в текущем году. Осталось до конца года два месяца, а у нас почти ничего нет. Между тем нам начинают предъявлять счета разные купцы, у которых забирала Семинария то сукно для учеников, то обувь, то чай, и сахар, и керосин. Да, скрыл от меня мой предшественник истину в надежде, что я ничего не увижу. Поминаю теперь я его горьким словом (...)

Простите, Владыко Святой, за такое частое напоминание Вам о нуждах Семинарии. Право же, ни одно из духовно-учебных заведений в России не представляет такой заброшенности, как Ардонская Семинария.

11 ноября 1911 года».

Из четвертого письма митрополиту Флавиану, написанного в канун Рождества Христова 1911 года:

«Приветствую Вас, Владыко, с наступающими святыми днями. Да воздаст Вам Рожденный в Вифлееме милостями за те милости, которые Вы оказываете другим, и радостями духовными и вечными за те радости, которые Вы доставляете нам и мне в особенности...

Своим местом в Ардоне я очень доволен. Семинаристы у меня смиренные, преподаватели согласные, работают усердно. Сегодня их распускаем. Причина столь раннего отпуска – плачевное экономическое положение Семинарии...

С окружающими Семинарию осетинами и казаками живу хорошо, они мною довольны. Служу часто и в казачьей церкви, и в осетинской церкви Ардонского аула, иногда по приглашению осетин принимаю участие в отпевании умерших, что им особенно нравится. Язык осетинский пока изучается плохо. Все еще прежние симпатии у меня на стороне языка сирийского, который я изучил хорошо и которым пользуюсь при подготовке сочинения на магистерскую степень. И с этой стороны для меня желательно было бы быть ближе к сирийцам.

Новый Владыка Владикавказский Высокопреосвященный Питирим пока в Семинарии не был. То нездоровье ему мешает, какое-то подавленное настроение духа, то боязнь нападения разбойников. Но теперь, слава Богу он чувствует себя лучше, служит часто и часто меня приглашает во Владикавказ служить или проповедовать. Открыли мы недавно здесь отделение Императорского палестинского общества. Начинаю знакомиться с публикой, которая, по моему наблюдению, мало религиозна и нуждается в серьезном руководстве, на что обратил внимание и нынешний Высокопреосвященный.

19 декабря 1911 года».

Христианская совесть требовала от отца Пимена позаботиться не только об учениках-семинаристах, но и о «малорелигиозной и нуждающейся в серьезном руководстве» светской пастве. Во «Владикавказских епархиальных ведомостях» одно за другим печатались выступления нового ректора, что требовало от него и времени и сил. Только собранность и суровая дисциплина личного жизненного распорядка давали возможность заниматься церковным

просвещением через печатное слово. Мы видим подобные труды лишь у действительных подвижников и ревнителей церковного дела предреволюционной поры. Без преувеличения можно сказать: активное сотрудничество в печати было реальным свидетельством пастырской и архипастырской аскезы монашествующих, исполнявших свое общественное служение в миру.

Что проповедовал отец Пимен в своих выступлениях, какие ставил акценты и на чем?

В своем слове на Новый, 1912, год он обратился к владикавказскому обществу с размышлением о человеческом счастье, чтобы через тему новогодних пожеланий осветить вопрос о земном устроении человеческой жизни.

«Поищем себе счастья в Боге. В Нем мы находим источник чистейшей духовной радости, радости о спасении нашем и ближних, – радости, которой не могут умалить и погасить никакие скорби земные и превременные. От Бога же через Его Св[ятую] Церковь мы узнаем, что есть воля Божия – благая, угодная и совершенная. Человек, предавший себя Богу, еще на земле начинает блаженствовать, не боясь никакого страха, никаких искушений и скорбей.

Христианская вера возвышает и украшает жизнь общественную и частную. Общество богобоязненных людей будет всегда спасительным оазисом, к которому будут с удивлением и надеждою стремиться души слабых и безрелигиозных людей. Если только один о[тец] Иоанн Кронштадтский преобразовал много душ людских, истомленных безверием, сомнением, искушениями, то общество таких людей могло бы не один раз победить мир во славу Божию, могло бы долго охранять этот мир своими молитвами и примером своей жизни, святой и богоугодной»⁹⁸.

По инициативе императорской семьи и особенно Великой княгини Елизаветы Федоровны в России перед революцией стали повсеместно создаваться филиалы Императорского православного палестинского общества, цель которых состояла в сборе средств для поддержания святых мест и устроения жизни паломников на Святой Земле. Сохранилось три

выступления отца Пимена в разные годы на вечерах этого Общества. В Перми он посвятил его святому Иерониму и его спутнице Павле, а в другой год выбрал тему Святой Земли в русской поэзии. Отец ректор произносил любимые стихи на память. При открытии же Палестинского общества во Владикавказе отец Пимен произнес такие слова:

«Здесь [на Святой Земле] нашли выход и удовлетворение две величайшие и симпатичнейшие потребности русской души: 1) воочию узнать, что он[а] должник Богу неоплатный, и смириться пред Ним и 2) заслужить себе имя православного христианина, «крещенного» всеми возможными духовными подвигами. И заражаются от таких усердных паломников их религиозным духом и смирением их ближние. И узнают они, что одна у них духовная родина, один Спаситель, одна истина, одна вера и Церковь Православная. Крепче тогда стоят они против всяких лжеучителей, из которых ни один не может дать своим последователям того, что дает Святая Земля православным»⁹⁹.

Ныне, в конце XX века, в России возрождается чисто русский феномен массового паломничества во Святую Землю и сама собой назревает потребность «богословия Святой Земли» – размышления о том, чем она является для самого существа веры, какое место занимает в психологии Православия. Такое богословие – жизненно необходимый материал для впечатлений самих паломников и их слушателей. К разряду такого богословия относятся тексты выступлений отца Пимена.

В одном из номеров Владикавказского епархиального журнала появляется его публикация «О честности» – выборка из большой статьи профессора И. Янжула «Экономическое значение честности» и собственные, в дополнение к ней размышления¹⁰⁰. Отец Пимен открыл читателю основополагающее значение этой добродетели для всего общественного устройства. Он понимает честность, как исполнение обещанного; честность как уважение к чужой собственности, к чужим правам и к существующим законам. По его словам, ложь и обман играют слишком большую роль в русской жизни – в экономической, бытовой, школьной семейной – и грозят уничтожить и парализовать все благо от

производимых в России реформ. «Многие считают чуть ли не за прямую заслугу обмануть правительство, воспользоваться и злоупотребить казенными средствами, недобросовестно выполнить казенную работу... общественное мнение будто и не замечает, оно скорее накажет за неолиберальные мнения, чем за бесчестность. Случаям же мелкой бытовой нечестности не придается значения». Отец Пимен твердо констатирует без восстановления честности нынешняя русская культура будет недолговечной. Он предлагает начать со школы, с такой постановки обучения, которое не понуждало бы ко лжи учеников, к выкручиванию, списыванию, начетничеству. Корни честности он видит в сочувствии, социальной симпатии ко всем людям.

В ардонский год отец Пимен осознал значимость еще одной проблемы, которую в то время и позже поднимали видные иерархи Русской Церкви.

В книге митрополита Вениамина (Федченкова) «О вере, неверии и сомнении» много внимания уделено рассуждению о том, что причиной поражения Церкви и белого движения в гражданской войне послужило «хладнокровие», отсутствие жара душевного, вдохновения у большинства их сторонников. Эта тема нашла себя и в выступлениях известного церковного деятеля епископа Уфимского и Мензелинского Андрея (Ухтомского), в частности, в 1914 году писавшего о потребности Русской Церкви в миссионерском горении. Архимандрит Пимен поднял тему пастырской вдохновенности как главного условия успеха в пастырском деле на епархиальном собрании во Владикавказе в сентябре 1911 года. Это качество определяет психологию церковного служения, показывает его слабость или силу. При этом божественное горение в душе может ослабевать или даже гаснуть на время, но тем крепче становится сознание важности его присутствия, тем сильнее понимание необходимости его для Церкви в целом. Обратимся к тексту доклада:

«Твердость веры на приходе зависит от безупречности священника; твердость веры в народе и ее победное распространение в человеческом роде зависит от нравственной

высоты духовенства; а сила и процветание Церкви зависит от тех работников, которых мы ей подготовим.

Сознавая важность поставленных задач, мы должны прежде всего вдохновиться высотой пастырского служения. Вдохновение легко движет тружеников вперед по пути пастырского делания и не дает им замечать многих трудностей, которые нередко трезвому уму современного человека представляются непреодолимыми. Оно же утешает труженика пастыря во время скорбей, посещающих его, научает его к терпению в ожидании небесной награды»¹⁰¹.

Мысль о вдохновении пастыря завершается размышлением о подражании Христу: живым импульсом священнического дела, примером того, до каких пределов должна доходить борьба душепопечителей со злом и грехом, с неправдой и ненавистью мира сего, должно служить человекоуподобление Бога, Его земное учительство и крестная смерть.

Духовные заботы о пастве не умаляли и материального попечения отца ректора о вверенных ему чадах. В письме митрополиту Флавиану отец Пимен пишет:

«При Семинарии нашей есть Попечительство о бедных воспитанниках, имеющее капитал ок[оло] 2000 р[ублей]. Таким образом, на проценты с него нельзя оказать существенной помощи многим воспитанникам, обращающимся за помощью. Поэтому я и решил еще пособирать, чтобы прибавить что-нибудь к основному капиталу. Осмелюсь и Вас всепочтительнейше просить не отказать пожертвовать что-нибудь для усиления средств Попечительства при Покровской семинарской церкви.

17 января 1912 года».

В том же письме отец Пимен делится со своим наставником одним неприятным эпизодом из жизни Семинарии. Он узнал о существовании секретного распоряжения прежнего ректора о тайной слежке в Семинарии и о докладах ему учащихся о поведении друг друга. Открытие встревожило отца Пимена, он беспокоился за сохранение доброй атмосферы в вверенной ему школе и в то же время был уверен, что в ее жизни ничего предосудительного нет. Он ничего не боялся, потому что его

душа не была обременена корыстолюбивыми мыслями, а жизнь – порочными влечениями. Отец архимандрит служил церковному делу искренне и добросовестно и не боялся обвинений, готовый всегда первым признать свою действительную вину.

В Светлую седмицу 1912 года, когда в семинариях появляется пасхальная передышка в занятиях, отец ректор собрал шесть воспитанников и отправился с ними в город Грозный, а оттуда на нефтяные промыслы. В Грозном отец Пимен служил соборне и произнес проповедь на тему «Не будь неверен, но верен». Он также принял участие в миссионерской беседе с баптистами на тему Крещения. Долго и горячо обсуждались эпизоды этой встречи, сектантское упорство и невежество. По замыслу отца Пимена семинаристы в реальной жизни встретились с неутомимым пастырским служением, тем самым вдохновением, имевшимся у грозненских священников, которое он хотел вложить в души своих питомцев.

То обстоятельство, что отец Пимен все чаще и чаще вспоминал Урмийскую миссию, не связано с неизбежными тревогами и заботами ректорского служения. Это была привязанность души, личное чувство, которое в конечном итоге можно было оправдать и в монахе. О желании вернуться в Персию отец Пимен написал архиепископу Николаю в Японию и архиепископу Сергию (Страгородскому) в Петербург. В последнем письме он писал:

«Осмеливаюсь вновь беспокоить Ваше Высокопреосвященство, но на этот раз по личному делу.

Вам как бывшему миссионеру, без сомнения, знакома грусть по прежней миссионерской деятельности, полной больших трудностей, нередко опасностей, чуждой официальности, согретой воодушевлением. Меня эта грусть и до сих пор не оставила. Более того, она все более усиливается, угрожая занять всего меня мыслями об Урмии и деятельности нашей Миссии там, где я прожил 7 лучших лет своей жизни. К этому присоединяется и сожаление о том, что с переездом из Урмии в Ардон пришлось оставить начатое исследование об одном каноническом памятнике древнесирийской литературы

(Сирийская дидакалия), ибо ардонская жизнь по необходимости вся занята Семинарией у меня. Мирно прошел здесь у меня учебный год, но пришлось много сил положить на надзор за воспитанниками и на другие отрасли ректорского делания. Теперь я чувствую себя не в силах продолжать здесь ректорское дело, особенно если Семинарию преобразуют в прежний тип.

Ввиду этого я и решил хлопотать о возвращении меня на прежнюю ниву. Я подал прошение о[тцу] Архимандриту Сергию, начальнику Урмийской Миссии, – и получил от него телеграфное известие о том, что он делает представление по предмету моего прошения и уверен в успехе. Надеюсь, что это представление уже прибыло в Петербург, осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство о содействии моему возвращению в Урмию.

1912 г, 27 мая, село Ардон Терской обл.»¹⁰².

Священноначалие поддержало благородный порыв. Завершив многочисленные дела по Семинарии и прочие епархиальные послушания, ободренный наградой – орденом Святой Анны 2-й степени, пожалованным 6 мая 1912 года, – в середине июня 1912 года отец Пимен отправился в отпуск в Петербург и на родину в Череповский уезд навестить мать. Вернувшись в Ардон, он жил в ожидании приказа о переводе. 25 июля 1912 года указом Святейшего Синода он вновь был назначен помощником начальника Урмийской миссии.

В последнем письме из Ардона митрополиту Флавиану от 20 июля 1912 года отец Пимен как бы подвел итог своему годичному пребыванию на Северном Кавказе. Ему хотелось надеяться, что неверное движение его сердца, заставившее покинуть I Миссию, не было уроном для церковного дела и ардонский год был прожит не зря.

«В Ардоне я прожил целый год деятельной жизнью, энергично наблюдал за хозяйством, вспомагаемый хорошими и опытными членами Правления. Кое-что удалось сделать, но много еще осталось и для моего преемника, который еще не известен. С воспитанниками и преподавателями я прожил весь год мирно, без малейших недоразумений. Был я и благочинным

монастырей епархии. Их всего 7, и все они мало устроены и требуют особого и постоянного благочинного, а не ректора Семинарии. Все же пришлось и мне поездить довольно много. Владикавказ мною посещен 34 раза, Пятигорск 5 раз, был и во многих других местах. Ревизовал я один женский монастырь (Георгиевский на реке Куре), пришлось констатировать чрезвычайное расстройство обители, происшедшее от взаимного непонимания настоятельницы и сестер, и представить и настоятельницу и 20 сестер к увольнению из монастыря.

Теперь жду здесь Указа из Синода о моем перемещении, потом около недели прособираюсь в дорогу и затем отправлюсь в Урмию, вероятно, в последних числах июля. Прошу святительского благословения, Ваше Высокопреосвященство».

Служение в земле пермской

Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и
воззрев на небо, благословили их, преломил и
дал ученикам, чтобы раздать народу. И
ели, и насытились все; и оставшихся у
них кусков набрано двенадцать коробов.

(Лк. 9:16–17)

Вторичное пребывание архимандрита Пимена в возлюбленной им Урмии было недолгим, чуть более двух лет. Указом от 8 октября 1914 года он был назначен ректором Пермской Духовной Семинарии. Впервые за многие годы отец Пимен совершал свое служение вблизи родного гнезда и родных могил. «Пермские епархиальные ведомости» в разделе хроники сообщили:

«Около 5 часов утра 2 ноября прибыл в Пермь с поездом железной дороги новый ректор Духовной Семинарии архимандрит Пимен, доселе занимавший должность помощника начальника Миссии в Урмии (в Персии). Несмотря на приезд в Пермь в такой ранний час, с 9 часов утра новый о[тец] ректор был уже в семинарском храме и присутствовал за литургией. По окончании же литургии в сослужении семинарского духовенства совершил молебен о даровании русскому воинству победы... произнес вступительную речь. По окончании молебна всех воспитанников и посторонних богомольцев принял ко кресту, благословил всех воспитанников, с каждым облобызавшись. Затем новый о[тец] ректор был приглашен в учительскую комнату, где в кратких словах от лица корпорации приветствовал его инспектор Семинарии Н. И. Знамировский. Состоялась братская трапеза, за которой о[тец] ректор любезно поделился своими впечатлениями от жизни в Персии, от первых столкновений русских с турками в Персии и от последней поездки своей по России, из Урмии в Петроград и из Петрограда в Пермь».

Сообщение подчеркнуто бесстрастное, мол, приезд нового ректора – обычное для духовной школы дело. Тон этот будет

интересно вспомнить, когда придет время хроники проводов отца ректора летом 1916 года. Поразительный контраст! И убедительно зримая человеческая победа. Отец Пимен покорит сердца православных пермяков: и простого верующего народа, и юношей-семинаристов, и «образованной» части православной Перми. Он будет неподдельно любим ревностным поборником Православия – епископом Пермским и Кунгурским Андроником (Никольским)¹⁰³, под началом которого прослужит в Перми все два года. И эта победа станет возможной потому, что сам он будет искренне всех любить, будет прост, доступен, сердечен, милосерден.

О появлении нового ректора в Семинарии вспоминает совсем молодой тогда преподаватель латыни В. Игнатьев, сам недавний семинарист: «...жизнь Семинарии шла своим обычным темпом. Произошла перемена только руководства Семинарией: вместо архимандрита Илариона был назначен архимандрит Пимен, выпускник Киевской Академии. Он приехал в Пермь из Закавказья – из района Джульфы, где он был миссионером. Он привез с собой в качестве служки какого-то казачка – юношу, который одет был в национальный костюм: на голове папах, за поясом клинок. Было очень оригинально... Отец Пимен стяжал симпатии и семинаристов, и учителей своей простотой и доступностью, внимательным отношением к нуждам тех и других»¹⁰⁴.

В речи перед молебном в первые часы пребывания в стенах Семинарии отец Пимен осмысливает свое перемещение, перекидывает мост между различными точками географии распространения Православия, каковыми были Урмия и Пермь. Он еще находится во власти впечатлений, полученных во время путешествия: отец Пимен был поражен и обрадован моральными переменами, происшедшими в России в связи с войной. Частые выступления перед воспитанниками стали его нововведением в Пермской Духовной Семинарии. Высокий строй публичной речи отвечает юношескому мировосприятию. Незамутненностью души, устремленностью к идеалам, высокими чувствами, свойственными юности, владыка Пимен дорожил всю свою жизнь, утешаясь душой, как он сам говорил,

в обществе добрых молодых людей. Приведем отрывок из первого пермского выступления:

«Из далекой страны, родины Зороастра, мудреца персидского, освященной подвигами сирийских отцов преподобных Ефрема и Исаака Сириных, политой кровью святых мучеников Сергия и Вакха, воля Божия привела меня в страну Пермскую, украшенную и освященную подвигами святителя Стефана.

Вступив в пределы родной России, я увидел здесь преславное чудо, усмотрел в нашем народе чудную перемену. Народ наш сделался центром, ядром священнейшего в истории союза, вставшим первым на защиту слабых, на укрепление святейших идеалов человечества. Эта высокая цель его преобразила, очистила, возвысила, сделала нашу родину Святою Русью»¹⁰⁵.

Насколько прав был русский миссионер в своих оценках перемен, можно судить по событиям пермской жизни, в которую он включился, событием для которой стал и он сам.

Пермская Духовная Семинария возникла вместе с учреждением Пермской епархии 11 ноября 1800 года. В 1829 году было заложено каменное здание Семинарии на углу Монастырской и Кунгурской улиц, существующее до настоящего времени. В 1851 году приступили к устройству домово́й церкви в семинарском корпусе, которая была освящена во имя святого апостола Иоанна Богослова.

От семинарской ограды, лишь перейти набережную, начинался крутой спуск к воде. Там то и дело пыхтели паровозы: на террасе этого спуска тянулось к станции Пермь-1 железнодорожное полотно. Эту картину однажды запечатлел фотограф, поднявшийся со своим громоздким аппаратом на пожарную каланчу, и ныне стоящую в двух кварталах от того места, где от Семинарии сохранились с трудом узнаваемый главный корпус да домик бани, расположенный со стороны Камы. Главный вход ныне замурован, николаевский стиль первой половины XIX века заменен монументальным, социалистической эпохи. Снесены деревянный домик ректора,

больница, столовая. Военное училище ракетных войск застроило сад...

Семинария стояла на высоком берегу реки Камы. Из семинарского садика и из окон корпусов открывались необозримые дали на полноводную Каму и закамские просторы. В деревянной беседке с видом на реку любили собираться многие поколения семинаристов. В беседку приходили в сумерки, когда на Каме зажигали бакены, пристани были освещены, по реке еще сновали пароходики и лодки. Широко, привольно, и дышится полной грудью! В этот именно момент хотелось петь, и семинаристы пели, далеко-далеко разносились их голоса. Пермские семинаристы, по сложившейся в их среде традиции, передаваемой от старших к младшим, имели две особенности: они очень любили хоровое пение и в свободное время прогулки по городу. Особенно с началом бурной северной весны они неизменно появлялись на оживленной «Сибирке» либо на «Козьем загоне» – прогулочном месте на берегу Камы. «Созерцателями Перми» называют в воспоминаниях себя и своих товарищей бывшие воспитанники Пермской Духовной Семинарии. Свои певческие таланты они реализовали на многочисленных благотворительных концертах, которые устраивались по инициативе Преосвященного Андроника и отца Пимена. В таких концертах-вечерах счастливо сочетались музыкальные номера с литературной декламацией и беседами, поучениями, лекциями. Глубоко церковный епископ Андроник, истовый молитвенник, находил эти вечера необходимыми и полезными, так как их религиозное содержание органически включалось в общую канву культурно-художественных потребностей общества.

Билеты на концерты раскупались полностью, накануне отцу Пимену приходилось выдерживать настоящие атаки желающих их приобрести.

Сохранились некоторые концертные программы, описание самих вечеров в «Пермских ведомостях», финансовые отчеты устроителей. Взаимное человеческое уважение и щепетильная честность видятся в финансовых отчетах, где все подсчитано, что называется, до копейки: «уплачено за работы по

приспособлению помещения для концерта, за материалы обивки для эстрады, по счету магазина «Электричество» за прокат лампочек, за бумагу для вензеля, за бумагу для плакатов, за перевозку вешалки и кафедры из Семинарии и обратно, рассильному Василию Попову, певчим за конфеты, ученику Екатерининско-Петровского училища за потерянные вещи, израсходовано распорядителем на извозчика, за прокат посуды для буфета, на афиши и билеты, на расклейку».

В программе одного концерта, устроенного в Семинарии, – три отделения, представленных силами только воспитанников! Сначала хор спел «Боже. Царя храни» и «Незаметным героям» (муз. Чеснокова). Ученик 6-го класса Белозеров прочитал «Русь-Тройку» Гоголя. Медведев из 5-го класса спел «Песню солдата» Таскина. Стихи «Русь» Никитина декламировал первоклассник Воронцов. Юшков (5 кл.) спел «Песнь казака». Струнный оркестр сыграл марш «За братьев-славян» и пьесу «Малороссийская ночь». Было и трио, которое исполнило «Повеяло черемухой» Гольцисона, и квартет, спевший «Привет весне». Читались «Славянам» Тютчева и «Полтавский бой» Пушкина. Как напоминание об этой прекрасной русской жизни приведем несколько строк из любимой многими поколениями пермских семинаристов песни:

Повеяло черемухой, проснулся соловей,
Уж песней заливаётся он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушка, искусству твоему,
Пусть песнь твою волшебную прочувствую, пойму.

Описание Семинарии, равно как и ее сотрудников – от шеф-повара и банщика до отца ректора, прибывшего «из Закавказья, из района Джульфы», – мы найдем в воспоминаниях нескольких выпускников Семинарии, к 1914 году закончивших Казанскую Духовную Академию и вернувшихся преподавать в знакомые семинарские стены. Через пятьдесят лет они – В. Игнатьев, П. С. Богословский и П. Шишов – соберутся вместе и напишут о Семинарии, потому что в 60-х годах хула на нее и искажение правды достигнут кульминации [10]. «Училищем лжи» названа она в путеводителе «Пермь». Напишут от лица ее выпускников, «видевших много горя слез, испытавших бедность, много

презрения как со стороны общества, так и многих людей, не знающих жизни и быта семинаристов». Мемориальная доска на фасаде главного корпуса сообщает, что «в этих стенах учились выдающиеся люди Русской земли: изобретатель радио А. Попов, писатель Д. Мамин-Сибиряк». Но ведь не в военном училище ракетных войск имени маршала Чуйкова, теперь обосновавшемся здесь, они учились, а в учебном заведении, о котором – ни слова.

Осенью 1914 года устоявшийся уклад семинарской жизни был нарушен войной. Две трети главного корпуса отвели для военных целей: второй этаж почти весь был превращен в казармы для мобилизованных и готовившихся к отправке на фронт, а третий этаж – в лазарет. В теплые летние и осенние дни по семинарскому двору и саду прогуливались раненые офицеры и солдаты. Резкие звуки сирены, оповещавшей о прибытии новых раненых, все чаще и чаще раздавались над городом, тревожили душу, рождали беспокойство. А на фронт уходило все больше и больше новобранцев.

Размещал классы, вводил новый распорядок и дополнительные правила в жизнь Духовной Семинарии архимандрит Пимен. По его распоряжению гардеробная комната была превращена в спальню, под спальную же комнату была арендована комната в одном из ближайших к Семинарии частных домов. Доступ семинаристов на второй и третий этажи был ограничен шефской работой. Занятия младших классов проходили в квартире отца ректора. По его же инициативе был введен режим строгой экономии: отменен собственный выезд, отключен телефон, сокращено преподавание ряда обязательных предметов, хотя факультативный курс живописи был сохранен¹⁰⁶.

Война наложила отпечаток не только на внешний уклад жизни, но и на сознание людей, вытеснив старые интересы. Вот выступает перед семинаристами полковник Васильев, по живым впечатлениям он рассказывает о боевых действиях. У него мягкий, тонкий юмор и талант рассказчика, он говорит и о явлениях на войне чудесной помощи Божией. Семинаристы передают из рук и руки трофеи: бомбы, патроны, противогаз,

штыки... Преподаватель Колосов читает лекцию, в которой смысл войны трактуется по сочинениям Владимира Соловьева. Отец ректор просит его повторить главные тезисы, и уже на следующий день о философии войны толкуют все. А на 115-ю годовщину Семинарии сам Преосвященный Андроник произносит проповедь о духовной стороне войны, он подчеркивает, что ее ужасы искупают грехи мирной жизни. И опять семинаристы передают мысль из уст в уста: сопоставляют, думают.

Часть верующей России в те годы переместилась в лазареты. Пример подали Великие княжны и сама Императрица: они выполняли работу санитарок, ухаживали за самыми тяжелыми ранеными. Семинаристы продолжали учиться, но их санитарная дружина и шефская бригада с воодушевлением включились в общерусское дело.

Зарисовка жизни Пермской Духовной Семинарии из печати тех лет передает царившую в ней атмосферу:

«В первый день нового года, едва кончилась литургия, в лазарет прибыли первые сто человек. Неторопливой длинной лентой тянулись по направлению к Семинарии с вокзала извозничьи экипажи. В первой – начальник санитарной дружины по приему раненых. Дружина состояла исключительно из семинаристов. У инспектора Н. И. Знамировского и его помощника воспитанника Диковского – перевязь Красного Креста на рукавах. У парадного крыльца Семинарии печально развевается белый флаг с изображением Красного креста. Собралась толпа постороннего люда. Многие плачут. В вестибюле встречает раненых О. Н. Колосов с хором воспитанников. Раздается дружное и воодушевленное «Боже, Царя храни!». Раненые в поношенных шинелях, усталые, худые, с белыми повязками. Некоторые на костылях, некоторые на носилках с помощью воспитанников медленно поднимались по высокой лестнице на верхний этаж, где их встретили врачи, сестры и протоиерей Л. Зубарев. На средней площадке против семинарского храма стоял семинарский протодиакон отец М. Попов и широким жестом указывал на церковь: «Иоанна Богослова храм. Молитесь, православные!». И раненые

крестились. После того, как они вымылись в семинарской бане, переоделись и распределились по палатам, им были розданы молитвенники, Евангелия, почтовая бумага, конверты, папиросы, книги и иллюстрированные журналы. Принесен граммофон. После ужина раненые молятся общей молитвой перед отходом ко сну. 3 и 4 января раненые присутствовали за литургией. Они стояли на хорах, расположенных как раз вблизи лазарета на верхнем этаже. По окончании литургии отец ректор в полном облачении поднялся по лестнице в верхний этаж и принимал раненых ко кресту. Его сопровождали воспитанники Семинарии и духовенство, которые пели: «Спаси, Господи, люди Твоя»¹⁰⁷.

Особенная любовь отца Пимена к Святой Руси объясняет, почему в Пермской Духовной Семинарии проводы на фронт семинаристов-добровольцев напоминали картину благословения Преподобным Сергием Радонежским Дмитрия Донского на бой с татарами. «Проводы были обставлены сугубо торжественно: во время литургии перед чтением Евангелия трое подошли к амвону, им на голову как на аналой, наш протодиакон возложил Евангелие и прочитал положенный по уставу текст...» И так же торжественно отец ректор старался провожать на Фронт выздоровевших солдат: собиралась вся Семинария служилась молебен, пелись гимны союзных государств, подносились подарки. Солдаты уезжали на фронт просветленные и благодарные.

На Новый, 1915-й, год отец Пимен произнес перед семинаристами слово, в котором изложил идеальные мотивы идущей войны:

«Тяжелое испытание, выпавшее на долю нашего народа по воле Божией во второй половине минувшего года, именно война с немцами и турками, заставило нас проснуться от греховного сна, познать свои достоинства и недостатки, призвать Бога на помощь и дружно ринуться на врагов нашей народности, веры и Царя. И славно завершился старый год, передавая новому славную память о русском героизме, русском единодушии и послушании в великом народном деле... Победа над немцами подготовлена, но еще не довершена. Предстоит

нашей победоносной армии и окончательное поражение мусульманства, может быть освобождение Царьграда и Иерусалима с прочими дорогими для христиан святынями Палестины из-под власти турок... Предстоит также новая группировка народов мира, в которой русскому народу будет принадлежать высокое и почетное положение. Наконец, в области духовной русский народ еще очевиднее явится посредником-провозвестником православного учения и инославному западу, и языческому востоку, и мусульманскому югу. Великие дела ожидают нашу родину...»¹⁰⁸.

В этом новогоднем слове отец Пимен сформулировал свою «русскую идею», которая являлась прочным основанием его собственной жизни и собственных трудов. Основанием для процветания в России может быть только Церковь с ее подвижниками, не боящимися «ни усталости, ни гонений». Их сверхдеятельность, подкрепленная благодатью Божией, должна направляться на отрезвление и просвещение народа. Усилия подвижников способны отвести народ от того, «что затемняет ум, развращает сердце, расслабляет волю, портит и развращает душу». Общее народное просвещение, идущее от подвижников, возможно лишь ценой их самопожертвования, отречения от удобств, покоя, самолюбия. Православное просвещение должно остановить тех, «кто проповедует от ветра главы своей». Подвижнические труды обеспечат моральную крепость народа, а она – главное условие для того, чтобы в народной жизни имели силу законы. Не внешняя сила начальственных приказаний, а здоровое чувство гражданского долга будет побуждать к исполнению законов. Просвещенный и отрезвленный народ воспримет государство как свое Отечество, опору и защиту своих прав и интересов. Отец Пимен ставит знак равенства между православным государством и Родиной и ищет пути примирения с ними народа.

Самым интересным и значительным пастырским размышлением отца Пимена в то время является статья «Место религии в жизни культурных государств и наша отсталость в этом отношении»¹⁰⁹. Она показывает, что ни религиозный подъем в Перми, вызванный началом мировой войны, ни

личная ярко выраженная любовь к Святой Руси не лишили отца Пимена способности трезво смотреть на вещи. Та сила веры русского человека, которую он доказывает в другой статье, ссылаясь на Киреевского¹¹⁰, является национальным идеалом, и велика заслуга русских в порождении такого идеала, но реальность российской жизни уже тогда свидетельствовала об утрате этого идеала «руководящими умами России». Епископ Андроник и отец Пимен прекрасно видели пропасть, отделявшую интеллигенцию от веры и проповеднического слова. В своем благовествовании пастыри были окружены почти исключительно простым верующим народом. Поражаешься этой не востребованности интеллекта, благородства, достоинства, богообращенности. Конечно, далеко не вся образованная Россия была глуха и слепа по отношению к духовенству такого типа, но, тем не менее, отец Пимен в речи на хиротонии подчеркивал, что в Перми близко столкнулся именно с простым верующим народом. В статье, которую мы комментируем, он цитирует «Вехи» С. Н. Булгакова, писавшего о религиозном отрицании, «которым пропитана насквозь скудная интеллигентская культура», и о том, что идейные борцы за святости души, за Церковь и ее уставы среди образованного общества – редкие исключения. В статье говорится: «Только на почве веры, высших христианских, Богом указанных, в Церкви осуществляемых идеалов и возможны духовная культура и единение всех духовных вождей с народными массами. Здесь недостаточны одни кинематографы, народные дома, лекции, разного рода веселые развлечения, ибо ими не сгладится разность между разными слоями общества, между чистою и простою публикою. Только религиозные идеалы могут слить эти две части нашего народа в одном чистом возвышенном настроении, возбудят в них одинаково благороднейшие честнейшие стремления.

Единения всех народных сил возможно достигать только на почве религии. Так, например, религия до сих пор есть главный нерв англо-саксонской культуры, и наряду с духовенством там всюду выступают и светские проповедники: врачи, юристы, вожаки рабочих... Но как редко у нас на Руси слияние великой

русской семьи. Наши образованные вожди не только удаляются от «мужицкой» веры, но еще стремятся всеми способами разрушить народную веру, изгнать церковность из общего уклада русской жизни, разлагая этим и народную душу, сдвигая ее с крепких вековых оснований. И если народный досуг, в особенности по селам, будет заполнен только развлечениями светского характера – театром, музыкой, кинематографом, – и если душа народная будет лишена духовного хлеба, высшей церковной поэзии, религиозно-нравственных утешений, то подобными развлечениями здоровому деревенскому духу народа привьются все пороки городской культуры с ее гангреной духа, распущенностью...

Особенно устройство народных развлечений совершенно светского характера под праздники, во время, безусловно принадлежащее Церкви, есть беззастенчивое отманивание драгоценных душ от ее [Церкви. – Ред.] руководства и жизни, есть самая бессовестная экспроприация того, на что только одна Церковь имеет право. Праздновать известное событие, ради чести которого народ освобождается от обычных занятий, можно только в церкви и с Церковью, а не вне ее; под звуки колоколов, а не под звуки оркестра; перед иконами, а не перед сценой. Что общего между величанием и игривым маршем? Между театральной публикой и богомольцами? Поистине так же мало между ними сходства, как между Христом и Велиаром».

Отец Пимен не говорит прямо, но самым приемом обращения к западной культуре и западным странам выказывает понимание того, что над Россией теперь довлеет идеал культуры, а не веры и, трезво сознавая это, в полноценную культурную жизнь настойчиво включает веру. Он учитывает, «авторитетность» для русских иноземного и указывает на пример благоговения англичан перед русской православной верой. Пусть русские посмотрят на богослужения глазами англичан, и слава Богу, если при этом станут больше уважать отеческую веру «Преклоняясь перед русской литературой и искусством, многие англичане сами ездят к нам изучать нашу веру, нашу обрядность, наши церковные установления. Их, этих религиозных англичан, видали и в

Москве, и в Петрограде, и Троицкий Ионин монастырь в Киеве, и Саров, и Соловки, и Белая Гора с ее обителью в Пермской губернии. Этот религиозный интерес наших союзников должен быть для нас глубоко поучителен. Очевидно, всемирные мореплаватели, всесветные колонизаторы не находят ничего драгоценнее того, что наши культурные просветители не думают ценить и беречь, – веры православной и жизни по этой вере...

Мораль отсюда такая, заканчивает свое размышление отец Пимен, если вы хотите быть в истории рядом с культурными народами, себя уважающими, то берегите и свое драгоценное достояние – веру православную и ее священные воспоминания [традиции], не погашайте их в народе нелепыми увеселениями в праздничные дни. Иначе вы воспитаєте в народе не душу кроткую и терпеливую, а душу зверя, который принесет неисчислимые беды и себе и вам».

Военное время требовало использования всех средств для пробуждения национального самосознания, укрепления духа народа и поднятия его нравственности. 27 апреля 1915 года Святейший Синод подал Императору доклад о желательности охранения в силе повсеместного запрещения продажи спиртных напитков. Отмечалась благотворность такого запрета: улучшилось нравственное самочувствие народа, повысилась его трудоспособность, наблюдалось укрепление того непобедимого духа веры, который всегда спасал Русь. Доклад подписали митрополиты: Петербургский – Владимир, Московский – Макарий, Киевский – Флавиан. Император удовлетворил просьбу церковных деятелей, написав на докладе: «Трезвость народа – надежная основа его мощи и благосостояния».

Именно тогда епископ Пермский Андроник поручил возглавить епархиальное Братство трезвости ректору Пермской Духовной Семинарии. Очень скоро стараниями отца Пимена трезвенническое движение ожило и окрепло. Стали проходить еженедельные собрания Братства, собралась дружина, давшая обеты трезвой жизни. Хроника сохранила описание нескольких грандиозных праздников, подготовленных членами Братства трезвости, а также трезвеннических паломничеств и вечеров.

Размах, с которым они проводились, с трудом укладывается в современные представления.

Первое сугубое торжество «юного Пермского епархиального братства трезвости» состоялось 14 мая 1915 года. Оно совпало с девятнадцатой годовщиной венчания на царство Императора Николая Александровича. На специальном помосте перед Преображенским кафедральным собором Преосвященный Андроник отслужил молебен. После парада войск торжественная манифестация с портретами Императора, плакатами, пропагандирующими трезвость, со знаменем Братства, на одной стороне которого был изображен великомученик Георгий Победоносец, поражающий змия, а на другой – лики преподобного Стефана Пермского и Предтечи Господня Иоанна, а также слова: «Молись, трудись и трезвись», с мощным хором направилась к Первой Александровской гимназии. Здесь с крыльца гимназии отец Пимен произнес речь, и шествие продолжилось прерываясь выступлениями других проповедников. На одной из остановок протодиакон Попов произнес здравицу в честь главного устроителя торжеств – отца Пимена. Во время этой манифестации было роздано несколько тысяч листов и брошюр, изданных Братством, а вечером в столовой Семинарии прошло годовое собрание Братства, на котором обещание вести трезвенную жизнь дали 119 человек. Для участников торжеств устроили концерт духовной музыки, угостили детей, глядя на которых отец Пимен выразил надежду, что они станут представителями грядущей великой России. Как хотелось верить в это!

«Пермские епархиальные ведомости» сообщили, что вторая манифестация, устроенная отцом Пименом 29 августа 1915 года, в день воспоминания усекновения главы Иоанна Предтечи, стала исключительной по обстановке и числу участников. Был лес хоругвей и святых икон, национальных флагов, плакатов. Шествие по городу, вдохновленное талантливым проповедником, продолжалось до четырех часов дня.

В отчете о руководстве Братством отец Пимен пишет и о своих проповедях в мастерских пермской железной дороги. Они

проходили с разрешения начальника мастерских Шиманского во время обеденного перерыва. Известно, что на проводы отца Пимена, когда он покидал Пермь, из мастерских посылали делегацию рабочих для выражения слов признательности за эти часы общения¹¹¹.

Еще предстоит осмыслить и обобщить опыт Русской Церкви в Синодальный период по созданию Обществ трезвости. Если какое-либо объединение, братство или общество трезвенников будет давать зарок трезвости, контролировать своих членов устраивать вечера и прогулки, то все же неизбежно встанет вопрос о внутреннем двигателе этой деятельности. Только в рамках религиозной православной традиции – аскетизма, духа покаяния, милосердия, молитвенности, ее внешнего строя с богослужениями, символикой и атрибутикой – возможно создать единение, которое не будет порождать внутреннего протеста. Трезвость же предстанет как борьба с демонскими силами, разрушающими образ Божий в человеке. В этой борьбе бесполезен протестантский аргумент бытовой добродетели. Задача Братства трезвости должна быть общерелигиозной. Немаловажно, чтобы такие братства возглавлялись глубоко верующими, по-человечески яркими, интересными людьми. Они являются как бы осязаемым итогом трезвенной жизни. Само многолюдство собраний Пермского братства трезвости, крестных ходов и паломничеств Братства невозможно не увязать с духовной привлекательностью и человеческой значительностью его руководителя – отца Пимена.

И в наши дни недолгий путь от бывшей Пермской Духовной Семинарии приводит по Набережной к действующей пристани. От нее 17 июня 1916 года в 5 часов вечера отошел пароход общества «Кавказ и Меркурий» под названием «Матрона». На его трап взойшла группа паломников трезвеннического Общества в количестве девяноста человек, а сопровождал ее ректор Семинарии отец Пимен. Крестный ход направлялся по течению Камы до станции Еловой, далее – на гору Фавор: в Фаворской пустыни ожидалось событие большой важности – освящение поклонного креста. Июньские закаты на севере бывают прохладными, но, несмотря на это, в тот вечер все пассажиры

судна слушали заупокойное всенощное бдение, совершавшееся русобородым голубоглазым архимандритом в золотой митре, и его слова о безусловной необходимости поминовения усопших. Этот голос потерялся над густыми лесами и ушел в камские глубины, но кажется, что Господь и задумал природные предметы, всю эту твердь, земную и водную, чтобы вбирала она в себя проявления человеческого духа. Если так, то доньше хранят камские просторы звуки той всенощной...

Наутро длинной серой лентой паломники двинулись от пристани. Зеленый флаг Братства колыхался на ветру впереди. Пение не прерывалось ни на минуту, и витал дух высокой праздничной радости – так описывает событие безымянный свидетель¹¹². Не исходил ли этот дух от руководителя, умевшего жить такой радостью и ни тайно, ни явно не искать другой? Паломников встретил монастырский крестный ход, и к монастырю подошли все вместе внушительным шествием. Железной дорогой прибыл Преосвященный Андроник, и все поднялись на вершину горы Фаворской, чтобы освятить воздвигнутый там восьмисаженный крест-памятник православным воинам, убитым на поле брани. «Страдания и скорби очищают и приносят пользу только тогда, когда соединяются с верою в Распятого Спасителя» – так начал свою проповедь у подножия креста отец Пимен, а утром в монастырском Преображенском соборе он произнес слово о том, что истинный христианин, даже несмотря на свою бедность, имеет дерзновение пред Богом.

В Перми на спуске от кафедрального собора по Кунгурской улице (ныне Комсомольский проспект) стоит бывшее здание Стефановской часовни, принадлежавшее до 1918 года пермскому Стефановскому братству. В описываемые нами годы здесь по воскресным и праздничным дням проходили религиозно-нравственные беседы для народа.

Много лет душой этих бесед оставался инспектор Пермской Духовной Семинарии Николай Иванович Знамировский, впоследствии известный на Урале новомученик архиепископ Стефан [11]. С 1914 года в беседах принимали участие Преосвященный Андроник и ректор Семинарии архимандрит

Пимен. В 1915 году зал часовни расширили почти вдвое. До сих пор, если посмотреть на часовню со двора, четко видна линия пристройки, сделанной епископом Андроником.

«С первого чтения народ стал заполнять до конца теперь уже расширенный зал. Начало в 7 часов вечера, но уже в шесть с половиной часов свободных мест нет. Мы шли на чтения, но нам говорили некоторые попадавшие навстречу: «Нет, уже поздно, все места уже заняты». Действительно, к семи часам яблоку негде было упасть, но вместе с этим – порядок, тишина. Быстро входит в зал владыка Андроник и громко говорит «Споемте все вместе «Царю Небесный»». Потом поднимается на амвон ректор Семинарии архимандрит Пимен и ясно, отдельно, совершенно понятно и увлекательно изустно говорит об участии Ангелов в служении роду человеческому. «Споемте все вместе «Небесных воинств»», – говорит опять владыка. А народ все прибывает. В проходах люди стоят уже плотной стеной, позади некоторые взбираются на скамьи, на табуретки, дети полукругом то стоят, то сидят вдоль амвона. Поют воспитанники Семинарии. Потом выходит уездный наблюдатель церковных школ священник о[тец] Стефан Захаров и изустно же предлагает свои размышления о преимуществе церковного воспитания. Владыка: «Споемте все «Слава в вышних Богу!»... Время уже позднее. Владыка оставляет зал, но народ не хочет еще расходиться. Выступают с краткими чтениями воспитанники Семинарии, читают патриотические стихи мальчики и девочки различных школ. Вот уже 11-й час. Непосредственный руководитель чтений о[тец] ректор Семинарии архимандрит Пимен хочет окончить и совершить вечернюю молитву. Но вот к нему сквозь гущу народную стремительно протискивается какая-то старушка и, ловя его за рясу, жалобно-умоляюще просит: «Батюшка, споемте еще «О Всепетая»». Только около одиннадцати опустел Стефановский зал, когда его посетители разошлись по самым далеким окраинам»¹¹³.

Стефановская часовня была возвращена Православной Церкви в дни празднования 600-летия преставления просветителя Пермского края святителя Стефана Великопермского. В тот день, 9 мая 1996 года, в ней собрались

ученики пермских воскресных школ. Впервые за восемьдесят лет голоса маленьких православных христиан наполнили помещение часовни, где раздалось звонкое пение тропарей и старинных кантов, посвященных святителю Стефану. С их сверстниками, может прабабушками и прадедушками, занимался отец Пимен в этих самых стенах¹¹⁴... Кстати, он очень любил народные духовные канты. И этот, конечно, тоже:

Святитель дивный и премудрый
Великопермский наш Стефан,
Ты во святителях пречудный,
О, как ты близок грешным нам!

Об одном из детских праздников нам известно – рождественском, называвшемся «Вифлеемская звезда-ясли».

Вместо традиционно украшенной елки центром служила картина-декорация «Поклонение волхвов». Светилась, притягивая к себе, звезда в напоминание первой – настоящей... Священник Захаров, распорядитель праздника, собрал около нее несколько сот детей церковноприходских школ Перми и рассказал им о Рождестве. Губернское начальство, посетившее праздник, слушало вместе со всеми. Детям раздали гостинцы, одарили платьями, фартуками, рубашками, чулками, валенками и варежками. Епископ Андроник и отец ректор окунулись в стихию праздника в полную меру, от души: где дети, там всегда особая близость Господа и чистая радость...

Литургическое служение, руководство Семинарией, преподавание на пастырских курсах, организация народных чтений, попечения о семинарском лазарете и забота о народной трезвости составляют картину христианского подвижничества отца Пимена. Труды отца Пимена снискали ему любовь и учащихся Семинарии, и жителей Перми, и правящего архиерея. В начале 1916 года епископ Андроник начал хлопотать о викарном епископе для Пермской епархии. Замысел предполагал, что сподвижником и помощником владыке Андронику станет архимандрит Пимен. Нашлись средства для второго Архиерейского дома в Соликамске, и, наконец, было получено согласие. Но неожиданно в Пермь пришло известие о предстоящей хиротонии отца Пимена во епископа Салмасского

и об отбытии его в Персию на место Преосвященного Сергия, с которым Министерство иностранных дел решило окончательно распрощаться.

В 20-х числах июля 1916 года вышел Указ о назначении ректора Пермской Духовной Семинарии архимандрита Пимена начальником Урмийской духовной миссии с возведением в сан епископа Салмасского и о назначении на викарную Соликамскую кафедру бывшего епископа Салмасского Преосвященного Сергия (Лаврова) [12]. В 20-х числах июля 1916 года в Перми проходили проводы дорогого ректора отца Пимена. Прошли последняя воскресная литургия и последняя проповедь в семинарском храме. Он попросил молитв за него, потому что в Иране ему предстояло почти в одиночку идти на «крепость зла». Несмотря на дождливый день, на литургию в семинарском храме собралось много народу, были губернатор М. А. Лозино-Лозинский и вице-губернатор Н. Н. Максимович.

В тот же день отец Пимен провел последнюю беседу в Стефановской часовне, дав заветы истинной христианской жизни, и многие во время этой речи, не скрывая слез, плакали. Когда же выступал мальчик Белозерский, член детского Стефановского кружка, который, глотая слезы, читал приветствие, то, по словам неизвестного автора заметки о проводах отца Пимена, «рыдали уже все»¹¹⁵.

26 июля 1916 года, во вторник, в Духовную Семинарию прибыл Преосвященный Андроник. Во время прощального молебна двумя длинными рядами от амвона встало пермское духовенство – те, кто пришел проститься с отцом Пименом. Читали приветственный прощальный адрес. Владыка Андроник вручил отцу Пимену от имени преподавателей Семинарии и почитателей-мирян архиерейский жезл, а от Братства трезвости – книгу «Чиновник архиерейского богослужения». Друг за другом выходили разные люди, чтобы добавить еще и еще к уже сказанным теплым словам. Прибыла делегация от железнодорожных мастерских. Рабочие, смущаясь своего косноязычия, неловко жестикулируя, с неподдельной искренностью благодарили отца Пимена за посещения и беседы.

Выступил Преосвященный Андроник и в речи своей отразил благотворную деятельность отца Пимена, простиравшуюся далеко за пределы Духовной Семинарии, не входившую в круг его прямых обязанностей. Этот сдержанный, взыскательный к себе и другим архипастырь сказал тогда, что хотел видеть не кого другого, а именно отца Пимена в числе своих ближайших сотрудников в Чердынском и Соликамском уездах в архиерейском сане, чего, однако, не судил Господь.

Та единственная епископская панагия, которую мы видим на груди владыки Пимена на всех фотографиях, была подарена ему Преосвященным Андроником во время прощания [13]. Панагия была дорога епископу Андронику по воспоминаниям: он получил ее в первые дни своего архиерейства в Новгороде. Передавая дар, он произнес: «Да сопутствует отцу Пимену Святая Божия Матерь, образ Знамения Коей изображен на этой панагии и под покровом Которой воспитался отец Пимен». Любовь владыки Андроника к отцу Пимену выразилась в том факте, что уже после назначения последнего на новое послушание Преосвященный представил его к награждению орденом Святого Владимира:

«Бывший ректор Пермской Духовной Семинарии архимандрит Пимен, с отменным плодотворным усердием проходя в течение почти двух лет должность ректора, вместе с тем с высоким усердием относился и ко всем духовным требованиям, вызванным обстоятельствами переживаемого военного времени. Помещающийся в Семинарии военный лазарет до 200 душ всегда был под его ближайшим пастырским отеческим вниманием. Во всякое благопотребное время он усердно вел духовные и патриотические беседы с солдатами, и ранеными, и расквартированными в здании Семинарии, всегда с воодушевлением и надеждой провожая их маршевыми ротами на позиции. Неустанным руководителем духовных чтений и бесед с народом был он и в братском зале, теперь вдвое расширенном и переполненном слушателями. Постоянно принимал он самое деятельное участие и во всех устрояемых мною по обстоятельствам военного времени народных богомолениях и паломничествах, предпринимая путешествия на

далекие расстояния и всех воодушевляя. Всем описанным он снискал народную любовь и уважение. Свидетельствуя о сем, долго своим почитаю представить Святейшему Синоду, не благоугодно ли будет во внимание к таким заслугам архимандрита Пимена по обстоятельствам военного времени наградить его причислением к ордену Святого Владимира 3-й степени»¹¹⁶.

На представлении Синода рукою Императора Николая Второго начертано: «Согласен». Документом признания, любви и почитания является описание проводов отца Пимена. Через два года и архимандрита Пимена и Преосвященного Андроника встретит Господь с венцом уже неземной славы, а земная надолго оставит этих избранников Божиих. Но можно смело сказать, что они были подлинным цветом русской нации, ее золотым запасом, ценность которого с течением времени будет только возрастать, если, конечно, изначальный капитал не утратится в беспамятстве и забвении.

Из описания проводов известно, что отец архимандрит, сдержанный, мужественный человек, при прощании не пытался скрывать свои слезы. Слезы были на глазах и у епископа Андроника и у всех присутствующих. Прощальная речь виновника торжеств, которую он долго не мог начать, то и дело прерывалась подкатывавшим к горлу комом. Отец Пимен очень сожалел, что в Семинарии были летние каникулы и он не видел юношей, чистый мир которых очень любил. Просил передать им свое последнее благословение. Началось прощание, и многие земно кланялись ему.

А вечером на вокзале в ожидании поезда отец Пимен был вновь окружен плотным кольцом провожающих, о чем-то беседовал уже в последний раз. Когда же поднялся в вагон, все его почитатели и люди, оказавшиеся на вокзале, обнажили головы. В оставшиеся минуты пели. Под звуки православных песнопений и умчался поезд. Стоя у дверей, отец Пимен уже издали все благословлял оставшихся на перроне.

На этом эпизоде лежит печать какой-то особенной щемящей грусти, будто предчувствие грядущих бед витало над всеми. Взлет Православия, который пережила тогда по всеобщему

признанию Пермская епархия, имел страшную отдачу в 1918 году. Мало где найдется хроника злодеяний, подобная той, которой сопровождались победа Советов здесь, в Пермском крае. Сбылось пророчество святого Иоанна Кронштадтского, что «над Пермью – черный крест».

Автор описания проводов отца ректора замечает: «Нам приходилось много видеть проводов, но эти носили какой-то особенный отпечаток своей искренностью, своей сердечностью, и невольно задаешься вопросом: чем же объясняется такое внимание к уехавшему отцу Пимену?» И сам же отвечает на свой вопрос, говоря о «простоте и доступности» отца Пимена, у которого были «открытые для всех двери... Он был истинным пастырем, был бессребреником, помогал направо и налево. Последняя черта его особенно трогательна: получая по должности ректора солидное содержание, отец Пимен не имел средств выехать в Петроград, и, как нам известно, правление Духовной Семинарии выдало ему потребную сумму на поездку' взаимнообразно...»¹¹⁷.

Впереди бывшего ректора Пермской Духовной Семинарии ждал тягостный год. Исторические реалии неумолимо подводили монархическую православную Россию к ее трагическому концу; человек же, о котором мы пишем, был плотью от ее плоти...

В мае 1996 года во время стефановских торжеств Пермь посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В эти дни особенно четко ощущалось соприкосновение прошлого и настоящего.

Военное присутствие, казавшееся для Пермской Духовной Семинарии явлением временным, не только затянулось, но и совершенно вытеснило из этих стен даже саму память о духовном учебном заведении. Уже в начале 20-х годов в Семинарии обосновалось летное училище, а ныне – Высшее командное училище ракетных войск им. Чуйкова.

Святейшего Патриарха Алексея II пригласили освятить в нем молельню. В группе, сопровождавшей Патриарха, были и церковные журналисты. Идем через проходную – бывшую семинарскую баню, вступаем во двор. В такое везение верится

с трудом, хочется убедиться в реальности места и действия. Узкие коридоры первого этажа, высокие двери классов, ректорского кабинета, гардеробной. В семинарском храме, ныне зале дипломного проектирования, пусто – идет ремонт, и для того, чтобы представить храмовую обстановку, нужно совсем немного... В хронике семинарской жизни есть зарисовки того, что было когда-то здесь: «Торжественно идет служба. Мощное величавое пение, масса света от свечей, которые усердно ставят солдатики и раненые, клубы фимиама. Мститый отец протодиакон проникновенно, истово крестясь и низко кланяясь, возглашает: «О, еже подати силу и крепость христолубивому воинству нашему... О, еже низложите супостат, на ны восставшия. Воины же наша, на поле брани от врагов раны приимшия, скоро воздвигни». Выходит духовенство на середину храма. Во главе – архимандрит Пимен. Золотое облачение, золотая митра. Высокие свечи несут несколько диаконов. И вся церковь громогласно от всего сердца поет «Величаем, величаем Тя, Живодавче Христе». Жаркая горячая молитва в обстановке, где так много света, любви, мира и единения»¹¹⁸.

Вот та самая мраморная лестница, ведущая на второй этаж к храму. По ней бригада семинаристов поднимала в лазарет раненых солдат, а семинарский протодиакон отец Матфей, по прозвищу Маттафия, стоя у дверей храма, громовым басом звал воинов молиться.

Семинарию закрыли в 1918 году, в ту самую пору, когда прервался земной отсчет времени и для епископов Андроника и Пимена. Дух христианского благочестия на многие годы был изжит из этих стен. И вот мы стоим в маленькой молельной комнате училища и вместе с Патриархом и еще пятью архипастырями Русской Церкви поем «Взбранной Воеводе...». Кажется, что сами стены напряженно вслушиваются и вспоминают что-то. Незабываемо!

Часть 4. Быть епископом – доброе дело

Епископ Салмасский

Блаженны миротворцы, ибо они
будут наречены сынами Божиими.

(Мф. 5:9)

И если кто не примет вас и не
будет слушать вас, то, выходя
оттуда, отрясите прах от ног
ваших, во свидетельство на них.

(Мк. 6: 11)

В третий раз отцу Пимену предстояло отправиться в Персию, теперь уже епископом, начальником Урмийской миссии. Он привык к России и от прежней миссионерской нивы внутренне отдалился. Он сознавал и то, что его посылают на заведомо безуспешное служение: в разоренный край, в нищую Миссию, на дело, которое епископ Сергей долгие годы устраивал по своему замыслу, так что Миссия была в полном смысле его детищем.

Газета «Колокол» отмечала, что при совершении чина наречения архимандрита Пимена во епископа в зале заседаний Синода было особенно многолюдно, а речь будущего епископа Салмасского произвела на присутствовавших сильное впечатление своей редкой искренностью. Действительно, отец Пимен был беспощаден к себе при оценке своих прежних миссионерских трудов.

«Петербургский листок» подробно осветил чин наречения¹¹⁹.

К началу обряда в зале заседаний Синода у стола сели два митрополита в мантиях небесно-голубого цвета и прочие члены Синода в мантиях лиловых. За особым столом сидели обер-прокурор Синода А.Н. Волжин, товарищ обер-прокурора Н. Ч. Зайончковский и управляющий канцелярией П. В. Гурьев. В зале присутствовало много чиновников и публики. Архимандрита Пимена пред лицом Синода поставили архимандриты Мелхиседек и Геннадий. После оглашения высочайшего повеления о новом назначении архимандрита Пимена и пения иерархами обычных молитв нарекаемый произнес слово.

Сейчас в здании Российского Святейшего Синода – филиал Государственного архива. Поблекло былое величие парадной лестницы, бывший зал заседаний под замком: ни заглянуть, ни вдохнуть воздуха былых времен и ни укрепиться в ощущении событий ушедшего времени, чтобы достовернее представить их себе. Однако история сохранила вдохновенные слова нарекаемого во епископа архимандрита Пимена. Его речь содержала в себе несколько слитых воедино моментов: размышление о месте епископа в современной жизни, о своей особой духовной связи с Урмией, уделом предстоящего служения, и рассказ-исповедь о том, что способствовало этой связи, и о всей жизни. Именно в этом слове отец Пимен оставил свидетельства о детстве, семье, годах учения и трудностях миссионерского дела, о пермских уроках.

Речь была настолько глубокой и действительно искренней, что сумела отобразить те сокровенные начала и идеальные побуждения, которыми отец Пимен неизменно руководствовался всю жизнь сам и которые призывал пробуждать в себе других.

«В умах наиболее восприимчивых и деятельных представителей нашего образованного общества теперь продолжается то, что довольно давно названо переоценкой ценностей. Они то вышучивают, то своеобразно поверхностно истолковывают серьезные и высокие по своему смыслу понятия, как патриотизм, свобода, гуманность, воздержание, трезвость, честность, законность. Плоды такой идейно-воспитующей деятельности бывают вредны уже в том отношении, что люди не в силах оказываются защитить добро и противостоять злу, утрачивают идеальные стремления душ своих и теряют добрую связь с другими...».

В речи прозвучали пророческие слова о судьбе русского епископата, которые теперь воспринимаются как одно из самых сильных и ярких пророчеств о грядущем, публично высказанных в то время: «Если трудна при таких условиях упорядочивающая и сдерживающая работа властей предержащих, то еще труднее бывает здесь положение епископов Православной Церкви... Не всяким угодна святая ревность, многих она отталкивает от

ограды церковной, давая им повод обвинять доброго предстоятеля Церкви в фанатизме, узости и отсталости взглядов и убеждений. Увлеченные поверхностным пониманием христианских истин, они не успевают замечать, как сильно и действительно слово православного епископа, как оно и возвышает людей к небу, и связывает их узами братства и любви взаимной, и располагает их серьезно относиться к земной жизни.

Они видят в епископе только противника своему своеволию, и как неприятель желал бы уничтожить офицеров вражеского воинства и для этого направляет на них всю свою разрушительную силу, так и противники Церкви, желая ее подчинить себе, не хотят щадить епископов...».

Перед мысленным взором архимандрита Пимена стоял святитель Пермский Андроник. Что, как не его пример, было путеводной звездой на новом епископском пути? Многолюдье собраний в Стефановской часовне, внушительные крестные ходы по улицам Перми, толпы паломников к святыням Пермского края, вдохновленные выдающимся пермским архипастырем, стояли за текстом речи:

«Но у епископов Русской Православной Церкви есть еще немалое число и горячих приверженцев из простого, но верующего народа. Тесным, но многолюдным кольцом он окружает своих предстоятелей церковных и своею горячею верою и благочестивою жизнью представляет красноречивое оправдание их деятельности...»¹²⁰.

Хиротония во епископа состоялась в Казанском соборе Петрограда 6 августа 1916 года, в праздник Преображения Господня. Ее совершили: митрополиты Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский)¹²¹, Петроградский и Ладужский Питирим (Окнов); архиепископы Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий), Симбирский и Сызранский Вениамин (Муратовский); епископы Рязанский и Зарайский Димитрий (Сперовский), Черниговский и Нежинский, Василии (Богоявленский)¹²², Велетский и Дибарский Варнава (Сербия), Урмийский и Супурганский Мар-Илия (Геворгизов), Великоустюжский Алексей (Бельковский), викарий Вологодский, Гдовский Вениамин (Казанский), бывший епископ Полоцкий и

Витебский Иннокентий (Ястребов), председатель Миссионерского совета.

Тринадцать лет назад с этим же праздником совпал монашеский постриг Петра Белоликова, и теперь Преображение Господне прочно становилось днем его преображения и началом восхождения от силы в силу.

По окончании литургии и чина освящения плодов иерархи вышли в мантиях на архиерейский помост для вручения хиротонисанному епископу архиерейского жезла. Митрополит Владимир произнес речь о предстоящем служении нового епископа. Накануне епископ Сергей (Лавров), которого вызвали из Персии, представил в Святейший Синод доклад о положении дел в Урмии и состоянии Миссии, и поэтому митрополит Владимир при напутствии нового епископа Салмасского хорошо представлял существо дела.

«Урмия теперь – это уже не та богатая и цветущая, особенно в христианской ее части, область. Жестокая рука врагов сделала ее совсем неузнаваемой, и вот какую печальную картину представляет она сейчас по донесенным до нас официальным сведениям. Селения христиан в количестве 2/3 разрушены и опустошены. Церковное имущество разграблено. Иконы поломаны или сожжены. Из серебряных сосудов, похищенных из храмов, пьют на своих пирушках мусульманские ханы. Из дорогих облачений сделаны покрывала на седла их лошадей.

Оставшиеся в живых христиане бродят, как овцы распуганного зверями стада. И вот все это предстоит тебе как начальнику Миссии собрать, восстановить, привести в порядок, благонастроить и благоустроить»¹²³.

После хиротонии жизнь епископа Салмасского Пимена стала предметом внимания церковной прессы¹²⁴. Он встречался и долго беседовал с министром иностранных дел Б. В. Штюрмером, дожидаясь одобрения Государственным советом и Государственной думой закона о выделении из средств государственного казначейства дополнительных 15 тысяч рублей на содержание Урмийской духовной миссии. 30 августа он принимал участие в крестном ходе из Исаакиевского и

Казанского соборов в Александро-Невскую Лавру по случаю дня памяти святого благоверного князя Александра Невского и сослужил за литургией митрополиту Петроградскому Питириму, епископам Урмийскому Мар-Илии, Ямбургскому Анастасию и Сербскому Варнаве.

В эти дни в центральной церковной газете «Колокол» в двух номерах была напечатана его статья «Православная миссия в Урмии»¹²⁵.

А вот маленькая заметка в «Новгородских епархиальных ведомостях»¹²⁶. В ней приводится запись епископа Салмасского Пимена в книге отзывов Новгородского музея древностей, сделанная 11 августа 1916 года: «Весьма утешен тем, что древности земли новгородской так заботливо охраняются. Дай Бог процветания древлехранилищу. Епископ Салмасский Пимен, 1916, 11 августа». Значит, 1916 годом отмечено его последнее пребывание в Новгороде. Может быть, предчувствуя скорую жизненную развязку и связывая ее со служением в Персии, где шла война, епископ Пимен пожелал проститься с тем, что было ему особенно дорого, вызвало когда-то глубокие духовные переживания и предопределило дальнейшую жизнь.

Епископ Пимен покинул Петроград 2 сентября 1916 года. Следом за ним из Кабинета Его Императорского Величества в Урмию было выслано почтой архиерейское облачение – пять ящиков. В небольшой газетной заметке сообщалось, что вместе с новым епископом в Урмию направился повторно назначенный туда иеромонах Виталий (Сергеев). После начала военных действий в Персии и эвакуации Миссии из Урмии иеромонах Виталий некоторое время жил у отца Пимена в Перми и служил в храме Пермской Духовной Семинарии. Теперь он был отозван из города Луги, где последний год служил военным священником.

Дорога из Петрограда до пограничной Джульфы занимала ровно неделю, но, по словам самого Преосвященного Пимена, он прибыл в Урмию 30 сентября. В течение трех недель длилась остановка в Тифлисе. Вместе с Экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским) обсуждалась программа предстоящей деятельности Урмийской миссии.

Трудно отказаться от деталей, сопричастных пути епископа Пимена в военное лихолетье 1916 года.

В раннем романе писателя В. Шкловского «Сентиментальное путешествие» путь в Урмию описан по впечатлениям именно той поры...

Станция Шерифхане на берегу Урмийского озера была конечной. «Здесь я увидел нечто невиданное. Пустыня-солончак. Лежит громадное, явно мертвое гладкое озеро-море. В воду тянутся длинные молы на сваях. Несколько больших черных барж грузятся чем-то. Но самое странное: на берегу нет жилых зданий, не видно людей. Одна пустыня. И пустынные скалы. Лежат товары. Лежат мотки колючей проволоки. Видно несколько амбаров. Десяток вагонов стоит на рельсах... Противоположного берега не видно. Ездят через озеро двумя путями: или на барже, которая буксируется катером, или на катере просто, если дело спешно. Всего пароходиков на озере штук 7–10, из них один – «Адмирал» – довольно большой, вроде тех, которые ходят между Кронштадтом и Петербургом, но с двигателем внутреннего сгорания. Пароходы привезены с Каспийского моря и здесь собраны... Ехать верст 60–70. Над озером летают фламинго, розовеющие при взлете. У них розовые подкрылья. Машина стучит и режет еще не мятые волны. Катер подошел к пристани, скалы уже не красные, а серые. Глухо, как у глухого забора. Бродят какие-то дети, почти голые, в лохмотьях, обращенных уже в бесформенные пряди Дорога вырвалась из солончака и пошла полями, обнесенными глиняными стенами. Как фабричные трубы, торчат в поле пирамидальные тополя с ветвями, будто приклепнутыми к стволу. Ехали довольно долго вдоль глухой глиняной стены, мимо бедных кладбищ с памятниками из осколков камней, поставленных дыбом. Потом повернули в кирпичные ворота и въехали в город Урмия»¹²⁷.

К тому времени, когда отец Пимен прибыл в Урмию в третий раз, уже епископом Салмасским, историческое движение разрушило фундамент, на котором строилось дело Миссии, ее богослужебный образ распался, а он был необходимым

условием для созидания церковных устоев, церковной образованности и благочестия православных сирийцев.

Выписка из донесения управляющего вице-консульством в Урмии от 21 декабря 1916 года:

«Вновь назначенный начальником нашей Миссии Его Преосвященство епископ Пимен сумел за короткое время снискать общие симпатии своей энергией, простотой и примирительной политикой. Для устройства церковных дел им был созван в начале отчетного месяца церковный собор, на открытие которого был приглашен и я, причем епископ Пимен весьма любезно отметил в краткой речи мои старания сотрудничать с Миссией в деле устройства христиан. С согласия генерала Чернозубова и в сопровождении его епископ совершил поездку в Соуджбулаг и преподал частям, расположенным там, так и по пути свое архипастырское благословение. Я тоже принял участие в поездке и с удовольствием наблюдал, какое большое и благотворное значение она имела для наших войск»¹²⁸.

Епископ Пимен добросовестно принялся за дела в полном соответствии с тем, чего требовала ситуация, сложившаяся в Миссии. А требовала она политического такта и взаимопонимания с русским консульством, доброго нейтралитета с инославными миссиями союзных государств, и в первую очередь срочного улучшения материального положения сотрудников Миссии и обеспечения помощи урмийским христианам.

Епископ Сергей (Лавров) накануне своего отъезда из Урмии сообщал в Петроград Святейшему Синоду о крайне тяжелом финансовом положении Миссии. Его преемник это почувствовал сполна: он встретился с задолженностью в 38 тысяч рублей. Задолженность вызвала обнищание сотрудников. Положение усугубила дешевизна рубля. В завершение бед – неурожай хлеба и винограда, который угрожал голодом христианскому населению. В предвидении его американские и католические миссионеры деятельно закупами хлеб на огромные суммы. Русская Миссия не могла предпринять ничего подобного даже в очень скромных размерах. По мнению епископа, высказанному

тогда в донесении в Петроград, вынужденная безучастность к бедствиям христиан нанесет огромный урон престижу России и Миссии. Он пишет: «благотворительность – щедрость в международных отношениях в нужные моменты как во времена войны и других бедствий – есть всегда самая импонирующая форма представительства, свидетельствующая о духовной мощи народа-благодетеля».

По подсчетам епископа Пимена, семь тысяч православных войдут в число нуждающихся. Помощь для их поддержания епископ Пимен исчислял в количестве 385 тысяч рублей. «Россия работает теперь и на поле брани и в жизни народов, задетых войной, и тратит на них громадные суммы. Так, она помогает и собравшимся в Урмии и Салмасы беженцам – христианам Турции. Местные же сирийцы Урмии и Салмасы доселе никакой помощи не получали. Между тем понесенные ими разорения и постигший их неурожай так их озлобили, что своевременно оказанная им американскими и католическими миссионерами помощь заставит их надолго отшатнуться от России, забыв все ее прежние благодеяния. А к тому неминуемо приведет наша безучастность к их бедственному положению, к их желанию выйти из него...»¹²⁹.

Энергично и настойчиво епископ Пимен начал бороться за увеличение субсидий для Миссии. Он многократно писал в Синод, обер-прокурору, министру иностранных дел, члену Синода епископу Андрею (Ухтомскому), епископу Вениамину (Казанскому), будущему священномученику, архиепископу Платону (Рождественскому), митрополиту Питириму (Окнову), а также в Кирилло-Сергиевское братство. Этих посланий слишком много, чтобы отдать дань каждому из них в отдельности, но все они свидетельствуют о высокой ответственности владыки Пимена за порученное ему дело. Вот некоторые из них.

«На театре войны православному епископу голыми руками невозможно действовать успешно. Все организации... снабжены всем необходимым, только наша Миссия беспомощна. Меня осаждает голодное население. Сами сидим без дров. Невозможно так здесь поддерживать веру в Россию». «Урмийская миссия, служба России вблизи района войны, доселе

остается без всяких средств. Положение критическое. Вынуждаюсь требовать немедленной денежной помощи русскому делу в Персии». «Меня осаждают голодные. Умоляю оказать помощь». Наконец в письмах появилась и крайне резкая интонация: «Жаль, очень жаль, что у Святейшего Синода оказывались средства для отделки квартир Волжину и кабинета князю Жевахову, а на живое дело этих средств не отпускают. В конце концов, придется мне по возвращении в Россию требовать полагающуюся мне и моим сослуживцам сумму судом, если мы не будем удовлетворены полагающимся нам содержанием»¹³⁰.

Отчаявшись от невнимания высшей церковной власти, епископ Пимен обратился с письмом в Государственную думу, написал лично ее председателю М. В. Родзянко и министру-председателю князю Г. Е. Львову. Он искал также участия в Пермской епархии у Преосвященного Андроника. Нравственная высота владыки Андроника сказалась и в этом случае: пермский святитель довел до сведения своей паствы обращение епископа Пимена и призвал помочь далекой Урмии и любимому всеми в Перми архипастырю. «Придем с посильною своею помощью на указанные нужды православной, истерзанной врагами Урмии... Лучше жертвовать деньгами, чтобы на все собранное иметь возможность закупить и необходимые предметы церковной утвари, а вместе оказать и помощь голодающим сирийцам... Отрем им слезы и заставим Богу молиться от благодарного и спокойного сердца» [14].

Сбор пожертвований епископ Андроник взял лично на себя.

На страницах Пермского епархиального журнала пермский святитель привел выдержку из письма епископа Пимена, в котором сообщается существенная деталь: епископ Пимен на личные деньги открывал в Урмии детские школы¹³¹.

Наряду с многократными попытками улучшить материальную сторону жизни Миссии, епископ-миссионер прилагал усилия к тому, чтобы отметить заслуги всех, кто способствовал ее существованию в критических условиях войны. Он написал ходатайство в Святейший Синод о награждении священника Василия Мамонтова наперсным

крестом и саном протоиерея, диакона Феодора Пиденко – серебряной медалью «За усердие», а также о благословении иконами командира Кавказского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Ф. Г. Чернозубова и бывшего императорского вице-консула в Хое Н. М. Кирсанова. Епископ Пимен пишет: «Генерал Чернозубов помогал нашей Миссии во время бегства ее и провизией, и первоочередными средствами и располагал офицеров и нижних чинов своего отряда приходить на помощь беженцам-сирийцам. По возвращении работников Миссии в Персию он особенно энергично поддерживал их в работе... Наконец, в настоящее время я вижу столько внимания со стороны Его Превосходительства к Миссии, особенно к ее благотворительной деятельности, столько стремления возвысить православного епископа в глазах населения; что осмеливаюсь почтительнейше ходатайствовать... о благословении его иконою Христа Спасителя от Святейшего Синода. Вторым выдающимся доброжелателем нашей Миссии является вице-консул в Соуджбулаге Н. М. Кирсанов. Человек сравнительно молодой, искренне религиозный, чисто православный. Он оказал Салмасскому отделению Миссии следующие важные услуги: изыскивал местные средства для прокормления разоренного христианского населения, помогал нашей Миссии поддерживать веру в Россию и в Православную Церковь; г. Кирсанов настойчиво подчеркивал свое Православие перед местным населением пел в миссийской церкви, читал, подавал кадило, зажигал свечи, отдаваясь этому делу с большим воодушевлением. Осенью он получил воззвание мое о помощи голодающему сирийскому населению Салмаса, он так подействовал на богатое население своего округа, что там было собрано 6000 рублей...»¹³².

Владыка Пимен оправдывает несоблюдение формальностей в своем прошении условиями войны и пока еще не налаженной работой своей канцелярии. И в этом шаге сквозит редкая способность уметь быть благодарным, в данном случае людям, которые стали поддержкой Миссии в период ее агонии. В просьбе чувствуется и глубоко личная, выстраданная

признательность человека, которого тяготит моральное одиночество. Это одиночество было связано с тем, что прежний начальник Миссии, епископ Сергей, в интересах дела создал для себя «человеческий задел», поддерживая группу, преданную не столько Православию и России, сколько лично ему. При решении финансовых вопросов он учитывал материальные интересы этой группы. Епископ Сергей не останавливался перед противодействием консульской политике России, что и повлекло за собой непреклонное решение МИДа России удалить его из Персии. Более всего русские дипломатические круги в Персии не устраивала непримиримость епископа Сергея к инославию, миссионерский экстремизм по отношению к инославным миссиям союзнических Англии и Франции [15].

Когда епископ Сергей был отозван, преданность ему паствы послужила моральным оправданием неприятия нового епископа и создания психологически сложных условий для его служения в Урмии. К тому же новым архипастырем стал владыка Пимен, у которого с епископом Сергием были прежде натянутые отношения. Заинтересованная в особом покровительстве упомянутая группа признать владыку Пимена не могла и старалась его дискредитировать. Вот подоплека писем сирийцев в Святейший Синод с просьбой вернуть епископа Сергея.

«Почтительнейше умоляю, – пишет епископ Пимен в очередном рапорте – о скорейшем освобождении меня от обязанностей начальника Урмийской православной миссии. Наследие моего предшественника епископа Сергея таково, что я считаю себя не обязанным нести его тяжесть. Но Миссия должна продолжить свою деятельность, ибо, кроме небольшой кучки нечестных сирийцев, остальное христианское население Урмии с уважением и упованием взирает на нее»¹³³.

Отчаянно-настойчивая борьба во имя поддержки в Урмии Православия и урмийских христиан, за выживание Миссии и ее завоеваний, честное выполнение своего епископского долга встречали черную неблагодарность. В этом кроется основная причина усиленных просьб епископа Пимена о переводе его в

Россию, хотя бы в какой-нибудь северный монастырь, где бы он мог принести пользу. В дерзновенном обилии телеграмм и писем на эту тему есть и много смирения. «Лучше быть псаломщиком в России, чем епископом в Урмии», – телеграфирует владыка Пимен 14 июля 1917 года архиепископу Сергию (Страгородскому) в Петроград¹³⁴. Он просит вернуть в Урмию епископа Сергия (Лаврова) как «сроднившегося с этим краем и сумевшего полюбить его».

После падения в России самодержавия возникла еще одна грозная причина, которая глубоко осложняла урмийское служение епископа Пимена. Это было ожесточенное противодействие Комитетов солдатских депутатов Кавказского корпуса. Предубежденное отношение к Миссии и ее епископу как к корыстным «ловцам сирийских душ» превратило эти Комитеты в слепое орудие против миссионеров. Противостояние доходило до того, что становилось угрозой для жизни владыки Пимена и других миссионеров. Из рапорта епископа Пимена Святейшему Правительствующему Синоду:

«Стремление нынешних свободных русских граждан устроить свою общественную жизнь на демократических началах и подчинить всех без исключения влиянию Советов или Комитетов солдатских и рабочих депутатов наблюдается и здесь, в Урмии... Комитеты настойчиво собирают все жалобы на Миссию со стороны местных сирийцев и высказывают открыто угрозы судить и опозорить нас в глазах местного населения. Я не боюсь открытого и компетентного судопроизводства. Но суд солдатских Комитетов Урмии состоит только в собирании жалоб на нас, в высказывании угроз против нас... Между тем сами члены Комитетов, как недавно живущие в Персии и незнакомые с ее языком и нравами, обычаями, совершенно не могут разобраться в местных судебных делах. Портя авторитет Миссии, они в то же время забывают свое прямое военное дело... Я прошу оказать Миссии... защиту, иначе дело может пойти слишком далеко»¹³⁵.

Начавшийся революционный хаос, при котором каждый переставал заниматься своим прямым делом, в первое время еще получал отпор от таких людей, как владыка: «У вас есть

прямое дело сплачивать и отрезвлять солдатскую среду, возвышать ее дух, делать ее храброю и непобедимою, писал в Комитет 7-го Кавказского отдельного армейского корпуса. Как русский гражданин я смею возвышать свой голос и спрашиваю: «Делаете ли Вы, Господа, свое дело, идет ли оно вперед?». И этот вопрос Вам зададут многие и в России, и здесь... Оставьте нас делать свое дело защиты здешних христиан, а сами идите на свое прямое дело. Помогай Вам Бог!»¹³⁶.

Органы «демократической» власти – Комитеты создавались и в сирийских селениях. Там также активизировалась революционизированная сирийская молодежь, в основном та ее часть, которая служила в русской армии. Они действовали против Миссии заодно с солдатскими Комитетами.

12 мая 1917 года в городе Урмия состоялось сирийское национальное собрание, на которое русский епископ не был приглашен. Отбросив амбиции, вооружившись смирением и терпением, епископ Пимен обратился к собранию с посланием на сирийском языке. Оно было принято с воодушевлением, и его решили напечатать в журнале «Кехва».

Русский епископ призывал сирийцев не доверять «юношам из Комитетов», крепить союз народа с духовенством, сохранять сложившиеся устои народной жизни: «Будьте осторожны, братие, с теми, кто говорит против епископов и священников и хочет вместо них работать для народа с помощью Комитетов. Знайте и помните русскую пословицу: старый друг лучше новых двух. Епископы и священники – ваши старые друзья. Они много понесли трудов для блага сирийского народа в течение всей его жизни, во времена покоя и времена беспокойные. Некоторые из них были убиты, некоторые измучены ради вас. Господь да воздаст им за все, что приобрели для вас. Ведь они не ради себя были досаждаемы, но ради сирийского народа. Так зачем же забывать этих тружеников Христовых, желающих блага для сирийского народа»¹³⁷.

В своем послании русский православный епископ встает на защиту всех христианских миссий Урмии и напоминает о благодеяниях, шедших от них, призывает сирийцев сделать их участниками в управлении внутренней жизнью народа. Такое

отношение к прочим миссиям в Урмии и являлось той самой примирительной политикой, которую приветствовал МИД и которую не признавал епископ Сергей.

Послание завершается миссионерской молитвой. «Господь да благословит сирийский народ и даст ему благодать и силу для всяких добрых дел. Да здравствует сирийский народ, да возрастает он, да множится, да будет полезными дрожжами для улучшения окружающих народов. Молитвы святых апостолов Фомы, Аддея и Мария, и святых отцов Ефрема, и Иакова, и Исаака, и святых мучеников Сергия и Вакха да будут с Вами, братие. Аминь».

На третьей неделе Великого поста 1917 года епископ Пимен по испрошенному разрешению прибыл в Петроград, чтобы лично доложить о положении дел в Миссии и решить вопрос о своем переводе в Россию. К Святой Пасхе он вернулся в Персию ни с чем. Правда, отречение Императора Николая Второго и поспешное приветствие этого шага со стороны Святейшего Синода – эти решающие для будущего России события – владыка Пимен застал в Петрограде и пережил вместе с двоюродным братом, настоятелем Казанского собора протоиереем Философом Орнатским. Едва ли можно узнать теперь, о чем они говорили тогда на Казанской улице в доме № 3, можно только судить по делам последующих полутора лет жизни обоих первомучеников Русской Церкви... Непокколебимые монархические убеждения протоиерея Философа Николаевича Орнатского были хорошо известны в Петрограде. Это была последняя встреча единомышленников, после которой владыка Пимен еще более укрепился в намерении служить живому церковному делу в России.

Последние рапорты из Урмии подводят тягостные итоги многомесячной борьбы за поддержание Миссии ради помощи православным христианам Урмии и защиты интересов России.

«Я просто не знаю, каким еще языком говорить с Святейшим Синодом о нуждах Миссии. Говорил я и смиренно, говорил и дерзновенно, писал и лично докладывал и просил: и все напрасно. Меня выслушивали с таким видом, как будто я просил о личном своем деле. Между тем Миссия в Урмии не

есть мое создание, а создание Преосвященного Сергия. Он дал ей такое направление, при котором сирийцы возомнили о себе чересчур; он же, благотворя им, ввел в громадные долги Миссию. Он не позаботился закрепить за ней какое-либо определенное содержание. Мои протесты против его самовольного способствовали только моему удалению из Урмии, из которой я уезжал два раза. Теперь прошу меня удалить из Урмии в третий и последний раз навсегда, ибо я привык к России и отвык от Персии.

Прошу мою просьбу об увольнении из Урмии исполнить возможно скорее, ибо я не намерен долго страдать за чужие вины. Иначе я не остановлюсь и перед самовольным отъездом из Персии, тем более что и Урмийское вице-консульство бьет набат о печальном положении Миссии...»¹³⁸

Последний рапорт из Урмии датирован 2 сентября 1917 года:

«В дополнение к тому, что мною было доложено раньше о невозможности для меня служить в Урмии, долг имею доложить... нижеследующее.

1. В Урмии есть уже один православный епископ из туземных сирийцев, Преосвященный Мар-Илия. Считая себя епископом православной Урмии, он с неудовольствием выносит здесь пребывание русского епископа и это свое неудовольствие проявляет иногда довольно соблазнительно.

2. Для меня теперь стало ясно, что сирийцы Урмии подали прошение Вашему Святейшеству о нежелании иметь меня здесь и о возвращении к ним епископа Сергия.

3. Я понимаю, чем я не угодил сирийцам. Я не оказывал им такой широкой благотворительной помощи, какую они привыкли встречать со стороны еп[ископа] Сергия. Но у меня на это нет никаких средств, ибо и то, что мы получаем из России, обесценивается здесь крайне низким курсом русских денег. А ближайшей осенью Миссию ожидает такая страшная нужда, что она неминуемо приведет к совершенному прекращению ее деятельности. Поэтому я нахожу свое дальнейшее пребывание здесь совершенно бесполезным, ибо оно послужило бы лучшим доказательством обеднения России...

Смиренно умоляю устроить мне перевод в какую-либо епархию Державы Российской или в один из северных монастырей, чтобы здесь я смог поработать с пользой при новых условиях гражданской и церковной жизни».

Митрополиту Петроградскому Вениамину, которого летом 1916 года в отсутствие епископа Андроника он принимал в Перми, владыка Пимен пишет о том, что не в силах сносить своего нравственного одиночества, не в силах жить только материальными заботами, когда в России в это время идет живое Дело церковного переустройства. 25 июля 1917 года епископ Пимен шлет телеграмму управляющему канцелярией Синода П. Гурьеву: «Сообщите, в каком положении дело моего перевода. Епископ Пимен». Из ответной телеграммы он впервые узнает о месте нового служения «Вы перемещены на кафедру епископа Верненского.

Определением Святейшего Синода от 3 июля 1917 года Преосвященный Пимен был освобожден от должности начальника Миссии и назначен на Семиреченскую и Верненскую кафедру, викарием Туркестанским. Указ о переводе отправился тогда же, но, вследствие непонятной задержки и пути, епископ Пимен получил его только 5 сентября 1917 года. Томительное ожидание закончилось, предстоял путь в Верный.

15 сентября, после праздника Воздвижения Креста Господня владыка Пимен покинул Урмию навсегда. Ему оставался только один год жизни, но мощное восхождение на вершину, которое он совершил в Верном, было подготовлено внешне бесславным годом в Урмии. Этот год хорошо дал почувствовать, каков удел епископа в революционную пору, и показал, что надо готовиться к беспощадной битве с «тайной беззакония», вооружаться терпением и мужеством, а главное, готовиться войти в Обители Господни с чистой совестью.

С отъездом из Урмии закончился миссионерский путь епископа Пимена. Опытом своего прежнего служения он не был готов к миссионерству «голыми руками», для этого нужно было сломать в себе глубоко укоренившиеся представления о православной и культурной миссии русского государства частью которого он себя осознавал, перейти к чисто апостольскому

идеалу служения – вне государственного и исторического контекста. Это первая и, наверное, главная причина того, что епископ Пимен стал настойчиво просить об отзыве из Урмии. Владыка был не в силах поменять престиж русского епископа на участь гонимого нищего проповедника Христова. Едва ли можно его сурово судить: и другие русские иерархи стали гонимыми проповедниками не по собственному выбору – в рубище их одела Октябрьская революция.

Конечно, епископ Пимен принял бы и рубище за честь, если бы того требовали интересы его православной Родины.

Дальнейшая судьба Урмийской миссии печальна. Тем же указом, которым епископ Пимен был перемещен на Верненскую кафедру, епископ Сергей вновь назначался начальником Миссии в Урмии. В решение резко вмешался МИД России, заявив о нежелательности такого назначения ввиду того, что «прежняя деятельность сего епископа в Урмии нередко вызывала разного рода недоумения, из-за которых он и был отозван в Россию». По новому приказу епископ Сергей увольнялся от назначения до новых распоряжений.

На протяжении нескольких месяцев бурные события в России и перемены в ее церковной жизни – впервые осуществились выборы на ведущие Московскую и Петроградскую кафедры, шла подготовка к Первому Всероссийскому Поместному Собору – не позволили Святейшему Синоду заняться делами Урмийской миссии. Завершилась история Миссии летом 1918 года. Уже при власти Временного правительства русская армия, имевшая в Закавказье прочные завоевания, начала терять свою боеспособность, солдатские Комитеты расшатывали дисциплину, вмешивались в дела командования. После же сепаратного мира, объявленного большевиками, весь Кавказский фронт рухнул, все завоевания русской армии, доставшиеся ей ценой героизма и неисчислимых жертв, принесенных всей Россией, были перечеркнуты. Турки быстро захватили все Закавказье [16]...

На Урмийском озере в начале века водились фламинго. Весной большие розовые птицы появлялись и над самим

городом: они летели над красными корпусами Миссии, напоминавшими монастыри в России. Советская Россия без всякого сожаления отдала постройки Ирану и персы их попросту снесли. Сейчас в Урмии тут и там ослепительно белеют древние христианские надгробные камни: они когда-то встретили русских миссионеров и вот теперь так же стоят, как тысячу лет назад. Летними днями солончаки вокруг озера до боли режут глаза, и такой же пустыней представляется теперь тот град Божий, который пытались воздвигнуть русские миссионеры. Почти никто не помянул их добрым словом: ни русские, ни сирийцы, ни тем более персы или курды. Но чистоту и бескорыстность их намерений видит Всевидящее Око. Вспоминается притча о сеятеле, рассказанная Господом Иисусом Христом¹³⁹. Владыка Пимен в одной проповеди говорил о том, что сеять надо полной рукой, независимо от результатов всходов, которыми управит Сам Господь...

Возвращение на Родину

Маршрут, по которому епископ Пимен возвращался на Родину, был вписан в подорожную, выданную русским консульством, и включал Тавриз, Месхед и далее по железной дороге уже в пределах Российской Империи: Асхабад¹⁴⁰, Самарканд, Ташкент, Арысь, Чимкент, Аулие-Ата и затем по почтовому тракту через Пишпек¹⁴¹, Кастек, Узунагач, Каскелен до кафедрального города Верного.

В Ташкенте пришлось задержаться примерно на десять дней, чтобы встретиться с епископом Туркестанским Иннокентием (Пустынским) только что перебравшимся из Верного в Ташкент. Было не лишним узнать от него о городе и его жителях, а также необходимо представиться своему непосредственному церковному начальнику: как викарный епископ владыка Пимен подчинялся епископу Иннокентию. Но дожидаться возвращения Преосвященного Иннокентия с Всероссийского Поместного Собора не удалось: он задерживался, а владыка Пимен спешил к месту назначения. Все же последний в своей жизни праздник Покрова епископ Пимен служил в Ташкенте. В городе в то время было множество прекрасных храмов, но архиерейское служение проходило, скорее всего, в величественном Преображенском соборе. Иконостас собора расписывал знаменитый Микешин – тот самый, который был автором новгородской скульптурной композиции «Тысячелетие России». Эта деталь незримо соединяла среднеазиатский Ташкент с далеким родным Новгородом. В те же дни владыка Пимен освятил маленькую церковь при городской больнице, начальником которой только что стал профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий, будущий архиепископ Симферопольский и Крымский Лука.

От Ташкента было несколько часов пути до узловой станции Арысь, откуда шла железнодорожная ветка на Восток – Семиреченская железная дорога. Дорогу начали строить в 1914 году, в октябре 1917 года часть пути в 260 верст была введена в действие. Этот отрезок пути удивительно живописен, он не

имеет ничего общего с солончаковым однообразием северного направления. До сих пор сохранились водонапорные башни и вокзальные строения начала века, навевающие грустные воспоминания о последних днях предреволюционной русской культуры. Следы хозяйственной деятельности Российской Империи в Туркестане мелькают за окном поезда: еще стоят полусгнившие опоры прямого телеграфа и телефона, соединявшего Верный с Ташкентом, уходят в землю старые отрезки железнодорожного пути...

Пассажирский поезд ходил один раз в сутки. На станции Абаил близ села Высокое, недалеко от нынешнего Тараза, а тогда – Аулие-Аты, пассажиры переходили на почтовый тракт: оставалось преодолеть расстояние в пятьсот верст – четыре дня езды на лошадях по накатанной дороге с ночлегами на уютных и чистых почтовых станциях.

Эту дорогу описывает верненский священник И. Соколов.

«При самом же въезде на почтовый тракт меня поразили своей красотой и гордой неприступностью снеговые горы, тянущиеся непрерывной цепью с правой стороны до самого г. Верного. С другой стороны – необъятные степи, местами каменистые, со множеством полуразрушенных аулов киргизов, дымящимися юртами их, целыми косяками свободно гуляющих по степи лошадей, тысячами овец, сотнями верблюдов и десятками ослов, напоминали мне что-то из патриархального, библейского быта. Так и думалось мне, что я еду по древней Аравии, Египту или Палестине. Невольно представлялась в голове картина жизни библейских древних патриархов. Но эта картина резко сменялась при въезде в русский поселок. Вновь веяло чем-то далеким, русским, родным. Тут видишь уже и причудливые южные тополи, белые украинские мазанки, окруженные плетнями, журчащие горные ручьи, пробегающие чуть не перед каждым окном, белоголовых ребят, играющих на дороге, а среди селения – небольшой чистенький храмик»¹⁴².

В Пишпеке епископ Пимен был вынужден задержаться на два дня: выехать не позволяла непогода на Курдайском перевале.

В пути о Верном приходилось слышать самые разноречивые отзывы. Особенно много владыка Пимен узнал в Месхеде от офицеров стоявшего там 2-го Семиреченского казачьего кавалерийского полка. Владыка решил проверку слышанного предоставить естественному течению жизни.

Подъезжающим к Верному по Ташкентскому тракту солнечным осенним днем открывался утопавший в садах и парках нарядный малоэтажный город. Его окаймляли горы с вечно белыми шапками снегов, которые смятым тяжелым ковром спускались к подножию. Вершины гор, а вместе с ними многочисленные колокольни, купола и кресты верненских храмов как бы парили в высоком небе. Справедливо писал верненский священник отец Михаил Колобов: «Природа, окружающая город Верный, по своей живописности и разнообразию превосходит самые смелые полеты фантазии. Горные виды по своей красоте не уступают швейцарским».

Находим настольную и дорожную книгу многих путешественников «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», изданную в 1913 году. Том 19 – «Туркестанский край». Наверное, в те годы каждый образованный человек, собираясь в Туркестан, брал ее в руки. Мог взять ее с книжной полки обширной миссийской библиотеки и епископ Салмасский Пимен, узнав о новом назначении. Читаем:

«Город Верный расположен на равнине у северной подошвы Заилийского Алатау; огромная снеговая вершина хребта Талгар и остроконечный Алма-атинский пик видны с городских улиц, окаймленных пирамидальными тополями и другими насаждениями. Многоводная речка Алматинка обильно орошает город, который буквально утопает в зелени и садах, скрывающих небольшие дома и постройки. Климат Верного теплый и здоровый; летние жары умеряются близостью хребта; зимою выпадает много снега и бывают сильные морозы. Основание русскому поселку в этом месте было положено в 1854 году устройством на реке Алматинке укрепления, названного Заилийским, но в следующем же году переименованного в Верное...».

В 1917 году Верный перешагнул свое шестидесятилетие как город и как центр Семиреченского казачьего войска, отделившегося от Сибирского. Здесь пребывал военный губернатор, он же наказной атаман. И все же Верный не был большой станицей. Это был центр миллионного Семиречья, город дворянства, духовенства, мещан. Его разнородное население перед революцией составляло пятьдесят тысяч человек. Со дня основания в нем расквартировался большой военный гарнизон.

Ровные прямоугольники городских кварталов соседствовали с широкими площадями и базарами.

В районе Гостинодворской площади группировались банки и конторы торговых домов. Отсутствие железной дороги возмещалось расцветом извоза и кузнечного дела. За длинными кирпичными заборами гремели полуручными приспособлениями верненские заводи — 66 предприятий: суконных, мукомольных, табачных, кожевенных, спиртоочистительных, маслобойных.

На окраинах разрослись дунганская, таранчинская (уйгурская), татарская слободки. Азия здесь причудливо переплеталась с Малороссией: типичные туркестанские домики соседствовали с белыми хатками, окруженными мальвами. В них жили переселенцы из Воронежской губернии, записанные верненскими мещанами. Они вели хозяйство полностью по-крестьянски.

Центр назывался «губернаторским четырехугольником». В нем сосредоточились присутственные места, учебные заведения, Коммерческое, Общественное и Военное собрания, кинотеатры, почта, телеграф, телефонная станция, дом губернатора и Архиерейское подворье. В мужской и женской гимназиях, училище имени генерала Колпаковского, училище садоводства и лесной школе жители Семиречья получали среднее образование. Была и Учительская семинария, готовившая учителей для церковноприходских школ.

На этой российской окраине давало о себе знать присутствие так называемых «нерегламентированных людей», осевших в крае в поисках лучшей жизни, но не имевших в крови

добрых хозяйственных, трудовых навыков и нравственных и религиозных устоев. Они-то и стали в скором времени главной опорой революционных процессов в Семиречье.

Верный был классической провинцией с усиленным элементом обывателя. В день прибытия нового епископа областная газета сообщала о новинках в кинотеатрах: «Миллион долларов», «Поцелуй смерти», мелодрама «Кошки и мышки». После представлений цирка Сосина из-под скамей выгребались горы подсолнечной шелухи... Но даже такому провинциальному городу, каким был Верный, было бы несправедливо давать однозначную оценку. Всеми прославляемый кафедральный собор, по сей день украшающий парк в центре города, не мог вырасти на почве только провинциального прозябания.

Жизнь дореволюционного Верного определялась еще одним важным обстоятельством, выдвигавшим город из разряда заурядной русской провинции. Здесь находилась кафедра громадной Туркестанской епархии. Со времени прибытия первого туркестанского епископа Софонии (Сокольского) в 1872 году епископская кафедра просуществовала 45 лет. В Туркестане служили Преосвященные Александр (Кульчицкий), Неофит (Неводчиков), Григорий (Полетаев), Никон (Богоявленский), Аркадий (Карпинский), Паисий (Виноградов), Димитрий (Абашидзе), Иннокентий (Пустынский). Все они в меру своих духовных и физических способностей послужили семиреченской пастве. Преосвященный Пимен (Белоликов) открыл ряд викарных епископов Семиречинских и Верненских (Алма-атинских), и за сохранение Православия в этом крае он не колеблясь, сознательно отдал свою жизнь. После его гибели Семиречье на десять лет лишилось канонического архипастыря и управлялось из Ташкента архиепископом Иннокентием (Пустынским) [17], затем епископом Сергием (Лавровым). В 1923 году духовенство епархии, за малым исключением, перешло в обновленчество. И только в 1927 году Верненскую кафедру, переименованную в том же году в Алма-атинскую, принял не состоявший в

обновленческом расколе прямой преемник владыки Пимена епископ Лев (Черепанов) [18].

* * *

В свой кафедральный город епископ Пимен въехал 11 октября 1917 года. После долгих десятилетий полного забвения имени семиреченского священномученика не востребованные до сих пор старые газетные страницы внятно заговорили голосами давно умолкнувших свидетелей и поведали о событиях того дня.

В 5 часов вечера навстречу епископу Пимену к селению Тастак выехали отец благочинный верненских церквей протоиерей В. Антонов и председатель войскового правления С. Щербаков в сопровождении двух сотен казаков с двумя оркестрами духовой музыки. Около женского монастыря, находившегося на Ташкентской аллее при въезде в город, владыку встретили игуменья с сестрами, а на паперти Вознесенского кафедрального собора – городской голова С. И. Петухов и гласные Городской думы с хлебом-солью. «Измученные физически и нравственно от переживаемых нашей Родиной бедствий, мы верим, что ваш приезд и духовное руководство умирят нашу жизнь и дадут ей успокоение», – звучало в приветственном слове¹⁴³.

Настоятель кафедрального собора протоиерей Алексей Шавров возблагодарил Бога за благополучное завершение архипастырем тяжелого и опасного путешествия, диакон провозгласил многолетие Поместному Собору, Святейшему Синоду и Державе Российской, а моление за жителей Верного и всего Семиречья совершил сам владыка Пимен.

Первые слова епископа Пимена в городе с многозначительным названием Верный, обращенные к верненской пастве, были о верности святому Православию и русской истории. В этих словах звучало многократно пережитое убеждение, пронесенное им через всю его жизнь.

«Вижу я, что здесь Православие, охранять которое отныне я призываюсь, не есть только личное дело человека, но и великая благотворная созидательная общественная сила. Она нас объединила всех вместе в настоящем церковном собрании. Она

же, надеюсь, будет и во многих других случаях объединять нас для молитвы, для других добрых дел, для устроения общественной жизни, расшатываемой зловредными влияниями современности. К руководству этой силы и зову вас теперь и буду звать впредь...

Та легкость и быстрота, с которыми совершился в России государственный переворот, многим внушил пагубную самоуверенность, веру в свои силы. Но эта самоуверенность... не соединяет, а разлагает и расшатывает Россию, созданную и укрепленную руками наших благочестивых православных предков. Россия терпит ныне небывалый позор, теряет былую славу только потому, что забывает о великой созидательной роли, значении святого Православия.

Призванный здесь напомнить о силе православной веры и своим и чужим, да не осуждаю правого вместо виноватого, да не обличаю того, кого нужно утешать. А более прошу возносить за Святую Церковь и Россию молитвы Скорому Помощнику. Он даст нам разум, даст совесть, способность относиться к делу усердно и серьезно и вновь покажет нас народом великим, народом крепким, народом славным».

В своем слове епископ Пимен просто и искренне рассказал о том, как он ребенком впервые узнал о городе Верном. «Первым впечатлением моей сознательной жизни было знакомство с теми фотографическими снимками «Нивы», на которых отображался Верный, разрушенный землетрясением 1887 года, я тогда почувствовал жалость к Верному как многострадальному городу...».

Невидимо и непреложно замыкался круг жизни. Вот и о детстве вспомнил епископ Пимен в первый час пребывания в городе Верном, находясь в двух шагах от места, где уже давно лежала старая могильная плита, под которую скоро положат и его. Как же будут не похожи эти проводы на происходившую тогда встречу!

К моменту приезда епископа Пимена город был переведен на военное положение, в постановлении Туркестанского комитета Временного правительства по этому поводу говорилось: «В воскресенье 8 октября на улицах толпой был

задержан транспорт товаров, направленных в Пишпек... После этого толпа бросилась к склады Восточного Общества из которых ее можно было выгнать лишь силой... На рынках и в магазинах Верного отсутствуют предметы и продукты первой необходимости, к числу которых относятся: мануфактура, кожа, обувь, чай, сахар, а главным образом хлеб, что объясняется общим недостатком их в России, но отчасти это о зависит и от того, что некоторые торговцы и граждане города, забыв страх и совесть, думая, что свобода заключается в праве обирать ближнего, попрятали эти предметы и продукты, ожидая повышения цен»¹⁴⁴.

Народное недовольство целенаправленно подогревалось социал-демократическим подпольем города. Тяжелое положение требовало в ту пору от народа решимости претерпеть трудности, найти силы трудиться и сострадать тем, кому еще тяжелее. И если Церковь звала к состраданию, прощению, помощи ближнему, то революционные агитаторы призывали «бороться за свои интересы и не щадить никого в достижении собственных благ. Ставка в этой борьбе была сделана на разжигание розни между казачеством, с одной стороны, и горожанами и крестьянствующим предместьем – с другой.

В первое же воскресенье по приезду, 15 октября 1917 года, новый епископ служил в кафедральном соборе первую Божественную литургию. Вознесенский собор в тот день был полон. «Туркестанские епархиальные ведомости» отмечали: «К молитве располагало все: искренность и естественность служения архипастыря, самый его облик смиренного инока» и, конечно, произнесенная проповедь. Знаменательно, что в положенном на тот день евангельском чтении была притча о сеятеле. Каждого, кто стоял тогда под высоким сводом собора, епископ Пимен звал увидеть в себе духовную немощь, о которой говорится в притче. Он говорил об известном в Церкви явлении – кратковременном духовном подъеме, за которым нет прочной решимости жить не по стихиям мира сего, а по воле Отца Небесного. Волевое усилие, необходимое в достижении добра, было близко духовному опыту самого проповедника.

Ясный, отчетливый голос владыки напоминал всем, что есть богооставленность, каковы ее последствия и насколько благотворно слово Божие в устроении личной и общественной жизни.

«Мы должны всюду сеять полной рукой, благовременно и безвременно возвещать Евангелие... По мере того как забывается слово Божие, дичают люди, расстраиваются семьи, разрушаются государства, разделяясь на партии, руководимые самолюбием и нежеланием общего блага. Человек, забывший слово Божие, делается скотом по своим привычкам, зверем по отношению к другим людям. Да не будет этого с нами! Во всех вас слово Божие да вселится обильно, чтобы не потеряться при грядущих искушениях!»¹⁴⁵.

Между тем по России – и Семиречье не было исключением – набирал силу непримиримый враг ее исторических ценностей и завоеваний – большевизм. В октябре 1917 года в Пушкинском городском саду пылала осень и утопавший в увядающей листве город Верный сиял всеми оттенками желтого и золотого. В огромном соборе, круглый год сиявшем золотом церковным, Преосвященный Пимен служил после литургии молебен о спасении Державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений. До национальной трагедии – Октябрьской революции в Петрограде – оставалось 10 дней, а через две недели она победит и в Ташкенте. Диктатура Казачьего войскового правления отодвинет ее приход в Семиречье лишь на четыре месяца.

Все сказанное владыкой Пименом осенью 1917 года свидетельствует о его очень сдержанном подходе к Февральской революции и ее свободам. В сложившейся ситуации он станет путеводить православному народу евангельским светом: учить различать добро и зло, ложь и истину, честь и бесчестье, искренность и лицемерие. Он будет призывать свою паству руководствоваться высшими побуждениями, а не сиюминутными интересами.

С первых дней на новой кафедре епископ Пимен начал сеять действительно «полной рукой». По сообщениям церковной хроники, «за каждой литургией Владыка поучает

паству, освящая на основании слова Божия современные события, и по окончании литургии совершает краткое молебное пение о прекращении брани. По воскресным дням в крестовой церкви за вечерним богослужением читает акафист и беседует с молящимися»¹⁴⁶. Но деятельность владыки Пимена не ограничивалась богослужениями и церковной проповедью.

Еще в 1908 году епископ Туркестанский Димитрий построил в парке рядом с кафедральным собором Народный дом имени Николая Второго. По примеру петербургского «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной нравственности» здесь устраивались беседы на религиозные темы. Организацию еженедельных бесед владыка Пимен полностью взял на себя. Будучи братом основателя вышеупомянутого Общества, отца философа Орнатского, и являясь также горячим поборником того, чтобы «Русь была не только крещена, но и просвещена», имея, наконец, опыт устройства народных чтений в Перми, он стал привлекать к участию в беседах множество людей. Хроника рассказывает.

«Вообще нынешние религиозные чтения настолько усердно посещаются публикой, что зал даже такого здания, как Народный дом, и тот едва вмещает всех желающих присутствовать на них. Такое посещение публикой чтений свидетельствует, что религиозная жажда налицо, и пастырям Церкви не только города Верного, но и других градов и весей епархии необходимо учесть этот момент, ибо в такое время, какое переживаем мы, соображения личного спокойствия, по примеру нашего архипастыря, должны отступить на задний план»¹⁴⁷.

Для горожан это были настоящие еженедельные праздники, маленькие Пасхи, исполненные света Премудрости Божией и радости о Христе. На чтения владыка обязательно приглашал какой-нибудь приходской хор. Пели все вместе церковные и народные духовные песнопения.

Тема одной из бесед, дошедшей до нас, – «Какое чудо нам ныне нужно». Чудом, постепенно осознаваемым русским народом, владыка называет Всероссийский Поместный Собор,

который уже явил невиданную силу духовную. Рисуя картину бедствий России, он делает твердые и здравые замечания, обнаруживая со всей очевидностью, что следование революционному духу и революционным призывам изначально несовместимо с духом и словом Евангелия.

«Вы легко можете заработать славу народного благодетеля и вождя, если будете льстить низким страстям народа. Евангелие забывается, Церковь уничтожается, духовенство преследуется, ибо они зовут к труду, к благоразумию, к подвигу. Зато агитаторы, обещающие легкое достижение счастья, встречают самый радушный прием у простого легкомысленного и доверчивого русского народа».

Епископ Пимен провидел длительную гражданскую войну. В словах о том, что перемена в жизни России совершится лишь «путем тяжелой и болезненной борьбы друзей порядка и законности в России с их врагами», что «безобразные подвиги социалистов побуждают сплачиваться, собираться вокруг военных отрядов, сохранивших память об исторических задачах России», он формулирует идею белого движения.

Архипастырь пытался отрезвить замороченное революционной демагогией сознание.

«При обсуждении общественных дел все сбились с толку: все боятся говорить простым, честным языком, называть черное черным, белое белым. Своих убеждений нет ни у кого. Замечательно, что все, на чем покоится благосостояние страны, богатство, слава и сила народа, теперь называется отсталостью, заподозривается как неблагонадежность. А все, что разоряет народ, расстраивает общественные отношения и порядки, что позорит народ, считается проявлением истинной свободы. Потребуйте, что для блага государства и народа нужно сильное, разумное правление согласно с волею народа, его духом, что мир и благополучие России возможны только при уважении к законам при неприкосновенности личности, имущества, капиталов, и вас объявят противником народной свободы... Один из видных вождей русских социалистов, обращаясь к своим единомышленникам, сказал: «Товарищи, мы победили не потому, что нас много, но мы так хорошо рычали,

что все подумали, что нас много». Вот секрет победы социалистов. Источник же их энергии, заставлявший их хорошо рычать и этим запугивать большинство людей благоразумных, но безвольных, заключается в их вере в свои идеи. Но своими безобразными подвигами они уже разбудили многих из нас»¹⁴⁸.

До конца своих дней епископ Пимен видел во Всероссийском Поместном Соборе единственную историческую силу, достойную решать судьбы России. Приведенный текст – серьезное свидетельство в цепи тех, которые выстроятся в дальнейшем и не позволят сомневаться, что расправа над владыкой не была ни случайностью, ни уголовщиной, а явилась реакцией богоборческой власти на последовательное служение архипастыря интересам Церкви и евангельским идеалам.

Мало-помалу собрались сведения о разнообразной деятельности верненского епископа в тот период [19]. Владыка не пренебрегал любой возможностью творить добро и служить Богу и России. Так, совершив поездки в окрестные селения, он доложил в Войсковое правление о большом количестве почти безнадзорного спирта на складах в селе Михайловском. С прибытием туда с фронта до 500 солдат «забывших всякую дисциплину и требования нравственного закона», с приближением святок и периода свадеб он опасался мародерства и пьяного разгула в селе, просил принять меры, «чтобы возможные по указанной мною причине беспорядки в с. Михайловском не нашли себе подражания в других местах Семиречья, которое пока, слава Богу, под вашим управлением живет мирной жизнью». Владыка Пимен почтительно обращает внимание на отсутствие должной охраны кладовой Верненского отделения Государственного банка¹⁴⁹, неоднократно благословляет кружечные сборы в пользу увечных воинов – несчастных калек-инвалидов идущей войны. Правление Красного Креста устраивает в Военном собрании благотворительный вечер с американским аукционом. Владыка и здесь не отказывает в своем содействии и из тех немногих личных вещей, которыми располагает, отдает для благотворительного аукциона свое одеяло [20].

Интересен один факт из биографии владыки Пимена, переданный старожилами города Верного. Владыка Пимен написал письмо на имя временного наказного атамана Н.С. Щербакова, в котором просил разрешения, «если найдется возможным, посетить урядника Трофима Ирискина, находящегося в предварительном заключении в Верненской тюрьме, для религиозной беседы с ним как подпавшим под влияние идей толстовства, идущего вразрез с интересами России в данный момент войны с Германией»¹⁵⁰.

Войсковой совет инициативу епископа приветствовал и просил поделиться впечатлениями и результатами этой беседы. Владыка Пимен, видимо, знал, что командующий войсками области генерал Кияшко решительно отказал войсковому совету в переводе урядника в запасную сотню. Епископ Пимен действительно прибыл в тюрьму на беседу. Он столкнулся со случаем наглого симулянтства: будущий оголтелый большевик Ирискин и не думал сочувствовать графу Толстому, он однозначно бежал от фронта. То же предание гласит, что тюрьма «валялась от хохота», когда на высшие рассуждения епископа Пимена товарищ Ирискин отвечал десятиэтажным матом. Известно также, что Ирискин, видимо, с тех пор затаил на владыку Пимена особую тяжелую злобу. Через месяц после расправы над епископом во время отпевания (!) в кафедральном соборе комвойск Емелева – это было в октябре года – бывший казак Ирискин позволил себе такое грубое хулиганское выступление против Церкви, что дело побоялись оставить без последствий, вынесли на товарищеский суд Верненской РСДРП/б/, потом решение пересматривали из-за недопустимой мягкости приговора: в городе на не сколько лет был взят курс на лояльное отношение к Церкви. Епископ сделал попытку объясниться с чисто русским революционным типом Каиафы, у которого главным аргументом была грязная отборная брань.

В этом эпизоде со всей силой вырисовывается неотмирность владыки Пимена, которая для мира есть безумие¹⁵¹. Упомянутая ситуация в тюрьме неизбежна для человека, живущего под водительством высшего начала. Она

будет повторяться в сходных ситуациях, пока живо будет «забывшее о самолюбии подвижничество» (мысль, принадлежавшая самому епископу Пимену) и разнузданное, одержимое вероотступничество. Не стоит умозаключать о наивности владыки, хотя в повседневной жизни он был и открытым, и бесхитростным человеком. Существует скрытая согласованность и взаимосвязь мотивов поведения человека, и то, что житейски выглядит как безыскусность и даже простоватость на уровне высшего служения выливается в проявление незаурядности.

3 декабря 1917 года в архиерейских покоях открылся съезд верненского духовенства. Он был посвящен исключительно событию в жизни Русской Церкви – избранию на Поместном Соборе Патриарха. В числе насущных вопросов был и вопрос о помощи голодающим детям. Съезд нашел способы на приходах поддержать обедами детей из неимущих семей [21].

Епископ Иннокентий ревниво наблюдал из Ташкента за действиями своего викария. Решения съезда духовенства он почему-то признал недействительными и в телеграмме предложил владыке Пимену выехать на Всероссийский Поместный Собор. От заманчивого предложения владыка Пимен отказался, потому что слишком отчетливо видел необходимость своего присутствия в Семиречье. 29 декабря он провел повторное пастырское собрание. Об этом находим сообщение в газете «Семиреченские ведомости»: «По распоряжению Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, от его имени приглашается все духовенство и церковные старосты городских церквей, а также, по желанию, и церквей ближайших станиц и сел на пастырское собрание, имеющее состояться в покоях Архипастыря 29 декабря с. г. в 10 часов утра, для обсуждения 1) вопросов по делам епархиального свечного завода; 2) вопросов церковно-приходской жизни, порожденных временем».

* * *

Стремительно промчались два месяца со дня приезда в Верный. Золотое убранство города сменилось на белоснежное. Глубокие сугробы выросли на обочинах городских улиц, шапки

пушистого снега поднялись на деревьях, образуя на улицах сплошные снежные коридоры. В солнечные дни близкие отроги Тянь-Шаньских гор сверкали снегом и льдами. В кафедральном соборе жарко натоплены лукашевские печи и царит приподнятое настроение Рождества и Новогоднего праздника с его надеждами на лучшее. Следующее за ними Крещение Господне продолжает питать надежды. Этот праздник в Верном, как и по всей России, проходил исключительно торжественно. «Иордань» устраивали на реке Алматинке в трех кварталах от кафедрального собора. В самый день Крещения она становилась центром притяжения для всех жителей. От южных дверей собора через парк до Губернаторской улицы путь выстилали ковровой дорожкой, а до Алматинки – соломой. По этому пути шел святить воду соборный крестный ход во главе с владыкой. В него вливались малые шествия из окрестных приходов. Кто был на санях, добирались до «иордани» окрестными улицами. Шествие встречали праздничные шеренги Верненского гарнизона. Артиллерия давала орудийные залпы. В момент освящения воды в небо выпускали белых голубей, горожане заранее сажали их в сундуки, чтобы у «иордани» выпустить одновременно. Голуби взмывали вверх по сигналу, создавая поразительно праздничное величие. Существовало народное поверье, что тот, кто окунется в крещенскую «иордань», смое с себя тяжкие грехи. И каждый год в крещенские морозы находились кающиеся души из верненского мужского населения. Раздевшись донага, едва прикрывшись, быстро сбегали они к воде и окунались в ледяной горный поток. Их тут же заворачивали в тулупы, не забыв «дать для сугреву».

Крещенская идиллия 1918 года соседствовала с далеко не идиллическими событиями. Здесь же, в парке кафедрального собора, в Народном доме открылся крестьянский съезд. Организаторам удалось задать ему большевистскую направленность: крестьяне из-за старых земельных распрей не принимали казачество, на которое опиралось в области Временное правительство. «Нам по пути», – сказали большевики Семиречья крестьянству и были услышаны. В

надежде на реванш в решении земельного вопроса крестьянский съезд по всем другим вопросам вынес постановления, предложенные большевиками, в том числе и по детскому образованию: состоялся в миниатюре будущий апофеоз практически полезного знания, Закон Божий крестьянскими вожаками как бы был забыт. Владыка Пимен обратился к съезду с воззванием, которое зачитали, но более к нему не возвращались.

На месте Народного дома сейчас стоит камень, увековечивший слет семиреченских хлеборобов. Но в памяти народа о тех ушедших годах стоят совсем другие события и лица: взлетающие крещенские голуби среди вертикально зависших дымовых столбов, погруженное в глубокую и печальную думу лицо молодого епископа. На нем и его окружении, еще живых и деятельных уже лежит тень будущей российской трагедии.

Сразу же после Крещения Господня санным путем через Чуйскую долину, Боамское ущелье, которое называли Военно-Грузинской дорогой Семиречья, владыка Пимен отправился в район Иссык-Куля в Троицкий мужской монастырь и близлежащие приходы. Состоялась первая поездка архиерея в этот край после трагических событий 1916 года – разорения киргизами русских сел, больших человеческих и хозяйственных потерь [22].

Разные источники свидетельствуют о том, что Иссык-Кульский монастырь не соответствовал своему миссионерскому назначению¹⁵² [23]. В школе при монастыре обучалось всего лишь несколько киргизских детей, местного языка никто из монахов, даже живших здесь уже много лет, не знал. С какой горечью должен был отметить это обстоятельство владыка Пимен – миссионер по призванию, выучивший несколько восточных языков, отдавший свои способности, упорство, целеустремленность, свое сердце просвещению персидских ассирийцев в Урмии. Монастырь сильно пострадал от нападений киргизов, были даже жертвы – семь убитых монахов¹⁵³. Не напрасно будет здесь вспомнить слова владыки, которые он произнес по приезду в Верный: «Да не обличаю

того, кого нужно утешать». Сейчас от двух храмов монастыря – Одигитриевского и Троицкого – ничего не осталось, сохранилась лишь прекрасная аллея. Когда-то ведшая к монастырю от почтового тракта, она все так же бежит к сельхозтехникуму, расположенному на территории обители. Монастырской святыней была Тихвинская икона Божией Матери, называемая «Слезоточивая» – список с афонской, выполненный на Афоне в монастыре Воздвижения Креста Господня. В 1897 году икона была подарена иссык-кульской братии настоятелем афонского монастыря схиигуменом Пантелеймоном. Памятная икона ныне находится в Троицком храме города Пржевальска (Каракола), в тридцати километрах от бывшею монастыря. На груди Божией Матери можно увидеть следы от мятежных киргизских пуль, которые поцарапали икону, но не пробили ее.

Икона мягко светится голубым и желтым тонами. Большая. Большой лик Матери. Большой Младенец. Она воспринимается миражом, привидевшимся в знойный солнечный день афонскому монаху на берегу Эгейского моря. А может, эту свою особую прозрачность и невесомость икона приобрела уже здесь от иссык-кульского света, воздуха и желтовато-голубой воды? Известно, что образ Тихвинской иконы «Слезоточивой» сопровождал владыку Пимена в его поездках по приходам епархии.

Что думал и чувствовал Преосвященным Пимен, посещая приходы своей епархии в ту далекую зиму 1918 года? Что волновало его? Об этом мы можем судить по его проповедям. Вот одна из сохранившихся проповедей того времени: «Для чего нам не обходим теперь Всероссийский Патриарх».

«Патриарх необходим для нашей Православной Церкви особенно в настоящее тревожное время. Всякое войско для успешной борьбы с врагом нуждается в главном руководителе как бы в верховном главнокомандующем. И наша Церковь уже вступила на путь мирной борьбы за свои права и за спасение своих чад при новом гражданском строе России. Новое правительство уже проявило некоторые попытки уменьшить, ослабить влияние Церкви на русский народ. Оно, например,

отняло церковные школы и хотело, но безуспешно удалить Закон Божий из школьного обучения.

Эти действия нового правительства России – малообдуманнные и незаконные, ибо все важнейшее в жизни русского народа, в том числе и воспитание детей, должно окончательно установить Учредительное собрание. Кроме того, Церковь всегда и у всех народов была воспитательницей и руководительницей не только взрослых, но и детей, и не только в храмах или молитвенных домах, но и в школах и семьях. Наконец, это лишение Церкви права воспитывать детей в школах есть явно насильственное дело, проведенное без согласия служителей Церкви, при посредстве людей с нерусскими фамилиями и с нерусским, неправославным духом. Но это только начало борьбы Церкви Православной за свои права и за свою свободу. Эта борьба может скоро разгореться с большей силой. Вот в этой-то борьбе и необходим нашей Церкви представитель, который бы оповещал всех православных чад ее об угрожающих опасностях, призывал бы к единству и согласию в деле защиты церковных истин и порядков и заявлял бы государственной власти о несогласии православных христиан на те мероприятия, которые явно клонились бы к унижению Церкви или ее ослаблению. Патриарх наш будет представителем православного населения России при государственной власти ее. Он же будет и средоточием, вокруг которого могли бы собраться все русские православной веры. И для воспитания народа в этой вере, как русский православный человек. Святейший Патриарх Всероссийский будет стараться охранять в русском народе все, что у него есть самое дорогое и священное, главное в характере его.

Широкое любвеобильное сердце должно быть у нашего Патриарха. Велика и сильна будет его молитва пред невидимым Главою Церкви, Господом нашим Иисусом Христом. Недаром усвоится ему титул «Святейший»: он будет хранителем святости русского народа.

Господи! Обнови жизнь нашу под руководством Святейшего Тихона, Патриарха Всероссийского. Умудри и наставь его проходить успешно его великое Тебе служение»¹⁵⁴.

1 февраля 1918 года Россия перешла на новый календарный стиль, так что день 1 февраля становился днем 14 февраля. Владыка Пимен вернулся из поездки по епархии в Верный к Сретению Господню – по новому стилю уже в середине февраля, за две недели до установления в городе советской власти.

Часть 5. Революция в Семиречье, и деятельность епископа Пимена в условиях гражданской войны и гонения на церковь

Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?
(2Кор. 6:14–15)

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец¹⁵⁵

Русская Православная Церковь не могла принять декретов, направленных на ее материальное разорение и на уничтожение в России христианского благочестия. Такую же позицию занимала большая часть русского общества. Контрреволюция была неизбежна. Героев этой схватки бесполезно и недостойно возвышать над политикой, новомученики не осквернились тем, что воодушевлялись сами и воодушевляли других в битве против политически оформленного зла. Епископ Семиреченский и Верненский Пимен, как и близкие ему по жизненному пути архиепископ Пермский Андроник (Никольский) и протоиерей Философ Орнатский, не только по сознательному подчинению главе Церкви, но и по общему внутреннему побуждению следовал путем, указанным Патриархом Тихоном в послании от 19 января (2 февраля) 1918 года:

«А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни единого часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад своих на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления»¹⁵⁶.

До 3 марта 1917 года Казачье войсковое правление сохраняло в Семиречье институты Временного правительства. В декларации от 2 ноября 1917 года оно заявило, что берет власть в свои руки «до того времени, когда Учредительное собрание – этот хозяин земли Русской – не поставит страну в ее надлежащее русло и скажет свое веское слово о форме ее управления»¹⁵⁷.

Преосвященный Пимен всецело поддерживал разумную и законную форму правления семиреченского казачества¹⁵⁸. Сохранилась записка, переданная им председателю Войскового правления, временному наказному атаману полковнику Николаю Сергеевичу Щербакову:

«Многоуважаемый Николай Сергеевич.

Позвольте Вам и через Вас всем казакам Семиречья выразить сочувствие за ту тяжелую, но благородную и высокую деятельность, которую вы несете за идею Временного Правительства, за спокойствие и порядок в крае. Сохраняя Верный, Вы сберегаете Семиречье, ибо Верный – глава Семиречья. А сохраняя Семиречье, Вы помогаете общей нашей Родине – России. Господь да поможет Вам поддержать законную власть, столь необходимую для края и России.

Призывая на Вас благословение Божие, остаюсь с истинным почтением и совершенною преданностью Вашим богомольцем и покорнейшим слугою. Епископ Семиреченский и Верненский Пимен. 1917 г. 18 декабря»¹⁵⁹.

Николай Сергеевич Щербаков был глубоко воцерковленным человеком и по возможности мирянина жил жизнью и заботами Церкви. По газетному сообщению мы узнаем, что 9 июля 1917 года богомольцы кафедрального собора стихийно выбрали своего посланника на церковный съезд и им оказался полковник Н. С. Щербаков. А вот другой факт, указывающий на благочестие наказного казачьего атамана. В первый день Рождества 1917 года по храмам города совершался тарелочный сбор в пользу Красного Креста. Николай Сергеевич совершал его в кафедральном соборе собственноручно.

Летом 1918 года Н. С. Щербаков оставил Верный и возглавил созданный им белый отряд на Северном фронте (в нынешней Талды-Курганской области). След атамана Щербакова потерялся в Китае. В 1920 году «Джетысуйская правда» сообщала о письме генерала Щербакова: «Мы – русские православные люди, а эту жидовскую власть будем бить беспощадно». Из косвенной передачи дальнейшего текста письма следует, что он говорил о намерении новой власти «уничтожить Православие, что закрываются церкви, истребляются иконы, надругаются над религиозными чувствами тех, кто продолжает верить в Бога». Мотив спасения отеческой веры был для атамана, судя по письму, ведущим в его борьбе с незаконной большевистской властью¹⁶⁰.

Против Казачьего правления шла усиленная подрывная работа. Верненские революционеры, стремясь к власти, повели

линию на разделение народа Божия, на обострение старой вражды между казачеством и крестьянством. В этих условиях архипастырская деятельность владыки Пимена приобрела ярко выраженный миротворческий характер: он стучался в сердца семиреченцев, взывая к милосердию, братолюбию, сочувствовал всем страждущим и отрезвлял озлобленных. В воспоминаниях участника революции А. Яковлева находится упоминание о действиях епископа Пимена, направленных на примирение народа с казачеством: «В начале 1918 года он организовал церковное шествие с иконами и колокольным звоном, сам... во главе этой процессии и со всеми верующими направился на поклон к казачеству, где им был отслужен молебен, а затем он сказал проповедь, в которой призывал прекратить братоубийственную войну с казачеством и призывал к полному смирению и подчинению Временному правительству, которое сумеет ликвидировать все затруднения с хлебом в городе. Во время богослужения он провозглашал здравицу и многие лета Временному правительству»¹⁶¹.

Действия епископа Пимена диктовались сознанием законности и правопреемственности учреждений Временного правительства. В политике зачастую трудно отыскать нравственные основания, пути к ним бывают запутанны и темны...

Со 2 на 3 марта 1918 года власть в городе перешла к военно-революционному комитету. На собрании большевиков при участии представителей 2-го казачьего полка было принято решение начать восстание именно в эту ночь. С вечера неожиданно пошел снег, а затем начался буран, и движение людей по городу совершенно прекратилось. К 12 часам ночи снежный покров достиг высоты более полуметра. Вначале снег был мокрый, а затем в результате резкого похолодания заледенел, так что своей тяжестью ломал деревья, обрывал провода связи. Повалились даже столбы, выворотив каменные тумбы. Нарушение связи помогло большевикам захватить власть. Позднее они говорили, что им помогал сам Бог, поскольку природа была на их стороне. Однако решающую роль в захвате власти большевиками сыграло участие в

большевистском восстании молодых казаков 2-го Семиреченского казачьего полка Их участие было результатом временного заражения казаков революционным настроением, но как бы то ни было с их помощью в мартовскую бурную ночь власть Семиреченского казачьего войскового правления была свергнута.

Скоро Архиерейское подворье оказалось как бы зажатым в тиски новых революционных учреждений. Митинги и демонстрации шумели под окнами владыки:

Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывайте порфиры!
Довольно покорной и рабской любви –
Мы горе народа потопим в крови¹⁶².

Тем не менее, многое еще оставалось на своих привычных местах. По-прежнему работала Городская управа, в храмах совершались церковные службы, издавались «Туркестанские епархиальные ведомости», шли занятия в гимназиях, училищах, школах. Правда, сразу же закрыли «Семиреченские ведомости», всецело поддерживавшие Временное правительство, их заменила большевистская газета «Заря свободы».

Слабым местом прежнего казачьего правления оказался недостаток хлеба в городе: 1917 год был в Семиречье неурожайным. Новой власти надо было достать хлеб любой ценой. Ревком сообщал в те дни в Ташкент: «Нужно обращать внимание на то, чтобы не произошло голодного бунта. Приходится прежде думать о продовольствии, но, надеемся, все будет сделано как лучше, и те лица, которые подлежат аресту, от нас далеко не уйдут».

Основная директива, касающаяся Церкви, – Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах был принят к сведению верненскими Советами 16 апреля 1918 года. Первым делом новая власть постаралась воспрепятствовать общению епископа Пимена с его паствой. Поэтому еженедельные беседы владыки с народом были объявлены ненужными. Уже в марте появилось сообщение о том, что беседы отменяются по той причине, что они якобы не

посещаются народом. Вместо них населению предлагался ряд собеседований по разным отраслям естественнонаучных знаний. Большевистское просвещение народа началось с лекции на тему «Знание – сила»¹⁶³.

В остальном дело пока ограничивалось нагнетанием напряженности вокруг насельников Архиерейского дома. Так, 30 марта 1918 года следственная комиссия при революционном трибунале начала следствие по доносу некоего Романа Рощупкина. Его дочь, 27-летняя Ольга Рощупкина, служившая уже два года в Архиерейском доме поваром, рассказала ему: «Как-то ночью после переворота мы с подручной Настасией оставались в своей комнате в ожидании прихода монахов ужинать, что совершалось монахами ежедневно в 7–8 часов вечера, и, не дожидаясь прихода монахов, уснули, а затем проснулись и в это время слышали стук и шум наверху – в доме архиерея, куда еще с вечера ушли все монахи, келейник и дворник Степан Редьков. Часов в 12 или в час монахи вернулись из архиерейской квартиры на кухню ужинать и стали мыть руки, замаранные в глине и земле. Заметив грязные руки у монахов, мы спросили об этом у них, на что монах Анатолий, покраснев и замявшись, ответил: «Это мы перетаскивали денежный ящик из церкви в архиерейскую келью и поэтому гремели». А на вопрос «Почему так долго перетаскивали?» – ответил: «Ящик тяжелый». На вопрос же. «Почему грязные руки?» – ничего не ответил, но, как видно, испугался этого вопроса. Затем монахи отужинали и пошли спать».

На допросе подручная поварихи Анастасия Чурикова, 22-х лет, добавила, она подозревает, что монахи прятали что-то, может деньги, а может хлеб. В архиерейской квартире, на западной стороне столовой, в полу есть отверстие, закрытое плахами и сверху покрытое клеенкой. Что под полом Архиерейского дома много ходов, подтвердила и повариха Ольга Рощупкина. Следственная комиссия постановила произвести обыск в доме и во дворе владыки Пимена. Тщательный обыск, произведенный членом следственной комиссии гражданином Белецким при участии семи солдат,

результатов не дал. Дело по заявлению Рощупкина постановили прекратить¹⁶⁴.

В марте же в печати появились нападки на владыку Пимена за якобы безжизненность его проповедей и консерватизм управления. И здесь был использован тот же прием разделения и сеяния вражды: «трудовое» духовенство призывалось скинуть власть архиереев – «князей церкви», обновить Церковь, приблизить ее к народу и т. п. Уколы печати были не так страшны, хотя и являлись прелюдией к дальнейшим событиям.

Достоянием печати стал конфликт между игуменией Иверско-Серафимовского женского монастыря Евфросинией (Бакуревич), с одной стороны, и настоятелем монастырской церкви священником Симеоном Солнцевым и некоторыми насельницами – с другой. 15 марта 1918 года на мать игумению пятнадцать сестер написали жалобу в ревком [24]. Там в ответ подготовили постановление: «Кладбище как народное достояние немедленно отобрать из ведения монастыря и доход от него обратить на народные нужды... Необходимо занять помещение из десяти комнат, где помещается игумения, для народного общественного дела, как для библиотеки, или раненых воинов, или народного училища... Игумению Евфросинию немедленно удалить из монастыря и предать суду за грубое и жестокое обращение с проживающими в монастыре сестрами, а главное – за клевету и подлог по службе...»¹⁶⁵.

Вслед за жалобой сестры письменно отказались от нее и от просьбы заменить игумению. Угроза для обители миновала [25]. Однако жалоба революционным властям помимо архиерея (что не допускается канонами Православной Церкви) подрывала авторитет епископа Пимена и играла на руку его многочисленным недругам. Владыка Пимен созвал очередное собрание духовенства и мирян верненских храмов, на котором сообщил, что «дело ликвидировано», сестры попросили у настоятельницы прощения, Солнцев переведен четвертым священником в кафедральный собор. На его место епископ Пимен поставил известного своими монархическими взглядами протоиерея Кодрата Казанского, который решительно отлучил от Причастия виновниц дерзкого послания, как действовавших

вопреки церковным правилам. Сестры, почти поголовно неграмотные, которых и обвинять в чем-либо было трудно, подняли громкий плач и раскаялись в содеянном.

Грозное предупреждение, что так называемая «власть народа» в Семиречье не намерена шутить и проявлять лояльность к Церкви, было сделано 3 апреля 1918 года. Конноразведочная команда 1-го социалистического полка реквизировала единственную лошадь Архиерейского подворья в котором проживало и трудилось семнадцать человек. Лошадь, взятая в монастыре, использовалась и по хозяйственным нуждам и как выездная для архиерея. За попытку сопротивления келейник владыки 32-летний отставной унтер-офицер Диомид Алексеевич Пискур и эконо́м Архиерейского дома 64-летний игумен Вадим (Желудь) были арестованы и заключены в тюрьму. Ревтрибунал открыл дело. Из показаний конноразведочной команды: «Оскорбили советскую власть, которой они не хотели подчиниться, нанесли оскорбления всей разведочной команде, называя (ее) в числе двадцати пяти человек грабителями и полную недоверенность ко всем тем, которые ведут к свободе, братству, к равенству и к народному праву... Просим не делать никаких снисхождений и пресечений контрреволюционерам, которые идут против советской власти, но не навстречу к свободной жизни, пощады им нет и не нужно! Они нас не щадят и мы не хотим, в чем и подписуемся»¹⁶⁶.

Безграмотные и противоречивые формулировки показаний конной команды за фасадом громких слов об интересах трудового народа скрывали дешевые амбиции. Владыка написал около десяти корректных, выдержанных писем, оправдывая своих сотрудников [26]. Просил освободить как в силу происшедшего недоразумения, так и по случаю весеннего времени – огородных работ, когда всякие руки в хозяйстве дороги, мотивировал и наступающим праздником Благовещения. Писал от своего имени и от имени союза верненского духовенства. Через две недели арестованных освободили.

В городе тем временем началась гражданская война. Первый ее историк Муравейский писал о специфичности

семиреченских событий:

«В Семиречье шла борьба за власть Советов между отрядами Красной Армии, опирающейся на русское крестьянство, против белогвардейщины, опиравшейся на казачество. Борьба русского кулаческого крестьянства за землю против привилегированного положения казачества за «монополию» пользования землями поставила его в ряды защитников советской власти»¹⁶⁷.

Поддержка Советов в Семиречье со стороны крестьянства и горожан диктовалась исключительно сословной враждой с казачеством. Тот же спор с казачеством лежал и в основе первой гражданской войны, как назвал ее епископ Пимен, разыгравшейся в городе и его окрестностях. Реквизиция хлеба и лошадей быстро отрезвила казаков 2-го Семиреченского кавалерийского полка. Сразу после переворота на станицах на окраине Верного были созданы казачьи сотни, которые формально вели переговоры с ревкомом, но фактически готовились к открытому выступлению. Действовали два штаба: в Малоалматинской станице и в Талгаре. В северных районах Семиречья сразу было мобилизовано почти все казачье население. Делу вооруженного сопротивления большевикам активно помогали русский консул в Кульдже Люба и Английская военная миссия. Комитет партии «Алаш» создал киргизские военные отряды, которые целиком вошли в состав казачьих сил. В конце марта в Талгаре собрался съезд пяти южных станиц и был разработан план восстания.

В последних числах марта войсковой совет делегировал в состав ревкома войскового атамана полковника Ионова и председателя войскового круга подъесаула Маслова. Ревком решил арестовать их, и тогда станичный съезд в Талгаре объявил войну пяти казачьих станиц (Большеалматинской, Малоалматинской, Каскеленской, Талгарской Иссыкской) с целью ликвидировать ревком и в дальнейшем обходиться без него.

Из Верного в станицу Талгарскую был направлен отряд Красной гвардии под командованием Щукина, который в ультимативной форме потребовал сдать оружие и собрать 1000

пудов хлеба. Казаки разгромили отряд, а затем осадили Верный.

В те дни одним из первомучеников Семиреченской епархии стал священник Евстафий Малаховский, вставший с крестом между противоборствующими сторонами.

Кровопролитие началось в самом городе. На стороне казачьих соединений выступили и киргизские отряды. Над городом свистели пушечные снаряды, бои шли и по городским окраинам. Жители прятались в погребах, беспечные платились жизнью. Верный был не в состоянии ни долго оставаться в осаде, ни разгромить казачьи отряды без помощи Ташкента.

Комитет партии «Алаш» обратился к русским с замечательным воззванием: «Сознаете ли вы, чью кровь проливаете и за что вы проливаете, что называется, братскую кровь?.. Мы, ваши младшие братья киргизы, скажем вам прямо, что вы режетесь, сыны одной местной Святой Церкви и испокон веку сроднившиеся дети одного гнезда... Помиритесь братской любовью, убиенных похороните общими силами, перед прахом их просите прощения молитвами на коленях и этим снимете позор»¹⁶⁸.

Советы и ревком были заинтересованы в переговорах о мире, чтобы выиграть время, и 24 апреля произошла встреча делегации казаков с их представителями. Она проходила в присутствии представителей сохранившегося городского самоуправления и многочисленных горожан. Условия мира были направлены на действительное умиротворение обеих сторон.

Для владыки Пимена это были дни большой радости, ибо сословный мир, ненадолго воцарившийся, был и его заслугой. Во имя Господа Бога он призывал к нему в проповедях и публичных выступлениях. 25 апреля при огромном стечении народа Преосвященный Пимен отслужил всенародный молебен по случаю окончания войны.

Гул орудий временно затих, и праздник Пасхи 1918 года, пришедшийся на 5 мая, прошел мирно. При всех поворотах событий епископ Пимен был намерен оставаться со своей паствой. Свою главную задачу среди крови и страданий он

видел в том, чтобы нести утешение народу в его несчастьях. На Светлой седмице владыка Пимен поставил в известность Городскую управу о крестном ходе с молебнами в обеих казачьих церквях «с целью примирения и утешения населения». В самый день Пасхи епископ Пимен вместе со священником А. Скальским посетил раненых красногвардейцев в больнице Красного Креста. Владыку поразила и воодушевила встреча, какую ему оказали раненые, жадно внимавшие его словам. И, наверное, этим воодушевлением объясняется поступок владыки, о котором сообщается в большевистской газете «Заря свободы»: в пасхальные дни он зашел в кабинет к одному из лидеров новой власти и передал через него совдепу, «что он тоже служит трудовому народу». Пасхальная радость... В эти дни особенно близки сердцу человека слова Господа, Который заповедовал прощать врагам нашим¹⁶⁹.

Кое-кто из большевистских деятелей того периода, ушедших вскоре с политической сцены, даже стал называть епископа Пимена «большевиком», говорить об исконном родстве большевизма с христианством (праздник Пасхи в тот год совпал со 100-летним юбилеем Карла Маркса) и в далеко зашедшем пафосе отождествлять Христа и Маркса как двух борцов за народное счастье:

«В нашем духовном мире совершается крутой поворот к лучшему; он свидетельствует, что духовенство в лице лучших своих представителей начало выходить из инертного состояния, стало реагировать на великие запросы современности и во главе с епископом Пименом пошло навстречу рабочему трудовому народу. В добрый час! – дай Бог, чтобы темные силы врагов народа не остановили этого чистого благородного порыва и не помешали нашему духовенству способствовать народу идти по пути к его светлому будущему – к устроению Царствия Божия на земле».

У владыки Пимена стали требовать подтверждения через печать своих симпатий к большевизму. Естественно, таких заверений никто не получил¹⁷⁰.

Реализовать на деле условия мира не удалось: большевики исключали классовый мир принципиально. Это понимали и

казаки. Через месяц, 20 мая, в Верный прибыл из Ташкента карательный отряд Мураева. Облсполком послал на имя В.И. Ленина телеграмму: «Мятеж казаков, буржуев, контрреволюционеров подавляется по всей области беспощадно. Для твердости советской власти просим немедленно выслать 200–500 кронштадтских матросов».

Уже 25 мая на областном заседании Советов сама идея мирных переговоров с казачеством была похоронена раз и навсегда. Казачьи формирования, теснимые отрядом Мураева, оставили с боями станицы и отошли на север Семиречья.

Зыбкий мир между Церковью и советской властью резко пошел на убыль и вылился в противостояние, стоившее в конце концов владыке Пимену жизни. Причиной послужила твердая линия епископа Пимена на установление сословного мира с казаками. Еще на Светлой седмице он собрал пастырское собрание, и в исполнение его решения 8 мая 1918 года состоялся уже упоминавшийся грандиозный крестный ход от кафедрального собора к церквям Введенской, Малоалматинской, Большеалматинской станиц и к Знаменской часовне, построенной в память землетрясения 1887 года¹⁷¹. Сохранился документ, в котором епископ Пимен уведомлял Городскую управу о крестном ходе и на Преполовление Пасхи – 29 мая. Но политическая обстановка к тому времени уже изменилась, и, видимо, второй крестный ход ознаменовался кровавым столкновением, о котором упоминает газета: «Полоса крестных ходов у всех в памяти. Ну, вот и вышло духовенство из своих храмов... Что сказало? Да ровно ничего. Была кровь... Были политические демонстрации, носившие небесный характер»¹⁷².

Мирные переговоры были отложены. Карательный отряд Мураева находился в городе. Отныне пощады казакам не было, как и всем ходатаям за это сословие.

Гражданская война в апреле 1918 года отодвинула на какое-то время наступление на Церковь в соответствии с Декретом российского правительства от 27 января 1918 года о свободе совести. Хотя уже в конце апреля и здесь, в далекой провинции, прозвучало грозное предупреждение: «Все декреты

центральной советской власти подлежат точному и неуклонному и немедленному исполнению их на местах и по учреждениям... нежелающие подчиниться декретам вполне и по совести объявляются врагами народа и состоят вне закона»¹⁷³.

На заседании 1 июля 1918 года исполком постановил, что «ввиду отделения Церкви от государства присланные ассигновки от учреждений духовного ведомства не подлежат оплате, а равно и требования духовенства о выдаче им жалованья не подлежат удовлетворению». В крайне бедственном положении оказался причт кафедрального собора, не имевший прихода, не совершавший треб. Власть оказалась глуха к доводам, изложенным в его заявлении, о благотворности утешения, которое дается духовенством населению в тяжкое время¹⁷⁴.

Еще раньше, в конце мая, несмотря на протесты епископа Пимена, на «нужды народа» у Церкви отняли здание Туркестанской консистории. То, что сотни тысяч православных христиан Семиречья, ради которых работала консистория, были как раз тем самым «народом», во внимание не принималось: «народная» власть прикрывалась небывалой демагогией. После внутренних препирательств за владение зданием консистории между Бюро записей гражданских состояний (ЗАГСом) и ревтрибуналом последний согласился занять дом причта кафедрального собора на углу Капальской и Гоголевской улиц, уступив здание консистории учреждению, которое начало воплощать в жизнь Декрет о гражданском браке.

Консистория переехала в Архиерейский дом. Владыка продолжал издавать указы в соответствии с решениями Поместного Собора, хотя связь с Поместным Собором и Синодом усложнилась в связи с гражданской войной и новым указом туркестанского правительства об отмене всяких льгот для Церкви на телеграфные сообщения¹⁷⁵. Владыка Пимен продолжал выпускать епархиальный журнал «Туркестанские епархиальные ведомости», в котором обнародовал свои указы. Но тучи вокруг него сгущались все больше.

В июне 1918 года Верненский ревтрибунал возбудил дело по обвинению епископа Пимена в причастности к убийству

активных большевистских агитаторов Овчарова и Березовского. Владыку обвинили в том, что он якобы дал благословение на их убийство в декабре 1917 года. Причиной этого обвинения послужила злобная статья в ташкентской «Нашей газете» под названием «Контрреволюционное движение в Семиречье», подписанная инициалами М. Н.¹⁷⁶.

Насколько же убедительной может показаться вымышленная история, какими набатными могут выглядеть ее акценты и как безупречно она может рядиться в одеяния «праведности»... О епископе Пимене, бессребренике, жертвенной и чистой душе, любимом всеми, кто соприкасался с ним, в статье говорится, что он, «забывши свой сан, забывши Бога, забывши евангельскую истину: «поднявший меч от меча погибнет»¹⁷⁷, благословлял убийц на страшное дело братоубийства, доказывая... необходимость преступного акта самосуда над Овчаровым и Березовским в интересах искоренения большевизма и водворения никем не нарушенного порядка и спокойствия в области; питая свою утробу на средства народной казны, фарисей осмелился принять участие в гнусном деле убийства народных избранников, по своим нравственным качествам стоявшим выше всей черной рати вместе взятой... Кто как не буржуазно-поповская клика разжигала страсти в Семиречье, кто своим благословением убийц Березовского и Овчарова бросил искру гражданской войны в Семиреченской области?».

Почти восемьдесят лет подобная ложь была нашей историей. Тот, кто воистину достоин всенародной памяти был втопан в грязь. В этой связи уместно процитировать одного английского автора: «Большой лжи всегда присуща определенная сила правдоподобия, потому что широкие массы народа в своем примитивном простодушии скорее готовы пасть жертвою большой лжи, нежели лжи маленькой, поскольку они сами часто врут по мелочам, но устыдились бы прибегнуть к большой лжи. Им бы никогда не пришло в голову фабриковать колоссальные измышления, и они даже не в состоянии подумать, что другие могут иметь наглость искажать истину столь бессовестно. И если даже им ясно доказать это на

фактах, они все же будут сомневаться, колебаться и продолжать выискивать какие-то объяснения. Ибо от наглейшей лжи всегда что-то остается, даже после того как она разоблачена, – это факт, известный всем лжецам на этой земле и всем конспираторам по части лжи»¹⁷⁸.

Ревтрибунал наметил свидетеля для показаний, но вызванный гражданин Бронников описав казачье собрание, вынесшее решение относительно Овчарова и Березовского, ни слова, ни полслова не произнес о епископе Пимене. Он умолчал и об авторе письма с призывом к расправе, зачитанного на собрании офицером Астраханцевым, тем не менее, советские историки приписывали его епископу Пимену.

Это дело – первая попытка «законного» устранения владыки Пимена, но она провалилась от недостатка юридических оснований даже для Ревтрибунала¹⁷⁹.

В «Деле Революционного трибунала по обвинению епископа Пимена в причастности к убийству Овчарова и Березовского» содержатся главные свидетельства того времени относительно служения епископа Пимена интересам Православной Церкви. Это два письма в Семиреченский облисполком, подписанные владыкой Пименом. Одно – о невозможности уступить дом Духовной консистории, другое – с определением Поместного Собора и указом Синода по вопросу расторжения браков. Как известно, Собор резко осудил Декрет о гражданском браке как несовместимый с нравственными ценностями христианства, растлевающий народ и недопустимый в православной России.

Облисполком вынес постановление:

«Здание консистории, как построенное на народные деньги, должно принадлежать самому народу и составлять народное достояние. Что касается в отношении определения Собора о браках, то таковое, как явно черносотенное, не заслуживает внимания. Семиреченский областной исполнительный комитет, стоя на платформе проведения в жизнь идеи демократии, свободы действий и веры, основанной на свободе мышления и исполнения центральных декретов, никогда не может разделить провокационное определение Собора и Синода и со своей стороны Верненской Духовной консистории [рекомендует]

впредь воздерживаться от подобных распространений черносотенных, контрреволюционных и ложных взглядов и таким образом не вносить и не распространять провокаций среди населения и не будировать такового»¹⁸⁰.

В ответном письме владыка написал:

«Я ознакомился с ответом Комитета на отношения Туркестанской духовной консистории... Ответ этот не может быть оставлен мною без возражений и обличений тем, кто его составил. Так отвечать может только тот, кто не уважает не только других, но и самого себя. Ибо заменять основательность мыслей грубостью выражений – значит открыто признаваться в своей слабости, в неумении сказать что-либо полезное и приличное.

В частности, отношение Исполнительного Комитета к определениям Собора совершенно неправильное и незаконное. Можно не признавать известных определений Священного Всероссийского Собора, но нельзя безнаказанно над ними ругаться. Собор действует от имени ста миллионов православных русских христиан, пославших туда своих представителей, как духовных лиц, так и мирян. Потому и определения Священного Собора не могут быть названы черносотенными, провокационными. Эти определения направлены к лучшему устройению жизни всего русского православного народа и обязательны для всех русских православных людей. Люди же, не принимающие этих определений Собора, естественно, подпадают под церковную анафему. Эти определения не составляют и провокации, ибо свободно печатаются, распространяются, обсуждаются и проводятся в жизнь по всей России и в Туркестане. И это вполне согласно с той свободой слова, каковая всем дарована при новом строе. С этою же свободой вполне согласно и обсуждение в печати и в беседах центральных декретов, предугаживание тех или иных последствий от приложения их к жизни. Нельзя стеснять этой свободы, ибо из борьбы двух мнений рождается истина, пригодная для жизни, практически осуществимая, для всех приемлемая, ни для кого не обидная.

Грубыми нападками на верования других никого в свою пользу убедить нельзя.

В Семиречье еще много есть жителей, дорожащих верой православной и идущими от нее утешениями. Красноречивым примером этого могут служить солдаты, потребовавшие к себе в крепость священника во время первой гражданской войны; и солдаты, лежавшие в больнице и принимавшие священника и епископа с большим духовным утешением; и многие другие люди. Нападки на веру православную, без сомнения, чувствительно заденут их, как уже и задевают...

Епископ Семиреченский и Верненский Пимен.

6 июня 1918 года»¹⁸¹.

Анафема большевикам прозвучала тогда по всей России из уст пермского владыки – архиепископа Андроника, твердо произносится она и в далеком Семиречье епископом Пименом. Позиция семиреченского владыки была продолжением борьбы Всероссийского Поместного Собора с декретами советской власти, касающимися Церкви, развернувшейся летом 1918 года в Москве. В ней не было никакого самочиния, продиктованного личным политическим темпераментом. Владыка Пимен, искренний и горячий человек, безусловно следовал букве и духу соборного разума. И мы слышим дыхание этой соборности в приведенном письме. В нем заключено столько выдержанной последовательности архипастыря, что владыка Пимен вырастает в фигуру, соотносимую со всей гонимой и борющейся Церковью.

Декрет, допускающий легкость развода и вступления в новый брак, вызвал волну бракоразводных процессов. В местной прессе появились бойкие объявления типа: «Развод по декрету скоро и дешево, пишу прошения по бракоразводным и другим делам. Обращаться: ул. Иссык-Кульская, дом 200». Особенно по душе декрет пришелся «руководящим работникам», поголовно начавшим вступать в новые браки, Церковь же закрывала для них двери храмов для совершения церковных Таинств.

Не устранившись угроз, сквозивших в тоне облисполкомовского постановления, епископ Пимен разослал

по приходам Семиречья указания, касающиеся Таинства Брака, сообразные с решениями Собора. Ответным действием властей стало вторичное предписание Ревтрибуналу начать следствие по предъявленным епископу Пимену обвинениям. Из протокола заседания Семиреченского областного исполнительского комитета от 7 августа 1918 года:

«Заслушали доклад председателя Семиреченского областного отдела записей браков и рождений тов. Федотова и тов. председателя облисполкома тов. Горбунова об отрицательном отношении и противодействии со стороны епископа Семиреченского Пимена Декрету Высшей Центральной Советской власти о гражданском браке.

Усматривая в действиях епископа Пимена сознательное противодействие декретам и подрыв авторитета советской власти, единогласно постановили: все материальные обвинения передать на рассмотрение следственной комиссии при Революционном трибунале для привлечения епископа Пимена к ответственности по обвинению в противодействии декретам Советской власти»¹⁸².

Ожесточенность, с которой Декрет о гражданском браке проводился по всей России, и принудительные меры, направленные на исполнение Церковью этого декрета, впоследствии заставили историков права сделать вывод, что декрет был целенаправленно приспособлен к борьбе с Церковью. Советский закон и советская власть ввели гражданский брак не для обеспечения личной свободы, а именно для борьбы с православной верой и церковно-бытовой моралью. Ни в одной стране, где был введен гражданский брак, от служителей Церкви не требовалось поддерживать его церковным Таинством, и отказ в церковном подтверждении гражданского брака нигде не рассматривался как дискредитация власти¹⁸³.

Второго дела владыки Пимена в архивном фонде не сохранилось. Отголоски его мы находим в воспоминаниях участников революционных событий в Семиречье. «Он в своем доме принимал тьму всяких паломников, особенно женщин, целые дни у него торчал народ. Бешеную агитацию он развел...

Ну, терпели, терпели это, а потом раз ночью арестовали его, вывезли в Баумскую рощу и там расстреляли» (член Ревтрибунала С. Г. Малетин)¹⁸⁴. Анна Алексеевна Шпилева также свидетельствовала, что от владыки неизменно выходили группы людей, «непонятно было, когда он находил время для себя, для отдыха»¹⁸⁵ «Епископ Пимен являлся ярким противником большевистского мировоззрения, он еще проявлял себя противником советской власти в тот период, когда в России восстанавливалась советская власть, в момент сильного обострения с продовольствием конца 17 начала 18 года... Когда было свергнуто Временное правительство и образована советская власть, которая в первые дни своего существования еще нуждалась в моральном и материальном подкреплении, епископ Пимен, зная все это, вел среди верующих контрреволюционную агитацию, призывал население к свержению большевиков, называя их богохульниками, грабителями и проч.»¹⁸⁶.

Автор последнего воспоминания – А. Яковлев – также упоминает о том, что консул Временного правительства в Кульдже Люба выпускал летом 1918 года газету «Свободное слово», которая нелегально распространялась в Семиречье, и епископ Пимен призывал с ее страниц к вооруженному сопротивлению.

Несмотря на тучи, которые сгущались и становились грозowymi, владыка Пимен продолжал дело, к которому его обязывал архипастьрский долг и огромная любовь к России. 26 июня 1918 года он открыл очередной съезд семиреченского духовенства, последний, который ему удалось собрать. В соответствии с постановлениями Поместного Собора архипастьрь перед лицом опасности разрушения веры и Церкви призвал свою паству к сплоченности и единству на приходах.

На съезде присутствовал некто, назвавший себя «доброжелателем большевиков». В письме к комиссару юстиции Семиречья (кстати, бывшему священнику) Д. Хоперскому он выразил свое отношение к съезду и дал неожиданно точную и правдивую картину происходившего на нем: «Все это сборище решало произвести раскол мирян на верующих и неверующих,

составить на местах общины, подвергать строгому допросу, веруют ли они во все то учение, которое преподавалось, и во все обряды, которые производятся, и обещают ли они, то есть верующие, хранить таковую веру... Пастырям нужно сейчас немного, только разделить народ на верующих и неверующих... и это будет самая последняя борьба; что вынесут пастыри из этой борьбы, поражение или победу, покажет будущее. Но эта борьба опасна для большевизма. Прежде всего, потому, что многие из народа верят пастырям... и пойдут на призыв пастырей к разделению верующих и неверующих, Сюда примкнет буржуазия, хотя она и не так крепко верует... многие из интеллигенции примкнут к «верующим». Вторая опасность состоит в том, что советской власти некого противопоставить, – на ее стороне мало интеллигенции, а если и есть, то работает пассивно, не принимая живого участия для насаждения идей большевизма в народе. Пастыри же возьмутся за разделение крепко...»¹⁸⁷.

Сквозь крайнюю антицерковную настроенность автора видны огромное влияние епископа Пимена на паству и большая духовная сила его слова. Автор письма опасается, что народ «набросится на учение пастырей» и пойдет за ними. Он делает вывод о том, что весь народ будет в православном лагере, и выражает уверенность, что главная опасность для большевизма заключена в Церкви.

Сердце народа в Семирежье было с его церковной главой. Личность владыки Пимена пользовалась среди народа таким признанием и любовью, что становилась реальной угрозой «двоевластия» – Советов и Церкви...

Голгофа епископа Пимена

Несмотря на отступничество некоторой части русского общества, епископу Пимену был очевиден тот факт, что вера и Церковь стали народу необходимы как никогда. Потерявшим ощущение устойчивости превременной жизни, измученным смертями и утратами людям Церковь заново открывалась как мост, соединяющий души с Вечной Жизнью, иным миром. Она давала твердые заверения в бессмертии души и неизбежности Праведного Божия Суда.

Поводов вспомнить о Боге и обратиться к Нему было более чем достаточно.

После короткой гражданской войны в апреле – мае 1918 года и подавления выступлений казачьих станиц «классовая пролетарская» ненависть, не сдерживаемая никакими заслонами, обрушилась на семиреченское казачество. Семиреченский исполком зафиксировал в протоколе своего заседания такой вот образец «истинного христианства», коим, по мнению семиреченских большевиков, являлся большевизм:

«Многие из бывших казаков-контрреволюционеров возвращаются обратно на свои места жительства и снова начинают свое темное провокационное дело. Областной исполнительный комитет, стоя на страже интересов трудового народа, дабы раз навсегда покончить с этой заразой, постановил: не касаясь краевых чрезвычайных полномочий тов. Мураева, выразить ему полное доверие и предоставить полную свободу действий по своему усмотрению по борьбе с контрреволюционерами, казачьими выступлениями и провокацией.

Начальнику городской милиции немедленно сделать распоряжение и приступить к работе не позднее 7-го сего июня по наведению справок, сбору сведений, по составлению именных списков и домов казаков-контрреволюционеров, возвратившихся обратно на свои места жительства.

Списки вместе с лицами немедленно представить на рассмотрение и распоряжение следственной комиссии при

Ревтрибунале.

Объявить всем бывшим казакам, чтобы немедленно очистили свои квартиры, куда возвратились, и пусть живут, где хотят и как хотят.

Трутням демократии, контрреволюционерам не может быть пощады, и они немедленно должны быть изъяты из среды трудовой демократии»¹⁸⁸.

Во время первых боев в Верном сформировался партизанский отряд под командованием П. Мамонтова. Бойцов отбирали строго: безземельных, бесхозяйственных батраков, словом, тех, кто не составлял основу народа, у кого ослабли устои народного духа. Казну и военное снаряжение приобретали за счет откровенного грабежа состоятельного населения. Этим акциям придавалось значение высшей революционной законности.

Отряд выполнял чисто карательные функции, о чем говорят воспоминания бойца отряда Родиона Пинчука:

«В Алтын-Емеле судили кугалинского белоказака контрреволюционера Есютина... Приговорили к расстрелу... На содержание отряда потребовали от гавриловских купцов 500 тыс. рублей. Каждому партизану в месяц по 300 руб. (сначала старыми, потом столько же верненскими деньгами)... Я помню, в Капале разоблачили 21 человека контрреволюционеров-заговорщиков из ставленников Временного правительства. Отряд выступил в Сарканд, в станице Сарканд были приговорены полевым судом 9 человек заговорщиков-контрреволюционеров к высшей мере наказания... В Уч-Арале был захвачен старый офицер, он также был контрреволюционером, был присужден к расстрелу...»¹⁸⁹.

В июле 1918 года в помощь отряду Мамонтова прибыл из Верного отряд Петренко. Вместе они приняли второй бой под Саркандом, но долго оставаться в районе военных действий славному командиру Петренко не хотелось. Он спешил обратно в Верный. «6 сентября 1918 г. Петренко вышел на гор. Лепсинск. Казаки ушли в горы, но Петренко их не преследовал, а занимался наложением контрибуции на купцов и мещан; устроил трехдневный отдых разгула и пьянки. 9 сентября,

нагрузив сотни подвод награбленными товарами, в том числе 18 бочек спирта с пугасовского завода, выступили из Лепсинска. Отряд был не похож на боевые войска, а на переселенцев. В Черкасском решили не выпускать их. Но кончилось тем, что Петренко оставил часть оружия для Черкасского гарнизона и свалил с подвод награбленное имущество»¹⁹⁰.

На одном из закрытых собраний РКП(б) города Верного произносились признания: «На крови счастья не построишь, крутыми мерами, штыками да расстрелами мы только оттолкнем от себя массы .» Из того же протокола: «Спят бывшие большевики, они прежде шли на фронт охотно прежде всего потому, что там можно было пограбить, можно было пожить на награбленном. Они шли только ради наживы... Нам твердо надо рассчитывать только на свои революционные силы. Союзы навстречу фронту не идут, народ власть не поддерживает»¹⁹¹.

В то время отец Сергий Булгаков написал: «Была могучая держава, нужная друзьям, страшная недругам, а теперь – это гниющая падаль, от которой отваливается кусок за куском на радость всему слетевшемуся воронью. На месте шестой части света оказалась зловонная зияющая дыра. Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобивостью, даровитостью и смирением? А теперь – это разбойничья орда убийц, предателей грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве. Свершилось какое-то черное преображение, народ Божий стал стадом гадаринских свиней»¹⁹².

В отличие от отца Сергия епископ Пимен считал что «народ наш добрый, но темный и доверчивый». В чувствах владыки не было озлобленности, но мы по неосознанным, незаметно впитавшимся в кровь историческим рефлексам не отделяем порой контрреволюционность от ненависти в сердцах тех, кто встал на ее сторону. Мы безотчетно спешим увидеть ненависть на месте неодолимой горечи и сожаления, которыми действительно наполнились души противников революции, в частности верненского владыки.

Свою задачу епископ Пимен видел не только в сострадании к своему народу, но и в просвещении его. Всему происходящему он открыто давал оценки на страницах издававшегося в Кульдже и нелегально распространявшегося в Семиречье «Свободного слова». Выводы о грабительской и безбожной сущности новой власти делались им и во время проповеди. Стоявшего на амвоне кафедрального собора епископа слышали многие. Миф о высших народных интересах, стоявших за насилием, грабежом и демагогией, рушился в прах, подобно языческим кумирам во времена императоров Диоклетиана и Максимиана.

Участник революции красный командир Н. Затыльников вспоминает: «Помню такой случай. Как-то вечером я был с тов[арищем] Виноградовым в Военном собрании. Тов[арищ] Виноградов предложил мне зайти в архиерейскую церковь, так как ему сказали, что архиерей Семиреченский и Туркестанский будет говорить для верующих очень выдающуюся проповедь. Зашли мы с ним в церковь, видно, немного опоздали, так как проповедь подходила к концу, и архиерей, обращаясь к верующим, сказал: «Православные христиане! Вам известно, что большевики замучили Божия помазанника царя Николая Второго. Ведь они против воли народа и Бога идут со своим кровавым красным знаменем и творят невиданное в мире кровопролитие, они – захватчики власти». И предложил: «Преклоните, православные, колени и молитесь об избавлении от супостата!».

Тов[арищ] Виноградов вынул из кармана блокнот, встал в сторонке и написал записку, быстро пошел в переднюю часть церкви, а когда архиерей ушел, передал записку одному служителю церкви, не то псаломщику, не то диакону, и на ухо ему сказал, что просит передать архиерею записку. Служба, так называемая вечерня, кончилась. Народ стал выходить. Когда мы вышли из церкви, я Виноградова спросил, что он написал в записке. На это мне Виноградов ответил, [что] он в очень вежливой форме изложил примерно так: «Ваше Высокопреосвященство, почему Вы отступаете от Закона Божия? Ведь в Святом Писании сказано: «Нет власти, аще не от

Бога». Почему вы нарушаете Закон Божий? Советская власть – это власть народная, а не только власть большевиков. Это с Вашей стороны богохульство, и Вы будете Богом строго наказаны». А когда я спросил, что он этой запиской хочет достичь и что можно получить от этого фанатика, на то мне товарищ Виноградов ответил: «Не беспокойтесь, архиерей меня понял и, будьте уверены, с такой проповедью больше не выступит». Однако на этот раз товарищ Виноградов ошибся: архиерей еще чаще стал выступать с контрреволюционными проповедями»¹⁹³.

Летом 1918 года в Семиречье по указу облисполкома прокатилась волна изъятия золота: «Изделия из золота весом более 16 золотников, и сырое золото, и монеты золотые и серебряные, находящиеся у частных лиц и в учреждениях, ювелирных магазинах, банках и т. д., передаются в собственность народа»¹⁹⁴. Все золото предписывалось сдать в течение месяца, начиная с 28 июня 1918 года. Сам собой напрашивается вопрос, не были ли при этом как-то задеты верненские храмы? Не может быть, чтобы в городе не было икон в дорогих ризах и других церковных ценностей.

В госархиве Казахстана хранятся описи, из которых видно, что после смерти архипастырей Туркестанских и Ташкентских¹⁹⁵ Софонии (Сокольского; † 1877) и Никона (Богоявленского; † 1897) остались драгоценные образа и другие священные предметы, переданные храмам. Старостой кафедрального собора был представитель богатейшего купеческого рода Никита Пугасов, в друтих храмах на этом послушании были также крупные семиреченские собственники, жертвовавшие в дома Божии. Однако в газетной заметке, посвященной изъятию церковных ценностей в Алма-Ате, начатому 10 августа 1922 года, член областной комиссии по изъятию У. Вайтель сожалел о малом количестве собранного, объясняя это тем, что большинство алма-атинских церквей лишились своих ценностей в 1918 году¹⁹⁶. Не предпринял ли владыка Пимен решительных шагов, чтобы спасти церковное достояние, всего вероятнее – спрятать особо ценную утварь до освобождения Семиречья и Верного? Автору этих строк пришлось услышать от старого

музейного работника, что епископ Пимен... «ограничил кафедральный собор и сбежал в Китай: при нем собор многое утратил». В этих словах виделся едва заметный след какой-то правды, каких-то решительных действий владыки незадолго до смерти, и, возможно, именно эти действия переполнили чашу терпения революционной власти. И вот пришел день, когда стало известно, что в 1974 году при строительстве Дома офицеров рядом с прежним зданием Военного собрания и Архиерейским домом строители нашли фундаментальный подземный ход в сторону кафедрального собора, в нем обнаружили церковные ценности: богослужебные книги в богатых переплетах, чаши, оклады, кресты. Очевидно, что устройство тайника могло осуществиться только с ведома епископа Пимена. И хотя дальнейшая судьба находки неизвестна, святительские заслуги владыки Пимена перед Богом и Церковью едва ли умалились этим обстоятельством.

Обратимся к «Исторической справке» бывшего секретаря Семиреченского облсовета Павла Виноградова.

«Еще в 1918 году, летом, одновременно с ликвидацией так называемого поповского бунта, возглавлявшегося бывшим епископом Пименом, был поставлен перед совдепом вопрос о ликвидации собора. Епископ Пимен в то время избрал местом схода темных контрреволюционных сил города собор. С амвона собора Пимен и прочие иерархи Церкви произносили погромные, контрреволюционные речи против власти Советов и партии большевиков. С амвона собора епископ призывал жертвовать золото, серебро и другие ценности в пользу белой эмиграции – офицерства и русского казачества, бежавшего в китайские пределы. По собору была пущена кружка с надписью: «Православные, жертвуйте в пользу защитников веры и Отечества», и собранные деньги отправлялись в Кульджу, в распоряжение консула Временного правительства генерала Люба, его ближайшего соратника, ветеринарного врача Воробчука, через переодетых монашек.

Соборный заговор, поставивший себе целью свержение советской власти и уничтожение большевиков, охватил все духовенство области, гимназистов, гимназисток гор[ода) Алма-

Ата, часть буржуазной интеллигенции (Есютин, Триерс, Новопашин и компания, впоследствии расстрелянные). С заговором соборным, как впоследствии выяснилось, имели связь беловодские вожди правоэсеровского восстания и северные части казачества, и первые отряды колчаковских банд, спешивших на помощь «владыке» и всему собору.

Епископ Пимен был выслан из Семиреченской области, духовенство было парализовано, трусливая интеллигенция попряталась, контрреволюционная атмосфера в городе разрядилась...»¹⁹⁷.

Заведомая ложь о высылке епископа Пимена из области заставляет усомниться и в факте заговора. В точном смысле слова, заговор предполагает наличие организации с жестким распределением обязанностей. Кстати, упоминаемые в приведенном документе Есютин и Триерс проходили по организации «Белая гвардия», или «Паркат», раскрытой в Верном в октябре 1918 года уже после расправы над владыкой¹⁹⁸. В любом случае, прошли времена, когда деятельность Церкви оберегалась от общественного мнения, политических оценок, от активного вмешательства в политическое противостояние. Церковь и святые начала жизни стали попирались политическими средствами, силой государственных декретов и трибуналов. Поэтому и защита ее не могла не быть ответным политическим действием. Вокруг главы Церкви, которому полностью доверяли, стихийно собирались представители разных сословий. Миряне не хотели быть бессловесными жертвами лживых защитников народа, и кружка, действительно, наполнилась добровольными пожертвованиями во имя спасения веры и Отечества.

Известно, что недовольство большевистской политикой Советов летом 1918 года в Верном было очень серьезным. Один из первых исследователей тех событий Ш. Шафиро пишет: «Накануне первого уездно-городского съезда Советов, открывшегося в первых числах августа, большевистское положение было таково, что нам, большевикам, не советовали даже в городе выступать на общегородском сходе со списками кандидатов в делегаты на съезд, чтобы не быть побитыми

озлобленной массой, сильно раскаленной эсерами и черносотенцами»¹⁹⁹. На большевистском политическом жаргоне «черносотенцами» в первую очередь назывались активные православные христиане. Верненский учительский союз весной и летом 1918 года находился в оппозиции советской власти в связи с Декретом об отмене преподавания Закона Божия²⁰⁰. «Контрреволюционные» оценки происходящим событиям давал верненский «Еженедельник» – орган Семиреченского союза агрономов и кооператоров: «Почему же жизнь граждан Российской Федеративной Республики временами делается более бесправной, чем это было при царизме, почему вышло так, что у нас вместо свободного слова существует только слово угроз, почему нет права свободной печати... Не погубили ли мы власть народную, свергнув власть царя...»²⁰¹.

О народной любви к епископу Пимену власти были хорошо осведомлены, с ее ростом крепла решимость расправиться с ним. В дальнейшей истории взаимоотношений пролетарского государства с Церковью это станет явлением закономерным: чем более народ будет любить своего пастыря, тем больше его будет ненавидеть «народная власть».

Августовским утром 1918 года Преосвященный Пимен появился на заседании уездно-городского съезда Советов. Он потребовал слова. Протокол заседания содержит поразительный факт; владыку выслушали и единогласно поддержали его призыв сохранить преподавание в школах Закона Божия. Живейшее участие проявили мусульманские делегаты. От их имени выступил председатель мусульманского отдела областного Комиссариата просвещения Мухамедиев. Нужно было обладать немалой внутренней силой, чтобы привлечь на свою сторону активистов советской власти. Владыка был превосходным оратором, знавшим не понаслышке крестьянскую, солдатскую и мусульманскую среду.

Последующие события были неизбежны.

3/16 сентября председатель Верненского исполкома Виноградов отослал спешную депешу в областной исполнительный комитет Советов:

«Спешно.

Общим собранием партии коммунистов-большеви́ков, состоявшимся 16-го сентября, постановлено: просить областную власть сделать циркулярное распоряжение, чтобы под страхом революционного суда духовенство в церквях не провоцировало против советской власти, пользуясь темнотою масс, и чтобы местные власти отнеслись к этому самым серьезным образом, где нужно, установили бы контроль и в случае обнаружения подобных провокаторских выпадов учинивших таковые лиц беспощадно карали бы по всей строгости революционного закона»²⁰². Не дожидаясь «циркулярного распоряжения», верненские власти в тот же день расправились с негодным архипастырем. Вечером 3 сентября по старому стилю владыка Пимен был арестован.

Об этом свидетельствуют документы. В Ташкенте в 1918 году издавался «Туркестанский церковный вестник» – журнал, который найти теперь трудно. У жителя Ташкента В. Б. Заславского сохранились неполные экземпляры 4 и 5 номеров этого журнала за 1918 год. На разрозненных листах журнала помещен текст телеграммы из Верненской консистории от 17 сентября, адресованной архиепископу Ташкентскому Иннокентию: «Третьего в семь часов вечера Владыка Пимен арестован. Где находится неизвестно. Консистория». Подробности ареста владыки Пимена описаны насельником Архиерейского дома игуменом Вадимом, который перешел на служение в верненский Архиерейский дом в 1912 году из Выдубицкого монастыря и в 1918 году был уже в почтенном возрасте.

Безыскусные странички, написанные от руки, адресованы в Ташкент архиепископу Иннокентию. Это величественный реквием, воистину страстные страницы «семиреченского евангелия». Мы узнаем их сразу: перепуганных отрекшихся апостолов, жен-мироносиц и Иуду. Становимся свидетелями минут, в которые душа владыки пережила кровавый пот Гефсиманского сада.

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Иннокентию, Архиепископу Туркестанскому и Ташкентскому, Туркестанской Духовной консистории доклад.

Состоящий в числе братии Туркестанского Архиерейского дома игумен Вадим вышел в Консисторию с рапортом следующего содержания: «Как очевидец ареста Преосвященного Пимена долгом своим почитаю доложить Консистории как епархиальному Управлению об аресте его и изложить, хотя вкратце, так, как я видел и слышал.

3-го сего сентября, в 6 часов вечера, прибежал ко мне в келлию келейник Преосвященного Фаддей Шабат и, задыхаясь, говорит: «Ворвался в покои Преосвященного вооруженный солдат и требует Владыку немедленно поехать с ним». Предположив, что это есть осуществление давнего намерения большевиков арестовать нашего Владыку, я с Шабатом прибежал в зал Владыки, где увидел его и расхаживавшего по залу вооруженного винтовкой, шашкой и, кажется, револьвером красногвардейца. «Вот о[тец] игумен, – сказал Владыка, – этот человек требует, чтобы ехать немедленно с ним, и вручил мне кусочек бумаги, якобы мандат от гарнизонного комитета». Смысла [бумаги] он не понимал. Разбирая вместе с Владыкой неотчетливый по написанию, безграмотный и неясный по смыслу этот мандат, я сказал Владыке, что и я не могу понять смысла этой бумажки. Между прочим, там написано было приблизительно так: «товарищу архиерею Пимену. Предписывается ему вместе с товарищем... туда... Игумен... немедленно явиться, что удостоверяется подписом и приложением печати». Признаки же печати – самые слабые, едва заметные. «Да что там разбираться, одевайтесь, о[тец] Пимен, и отправляйтесь», – повелительно сказал красногвардеец. «Дня чего вы требуете Преосвященного и кто, собственно, требует его и куда?» – спросил я. «Преосвященный, – продолжал я говорить, – не такое лицо, и не так живет, и не так относится к людям, чтобы требовать его привлекать за что-то голословно, обидным для него тоном и без объяснения причины Вашего требования». Тут красногвардеец привязался ко мне за слово «привлекать» и наставил мне вопросов: «Что значит привлекать? Как это привлекать? Разве я влеку его? Я приехал за ним по поручению власти. Он должен явиться туда, куда я представляю его. Вы, о[тец] Пимен, не медлите и

одевайтесь и отправляйтесь со мной тотчас же, я больше не буду повторять своего требования», – говорил красногвардеец. Пытались было заметить красногвардейцу неблаговидность, неприличие с его стороны и обиду для Преосвященного от такого его требования две дамы, в ту пору пришедшие в зал Владыки, но красногвардеец повторением грубого требования к Владыке заградил дальнейшие слова их. Владыка сказал: «Если бы требование это было предъявлено мне днем, я поехал бы, но так как наступает ночное время, то я не поеду». «А я буду бить», – сказал красногвардеец и продолжал расхаживать по залу с объяснением того, что он исполняет возложенный на него начальством долг, и с требованием к Владыке одеваться и ехать с ним. Но Владыка сидел, погрузившись в раздумье. Воспрянув от раздумья, сказал: «Я решил ехать». Взял бумажку – мандат – в карман и, осенив себя пред иконой крестным знамением, вышел в переднюю и оделся. Прощаясь со всеми, в то время находившимися при нем, в числе которых был и Архимандрит Иринарх, Владыка тихо сказал мне: «Если меня долго не будет, оповещайте духовенство, и пусть звонят по церквам во все колокола». И вышел из дома, и там – на улице – он был подхвачен большим конвоем по численности и увезен неизвестно куда.

По выходе Владыки из дома я тот же час дал знать протоиереям о[тцу] Антонову как благочинному и о[тцу] Копылову, которые и прибыли в Архиерейский дом. Вскоре прибыли и другие лица из духовенства – свящ[енник] Иоанн Соколов, священник] Иаков Тушканов, диакон Коптев, свящ[енник] А. Дольников и церковный староста П.Д. Иванов, между которыми находился о[тец] Архимандрит Иринарх. Собранию сему я объявил о распорядительном желании Владыки, чтобы по оповещении духовенства звонили по церквам в колокола. Решили обратиться по телефону к предержавшим властям в городе за сведением о том, по чьему распоряжению арестован Владыка. И гарнизонный комитет, и командующий войсками, и исполнительный комитет, и начальник милиции, и, наконец, начальник охраны города – все они ответили нам отрицательно, то есть что никому из них об аресте

Владыки не известно. Тогда собрание пришло к естественному выводу, что Владыка арестован какой-то бандой, и сочло бесполезным звонить ночью для собрания народа, не будучи уверенным, соберется ли народ ночью для освобождения Владыки, да притом неизвестно куда и к кому направляться и обращаться. И оставалось собрание с таким решением вопроса о ночном звоне по церквам и с предположением, что банда, услышав звон, могла бы поскорее покончить с Владыкой и разбежаться, а предержащие власти посчитать ночной звон по церквам с собранием народа поднятием бунта. Между прочим, в собрание наше по нашему же приглашению прибыл начальник охраны города Казаков, который, наведши по телефону свои справки о некоторых лицах, в сем случае ему потребных, распорядился, чтобы начальник милиции прислал ему конвой в 40–50 человек для розыска Владыки, и после распоряжения сего ушел из Архиерейского дома, а народ, в небольшом числе собравшийся, пожелал творить в церкви Архиерейского дома молитвы о спасении Владыки – что и исполнялось священниками. Но во время моления Архиерейский дом был окружен вооруженными людьми, и слышны были от них выкрики: «Загнать их всех туда и дом зажечь». И никого из ограды и церкви не выпускали, только спустя несколько времени начальник охраны города Казаков приказал народу разойтись по домам и насельникам Архиерейского дома потушить везде огни с предупреждением, что он, если огни не будут потушены, за последствия, какие могут от этого произойти, не ручается. И насельники Архиерейского дома в течение ночи были под надзором поставленного вокруг дома караула».

В №72 «Вестника семиреченского трудового народа» от 5/18 сентября напечатан следующий приказ исполкома: «За контрреволюционные выступления против советской власти и как враг трудового народа и крестьянской бедноты архиерей Пимен подлежит высылке из пределов Семиреченской области, что 16 сентября и исполнено. Все сторонники, защитники и приспешники высланного контрреволюционного архиерея Пимена объявляются контрреволюционерами и будут

наказываться с применением мер военного времени. Военным властям местным исполнительным комитетом вменяется в обязанность точное выполнение настоящего приказа для охраны города. Председатель облисполкома П. Чегодаев, тов[арищ] председателя Ломанов, председатель Исполнительного комитета Совдепа Виноградов».

О вышеизложенном Духовная консистория долгом имеет довести до сведения Вашего Высокопреосвященства.

Протоиерей А. Шавров, игумен Вадим, протоиерей Дм. Копылов, протоиерей Н. Соколов.

21 сентября 1918 г., г. Верный».

В ответ на сообщение об аресте владыки Пимена Высокопреосвященный Иннокентий ответил: «Глубоко сожалею об участии Преосвященного Пимена. Возможные меры к облегчению приняты. В делах руководиться 332 ст[атьей] старого устава Консистории. Важные дела присылайте мне»²⁰³.

Благодаря хлопотам владыки Иннокентия в Верный тут же полетела телеграмма за подписью и. д. председателя народного комиссара юстиции Туркестанского совнаркома Х. Ибрагимова. (Телеграмма была послана за номером 1041, и эта цифра стала шифром, которым имя епископа Пимена заменили в объяснительной телеграмме семиреченских революционных властей туркестанскому правительству). Телеграмма Ибрагимова была следующего содержания: «Вне очереди в Верный... Предлагаю немедленно освободить из-под стражи викарного епископа Пимена. Если на него падают какие-либо обвинения, ограничьтесь домашним арестом в Архиерейском доме. Об исполнении телеграфируйте.

На следующий день Ташкент отправил вторую телеграмму: «Прошу сообщить место заключения епископа Пимена. Срочно принять меры исполнения телеграммы председателя совнаркома относительно Пимена 1041. Заведующий тюремным отделом республики Гредингер»²⁰⁴.

Семиреченские Советы юридически подчинялись ташкентским органам власти, фактически же Верненский Совдеп тяготел к автономии и превышал свои полномочия. Самоуправство с епископом Пименом могло иметь серьезные

последствия как вопиющий факт неподчинения центру. Поэтому представитель Семиреченского облисполкома Ломаное попробовал переложить ответственность на командующего войсками области: на полученной телеграмме Гредингера его резолюция: «Командующему войсками области на распоряжение». Не прошло. Ответ в отношении епископа пришлось держать самому. Этот факт говорит о том, что самоуправства со стороны отряда, подчиненного командующему войсками, не было. 21 сентября Ломанов фабрикует документ – телеграмму в Ташкент, которую отправляет только 23 сентября 1918 года, не забывая в копии сослаться на «сообщение комвойск»: «1041 отправлен конвоем в Ташкент»²⁰⁵. Еще одна заведомая ложь!

С епископом Пименом расправились с помощью того же отряда красных партизан Мамонтова, вызванного специально из района Сарканда. К тому времени отряд потерял обоих командиров, братьев Ивана и Петра Мамонтовых, и возглавлялся Николаем Кихтенко, но продолжал носить их имя. Мы имели возможность убедиться, что это боевое соединение имело хороший опыт карательных расправ и «полевых судов» [27]. О событиях конца августа – начала сентября 1918 года боец мамонтовского отряда Родион Пинчук вспоминает:

«Это было в конце августа 1918 г[ода]. Четыре месяца отряд Мамонтова по Семиречью вел бой с белоказачеством и устанавливал советскую власть... а на пятый месяц отряд вызвали в Верный как будто бы на отдых, а когда прибыли в Верный, заняли военную казарму, а для лошадей конюшни, объявили, что в городе организовано восстание под руководством архиерея и белоказаков, вот вас вызвали на усмирение и наведение нормальной жизни города Верного. В ночь отряд окружил и атаковал Архиерейский дом и большой сад, сделал обыск, архиерея посадили в тачанку и увезли за город в рощу за 8 км во исполнение приговора полевого суда. Отряд Мамонтова-Кихтенко был задержан в городе до 3-х недель. Вот такой был отдых – для усмирения»²⁰⁶.

Можно ли доверять полностью рассказу мамонтовского бойца? В деталях – едва ли, но в целом – безусловно.

Выдумать расправу над архиереем он не мог. Прибавил в заслугу себе, что брали дом и сад осадой, чуть ли не атаковали. Может быть, окружили. Приходили накануне – об этом есть свидетельства, – да им не открыли. Хотели арестовать епископа на богослужении в кафедральном соборе, но он ушел из алтаря по подземному ходу к себе на подворье – об этом тоже сохранились обрывки сведений. После этих неудач постарались, наконец, наверняка.

О том, что расправу учинил отряд Мамонтова, пишет в своем романе «Мятеж» Д. Фурманов²⁰⁷. Причем он представляет дело так, будто пьяная ватага совершила расправу стихийно. Следует пояснить что Д. Фурманов прибыл в город Верный в марте 1920 года и встречен был недружелюбно как человек «центра», задача коего состояла в том, чтобы идейно выправить Верненскую РСДРП(б) и навести в городе революционную законность. Цель написанного им романа «Мятеж» и состояла в том, чтобы оправдать свою миссию пусть и ценой преувеличения роли партизанской стихии.

Можно представить, сколько самохвальства и жестокости везли с собой в город бойцы-мамонтовцы. «Что? Архиерей – махровый контрреволюционер, а вы чего-то боитесь?.. Да мы его, гада, чтоб не стоял поперек трудового народа...» Это и было решение «полевого суда», которое очень быстро согласовали с председателем Семиреченского облисполкома П. Чегодаевым, товарищем председателя Ломановым, председателем Верненского исполкома Совдепа П. Виноградовым.

Прибытие в город отряда в несколько сот сабель выглядело внушительно. Предчувствовал ли епископ Пимен, что недалеко от него, по другую сторону городского парка, в кавалерийских казармах поселилась его смерть? Современники свидетельствуют, что знал и чувствовал. О дне ареста вспоминает Анна Алексеевна Шпилева. В то лето ей – Ане Якушевой – было тринадцать лет. У себя в доме владыка устроил что-то вроде воскресной школы для девочек-подростков [28]. Бывший ректор двух семинарий, начальник Духовной православной миссии всю жизнь занимался с детьми:

в Персии, в детском Стефановском кружке в Перми и здесь в Верном, будучи уже архиереем, предстоятелем Семиреченской Церкви Тяга к общению с детьми – один из точных показателей духовного состояния человека. Мир детей приближен к миру Ангелов поэтому озабоченный страстными помыслами человек бессознательно избегает детей или стремится ограничить общение с ними. Святость же, напротив, любит и ищет детское начало, наверное, по своему родству с ним.

Воспоминания записаны со слов дочери Анны Алексеевны – Н. В. Борисоглебской.

«Отца Пимена моя мать знала недолго, но встреча с ним оставила неизгладимый след в се памяти. Тринадцатилетней девочкой она часто приходила вместе с другими детьми в его большой светлый дом, находившийся рядом с архиерейской церковью. И каждая встреча с владыкой была для нее настоящим праздником. Отец Пимен с большим удовольствием занимался с детьми, он подолгу беседовал с ними, рассказывал им интересные и одновременно поучительные притчи и истории. Вместе с владыкой дети читали стихи, пели церковные песни, а он разъяснял им трудные места помогал им постигнуть суть Священного Писания. Рассказывая мне о нем, мама удивлялась, насколько легко ей давались эти знания и какими прочными были. Помню одну песню про сеятеля, которого встретила Божия Матерь, он сеял в Божий праздник и потом ничего не собрал... Отец Пимен был епископом Семиреченским и Верненским, и каждый раз, входя в его дом веселой шумной толпой, дети встречали множество людей, искавших у владыки утешения и поддержки. Маме в то время это казалось естественным, и лишь позже она поняла, что силы у него были необычайные, ведь он успевал всюду, но никогда не выглядел озабоченным или уставшим, на его лице всегда была доброжелательная улыбка. Казалось, отдыхать ему вообще не требовалось. Как-то раз мама пришла к владыке раньше остальных, он колол во дворе дрова, а ей предложил погулять по саду, нарвать цветов. У него во дворе дома был большой красивый сад, весь в цветах, но мама так и не решилась собрать себе букет, она стояла как зачарованная и слушала

рассказ владыки. О чем? Она сама уже не помнила, но этот теплый весенний день запомнился ей как один из счастливейших в ее жизни. Казалось, что именно тогда к ней перешла частица той благодати, которую излучал владыка Пимен.

Уже совсем старенькая, она часто просила меня пойти погулять с ней в погожие дни к тому месту, где когда-то стоял дом владыки. Теперь на месте Архиерейского дома пустырь, возле него построили Дом офицеров, но, несмотря на это, мама всегда говорила, что там ей легче дышится, и после этих прогулок даже лучше себя чувствовала.

В один из сентябрьских дней 1918 года девочки, как обычно, пришли в Архиерейский дом. Проводив их в комнаты, келейник попросил немного подождать – владыка молился. Занимались они в тот день недолго, после чего владыка пригласил их на террасу, где на большом столе лежало много разных икон – больших и маленьких, все они были очень красивые. Владыка попросил девочек выбрать себе по одной на память. Маме очень понравилась одна маленькая иконка, но владыка подвел ее к столику, стоявшему отдельно, и, взяв с него распятие Иисуса Христа, бумажное на голубом шелке, благословил ее этим распятием. Эту память она хранила всю жизнь как самую дорогую сердцу вещь; куда бы она ни переезжала, оно всегда было с ней.

Проводив маму до калитки, владыка сказал ей: «Теперь иди домой и не оглядывайся, скоро вечер, уже темнеет, как бы кто не обидел, ведь тебе идти мимо казарм...» И мама через много лет удивлялась, как мог он знать, где она живет. Ей казалось, что ему это было дано свыше.

Маме не хотелось уходить от него, и она спросила: «Владыко, а вы пойдете ко всенощной?» Он ответил: «Да, но я буду недолго, а потом меня не будет». Страшный смысл последних слов стал ясен на следующее утро. Она говорила мне, что, когда она шла, ноги у нее, непонятно почему, подкашивались и томило какое-то смутное предчувствие.

На следующее утро город облетела ужасная весть: владыки больше нет. Мама со всех ног побежала к Архиерейскому дому.

Около него уже толпился народ, многие женщины были в черном. Келейник рассказал, как это произошло. Солдаты приехали вечером; ничто не могло остановить людей, для которых святыни веры были пережитками прошлого. Красноармейцы ворвались в дом и с грубой бранью, оскорбляя и унижая: «Что, Петька, отмолил грехи?» – вывели его. Казалось, они соревновались друг с другом в сквернословии и издевательствах.

Владыка держался спокойно и с достоинством. Его посадили на тачанку. Келейник хотел поехать с ним, но его оттолкнули так, что он упал. До самого места расстрела за своим хозяином бежала собачка владыки. Она вернулась потом – весь нос у нее был в земле. Собачка и указала место расстрела.

Кто-то со слов солдат рассказывал, что, когда они привезли владыку в рощу Баума, никто из них так и не мог решиться выстрелить в него. Они уже стали договариваться чтобы отпустить его с миром, дать ему уйти, но тут прискакал на коне известный бандит Яшка Курилов, выругал их за промедление и сам расстрелял владыку. Собираясь уезжать, он упал с лошади и сломал ногу.

Народ просил разрешения похоронить владыку, но революционные власти не дали. А когда все же люди пришли на место расстрела, тела там не оказалось. Мама думала, что Бог забрал его... Некоторое время спустя мама увидела владыку во сне. Он сидел в обычном своем черном одеянии и обратился к ней с назиданием слушать во всем свою мать:

– Будешь слушать, тогда окажешься здесь.

При этом он указал рукой. Там было светло и празднично и куда-то шли люди. Владыка продолжал:

– А не будешь, тогда пойдешь с ними, – он повел рукой в другую сторону, где было тревожно и сумрачно и брели люди, среди которых были священники»²⁰⁸.

Горожане, узнав о расстреле владыки Пимена, устроили на Гостинодворской площади митинг и демонстрацию протеста. Об этом в 1994 году сообщил 94-летний житель Цимлянска, бывший боец отряда Петренко, Антон Станиславович

Хомичевский. Об убийстве епископа Пимена он узнал, вернувшись осенью с Северного фронта. Его инициаторами Хомичевский называет Быкова, Завалишина, Гуринова. Однако взрыв народного возмущения был пресечен с помощью оружия.

Часть 6. По следам мученической кончины

...Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними.

(Откр. 14:13)

В силу непреложной истины, что нет ничего тайного, что не сделалось бы явным (Мк. 4: 22), убитого епископа Пимена, по воле Божией, уже на следующий день в глухом уголке Баумской рощи нашли дети, пришедшие туда за лесными орехами. Среди них была двенадцатилетняя Аня Парфенова. В 1994 году 88-летняя Анна Михайловна подробно рассказала об увиденном ею тогда на поляне. 75 лет хранил Господь этот хрупкий сосуд с драгоценным содержимым чтобы открылось одно из самых решающих свидетельств убийства владыки Пимена.

Все началось с обращения на страницах газеты «Свет Православия в Казахстане»:

«Уважаемые читатели! Газета «Свет Православия в Казахстане» участвует в восстановлении некоторых страниц истории Православной Церкви в Семиречье в годы гражданской войны. Особенно нас интересуют события в Верном в 1918 году. Живых свидетелей тех лет осталось немного, но могло сохраниться семейное предание – рассказы стариков, уже отдавших Богу свои многострадальные души. Нас интересуют в первую очередь обстоятельства гибели в 1918 году епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова). Может, кому-либо известно и о местонахождении его могилы». Вскоре женский голос по телефону сказал:

– Приезжайте! Моя мама может вам кое-что рассказать.

В старой части Алма-Аты под мощными столетними дубами, особенно подчеркивающими убогую временность недавно поставленных здесь блочных пятиэтажек, живет со своей дочерью Анна Михайловна Устимова, в девичестве Парфенова, 1906 года рождения, – худенькая женщина, находящаяся уже в той степени старости, когда собеседник пронизывается щемящей жалостью. Но речь у Анны Михайловны живая, память

острая, она слышит задаваемые вопросы превосходно, вот разве что плохо видит.

– Мы были детьми и осенью всегда ходили в рощу Баума за орехами, там были маленькие такие, круглые орешки. Подойдем к дому объездчика – он стоял в начале рощи у тракта, там сейчас Большой Алма-атинский канал проложили, – и крикнем: «Дядя Коля, мы идем орехи собирать!».

Пошли мы так однажды. Далеко не заходили. У лога, где ручей бежал, была у нас любимая полянка – размером со среднюю комнату; вокруг нее стояли густые заросли орешника, дикой малины, яблоньки росли. Вышли на нее мы уже на обратном пути и вдруг видим: человек лежит, накрытый черным, лица не видно, а ноги босые, открыты почти до колен. Сбоку край парчовой ризы виднеется. Сразу подумала, что священник, мы в церковь с родителями ходили, знали одежду священников, такую только они носят.

– Как он лежал?

– Аккуратно лежал – как покойник. Ногами на солнце. Лица не видела, лицо закрыто было. В головах у него куст орешника рос, а в ногах яблонька стояла. Подружки сразу убежали, а я стояла и смотрела. Страху никакого не чувствовала. Как сейчас, все вижу, как свои пять пальцев. Таких ног я больше никогда не видела. Всю жизнь они у меня перед глазами, и батюшку того убитого я всю жизнь поминаю.

– Какого цвета был тот парчовый край?

– Не помню, кажется, «земля» бордового цвета, а цветы голубого или наоборот. Точно не скажу. А накрыт он был черным сатином, из которого раньше подкладку на пальто делали.

– Когда это было, ранней осенью или поздней?

– Не скажу. Листья желтые были, но еще не много.

– Прибежали мы к объездчику, кричим: «Дядя Коля! Там батюшка убитый лежит!» Дядя Коля говорит нам: «Вы покуда посидите, чайку попейте, а я по делам пойду. Приду – посмотрим».

Ждали мы его долго, может быть часа два. Вернулся он и говорит:

– Пойдемте посмотрим, что вам там показалось.

Привели мы его на то место, смотрим, а там уже никого нет. Обьездчик мне тогда сказал:

– Хорошая ты девка, Нюта, а дура. Видимо, человек выпил лишнего, поспал и дальше пошел.

– Только вот на следующий день по городу разговоры пошли: архиерей пропал.

– Как о нем говорили? Жалели?

– Очень жалели, плакали. Говорили, убили его потому, что он был... вредной партии, что ли... В городе тогда многих людей расстреливали.

Со слов Анны Михайловны найти ту самую поляну оказалось делом трудным. В роще было два лога, один уже засыпан. Роща теперь сильно поредела, исчезли густые заросли, не видно ни яблонь, ни малины, ни лесного ореха. Зеленый массив входит в черту города. Рощу называют «легкими Алма-Аты», но мощные деревья хиреют и потихоньку гибнут.

На прощание Анна Михайловна вручила мне конфеты и полотенце – на помин души «того батюшки». Встреча с Анной Михайловной Устимовой укрепила надежду найти еще людей, подобных ей. И как больно было всякий раз слышать:

– Вот если бы вы пришли раньше: два-три года тому назад еще жив был тот или та, которые все знали.

И все же кое-что пробивалось сквозь толщу времени. Елена Ильинична Неклушева – истовой веры человек – слышала когда-то очень давно, не помнит от кого, что владыку расстреляли в роще и там оставили. Вернулись, а им и говорят: «Где он? Доставьте немедленно сюда». Вернулись они, но никого не нашли...

После обращения православной газеты в алма-атинский Никольский собор пришла старая женщина и рассказала о том, что услышала 75 лет назад маленькой девочкой и от чего сжалось се детское сердце:

– Мама была певчей в кафедральном Соборе. Однажды она пришла домой и сказала: «Вчера в парке Баума убили владыку Пимена» .

Имя одного из убийц отыскивалось в архиве алма-атинской организации – Волковгеология». Ныне покойный Константин Максимович Милованов помнил точно:

– Ищите список 57-й партии за; ,1953 год. Однажды мне поручили забрать в 57-й партии больного. Приезжаю в горы за Талгар, где стояла партия. Выводят пожилого человека – у него поломана нога. Рабочие мне говорят: «Вези его так, чтобы он и вторую ногу поломал. Он таких людей убивал и похваляется этим. Он в Верном «главного бога» убивал».

Константин Максимович вез его в кузове своего грузовика и разговоров не вел. Но, будучи верующим человеком, подробности узнал позже от рабочих. Бывший красногвардеец выполнял приказ не один. Дважды ночами подходили они к Архиерейскому дому, но проникнуть в него не могли. На третий раз они сделали свое дело.

И вот передо мной лежит список работников 57-й партии 1953 года. Дата рождения, указывающая на совершеннолетие в 1918 году, только у одного: 60-летнего завхоза Г. С. Оверко, 1892 года рождения, родом из запорожского села Вадино. Из крестьян. Имел за плечами начальную сельскохозяйственную школу в родном селе. В мае 1953 года из-за сломанной ноги на его место взяли другого. Рабочими партии были в основном 18–20-летние ребята. Именно перед ними Оверко хвалился содеянным.

Кое-что известно еще об одном участнике расстрела – «военном», по имени Николай. Чуть ли не на следующий день после злодеяния он зашел в уборную на базаре. Доска под ним проломилась, и он с головой ушел в нечистоты. Его вытащили, обмыли водой из шланга. После «того случая он сильно болел, а позже умер от чахотки. Инокinya Феодора приходила к нему в больницу и допытывалась, куда они дели владыку.

– Не могу выдать дружков, – повторял он.

Роща Баума находилась в то далекое время в восьми верстах от города. Она была посажена по инициативе лесничего Э. О. Баума в 1892 году на участке, принадлежавшем казачьей станице. Несмотря на проложенные аллеи, в роще были настоящие дебри, трудно проходимые из-за орешника, дикой

малины и ежевики. Она занимала 140 гектаров – на этой площади и поныне растут карагач, вяз гладкий, клен, липа, тополь, дуб, береза, ясень Роща теперь сильно изменилась, дебрей почти не осталось, она просматривается как огромная храмина с колоннами и... засыхает. Гиганты-дубы едва покрыты листвой, хотя аллеи, напоминающие коридоры в головокружительно высоком здании, все еще прекрасны. Ранней весной в роще расцветает множество фиалок.

Место, где совершилась расправа, помог отыскать Захар Иванович Самойленко, водитель покойного митрополита Казахстанского и Алма-атинского Иосифа (Чернова; † 1975). Он решился на это только через два года после нашего знакомства, хотя с самого начала говорил, что возил владыку Иосифа в рощу к дереву, рядом с которым и был расстрелян епископ Пимен. Это место показала владыке Иосифу крещеная калмычка Екатерина Петровна, служившая горничной в Архиерейском доме. Когда постаревший и ослабевший З. И. Самойленко решил, что он уже стар и теперь ему бояться нечего, он рассказал более подробно о расположении дерева, на которое сам для ориентира прибил башмак.

– Может быть, башмак потому и сохранился, что, прибывая, я встал на капот ЗИЛа.

В конце концов, к месту трагедии привел племянник Захара Ивановича – Алексей Ефремович Кушнерик.

Свой рассказ Кушнерик поведал за рулем автомобиля по дороге в рощу Баума. До и после войны его отец служил в роще объездчиком. Там были и огороды. Однажды поздним вечером, году в 1949-м дед Евсей, стороживший огороды, рассказал ему о том, что тут поблизости расстреляли архиерея. Встал и повел к тому месту. Поляна называлась Сиреневый круг и была многим известна, так как являлась, пожалуй, единственной в густой и труднопроходимой роще. Эту поляну засадил по кругу кустами сирени еще устроитель рощи губернаторский лесничий Э. Баум. Он любил отдыхать на ней, приезжал сюда с родными и друзьями. Алексей Ефремович услышал тогда, что расстреляли архиерея здесь, а отнесли в другое место, потому

что тело нашли к югу от поляны, под тем самым вязом, который и стал для православных местом тайного паломничества.

Поляна находится совсем недалеко от бывшего Капальского тракта, сейчас всем хорошо известной дороги, ведущей в аэропорт. Вдоль нее на этом участке действительно был лог, на влажном и сумрачном дне которого журчал ручей. Переходили его по камушкам. Ныне на месте лога поселок под названием «Пятый километр горветки»; мимо него проходит железная дорога, соединяющая вокзалы Алма-Ата I и Алма-Ата II. Последний дом (от города) стоит рядом с тем местом, где остановилась тачанка и владыка в сопровождении конвоя спустился в лог, перешел ручей и углубился в рощу. Слух его напрасно ловил набатные звуки: распоряжения звонить в колокола и поднимать православный народ духовенство не выполнило.

Сирень, которая цвела здесь еще тридцать лет назад, выродилась, но именно на этой поляне и вокруг нее видны деревца орешника. Вяз, о котором говорил водитель владыки Иосифа, стоит неподалеку. Насечка топором, оставленная им когда-то, разрослась на полствола в ширину. Высоко чернеет гвоздь, которым прибивался башмак. Если приглядеться, то на уровне человеческого роста также заметен гвоздик, видимо от иконочки, и следы от других гвоздей: история паломничества охватывала десятилетия, пока не отошли ко Господу последние, кто чтит память святителя. Детям и внукам рассказывать боялись. На то был преподан хороший урок. После войны об этом месте как о святом стали широко оповещать некий барнаульский монах Михаил и другой Божий человек – Иларион Милованов, родоначальник нынешней священнической династии. Они приводили к дереву паломников, пока в октябре 1949 года оба не были арестованы и приговорены к 25 годам заключения.

Есть запись рассказа бабушки Зои, работавшей путевой рабочей на участке железной дороги, идущей вдоль рощи. «Несколько раз видела. Сидим мы с мужиками на путях, отдыхаем и вижу: три старухи в черном идут. Идут-идут – и в

рощу. Я говорю: «Куда же это они идут?» А один у нас такой был... Царствие ему Небесное... говорит:

– Да молиться пошли!

– Так ведь в роще-то не молятся, милый мой, – говорю.

Несколько раз видели в семидесятых годах. Одна высокая, две другие поменьше».

В начале девяностых годов, когда о епископе Пимене знали уже немногие, память о нем свято сохранялась в семье алма-атинки Анны Алексеевны Шпилевой († 1994). Ее воспоминания о детском духовном кружке, устроенном владыкой Пименом в Архиерейском доме, и о последних часах жизни святителя приведены в предыдущей главе. Будучи уже в глубоко преклонном возрасте, она тяжело заболела, перенесла внутрисердечную операцию. С неутешительным диагнозом ее выписали домой – умирать. Дочь, Нонна Владимировна Борисоглебская, вспоминает, что в отчаянии она стала сильно молиться за мать тому, кого мама почитала как святого – епископу Пимену. И больной становилось лень ото дня лучше. Скончалась она через пять лет в 89-летнем возрасте. Нонна Владимировна не сомневается в том, что она обязана этим чудом владыке Пимену.

Вскоре после выписки из больницы, когда Анна Алексеевна еще не вставала, в Алма-Ате стали ждать сильного землетрясения. Домашние страшно беспокоились, как им удастся в случае толчков одеть и вынести больную старую женщину. Лежа с закрытыми глазами, Анна Алексеевна вдруг явственно услышала голос владыки:

– Землетрясения не будет!

– Его голос я не спутаю ни с каким другим, – повторяла Анна Алексеевна.

Она совершенно перестала бояться, и ее спокойствие передалось родным. Действительно, грозная стихия с тех пор больше не давала о себе знать²⁰⁹.

Поистине чудом стало и последующее обнаружение места, где упокоилось тело священномученика.

У митрополита Мануила (Лемешевского) сказано, что епископ Пимен «похоронен за городом». Видевшие на поляне

красный мох склонялись к предположению, что владыка должен покоемиться именно здесь. Что-то подсказывало, что не могли православные верненцы согласиться на бесславное погребение своего архиерея где-то «за городом». Они должны были тайно воздать ему должную почесть и похоронить вблизи кафедрального собора в самом городе, как подобает русскому архиерею. Расправа над епископом была величайшим глумлением над чувствами православной паствы, достоинство веры требовало постоять за себя.

После публикации на страницах «Аргументов и фактов» Казахстана материала Л. Ф. Енисеевой под названием «Найдено место расстрела владыки Пимена»²¹⁰ в малостаничный Свято-Казанский храм Алма-Аты пришел врач «скорой помощи» Анатолий Григорьевич Молчанов и сообщил о том, что ему известно местонахождение могилы «отца Пимена». Его записка – один из самых ценных документов, которому маловерный человеческий разум отказывался верить: «Отец Пимен похоронен в парке имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев, с правой стороны».

Речь шла о парке, в котором и поныне стоит кафедральный собор [29]. Прежде парк назывался Соборным, а потом – Пушкинским, еще позже – парком Федерации. Кафедрала Преосвященного Пимена находилась в этом месте. Амвон этого поразительного творения рук человеческих, созданного во имя утверждения Православия на окраине Державы Российской, стал святительской Голгофой. В 1929 году собор был закрыт, и только через шестьдесят пять лет он был возвращен верующим.

За запиской, переданной врачом Анатолием Григорьевичем Молчановым, последовал его рассказ: «Мне было лет девять, когда я услышал о том, как хоронили отца Пимена. Рассказывала матери соседка наша по дому на углу Слободской и Красноармейской улиц. Шел 1943 год, а бабушка Краснюкова уже тогда была совсем старой. Из ее слов запомнилось, что отец Пимен долго лежал в роще. Его подняли люди из рядом находившегося поселка у Капальского тракта подле Букреевского озера (теперь здесь нефтебаза). Старик-бондарь сколотил гроб. Владыку положили в бестайку – телегу с

глухими деревянными стенками, на каких перевозили зерно. Сверху засыпали сеном. К городу ехали чуть ли не с песнями, как бы во хмелю, – для отвода глаз. Глухой ночью подъехали к парку. Похоронили владыку около «детских могил», там еще в прошлом веке были похоронены дети генерал-губернатора какого-то. Справа от них. В арыке сделали запруду, вода прошла и смыла всю свежую землю, так что никаких следов рытья могилы не осталось».

Услышанное от А. Г. Молчанова порождало множество вопросов. Владыка упокоен подле своего кафедрального собора? Но где именно находятся детские могилы, сохранились ли они? На эти вопросы надо было найти ответы.

В северо-западной части парка, ближе к осевой аллее, ведущей к соборной паперти, стоят два одинаковых каменных надгробия. Каждое представляет собой четыре обтесанных гранитных камня, стянутых железными скобами. Края надгробий за круглены, верхние плиты сорваны – надписей никаких нет. На расстоянии полуметра от них едва заметны следы от столбиков ограды.

Разное приходилось слышать об этих могилах. Но настойчиво повторялось: здесь похоронены «святые архиереи», «святой батюшка», «святые». Кто-то вспоминал, что видел, как в 20-х годах сюда шли священники служить молебен. Безусловно, эти сведения были далеко не случайными. Но главный ориентир для поиска могилы владыки Пимена – это какие-то детские могилы. Может быть, все-таки эти?

– Скорее всего эти, – утверждал А. Г. Молчанов. Через многочисленные расспросы тех, кто помнит парк давно, пришло подтверждение:

– В парке у центральной аллеи стоят «детские могилы». Неужели это они?

Могилами давно интересовался ныне покойный алма-тинский краевед профессор Н. П. Ивлев. Он открыл при мне папку материалов о первом верненском губернаторе Г. А. Колпаковском, показал текст письма старого генерала, написанного им из Петербурга в Верный областному архитектору Павлу Васильевичу Гурдэ. Речь в письме шла о

новых надгробиях на дороге бывшему верненскому губернатору и его жене могилы их дочери и внука: «Милостивый государь Павел Васильевич! Позвольте принести от себя и от жены глубокую признательность за выраженную готовность исполнить нашу усердную просьбу об исправлении скромных памятников над могилами нашей дочери и внука... на решетке восстановить недостающие шарики, заточив штыри, исправленную решетку окрасить железным лаком. Сами памятники заменить новыми из тесаного гранита, скрепленного железными скобами и... на них наложить прежние мраморные доски с надписями, придав этим доскам форму с закругленными углами. В верхней части плит должны быть водружены железные кресты Оба мы, жена и я, проникнуты величайшей к Вам благодарностью за принятые решения к расположению соборного парка так, чтобы могилы остались неприкосновенными и находились в стороне от аллей, среди густой зелени. Так они могут быть сохранены в целости на продолжительное время...»²¹¹.

А вот еще один документ, развеивающий остатки сомнений, – изданная в Ташкенте в 1911 году «Краткая памятка о первом наказном атамане Семиреченского казачьего войска генерале Герасиме Алексеевиче Колпаковском». В ней поднимается вопрос о переносе останков его и его жены с Никольского кладбища Петербурга в Верный. «Где похоронить останки Герасима Алексеевича и жены его, место как бы намечено еще самим почившим – там, где находятся две дорогие для них могилы... – в Пушкинском сквере, что против женской гимназии».

Действительно, ближе к той части парка, где находятся надгробия, была именно женская гимназия, ныне не сохранившаяся. В парке были когда-то и другие могилы, но именно эти Богу угодно было сохранить...

Почти одновременно развеялась версия относительно места захоронения епископа Пимена, которую поддерживала часть верующих. Они утверждали, что нетленные мощи епископа были найдены в 1974 году при сносе Архиерейского дома. В беседе с 90-летней Антониной Максимовной

Бересневой выяснилось, что в 1921 году в полу архиерейской церкви был похоронен старенький батюшка, живший у них по соседству. Очевидно, соседом Бересневых был один из старейших насельников Архиерейского дома. И водитель владыки Иосифа говорил о том же.

Владыку Пимена похоронили в глубокой тайне. Сделали подкоп в семейный склеп Колпаковских. Место его погребения тоже стало местом святым, местом молитв и почитания, но далеко не все знали, кто этот «святой батюшка». Святой – и все. О том, что в парк Федерации в 20-е годы приходили на могилу «святого батюшки», рассказывает и Анна Михайловна Устимова, та самая Нюта, которая видела расстрелянного владыку в роще.

– Какие «божественные люди» – те подходили к серой плите и читали молитву, а кто цветочек положит.

– Какая была могила?

– Лежала темно-серая гранитная плита.

Теперь можно объяснить и слышанные ранее рассказы о «трех святых архиереях», погребенных в парке. Глухой шепот о могиле святого архиерея – епископа Пимена – ходил среди жителей. По дороге на танцплощадку и в кинотеатр «Алма-Ата», устроенный в бывшем Народном доме имени Николая Второго, оглядывались на то самое место, а там вместо одного – два надгробных камня, и вот уже истина трансформируется в легенду о нескольких святых.

Одним из подтверждений того, что владыка-мученик покоится здесь, стало свидетельство Елены Николаевны Зубковой. В конце 40-х годов она бывала в парке с двоюродной сестрой своего деда Евфалией Петровной Тишкевич. Евфалия Петровна в свое время окончила Смольный институт в Петербурге и с конца прошлого века учительствовала в Верном. Около двух одинаковых надгробий и серой плиты она останавливалась и говорила:

– Здравствуй, Владыко!

Потом тихо о чем-то говорила ему... Если никого вокруг не было, делала земной поклон и просила благословения.

Стального цвета гранит лежал долго. Одно десятилетие сменялось другим, по соседству установили карусель, и направлявшиеся к билетной будке горожане спотыкались о плиты. В 70-е годы во время реконструкции парка надгробия детей генерала Колпаковского пытались убрать: видно, что распиливали железные скобы, но гранит был так прочно и глубоко вмурован в землю, что могилы оставили в покое.

Жизнеописание епископа Пимена может оставить впечатление некоторой недосказанности, если не будет затронут вопрос, интересующий право славных алмаатинцев, Здесь давно почитается место погребения двух иеромонахов, Серафима и Феоноста, в 1921 году убитых в своих келлиях-землянках в Аксайском ущелье в двадцати километрах от Алматы. В 1992 году они были канонизированы как местнопочитаемые казахстанские новомученики.

Согласно Житию, иеромонах Серафим из Архиерейского подворья добровольно ушел в горы еще перед первой мировой войной и жил поблизости от Верного вплоть до 1921 года. У него духовно окормлялись насельницы Иверско-Серафимовского монастыря.

Очевидная благодатность места упокоения убиенных служителей Божиих в Аксайском ущелье на горе Кзыл-Жар рождала мучительное недоумение: почему преподобный Серафим не был рядом с семиреченским святителем в ходе его недолгого героического единоборства? И кто толкнул сестер в марте 1918 года обратиться в ревком, минуя голову правящего архиерея? Почему в Житии кзыл-жарских мучеников имя семиреченского святителя даже не упоминается?

Ответ подсказали архивные документы. Дело в том, что в 1917–1918 годах иеромонаха Серафима в горах близ Верного не было вовсе. Из метрической книги Никольской церкви при русском консульстве в Кульдже, хранящейся в городском архиве Алматы, следует, что иеромонах Серафим был настоятелем этого храма с момента открытия в ноябре 1914 года вплоть до ноября 1918 года.

О сотрудничестве его и единомыслии с епископом Пименом можно предполагать по некоторым косвенным фактам. Русский

консул в Кульдже весной и летом 1918 года издавал газету «Свободное слово», на страницах которой выступал, как нам известно, епископ Пимен. С Кульджой у владыки была постоянная связь, сюда он отправлял собранные народные пожертвования на спасение России. Вероятнее всего предположить, что иеромонах Серафим в Кульдже выполнял его поручения. Известно, что по отношению к Русскому консульству в Кульдже – этому последнему оплоту старой России – в начале 1919 года были применены боевые действия красногвардейцев с участием пулеметной команды.

Вернувшись в Верный, отец Серафим ушел в горы. Видимо, он не считал для себя возможным включаться в приходскую жизнь, не нашел себя в среде городского духовенства, уже проявлявшего признаки будущих служителей обновленческой «красной церкви». Возможно, что все было именно так... И на Кзыл-Жарской горе была отслужена не одна панихида по убиенному архипастырю. Свет на этот вопрос может пролить книга воспоминаний русского консула в Кульдже генерала Люба, изданная в Париже...

По парку в направлении кафедрального собора с трудом передвигается на костылях старая женщина. Заказывая обеды, она всю свою жизнь вписывает в записки имя епископа Пимена. Ее дед Иван Пономарев, член Городской думы от мещан, был глубоко церковный человек, как и вся их семья. Она помнит, что в 20-е годы имя владыки среди верующих людей не сходило с уст.

Годы «зашоренной» церковности едва не стерли земную память о замечательном церковном деятеле начала XX века. Теперь можно сказать, что, кажется, мы успели удержать год от года все более удалявшийся образ того, кого Господь от рождения уготовил на избранный путь. Первый, кто услышал имя епископа Пимена в наше время и осознал его значительность, был священник Николай Балашов, служивший на родине епископа в городе Череповце. Ему пришлось отпевать племянницу владыки Марию Алексеевну. В семье покойной он и увидел ставшую теперь известной, фотографию, на которой епископ Пимен запечатлен в день своей хиротонии

вместе с братьями – протоиереем Философом Орнатским и профессором богословия Василием Белоликовым. Родные епископа рассказали отцу Николаю о гибели владыки в годы революции. Отец Николай привез в Москву иеромонаху Дамаскину (Орловскому), собиравшему материалы о новомучениках Российских, снимок с оригинала этой фотографии. Известные к тому времени сведения о епископе Пимене находились в каталоге «Русские архиереи с 1893 по 1966 г.» митрополита Мануила (Лемешевского). От иеромонаха Дамаскина через активиста общества «Мемориал» В. Снитковского фотография, вместе с короткой информацией, попала в Алма-Ату и была опубликована в газете «Горизонт» (4–10 января 1992 г.).

Примерно тогда же, ничего не зная о публикации В. Снитковского, свои воспоминания о епископе Пимене передала в Священный Синод алма-атинка Анна Алексеевна Шпилева. Ответа она не получила, сведений, сообщенных ею, в центральных Церковных изданиях не появлялось. Но, видимо, пришло время открыться деяниям семиреченского архипастыря.

Фотография, найденная отцом Николаем, была началом. Внешний облик епископа уже не давал забыть его тому, кто видел этот снимок хоть однажды. Потребность узнать о нем больше стала неодолимой. Заговорили старые улицы Алма-Аты (Верного) и столетние деревья на перекрестках. За каждым материальным и документальным верненским свидетельством о 1918 годе вставал человек в черной сатиновой рясе, с панагией на груди и щемящим душу взыскующим взглядом. Все в городе приобретало смысл в той мере, в какой могло иметь отношение к судьбе епископа Пимена, в первую очередь кафедральный собор в центре Алма-Аты, хранивший немало тайн. Владыка Пимен был одной из них – собор был его последней кафедрой, его Голгофой.

И стоило только начать поиск, как нашлись люди, не только помнившие рассказы о епископе Пимене, слышанные от старшего поколения, но и живые свидетели давних событий. Епископ Пимен вставал в их памяти, как лампада, возжженная перед Богом, огонь которой разросся в столп пламени,

опалаяющий нам, живущим, душу чувством невосполнимой земной утраты.

29 сентября/12 октября 1997 года епископ Семиреченский и Верненский Пимен причислен к лику местночтимых святых как священномученик Казахстанский. А в 1999 году, 14 марта, был совершен чин освящения закладки храма-крестильни во имя священномученика Пимена.

Чин освящения начала строительства совершили настоятель кафедрального собора протоиерей Евгений Воробьев и секретарь епархиального управления протоиерей Сергей Горюнов. Холодная сырая погода не стала препятствием для торжественного шествия с хоругвями, пением и свечами на место строительной площадки. В этот мартовский день народ Божий был особенно близок к своему епископу, такому родному, несмотря на то, что уже восемьдесят лет разделяют с ним.

Храм проектировали архитекторы Наталья и Тимур Турекуловы, которые проводят реставрационные работы Вознесенского кафедрального собора.

Идея создать храм-крестильню со вспомогательными помещениями возникла давно, сразу по возвращении собора Православной Церкви. Справа от его западного входа несколько десятилетий стоял легкий павильон – стеклянная конструкция 60-х годов. До недавнего времени в «стекляшке» находились соборные столярная мастерская и столовая, в противоположном крыле оставался шахматный клуб. Это-то помещение и предполагалось перестроить под храм-крестильню.

Однако было принято иное решение. Маленький павильон снесли, а на его месте началось возведение полноценного сооружения. Храм с баптистерием имеет размер 9х9 квадратных метров. В одном ансамбле вокруг храма группируются административное помещение, церковно-приходская школа, библиотека, лекционно-выставочный зал.

Исторически на этом месте парка стояли подсобные постройки собора: складские помещения, конюшни и так далее, поэтому зеленая часть парка, спроектированного после

землетрясения 1887 года архитектором Павлом Гурдэ, не пострадает.

С возведением церкви-крестильни к северо-западу от собора завяжется архитектурный ансамбль который соединит в одно целое собор, нынешний домик Зеленстроя, который когда то был соборной церковно-приходской школой, и новое здание с церковью во имя священномученика Пимена.

В заключение прилагаем текст документа о канонизации епископа Пимена.

Деяние о канонизации

Архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия об установлении местночтимого почитания священномученика Пимена (Белоликова) епископа Верненского и Семиреченского, викария Туркестанского († 13/16 сентября 1918 г.), и преподобного отца нашего схиархимандрита Севастиана (Фомина), старца Карагандинского, исповедника, благодати оптинского старчества преемника († 6/19 апреля 1966 г.)

Святая Православная Христова Церковь, от начала возлагающая упование на молитвенное предстательство пред Престолом Благодати святых Божиих человеков, соборным разумом Русской Православной Церкви свидетельствует о явлении в ее недрах великого сонма новомучеников и исповедников Российских, в XX веке от безбожной власти пострадавших. Боголюбивая полнота Русской Православной Церкви благоговейно хранит святую память о благочестивой жизни, страдальческих подвигах исповедничества святой веры и мученической кончины многих иерархов, священнослужителей, иноков и инокинь и христоименитых мирян, засвидетельствовавших на бескрайних просторах Святой Руси в настоящем столетии свою веру, надежду и любовь к Богу и Его Святой Церкви даже до смерти и оставивших грядущим поколениям чад церковных духовный завет: «Живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем» (Рим. 14: 8).

По Промыслу Божию, в XX столетии Казахстанская земля явилась одной из многих Голгоф Святой Руси. На бескрайних просторах ее степей в ссылках и концентрационных лагерях в самоотверженном стоянии за святое Православие окончили течение своего жития многие новомученики Российские.

Земля сия, приявшая в недра свои их исповеднические тела и напоенная токами их мученической крови, воистину являет собой распростертый под небесным сводом обширный антиминс, а воздух ее освящен восхождением в небесные кровы их святых душ.

Ярким свидетельством сего являются подвижническая жизнь, страдания и кончина приснопамятных епископа Верненского и Семиреченского Пимена (Белоликова; † 3/16 сентября 1918 г.) и карагандинского старца схиархимандрита Севастиана (Фомина; † 16/19 апреля 1966 г.).

Епископ Пимен (Белоликов) – первый архипастырь Верненский и Семиреченский, викарий Туркестанский, духовный сын всероссийского праведника Иоанна Кронштадтского, сподвижник известного высокой духовностью и мученической кончиной пермского архиепископа Андроника, возглавлявший в сане епископа православную Урмийскую миссию в Персии, вступив в управление приходами Семиречья, явил себя твердым исповедником святого Православия попечительным и заботливым отцом своей паствы, стойким хранителем единства церковного и послушания Святейшему Патриарху Тихону, принял мученическую кончину за Христа через расстрел († 3/16 сентября 1918 г.).

Схиархимандрит Севастиан (Фомин) – насельник Свято-Введенской Оптиной пустыни, духовный сын последних оптинских старцев Нектария и Иосифа. По закрытии монастыря и служении в Тамбовской епархии сосланный в карагандинский концентрационный лагерь «Карлаг», мужественно пребывал в узах, проповедуя заключенным Христа. По окончании ссылки создал Богородицерождественскую общину в г. Караганде, сохраняющую доныне традиции и устав Оптиной пустыни, собравший вокруг себя многих ссыльных и руководствовавший их и мирян в духовной жизни. Достигнув глубокой старости, старец, почитаемый многочисленными духовными чадами, в светлые дни Пасхального торжества 1966 года мирно отошел ко Господу, Которому ревностно служил. По кончине Господь прославляет Своего служителя и угодника многими знамениями и чудесами, изливаемыми по его заступничеству всем с верою ищущим его предстательства.

По благословению Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, рассмотрев представленные епархиальной комиссией по канонизации святых материалы о благочестивой жизни, подвижническом

служении и исповедничестве, мученической и праведной кончине, настоящим определяю:

1. Благословить местное почитание священно-мученика Пимена, епископа Верненского и Семиреченского, и преподобного отца нашего схиархимандрита Севастиана, исповедника, старца Карагандинского, благодати оптинского старчества преемника.

2. Честные останки священномученика Пимена, находящиеся в безвестной могиле²¹², именовать отныне святыми мощами. По возможном обретении оных воздавать им достодолжное почитание.

4. Честные останки преподобного Севастиана, исповедника, погребенные на Михайловском кладбище г. Караганды, именовать отныне святыми мощами и по обретении оных воздавать им достодолжное почитание.

5. Службы священномученику Пимену и преподобному Севастиану, составленные архиепископом Алма-Атинским и Семипалатинским Алексием, каждому из них особые, благословить для богослужебного употребления в дни их памяти.

6. Память священномученика Пимена, епископа Вsrненского и Семиреченского, совершать в день его мученической кончины 3/16 сентября.

7. Память преподобного отца нашего Севастиана, старца Карагандинского, исповедника, совершать в день его праведной кончины 6/19 апреля.

Кондак глас 3

Пастыреначальнику Христу подражая, / за вручённое ти стадо душу свою положил еси, / Пимене архипастырю и мучениче, / молитвами твоими паству твою соблюди / невредиму от всех навет вражиих.

Тропарь, глас 1

Пастырства тезоимените, / первопастырю Семиречия / и
первый Верненский священномучениче, / святителю отче наш
Пимене, / Христу, доброму Пастырю, усердно молися / в вере,
надежде и любви утвердити паству твою.

Молитва священномученику Пимену

Освятенная главо, пастырю добрый словеснаго стада своего, священномучениче Христов Пимене, тёплый и неусыпный о нас заступниче в скорбех, и бедах, и во всяких нуждах! Услыши нас грешных и недостойных, молящихся тебе, испроси нам веры православный утверждение, надежды на всеблагое Божие промышление укрепление, любви к Богу и ближним нашим умножение, мудрости небесная снисхождение, да пребудет щедрое благословение Царя Славы, Господа нашего Иисуса Христа, над страню нашею и престольным градом епархии твоея, да избавимся от землетрясения, огня, междоусобных брани, глада и мора и иных пагубы, но да будут в нас, ходатайством твоим, святе, мир, братолюбие друг ко другу сердечное, благочестие и послушание, душевных и телесных сил крепость и здравие, радость и тишина духовная. Да тако в вещь сем, скоропреходящем, проживше, с Тобою пастырю наш милостивый, на вечных пажитех Христовых со всеми святыми обрящемся славя Бога нашего во Святой Троице от небесных и земных воспеваема и поклоняема, вовеки. Аминь.

**Копия письма Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II от 17 09. 97 г., № 1241**

Высокопресвященному Алексию, архиепископу Алма-Атинскому и Семипалатинскому

Ваше Высокопреосвященство!

Сообщаю Вам, что Синодальной комиссией по канонизации святых рассмотрены материалы к канонизации в лике местночтимых святых Алма-атинской епархии приснопамятных епископа Семиреченского и Верненского Пимена (Белоликова) и схиархимандрита Севастиана (Фомина).

Учитывая подвижническую жизнь, страдания, исповедничество и мученичество епископа Пимена и схиархимандрита Севастиана, не встречается препятствий для их канонизации в лице местночтимых святых.

Вашему Высокопреосвященству благословляется совершить их канонизацию, Деяние о канонизации Нами утверждено.

С любовью,

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.

Приложения

I. Краткие биографические сведения. о епископе Семиреченском и Верненском Пимене

В миру – Петр Захариевич Белоликов. Родился 5/18 ноября 1879 года в семье священника Новгородской епархии.

Обучался в Кирилловском Духовном училище в 1889–1894 годах. Окончил Новгородскую Духовную Семинарию в 1900 году и Киевскую Духовную Академию в 1904 году со званием кандидата богословия.

В монашество пострижен 6 августа 1903 года митрополитом Киевским и Галицким Флавианом (Городецким). Тем же архипастырем был возведен в сан иеродиакона 24 августа 1903 года.

Рукоположен во иеромонаха летом 1904 года ректором Киевской Духовной Академии епископом Платоном (Рождественским).

Указом Святейшего Синода от 12 августа 1904 года определен членом Урмийской духовной миссии.

7 июля 1906 года назначен помощником начальника Урмийской миссии.

4 мая 1908 года награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

6 сентября 1908 года возведен в сан игумена с возложением палицы.

Указом от 3 марта 1911 года назначен ректором Александровской Духовной Семинарии в Ардоне.

Летом 1911 года возведен в сан архимандрита Преосвященным Агапитом (Вишневым), епископом Владикавказским и Моздокским.

6 мая 1912 года награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Указом от 25 июля 1912 года по собственному ходатайству вновь возвращен в Урмийскую миссию на прежнюю должность.

7 октября 1914 года назначен на должность ректора Пермской Духовной Семинарии.

6 мая 1915 года награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

7 июля 1916 года назначен начальником Урмийской духовной миссии с возведением в сан епископа.

6 августа 1916 года в Петрограде хиротонисан во епископа Салмасского.

2 октября 1916 года награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

3 июля 1917 года назначен епископом Семиреченским и Верненским, викарием Туркестанским.

11 октября 1917 года прибыл из Персии через Ташкент в кафедральный город Верный.

3 сентября 1918 года расстрелян в роще Баума, в восьми километрах от Верного.

Тайно погребен в северо-западной части городского парка вблизи кафедрального собора города Верного.

II. Сказание о славных делах Раббулы, епископа благословенного города Ургэй (Едессы)

Перевод с древнесирийского (арамейского) языка
архимандрита Пимена²¹³

Предисловие переводчика

Раббула, епископ Едесский, оставил о себе в истории светлую память. Он был приверженцем святителя Кирилла Александрийского, которому помогал в борьбе с несторианствами. За время от своего обращения из язычества он заявил о себе высоким подвижничеством и миссионерством, любовью к духовному просвещению и смелым свидетельствованием об истине Православия. Епископствовал он с 412 по 435 год.

Житие этого труженика веры и просвещения заслуживает внимания лиц, ищущих назидательного чтения, и представляет собою также интересную часть церковной истории и истории сирийского монашества.

Перевод Жития сделан с издания Павла Беджана (Акты мучеников и святых (398–470). Т. IV. Лейпциг. 1894). В объеме сего заключаются и некоторые памятники письменной деятельности самого Раббулы.

Цифрами (в круглых скобках) отмечается здесь начало страницы подлинника.

Братие! По ревности любви Христовой создаем пред вашею любовью посредством писаний образ превосходных дел епископа Раббулы, похвалы нашего города, чтобы он был для нас и для всех родов воодушевляющим знамением, чтобы нам подражать его добрым делам. Он на поприще праведности явился храбрым, и в жестокой борьбе с началами (чин ангелов злых) оказался победителем, и мудростью своею одолел хитрость диавола, и открыто презрел мир и его похоти, воинственно поправил силу противника, тело и страсти свои победил своим терпением, в состязании победил ненавидевшего его сатану, а тех, кого последний прельстил, обратил к истине; хитрые обольщения сладостных возбуждений греха победил острием своего терпения. Он тот, который помогал людям словами и приносил им пользу своими делами, и Ангелов возвеселил, и привел их в удивление своим постоянством, и Господа своего прославлял и величал своею

верою, и душою своею обрел и получил спасение. И почивал в нем Дух Божий в течение всей его жизни, пока не поднял он венца праведности за все подвиги своего смирения, когда, наконец, он удостоился от Бога желаемых им небесных благ. Итак, подобает нам этому славному своими именами по достоинству начертать вожделенное воспоминание, чтобы для нас и для всех веков образ его славных дел был воодушевляющим знамением, чтобы мы подражали в них ему, как и добродетельным и славным своими именами отцам. Они и в Ветхом и в Новом Завете возвышают образы своих добродетелей, как врачевства писаний, которые воплощены в Священном Писании.

Блаженный же тот Раббула был с детства язычником, ибо и отец его был язычником и жрецом. И нечестивый Юлиан чрез его именно руки предал свою душу бесам, когда отправился на войну с персами. Но мать его была верная [т.е. христианка]²¹⁴ и боролась с мужем, чтобы он обратился ко благочестию Христову. И постоянно она делала так, но не превозмогла силы воли этого огрубелого человека, чтобы он обратился к истине. И он всячески побуждал эту верную, но не достало его силы на то, чтобы свободу (ее, данную) во Иисусе, подчинить греху. И остался каждый из них при своем. И родился у них всеславный ревнитель Раббула, второй Иосия²¹⁵, если это сравнение, которое мы сделали, соответствует чести святого. Мать же поручила его кормилице верной (христианке), чтобы она вскормила его. И когда он вырос, то был выучен всем книгам греков как сын богатых и знатных людей их города Кынышрин (Орлиное гнездо). И мать его поспешила взять ему в жены верную (христианку). И хотя его супруга и мать умоляли его обратиться от язычества отца своего к вере Христовой, он не слушал их и возвышался в той почетной должности, которая была уделена ему от царя.

Звание же его было для него хорошим предлогом отправиться в свои деревни в сторону пустыни Кынышрин. В пределах одной из тех областей был один уединенный монастырь блаженного Авраама-затворника. И сообщили ему его слуги и жители той страны, что в том монастыре живут

чужеземные братья и руками их совершаются дивные чудеса – исцеления от Христа, Бога христиан. И когда он услышал об этом, это сообщение о знамениях поразило его слух и, как якорь, упало на его душу известие о тех славных делах. И когда по его сердцу пробежал огонь любви к поклоняемому имени Иисуса, его ум начал сомневаться в язычестве и скоро и с поспешностью устремил его под водительством Божиим к видению того блаженного, чтобы видеть ему силу чудес Иисуса, Которого он [прежде] ненавидел, подобно Павлу. Последним Он был сначала преследуем, но посредством... небесного голоса он вошел (в Церковь) и связан был игом креста, поклоняясь ему. И восхитил его Христос от иудейства к истине, как и Раббулу от язычества к христианству. И так как знамения по необходимости требуются для тех, которые не веруют (1Кор. 14: 22), (399) то Благий Владыка, Который заботился о рабе Своем, предварительно приготовил для него приманку ко спасению, как и для самарянки и Нафанаила, посредством того незначительного чуда, которым он уловлен был для спасения, и дал ему возможность встретить у всехвального Авраама одну женщину, плоть которой от сильной болезни в течение долгого времени отваливалась, а члены были расслаблены. И когда блаженный Раббула увидел это чудо [исцеления женщины], он отправился (оттуда), говоря про себя о том, что было, и под воздействием силы Христовой начал сомневаться в язычестве и в сердце своем говорил сам с собою, как (потом) он нам сообщил: «Если тебе смешно отречься от мерзких греческих богов и исповедать Богом Распятого, то смотри, что сделала сила креста в душе твоей через исцеление этой женщины, и обсуди это про себя».

И когда мать его увидела, что изменился цвет лица его, и от тех, которые были с ним, услышала о деле Божием, совершившемся пред его глазами, то от радости поспешила и отправилась к Евсевию, епископу ее города, и сообщила ему о деле своего сына, и он обрадовался, и, послав, привел его к себе, и много из книг толковал ему о Христе, и, полагая, что и от других будет полезна помощь его слову, встал поспешно, и повел его, и привел его к преподобному Акакию, епископу

города Халаба. Ибо они были братьями во Христе и вместе воспитывались в знаменитой церкви монастыря.

И когда Акакий услышал о причине их прихода, то весьма обрадовался, и (400) явилась у него любовь к Раббуле, и начал он говорить: «Сын мой! ты не можешь понять силы истины так, что она – истина, если не признаешь, что заблуждение есть то, что ты знаешь». Он же отвечал и сказал ему: «Как я могу признать заблуждением то, что я знаю, иначе как ту истину увижу во свете. Истинное и заблуждение не являются ли ясно (как таковые)?» Акакий же заметил столь сильную в нем перемену и сказал ему; «Ты можешь познать истину, но только если ты признаешь, что пока не знаешь ее». Раббула же сказал: «Это я признаю, что не знаю истины. Но это не исповедание истины, но извещение относительно заблуждения, что оно – заблуждение. И я желаю той самой истины, которую узнаю». Говорит ему Акакий: «Веруй во Господа Иисуса Христа, что Он есть Сын Бога и истина Его знает, как удержать тебя при Себе». Он же сказал: «На основании чего могу я исповедать Христа? Тот, к Которому я сознательно стремлюсь, не есть ли истинный и верный?» Говорит ему Евсевий: «Эта истина сама явится тебе, если ты упразднил себя от того, что ты знаешь, и возымеешь нужду в познании ее». Раббула говорит: «И как я могу забыть это, когда я не желаю и вспоминать сего?» Евсевий говорит: «Когда ты введешь и поселишь в душе своей постоянную память об Иисусе, увидят это в тебе постоянно воюющие против нас духи злобы и убегут от тебя, как тьма рассеивается пред лучами света».

И когда много было сказано между ними о вере, (401) он дал обет отправиться и помолиться на месте славных мучеников Космы и Дамиана. И отпустили его с молитвою и отправили его радуясь. И когда он стоял во храме, каждый видел его исповедание о том, что он был слеп и прозрел, и удивлялся силе креста; изумлялся же особенно тому чуду, которое Сам Бог сотворил в нем, – что открыл Господь уста его и он дал песнь новую, песнь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу. И раздал он там милостыню, размышляя о том, что видел и слышал. И обратился он в путь свой, унижая в душе своей то

заблуждение, которое было в нем доселе. Пришел же он к Акакию и открыл ему, как, когда он стоял и молился, воссиял Бог во устах его славу Свою и он исповедал пред Ним веру во Иисуса. Акакий, слыша, радовался его вере и сказал ему: «Сын мой! у всякого, в сердце которого прошел огонь любви к Богу, всякие страсти со всеми плевелами греха опаляются и сожигаются, и он седмерицею очищается от них и убеляется». И взяли опять его епископы Акакий и Евсевий в обитель святого Маркиана-затворника и к блаженному Аврааму, о котором я упомянул выше. И обильным словом укрепили они его помысл и дали ему возможность поселиться там. И признался им Раббула и сказал: «Так как я истинно возложил надежду на Господа и уверовал в Сына Божия, то я всего себя обещал Богу, и совершенно оставляю мир, и вполне последую Богу, и затворюсь подобно вам в монастыре. И этого я пожелал для себя, чтобы пойти (402) в Иерусалим, видеть Святую Землю и креститься во Иордане, где крестился для примера нам Христос». И когда услышали это отцы, возрадовались, и проводили его с молитвою, и отпустили.

И когда блаженный Раббула пришел в Иерусалим, то он помолился пред Голгофою со многими слезами и умилением. Зашел он и ко Гробу Господа нашего и в пещеру, где Он родился, взошел и на место Вознесения, дал милостыни бедным и оттуда сошел на Иордан. И тотчас известил он священников и произнес пред ними исповедание веры, и они помазали его и крестили. И тотчас, как он вышел из воды, полотно, которое было обернуто вокруг его тела, по обычаю духовно обручившихся Христу, явилось пред всеми сияющим со всех сторон от особенного лекарства – крови Христовой – в форме знамения креста. И все бывшие там, видя такое великое чудо, смотрели и изумились, и смутились, и объял их трепет. И с поспешностью они пали, и преклонились пред Богом в молитве, и славили Бога громким голосом за все чудеса, которые они увидели. Когда же он приобщился Святого Тела и Крови Господа и все было исполнено в Божественном Таинстве, он возвратился в свой город, радуясь о вере своей, веселясь в

надежде, ликуя в любви своей, будучи насыщен любовью своею, и возблагодарил благодать Божию.

Тотчас же, как только крестился блаженный Раббула, и отправился в свой город, и вошел в дом свой, поступил так, как было у него приготовлено по обету и как мудрый купец, который вышел (на поиски) хороших жемчужин, и, найдя (403) жемчужину своего упования, он пошел продал все, что у него было, и купил ее. Ибо свое золото, и серебро, и все, что он приобрел, он разделил нуждавшимся... и до святых и до бедных Ургэя достигли его милостыни. Именно он, по пророчеству, приготовил (все), чтобы получить достояние: ибо прежде всего были совершены Таинства Христовы, (потом добродетель святого) умоляла Его (Христа) залогом милостыни при посредстве бедных, как бы друзей Жениха, как и в прочих странах. Ибо он понял сам ясно, что забота об этом мире и попечение о богатстве, подобно плевелам и тернию, подавляют в невнимательной душе семя слова Божия и плода не дают. И поэтому он возревновал и отверг от себя все тяжелые узы богатства, чтобы легко возрастить втайне слово Божие, которое он воспринял, и дать плоды в тридцать, шестьдесят и в сто раз. И так он, радуясь, усвоил заповедь Господа нашего о том, что кто не оставит всего своего имения, не может быть Моим учеником (Лк. 14: 33), и усердно распределил и раздал все, что приобрел, бедным, чтобы правда его пребывала в век (2Кор. 9: 9. Пс. 111: 9). Кроме того, он продал и свои деревни, цену их тщательно распределил между нуждавшимися, чтобы руками их поместить в небесное сокровище свой залог и чтобы посредством благодеяний им его сокровища сохранились там. Опять же и рабов своих, родившихся в его доме и купленных за деньги, всех отпустил на свободу и каждого из них обеспечил и отпустил с миром. Некоторых из них он наставил и (404) научил и ввел в монастыри. И для благословенной матери своей он взял все, что она приобрела, радуясь, что приняла на себя иго Христа. Так же поступил он и со своей супругой. Сыновьям же своим, тогда еще детям, он преподал наставление и поселил их в обителях. Таким образом он освободился от всего, что он приобрел, чтобы приобретать имения Господу всяческих.

Когда же он по заповеди Господа нашего отлучил себя от матери своей и от жены, от сыновей и дочерей, от деревень своих и от всего имения своего, от пищи, и от рабов, и от друзей, и от всего, что он приобрел в мире, он взял по заповеди Господа нашего тайно крест свой и совершенно последовал Ему. И как только совлекся мира в своей жизни и всего, что в нем, с пламенным стремлением [к] истинной любви ко Христу он одиноко выступил в пустыню, чтобы и ему самому искувиться от диавола по примеру Господа нашего и встретить его нападения со страданиями от зверей, как (встречают) борцы в пустыне, и вступить в борьбу с природою и привычками своими, и сражаться с ними, как атлету, с началами и властями — с духами злобы изнутри и совне. Пошел же он и поселился в пустынном монастыре блаженного Авраама, о котором мы упоминали выше и который малым сиянием одного из своих чудес привлек вначале блаженного Раббулу, чтобы он из мрака язычества вышел к свету истины.

И когда он (Раббула) известное время прожил с ним (Авраамом-затворником) в великих подвигах, (405) он побудил того взять его с собою в малую обитель, чтобы в ней вести себя подобно усопшему. И послушался тот его просьбы и взял его в монастырь, и поселился с ним брат его и другие со славным по своему имени блаженным Евсевием, которого святой Раббула [позднее] сделал епископом в городе Тиле. Обитель же их, как и все монастыри, была подобием церкви апостолов, ибо все, что имели последние, было и в ней. Ибо долгое время они уходили на ночлег без пищи, радуясь. И в один из (тех) дней недостало в их монастыре хлеба, по обычаю. И когда он (Раббула) благодарил Господа своего, радуясь, что Он сподобил его претерпеть такие страдания, благодать послала им хлеба насущного на закате солнца. Но блаженный Раббула оказался удивительным и изумительным по силе своего ума. Ибо он увидел эту милость (Божью) и сказал: «Так как Бог призрел на мою немощь, по которой я не перенесу этих скорбей, то Он и сделал так, чтобы искушить меня». И в силу такого суждения он вечером взял и отдал эту пищу другим, и лег он голодным.

После же того, как он увидел, что народ начал собираться к нему как к человеку, который оставил мир и удалился в пустыню и возненавидел себя и возлюбил Бога, тогда, чтобы не быть затрудняемым пред ними в своем постоянном стремлении к праведности, он скрылся от них и перешел во внутреннюю пустыню, как поступил и блаженный Антоний. И нашел он (406) в земле небольшую расселину, в стороне от которой тек понемногу небольшой ручей воды. Занятия же его там были только следующие: постоянная молитва, и последование псалмов [т.е. чтение Псалтири], и чтение Писаний. Ибо таковы были верные правила, которые были обязательны для всех монастырей и для каждого, кто принадлежал Господу нашему. И ради того и произошло его удаление туда, чтобы его мысль о Боге совсем не отделялась от его души. Ибо лукавый возбудил там всякие многочисленные и разнообразные нападения на него, чтобы ими прельстился блаженный. И страшные пресмыкающиеся многочисленных видов вели с ним войну. Ибо он [лукавый] заставил ползать вокруг него и над ним для его [святого Раббулы] устрашения змей, и скорпионов, и змей ядовитых и отвратительных, чтобы он ужасался. И все они были побеждены силою знамения крестного. И когда сатана не одолевал его силы, он опрокидывал кувшин с водою, (взятою) из того небольшого ручейка, который только один и протекал для удовлетворения его нужды. И все это, посредством чего сатана жестоко боролся с ним, чтобы досадить ему было для его праведности многообразным побуждением (к тому), чтобы он усерднее успевал в молитве, и умолял, и с силою восклицал к Богу, чтобы Он спас его от всякого зла. Ибо он терпеливо совне и изнутри стоял храбро пред лукавым и со всякими добрыми чувствами против всех злых чувств готов был выйти навстречу и очистить себя от них, и, стоя на молитве, не удаляться от беседы с Богом. (407) И случилось, что разбойники – арабы – оказались идущими к нему. И обрадовался он, и подумал, что же наступило время его увенчания (мученического). Но они, увидя этого живого, как мертвого, в пустой расселине, посмеялись над ним и оставили его, взяв только хлеб и верхнее платье, и удалились. А он и за это

возблагодарил Господа своего, но удивился тому, что встретился с ними человек, который шел, чтобы доставить для его потребности милостыню – хлеб, и они его не обидели, так что в обоих (случаях) прославилось его терпение.

И когда он жил душою и телом в таких ангельских подвигах и помысл его находился пред Богом, подобно Ангелам в их небесном служении, жители его монастыря узнали, где и как он живет. Они пришли и с мольбою увели его к себе. Но так как в его сердце, как палящий огонь, было желание исповедничества, то он встал, взял блаженного Евсевия, и оба отправились в город язычников Ваал-Бек, и вошли они с божественной ревностью в капище идолов, чтобы сокрушить их и сподобиться мученичества. Ибо когда они пошли, у них не было надежды на то, что они возвратятся к жизни, но они отважились на это в надежде, что будут истязаться теми (язычниками), и те убьют их, и они сделаются мучениками. Однако их страдания были не меньше мученичества, избавились же они ради тех будущих дел, которые были для них уготованы Богом, чтобы они имели успех в епископском служении. Но их били без милосердия до тех пор, пока начали думать, что они умерли. (408). После же сего они [язычники] бросили их, как мертвые трупы, с большой высоты со многими уступами, и о последние бились они, когда двигались [падали] вместе. И (язычники) один другого теснил, бросая их, чтобы они протащились по всем ступеням, пока достигли земли. И возвратились они в свою обитель, радуясь, что сподобились ради Бога воспринять на свои тела язвы страстей Христовых, претерпели же смертные скорби, как хотели, но не умерли в мученичестве, как ожидали. По своей воле они были мучениками, как пожелали, но не достигли совершенства чрез одно только убиение, ибо многое еще было припасено для их увенчания.

О том, как блаженный Раббула стал епископом в городе Ургэй

Когда же скончался Мар-Диоген, епископ Ургэя, епископы и Акакий, епископ Халаба, собрались в Антиохию к патриарху Александру, чтобы подумать, кого поставить епископом в Ургэй. И убедил сердца их дух Иисусов, что Раббула достоин быть избранным туда, ибо Он желает его. И Дух, как о Давиде, так и о нем сказал устами священников: «Я нашел Раббулу, раба Моего, который достоин служения Моего. Елеем святости Моей помажу его вашими руками, рука Моя будет помогать ему, и мышца Моя укрепит его. И погублю пред ним врагов (409) истины и ненавидящих его сокрушу (как и исполнилось по пророчеству (Пс. 38: 1–2, 24), что он одолел дикость еретиков). Истина Моя и милость Моя с ним, и именем Моим вознесется рог его». Итак, на основании этого свидетельства, которое утвердил в их душах Дух Иисусов, они поспешно послали и извлекли его из обители, и ввели его в Антиохию, и сделали его епископом. А он не позволил себе говорить и упрашивать их, как многие, именно, что-де «я не могу выдержать и вынести тяжести власти». Ибо он не последовал примеру других, чтобы употреблять эти обычные выражения, посредством которых люди спорят, когда бывают и представляются поводы (как-то): «не принимаем (избрания), потому что не соответствуем (ему)». А этот Раббула был духовным, и принудил себя ни в чем не умолять своего сердца, и верно рассуждал обо всем в своей свободной душе, чтобы кто-нибудь не унизил его, помимо Бога, ибо он боялся спорить, думая: «Как бы мне не оказаться стоящим против Бога». Ибо он рассуждал об этом про себя и говорил: «Ни в чем и совсем не господствовало желание моего помысла, и мысль его (помысла; не запуталась в сердце моем. Несомненно я верую, что все это дело поистине принадлежит Богу и что Он так и благоволил, чтобы суровое иго власти и тяжелое Таинство Священства я нес в своей немощи. Да будет воля Его и да исполнится Его желание, ибо я (410) как повиновался Его слову и моя душа вышла из лукавого мира,

чтобы я сохранил Его заповеди, так и теперь я принимаю Его повеление, с верою и силою Его вступаю в мир только для того, чтобы исполнить Его волю».

Итак, когда Ургэй услышал весть о священстве его, что их [ургэйцев] пастырь – Раббула, тогда поспешили и с радостью вышли к нему навстречу и приняли его с миром. И тотчас же, как только он вошел и сел на престол священства и все собрание ургэйцев ликovalo своими голосами с великою честью, он сперва показал великую заботливость о славных чинопоследованиях церковного богослужения. Ведь если священники Израиля во временной скинии служили со страхом и благоговением, то насколько больше нам подобает служить со страхом и любовью в Церкви Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею (Деян. 20: 28). Перевел же он вернее, чем когда бы то ни было, с Премудростью Божиею, (бывшею) в нем, и Новый Завет с греческого на сирийский ради изменений, найденных в нем. А многочисленные серебряные сосуды, которые клирики вычеканили по усердию для богослужения для десяти трапез, он тотчас приказал продать, и цену их по справедливости распределил на помощь нуждающимся, и благостно умолял их, чтобы они пользовались глиняными сосудами. Потом опять убеждал церковь, чтобы богослужебные золотые и серебряные сосуды продать и цену их дать бедным, говоря, что для знающих ясно, что нет ничего особенно достойного чести от Бога в сосудах богослужебных, приготовленных из золота и серебра, но (411) в чистых сердцах почил Дух Божий и уничижением их унижается Его повеление. Но просьбою многих он был остановлен в исполнении этого, ибо эти (сосуды) были приношениями почивших прежних отцов, которые принесли их Богу за спасение душ своих.

И членов своего клира он увещевал, как отец своих сынов, и, как голова свои члены, он их убеждал и уговаривал с любовью, и говорил: «Вы знаете, братие, что, так как мы стоим вверху на почетной высоте священства и на нас взирает и нами руководится весь народ, который стоит внизу под нами, поэтому не будем ни одному человеку камнем претыкания и не положим пятна на наше служение и да будет совершена нами служба

Господу нашему, и не сделаем ничего такого, за что мы были бы унижены или в сердцах наших, или людьми, особенно же Богом, но во всем да покажем мы себя, что мы служители Бога во всем, что подобает Богу как сказал апостол: «И будем украшены всякою красотою, подобающе истинной праведности»²¹⁶. И образ действий дадим мы в своих лицах – свидетелях для видящих о том, что твердо наше обещание. Поэтому я прошу вас с миром и кротостью Христовою, чтобы, прежде всего вы были свободны от связи с женщинами, и пусть никто из вас вовеки не принуждается к тому, чтобы дочь брата или дочь сестры жила с ним, а если можно и нетяжело вам, то и мать и сестра (не жили с вами), как соответствует это вашей чистоте. Но особенно прислуживанием (412) мирских рабынь не позорьте вашей чести, но да будет почитаема свобода ваша братьями – соучастниками вашими в таинствах, как подобает святым, но служите друг другу, когда один из вас будет жить со своим товарищем, как подобает любви христианской. Совершенно же воздерживайтесь от мяса, и от птиц и от омовения в бане, за исключением необходимости в случае болезни или досаждения от боли.

Да не будет у вас заботы и в отношении к обыкновенным яствам для усиления питания тела, чтобы покой его не потряс вас срамотою страстей. Сребролюбие же и любовь к приобретению – это чуждое нашему образу (жизни) – пусть совершенно не именуются среди вас. И мягкие одежды, и одеяния разноцветные да не унижают чести вашего целомудрия. Но вместо этого пребывайте постоянно в посте, в молитве и в делах святых. И никто из вас пусть не предается обязанностям мирским или суду над людьми своего рода, но занимайтесь чтением священных книг. И не любите пустого безделия, и не блуждайте по улицам города праздно, и не будьте осуждаемы за пустые бесполезные разговоры подобно тем пустым (людям). Но будьте усердны в служении Церкви Божией и днем, и ночью, и во всякое время и во всех ваших поступках покажите внимательность к добрым делам, чтобы каждый человек из вашего вида убедился, что верно в ваших душах обещание Богу». И, как бы намереваясь ободрять их

своим словом, он свидетельствовал им, говоря, что если будете повиноваться и послушаете меня, то не только тук земли будете есть, (413) но наследуете и блага небесные; если же не покоритесь и будете враждовать, то и здесь от нас будете унижаемы пред глазами всякого человека и осуждению в геенну подвергнетесь, и пред Ангелами, и пред всеми мирами.

И так как они не повиновались добровольно его любви, то он силою подчинил их страху пред собою. Ибо он справедливо смирял гордых между ними, чтобы они покаялись, а кротким между ними он явно оказывал почтение, чтобы они утешались. А тех, которые позорно вели себя и надмевались над своими товарищами ради своего богатства, он сильно унизил и укротил, чтобы они трудились, а тех, которые свою жизнь проводили в подвигах добровольно или по причине бедности, но со всяким приличием и смиренно, он возвысил, возвеличил возлюбил и вверил им начальствование в Церкви. И усердно он заботился о тех, которые его рукою были избраны на степени священства из тех, что были совершенны во многих добродетелях, ибо он многое время трудился умом своим, чтобы при помощи рассмотрения найти верные сведения, которые удостоверяли его в людях, допущенных им к священству Христову. Ибо он был столь тверд силою своего ума, что свою десницу скорее отдал бы смело и без сожаления на отсечение, чем глумливо простереть ее над головою того человека, о котором он не получил истинного свидетельства, ибо он делом исполнял слово апостола и совершенно не следовал тому, чтобы скоро возложить руку на человека, чтобы не участвовать в чужих грехах (1Тим. 5: 22). Но тот, кто был свободен от болезней души и тела, допускался чрез руковоложение (414) к Святому Таинству Священства. И громким голосом он объявлял пред всею Церковью имена всех тех, которые хотели вступить в клир, свидетельствуя словом Божиим всем слышащим, чтобы они показали, если знают в тех что-либо противное Богу. Вместе с тем и тайно он разведывал о них, о всех делах. И от них самих требовал (настойчиво открыть) о себе, в чем, быть может, они несовершенны. Ибо поистине он взял на себя все заботы во всех отношениях, чтобы через его руку были приносимы Богу

люди без порока, как жертва избранная и как приятное приношение Авеля, первого священника. А ревность его была такова, чтобы, сколько возможно для человеческой природы, священники делались подобными Ангелам небесным в своей службе.

Постоянные же его увещания относительно мужчин, давших обет целомудрия, кто может пересказать? Ибо в течение всех тех лет его жизни, в которые он пробыл во священстве, именно 24-х лет, он не прекращал этого увещания. И нам недостаточно, если мы изобразим и передадим о его великой ревности в деле увещания со дня на день, ибо он и приводил свидетельства, и угрожал им, чтобы удалялись совершенно от беседы с женщинами, повелевал и объяснял им, чтобы они не ели мяса или, будучи здоровыми, не мылись (в бане), советовал им и убеждал их не обременяться делами мирскими, постановлял им и добрым словом убеждал их, чтобы не давали в долг денег на проценты или под залог, (415) чтобы они любили друг друга, и советовал им, чтобы каждый из них жил, если можно, со своим товарищем, увещевал их и упрашивал, чтобы были усердными в посте и постоянными в молитве, и побуждал их к тому, чтобы они сами во всем словами и делами показали, что они ученики Христа, заповедуя им словом своим, чтобы ни одеждою своею, ни обувью, ни стрижкою волос они не показались неприличными. И во всяком положении женщин он опять всегда увещевал их, чтобы их лица как невест Христовых никогда не открывались пред глазами людей из-под покрывала целомудрия на улицах, и чтобы вовсе никаким образом они не показывали и признаков роскоши, и ни одна из них не отправлялась иначе как вместе с многими женщинами в народ или куда нужно. И он желал, чтобы все дочери каждой диакониссы жили с нею осторожно, свято и целомудренно. Возможно было, конечно, и соглашение между многими (диакониссами), чтобы оно было охраняющим для всех их. Он же всяким способом побуждал себя вырывать людей у греха и делал их участниками праведности.

Ибо каков бывает решительный пастырь, который заботливо пасет свое стадо, такова была и ревность этого духовного

пастыря в отношении к тому словесному стаду, которое было передано ему от Бога. Ведь он боялся, что хотя немного успокоится от забот о них, (416) и тогда, при его заботливости только о себе, погибнет и пропадет хоть одна душа из его народа. И со многим вниманием он стоял на страже во всякое время, и молился за нее [душу], и тревожился в мысли своей, как бы не было в ней чего-либо злого, тайно или явно, ибо он с любовью положил себе, чтобы его стадо по возможности творило добро, а он сам пред ним был бы добровольно уничтоженным. В великом труде ради него [своего стада] и в молитве к Богу трудился он во всякое время, пася его духовными наставлениями на златном луге Священных Писаний (Пс. 22); и как бы из приятной долины – учения Божественного – он со всяким усердием поил его живыми словами, предостерегая угрозами сильных, исцеляя утешениями немощных и поддерживая слабых отрадными словами, чтобы когда-нибудь кто-либо в его пастве чрез пренебрежение его чем-нибудь не впал в заблуждение. Ибо душа его была уверена в благой надежде, которая была сохранена ему в воздаяние за его труды по свидетельству Бога, которое Он сказал тому, у кого были таланты: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25: 21).

Много (можно бы) говорить о полезных наставлениях его к священникам сел, насельникам монастырей и давшим обеты. Но по силе нашей мы обозначим кое-что из этого и для них. Ибо его слово постоянно было по благодати Божией как бы приправлено солью (Кол. 4: 6) (417) и могло подать благодать тем, которые принимали его с верою. Ибо для его слушателей слово его было удостоверено самым видом дел его, а поступки, и дела его, и слова его приносили пользу каждому человеку при посредстве его зрения и слуха и принимались каждым человеком как истинные свидетели. Но его слово было страшно своим обличением, почтенно своим устрашением и любезно увещанием и по своему влиянию было благотворно для слушателей, ибо от избытка сердца говорили его уста, и они побуждали каждого человека к чистоте в делах. Он старался не

о том, чтобы запутать кого-либо словом, но только чтобы как-нибудь человек обратился к Богу от своих злых дел к делам правды. Не было так, что по невежеству его словам его недоставало этого или другого, но он заботился только о том, чтобы они были полезны и благотворны для людей. Ведь он совсем не стремился к тому, чтобы при изъяснении (Писания) трудиться над украшением хитросплетенных слов: он говорил в церкви, как другие, более низкие, чем сами слушатели, (говорил) не для того, чтобы показать обилие своей мудрости и получить славу себе, но заботился он о том, чтобы острым словом своим обрезать сердца своих слушателей от зла и обратить их к добру, и стремился к тому, чтобы не унижалась ими слава Божия. И как громкий голос пророка Иеремии вооружался толкованиями, так (418), подобно трубе, и он восклицал во уши народа, чтобы удержать его от беззаконий и грехов, которые рождает слабость.

Еще он угрожал и тем, которые страстно спешили смотреть на позорные открытые зрелища, какие бывали в театрах и цирках. Отвратительные же зрелища зубастых зверей, которые проливали кровь людей на арене, он совершенно упразднил своим властным повелением, праведно угрожая и говоря. «Совершенно да не будет в городе верных того, чтобы люди, которые с верою вкушают Тело Бога и пьют Его Кровь, видели плоть человека, как она преступно съедается лютыми животными на представлении». И он показывал им посредством слова раны от грехов, которые, по причине невнимательности людей, преданных удовольствиям, владычествовали над их душами. И как Тот, Который из любви к ним [людям], был поносим за них, так поистине страдал и он за тех которые весьма зло поступали в своем непослушании, даже до потери своего спасения. В убеждении народа обратиться от злых дел его не было с его стороны небрежностью то, что он, увещевая, говорил только как бы для того, чтобы избавить душу свою, но (это было), чтобы исполнилось на нем то, что Богом изречено было через уста пророка: «Если изведешь честное из недостойного, то будешь как Мои уста» (Иер. 15, 19). Так он трудился из всей силы своей.

Относительно же его речей к тем, которые, несмотря на обеты девства и святости, (419) были поражаемы язвами грехов, нам достаточно повторить только следующее: страдания от печали сердца его о них досаждали его душе. Или если кто из совершенных, укрепившихся в своем поведении, кто слушался его и заболел каким-нибудь из худых дел, то не был ли он (Раббула) вместе с тем из-за него в страдании и не болел ли он ради того? Или о ком из соединившихся со Христом, когда о том доходил до него (Раббулы) слух, что он согрешил против своего обета или соблазнился в вере своей, не горел он скорбью, как огнем? Ибо всегда он был опытный целитель, мудрый в отношении ко всем различным их поступкам, от которых скорбями болели души. Бывало, когда милостивым наказанием, какое было необходимо для унижения отступления, он, как острым железом, обрезал порчу нарыва; бывало и то, что словесными угрозами, которые были достаточны для наказания преступления, он, как бы целебными кореньями, врачевал силу скорби, чтобы побудить того покаяться и помочь ему; бывало еще, когда мирными увещаниями посредством добрых слов, которые возвышают святость обличений учащего, как бы прохлаждающими лекарствами, он врачевал горечь страдания, чтобы подкрепить и дать назидание. Ибо его заботливость во всех отношениях была такова, что они каялись ради одного только исправления путем покаяния благодаря ревности его о научении души с целью ее обращения. Так во многом из этого он постоянно обнаруживал заботливость свою о своей пастве. (420) Ибо он поистине боялся праведного осуждения, которое определено в грозных обетованиях Бога о тех пастырях, которые при невнимании к своим паствам показывают усердие к самим себе. И как тот, кто действительно верил в Справедливый Суд, готовый быть впоследствии (у Бога) с пастырями, по слову Господа нашего, которое свидетельствует им, что кому дано много, много и потребуетсся с того (Лк. 12, 48), так и он от (всего) сердца заботился изо всей силы, словом или делом, вовремя или не вовремя увещевать, учить, устрашать всякого человека во всякой заповеди, хотя природной силы его [Раббулы] не доставало для решительности

его воли. Ибо сильнее была его добрая воля, чем сила его природы, и свидетельствовала (об этом совесть верных).

Добродетельные деяния самого епископа Раббулы, в которых выражалось постоянное его поведение

Итак, во всякое время он ясно подвизался в великом посте, хотя и его терпение было совершенным постом. Ибо он не только совсем не давал места послаблению в своей душе, чтобы пользоваться разными кушаниями, но и во время вкушения пищи он не обращал внимания на силу голода, чтобы не насытиться. Ибо до его желудка достигали хлеб в количестве трех унций вместе с неизысканною пустою похлебкою, тогда как он воздерживался и от масла и от вина. Ведь с того дня, как на нем было нареченно имя Христово, (421) ничем он не побуждался повиноваться тому, чтобы утолить свой голод. Он ведь постоянно терпеливо вел войну со всеми нашими похотями, и... во всякое время он был высок и еще более возвышался победами над этими слабыми страданиями, укрощающими сильных, находясь в суровом подчинении нужде, которая выше их. Ибо для каждого человека пост имеет укрощающее значение, когда он чужд гордости, и он сам по себе приучался к умеренности в пище.

Ибо многочисленные приношения различных снедей, которые делались ему многими в той уверенности, что он воспользуется ими, он, соглашаясь принять их, отсылал их больным и слабым в странноприимнице и тем, которые подвизались в болезнях в отдаленном отшельническом монастыре. Вся же незначительная наличность [для] его жалкой трапезы состояла в следующем: в стеклянной тарелке и глиняной чашке с деревянною ложкою.

Тому же самому он научал, сообразно их силе, и живущих в его доме, чтобы они воплотили в себе подобие его добродетелей. И они по воле своей старались (об этом), ибо в постоянных бдениях с псалмами и молитвами они проводили большую часть ночей вместе с ним самим, тогда как все дни они трудились в делах, [помогая] обиженным, и в чтении пред ним. Они ежедневно постились с ним, для них достаточно было в качестве двух блюд употребление бобов и зелени. (422) Этому

соответствовал и бледный цвет, которым они вместе с ним украшали, и свои лица, так чтобы он (цвет) видом своим свидетельствовал об образе их жизни. Ибо, как люди [как у людей], которые питались от одного недостаточного [скудного] стола, лица их были окрашены в бледный (зеленоватый) цвет. Он старался суровые подвиги монашеской жизни усугубить и епископским служением, ибо дарование духа священства было в нем участником, помогавшим всем добрым делам его. Но удивительно было и то, что из людей, которые были с ним в обители в продолжение двадцати четырех лет, никто не мог за столь долгий период времени подчинить его тому ярму, чтобы легко входить к нему по сравнению с обычным порядком (приема) или говорить с ним попросту, но с каждым днем прибавлялся страх к их страху пред ним, и как [у] того, кто только что начал входить к нему, и их мысль в смущении трепетала пред ним. Они страшились его не как сурового и страшного, но стеснялись его как ученого и серьезного. Не было (так), чтобы только пред их глазами не находила места его свобода в чем-либо малом, но и по совести их совсем не было для его воли предлога к тому, чтобы они соприкасались с ним. Ибо он был таков, что в душе своей страдал оттого, что ненавидел, насколько же более пред лицом каждого человека он был и скромн, и серьезн, и страшен, и в то же время любезн.

(423) Те же самые насельники его обители со всем его клиром обязаны были у него словом Божиим (к тому), чтобы не принимать от кого-либо совершенно ничего лично в качестве взятки или подарка, равно как и всех священников, (бывших) под его властью, он побуждал наказанием запрещения чтобы они не смели совершенно ничего приносить никому из его людей или из клира. «Если же под именем благословения приносят взятку, – [говорил епископ Раббула], – то нам, которые чувствуем себя ими, подобает отдать им (ее), если же тот подарок есть насмешка, то нам прилично почитать то, что есть власть. Если же этот дар – дар насилию, то нам нужно отдалиться от тех, хотя мы и получаем помощь от них. Итак, во всех

отношениях мы те, которые обязаны давать, а не брать (Деян. 20:35)».

А кто из монахов подражал большей части его бедности? Ибо в мысли своей он был начальным, постоянною одеждою его была шерстяная рубашка и скромная накидка. Ибо во время церковной службы зимою он надевал одно покрывало с капюшоном, которое приобрел, и один плащ летом. Тощая же подстилка на его ложе состояла только из следующего: постельного покрывала, простыни и маленькой подушки, сделанной из нужного количества травы, под голову его.

О распределении же молитвы его пред Богом (известно, что) для него не были достаточными определенные времена для богослужения. Поэтому он отделял иногда седмицу дней (424) на постоянную молитву и самого себя заключал в темницу монастыря от разговора народа, скрываясь от лицезрения и жителей своей келлии, и отставал от чтения, чтобы в удалении от голоса и шума людей, в спокойной тишине мыслей ум его вполне был собран у него, и помысел его возбуждался бы воспоминанием о Господе его, и разум согревался бы духом Бога его и чтобы молитва в его уединении была полезна ему, как, приятная жертва его чистого прошения устремлялась бы к Господу в месте его тайного пребывания, когда он принял на руки своего ума память грехов мира, чтобы от Него получить очищение грехов их [живущих в мире] по неизреченной милости Его.

Но в этой тайной тишине в течение немногих дней его молитвы кто умел поведать об удивительных изменениях, которые обновлялись в его помысле от Духа Божия, кроме таких же совершенных, как он, которые научались скрытым тайнам молитвы? Может быть, им легко было понять от вкушения слов его таинственные знамения, которые в сердце его совершались благодатью Божией. И как поистине вкушающие любви Божией опять алчут ее и пьющие ее опять жаждут ее, тем более он добрым пожеланием любви к Богу побуждался к тому, чтобы на сорок дней в году оставлять город и необходимые дела, и пламенно устремляться, и удаляться, и поселяться в монастыре в пустыне Кынышрин, чтобы там умолять молитвою и (425)

воздыхать с силою (о том), чтобы возвратились к нему прошения его. И всякий раз, как он стоял на молитве пред Богом во главе народа, пока он не поднимался с коленопреклонения, глаза его от плача с воздыханием совершенно не успокаивались. А обилие его слезоточения достаточно было и для того, чтобы преступные люди и чуждые любви страдали при виде того, как, они (слезы) текли, чтобы спускаться из глаз его на грудь, когда он сидел на престоле во время богослужения. Ибо в страхе пред славою Его, как подобает естеству человеческому, и с дерзновением истинной любви по воле Бога он благоразумно священнодействовал пред Ним.

Итак, при таком небесном поведении этого ангела во плоти сообщались больным по силе его молитвы различные и многочисленные воспомоществования исцеления и вера его прогоняла от человека жестокие язвы, (происходившие) от злых духов. Слова же его своими действиями доказывали знающим, что, когда он справедливо гневался на человека или благоразумно подавал совет, Бог обращался [вместе] с ним. И в силу такого страха (пред ним) Достаточно было только имени его молитвы, чтобы тяжба между человеком и его товарищем разрешалась миром. Сколько раз народ в возбуждении веры и него добровольно разрывал его одежды и передавали один другому их как святыни (милость), чтобы было передано благословение на многих из них при посредстве его одежд. Кроме того, многие из горожан и живших под его управлением, поскольку имя Раббулы было почтенно, (426) нарекали его с верою для благословения своим сыновьям и дочерям.

Паства его укрывалась под крыльями его имени и молитв, чтобы быть защищенной, и молилась о полном его здоровье, чтобы он прожил долгую жизнь. Он ведь был твердою стеною, так что его власть крепко охватывала всех. Ни в одном из дел он не подчинялся хитрости врага. И те, которые жили в пределах его крепости, благочинно управлялись в тишине и мире и в надежде на него. Ибо он властно запрещал человеку грабеж, насилие или месть без милости. Ибо кто смел бы обобрать убогого, или обидеть бедного, или притеснять

ближнего и не проявилась бы на нем для научения его Правда Божия, благодаря ревности его (Раббулы)? Ибо богач, который злобно поступал с бедным, только при воспоминании о нем (Раббуле) устрасался и обличался. И муж, который обижал в счете того, кто был меньше его, из страха пред его именем стыдился и боялся. Ибо всякий человек в верной мысли своей спешил решить дело свое с ближним, чтобы не быть униженным от него на суде. Ибо алчные уста несправедливых людей были связываемы уздою правды его, чтобы они не дерзали открыто на беззаконие обиды над меньшими, и хищные грабительские руки человека скручивались узами его справедливости, чтобы напряжением сил их он не повредил слабым. Ибо кто (427) из знатных людей города или из тех, которые, чтобы злодействовать, получали убежище в почтенных домах людей, имеющих власть, поднимал голову смою и надменно кричал не тотчас был попираем пятою истины, чтобы раскаялся в том, что дерзнул? Или кого из этих судей, которые во дни его задумывали преступить его слово не постигал скоро суд Божий наказанием, чтобы он пострадал за то, что преступил? Или кто между содержащими власть, которые превозносились над его смирением, не постигала быстро Правда Божия, «чтобы он покаялся в грехе своем? Ибо все сироты и вдовы, бывшие под его властью, в надежде на него стремились (к нему), как в тихую пристань, чтобы в своем прибежище, которое у него, не быть напрасно поврежденными высокими волнами преступных грабителей. Им во дни его люди из служивших в войске не только побуждались к страху пред ним, вместо того чтобы обижать ремесленника или притеснять деревенских жителей, но и к тому чтобы почитать тот образ Христа, в который он был облечен. Сколько не презрен он был на вид, но они покорялись ему силою его скромности.

Ибо так Бог водворял страх и любовь к Себе в каждом человеке, [что] многие из страха и стыда (пред Ним) очистились от множества грехов ради него (Раббулы). Ибо трудно было (428) чтобы под его властью нашелся человек из мирян, который дерзнул бы беспечно нарушить порядок брака, то есть он (Раббула) не позволял, чтобы один взял двух сестер, имея

сыновей от первой умершей жены, или он совсем не позволял, чтобы кто-нибудь взял в жены себе дочь брата или дочь сестры своей, в особенности же, чтобы человек оставил жену по какой либо причине. Этого не могло быть совсем, когда он обращал внимание. Ибо он не допускал, чтобы делалось что-либо помимо воли Божией, что для слуха его было доказано. Но сколько раз было достаточно и страшно упоминание о Божественной ревности его, чтобы преступная сила готовившихся злодейств предварительно обличалась многими, чтобы они не были совершены. Ибо кто из бесчестных в его дни отважился бы поднимать бесстыдно свои взор, чтобы посмотреть на красивое лицо стыдливости? Потому что если бы такому было напомнено о святости этого преподобного, то поколебались бы земля под ним и небо над ним и, благодаря такому охлаждению, тело у него смирилось бы и успокоилось. Или какой из учеников Христа надел бы тонкие и расшитые одежды, чтобы в них с честью и гордо показаться на улицах города, и не стыдился бы сам в себе... видя почтенность его, именно с каким смиренным видом он стоял во главе народа? Или кто из корыстолюбивых, подчиненных злему господству (429) похоти чрева, вспомнил бы трапезу этого целомудренного мужа, которая совсем не утоляла его голода, и осмелился бы жадно есть и бесчинно пить? Ибо страх пред ним укреплял людей и чистота, которая была у него, охраняла их. Кто еще из сребролюбивых, которые губили жизнь свою в суете, правильно понял бы этого домоправителя Божия, ибо, откуда в один год благодать рукою его разделила для бедных семь тысяч дариков²¹⁷, как не от обычая его сослуживцев и подписки всех горожан, и не осудил бы и не обвинил бы себя, и не возненавидел бы свой порок, и не устремился бы [к покаянию], и не принял бы участия в милостынных подаяниях в подражание этому праведнику, который подражал всем милосердным делам Бога? А в течение всех лет своей жизни он не согласился строить что-либо на земле, кроме только половины северной стены в храме церковной общины в городе, ибо он был вынужден [делать это] силою повреждения, которое было в ней, и она была устроена в течение немногих дней. Мы

живем, конечно, от бедных (говорю) как на праведном суде, и не было так, чтобы они получали уход от нас (говорю), как по Правде Божией. Ибо для вспомоществования сиротам, и вдовам, и нуждающимся эта церковь наследовала то, что приобретала от верных людей. И нам, руководителям было дано право пользоваться от него попросту известным количеством на нужды нашего тела, как и остальной части бедных, только (430) по правильному обсуждению, а не по воле нашего тела, которое желает чего-либо, что причиняет вред нашему духу.

Много (можно) говорить о мудрости его ума и о ясности его понимания, как он постигал и дела каждого человека из его слов, потому что исполнялся Духом Божиим. И не могли быть обманы, которые скрыли бы лицо истины, чтобы ввести его в заблуждение лжецами, ибо от духа Премудрости Божией, которая была в нем, смущался ум тех, которые судились пред ним, так что они, когда их речь обуздывалась страхом, не желая, говорили истину устами своими. И от многих он требовал свидетеля для осуждения обвиняемого, но ему самому достаточно было войти в расследование того, кто виновен и кто прав, чтобы от него не произошло несправедливого суда, но по правде. Ибо, как он мыслью своею обходил (обследовал) мысли людей, так он и стоял при исследовании тайного, чтобы узнать истинное. Ибо в весьма большой мере даны были ему от Бога, как Соломону, премудрость, и понимание, и величие сердца, ибо не было предела мере его справедливости, насколько властно она гневалась на презрителей, усиливавшихся в своей гордости совершать беззакония против меньших, как не было и меры богатству его благодати, насколько много она разливалась на бедных, на их тело и дух, чтобы они прославились терпением своим в горниле (431) бедности... Он был второй Моисей в своем веке и в свое время, который своею праведною ревностью унижал и ненавидел виновных, и кротость его разума уничижала и презирала гордых.

Но не было (так), что в этом одном он уподоблялся Моисею, но он подражал ему во всем. А в упорных войнах со множеством религий он уподобился Иисусу Навину, особенно же

ревности Иосии. Ибо и ему было сказано от Господа его: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь» (Нав. 1, 9). Ибо подобно тому, как нашли Иисус Навин и Иосия землю Ханаанскую, которая заросла всякими плевелами язычества, так и он нашел всю землю Ургэй[скую], которая была заполнена всякими плевелами греха, ибо в Ургэе особенно успевало злое учение Вардейсана, пока оно не было осуждено и побеждено им. Ибо этот проклятый Вардейсан предупредил и посредством хитрости и сладости своих гимнов удерживал при себе всех знатных людей города, чтобы за ними укрываться, как за крепкими стенами. Ведь безумец, заблуждаясь и вводя в заблуждение тех, которые были с ним, полагал, что при посредстве слабой силы людей, получивших его помощь, он мог твердо поставить свое заблуждение.

(432) А этот мудрый пахарь земли сердца успел не только в том, чтобы выполоть из земли неудобные плевелы и оставить растущую пшеницу, ибо это было легко, но он постарался при помощи своей премудрости и эти плевелы изменить в пшеницу: ведь это самое и было необходимо. Итак, вместо страшного голоса труб Иисуса²¹⁸ и бывших с ним, который они испустили у стен Иерихона, и они обрушились, и который сокрушил людей, и скот их с закланием предал Господу, этот военачальник славной силы Христа тихим и полным любви голосом мог силою своего Бога спокойно сокрушить дом их собрания, принять все их сокровище и ввести его в церковь, и даже взять и камни их (дома) для употребления. Но этих людей, о которых у него была вся забота, он умолял благостно, и покорил в тишине, и обратил к совершенной истине Церкви апостолов, когда они отрекались и проклинали свое заблуждение. И тогда он окрестил их во Христа и сделал их участниками своего богослужения, и, таким образом, он победил своим учением множество верований и покорил их Истине. И тысячи иудеев и десятки тысяч еретиков он окрестил во Христа за все годы своего священства.

Тем же оружием духа, в которое он одевался, он смог и ариан покорить истине о Вышней Троице. Ибо он разрушил дом их молитвы и их приблизил к себе, когда они воздали (все)

вместе одинаковую славу Единому Естеству и (433) Трем Лицам, Отцу и Сыну и Святому Духу. Относительно же последователей Маркиона я могу хоть немного показать его ревность, какова она была. Так эту скверную язву рака заблуждения маркионитов этот великий врач, славнейший из всех по своей ревности, исцелил с помощью Божией посредством терпеливости в отношении к ним, ибо Бог вселил в них страх пред святым Раббулой, и они приняли истину верно, отрекшись от своего заблуждения. Также с Премудростью Божиею он приводил и безумных манихеев в серьезное понимание ясного знания. Поэтому они исповедались, как он желал, и уверовали в Истину, и крестились во Христа, и были присоединены к его народу. Относительно еще постыдного заблуждения и скверного предания варваров (известно), что, где он мог, поселял их в монастыри с великою милостью на все время их жизни, ибо многочисленно было безумие их, отвратительно их нечистое учение для чистых уст, чтобы высказать его чистым ушам. Поэтому он и определял им, чтобы они более не находились под его властью. В отношении же к иудеям и саддукеям-еретикам, которые отделяли себя от смешения с Церковью, как отлученные от Истины, и произвели для самих себя ложное священство, наподобие истинного, заблудившись под влиянием бреда от своих видений и ослепнув в отношении Истины, сообразно с этим и действовал в отношении к ним этот истинный пастырь, заботливый о своей пастве: синагогу их он рассеял, (434) и церковь их, которую они украшали, сделал для них чужою, и их изгнал от нее, и поселил вместо них братьев из Арзан, и тех из них, которые покалялись, включил в свое стадо. Опять наподобие этого он показал заботливость и об еретиках-мессалианах: так он и их приблизил к себе и умолял [жить] во Христе, и они приняли [его слово] с радостью, отрекшись от своего заблуждения. Еще заботился этот истинный пастырь о том, чтобы уподобиться милостями Отцу небесному по совершенной любви своей к Богу, и одинаково делами обнаруживал свою заботливость о добрых и злых. Поэтому он не отказывался и от грубого народа сынов Израилевых, но всегда из его дел было видно много ревности о

них. Ибо он не только не отлучил их от участия в милостынях благодати, но и многие из них каждый год радостно повиновались, чтобы принять знамение спасения в Крещении Христовом под влиянием его постоянного увещания к ним.

А после того, как блаженный Раббула сокрушил щитом веры стрелы и луки ненавистников истины и победил врага правды оружием Бога, которое он держал, и после того, как он поприанием при посредстве истины поразил в голову все произрастания заблуждений, и лекарством своего учения очистил скверные язвы хулений неверных (435), и сделал всю свою паству одним целым Телом совершенного Человека, и приблизил ее к себе, чтобы она немного успокоилась и отдохнула, сверх выгод, которые он взял в столкновениях своих с ложными учениями, он присовокупил и заботу особенно о себе и о последователях его веры, особенно о тех, в которых было совершенство, предостерегая, наставляя и побуждая их к тому, чтобы ими непременно были приобретены небесные выгоды от дел праведности, пока мы находимся в мире, чтобы нашелся для нас при добром конце тот истинный руководитель, при помощи которого мы достигнем с утехой Царствия Божия.

Когда он так наставлял и побуждал к этому и словом и делом, ревновал во многом и о тех, и о других, (возрос) один горький корень, о котором говорят истинные (люди), узнавшие его: «Огонь страсти поел ветви его юности, пока он не состарился, не пришел в ветхость и не истлел от смерти; и сгнило слабое тело его и сделалось сором в земле». Итак, от этого-то самого [корня] вышел дух клеветы и произошел один проклятый Несторий, злой ученик того Феодора. И (последний) дал в уста его убийственные плоды ослепляющие тайною смертью. Так, он поспешил принять проклятое семя из учения того и от общения с ним. И оттого, что он унижал (в себе) страх перед людьми, он был задавлен землею своего сердца, злого и скрытного. Когда же под одним предлогом он присвоил себе высокий престол архиерейства в столице царства, этот безумец думал в гордости своей (436) при посредстве суровой силы своей власти и с помощью вельмож государства легко обратить всякого человека к своим хулениям. И оттоле он дерзнул

говорить обидные слова на Вышнего и на Родившую Его наводил извращенное. Но я трепещу, хотя и памятен хулы того, кто осмеливался говорить, что «Блаженная Мария – не богородица, а человекородица. Ибо если Мария родила Сына, и Елизавета родила Духа Святого». И не вострепетал упорный пред презрением своего сердца, хотя исходил из изречения апостола, который говорил: «Посла Бог Сына Своего едиnorodного, раждаемого от Жены, бываема под законом» (Гал. 4: 4). Но он в своей гордости осмелился (говорить), что «для Сына в Иисусе было только жилище, как и для Святого Духа в Иоанне». И еще: «раб, который был рожден от жены, претерпел по природе то, что случилось с ним, а Сын, Который обитал в нем, творил чудеса какие хотел». Но не будем повторять заблуждения того проклятого. Довольно того, что мы поведем понимающим всю величину его преступления. Ибо он так издевался над своим спасением, что дерзал показывать в ясных выражениях своих речей двух различных сынов: одного по естеству и одного по благодати.

Итак, когда достигли слуха этого преподобного те хуления, которые произносил упрямец, сердце его изумилось и вострепетало, ибо он предварительно понял Премудростью Божиею, что была в нем, какой ненавистный вред быстро вошел в паству Христову через того вводителя (437) мерзости. И оттоле он присовокупил говорить о заблуждении его, показывая слова его, как и дело, на основании истинного свидетельства Божественных книг, что Святая Мария есть истинно Богородица. Ибо вот пророк Исаия взывает, что Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог (Ис. 7: 14, Мф. 1: 23). И вот Варух проповедует, что Бог наш явился на земле и обращался между людьми (Вар. 3: 38). Вот и апостол Павел запечатлевает слова пророков и исповедует рождество Господа своего, Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим (Рим. 1: 3–4). Вот и Иоанн изъясняет в благовествовании: «Слово стало плотью, и обитало с нами, и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Ибо он говорил: «В начале было Слово» (Ин. 1: 1) и «Слово стало плотью», тогда как Его

естество совсем не изменилось, но Тот Господь всех воспринял подобие раба, сделавшись совершенным Человеком, не потеряв того, что было Богом, но сохранив единство Своего Божества и человечества в двух естествах и в одном Лице вечного Сына, как Он был и сперва невоплотившимся, ибо так и пострадал по воле Своей Тот, Кому невозможно пострадать естеством. Посему Он умер телом и ожил духом и возвестил душам, которые содержались в аде, и тогда воскрес во славе Отца Своего и вознесся на Небо (1Пет. 3: 18–19), (438) место, в котором Он был изначально и будет вовеки. Так эти духовные стрелы, которые блаженный отец натягивал и пускал из лука своей веры при помощи крепкой тетивы своего языка, хотя входили... в сердце народа без боли и назидали его, но они ударяли в сердце и того, кто был против него, чтобы он пострадал и покался.

Но в то же время приглашение его (Раббулы) [в Константинополь] было прекрасным предлогом к тому, чтобы и там он возвысился и ясно обличил древнее заблуждение нового иудея, пока последний при посредстве священства украшался презренными деньгами и пока еще он воодушевлялся горделивостью надменности и восседал на высоком престоле власти. Лицом к лицу пред всею Церковью, когда она собралась, громким голосом без стеснения он (Раббула) верно проповедовал слово истины, исправляя извращенность учения того лжеца на истинное исповедание своей веры. Но мы готовы по просьбе многих и на помощь всякому человеку написать после нашей речи о нем и ту речь, которую произнес блаженный в уши властителя в Великой церкви Константинополя, чтобы ясно было видно каждому и поверилось, какое великое дерзновение приобретало его слово со властью от великого свидетельства его чистой совести. Ибо он не нерадел о том, чтобы обнаружить заблуждение того [еретика] и исповедать свою истину и христоролюбивым и верным царям (439), и всем вельможам, держащим власть, которые с любовью и с многим почтением приняли его, как ангела Божия и как последнего из апостолов, и от пыла любви своей к нему дерзали любовно и с верою лобызать руки его, чтобы получить благословение от него

и сделаться лучшими. Ибо такова была прекрасная слава его добродетели по Боге. Он и издали побуждал их к добрым делам, так что сколько раз они и многие из них... посылали ему для ухода за бедными многие тысячи золота. Насколько более наполняло их выгодами родственное усердие видеть его, и вожделенный разговор его с ними при посредстве увещания его побуждал их ко всяким добрым делам. И он принимал с радостью золото, которое посылалось ими издалека. И когда приносили ему лично цари и почтенные люди множество золота, и украшения, и одежды и просили его принять их пожертвования, он страшился, говоря: «Когда совсем обнаружались дела, которые заставили меня взойти сюда, как бы не подумалось им, что я искал себе одежды, выпрошенной (у других), в которой я показался бы им и взял бы у них дар». В силу этого самого, что он не уничижался никем за что-либо и совсем не отдавал в залог своей свободы, он особенно почтенен был в их глазах и заслуживал доверия.

Таковыми делами, о которых мы предварительно сказали, он обличил Нестория, (440) и обнаружил его заблуждение, и свидетельствовал от себя пред народом, и показывал свою веру истинную, и умолял царей, и просвещал (их) своею истиною, и назидал вельмож, и утверждал их в своем учении, и щедро словами и делами помогал всем, которые видели его в городах, в которые восходил (идя в Константинополь) и нисходил (возвращаясь), пока достиг среди дел милости своего города. Но он оставался там, пока постоянно боролось с ним новое преступление того [еретика], пока оный добрый пастырь страдал за свое стадо, бодрствовал над ним верным суждением при помощи верных и святых епископов, южных и западных²¹⁹. Они под руководством Святого Духа отсеки и извергли его [Нестория] из священного чина²²⁰, сохраняя (в памяти) Праведный Суд Божий, на котором он даст ответ с теми, которые предались ему.

Но так как нельзя, чтобы в длинной истории я показал борьбу отца нашего с этим заблуждением или еще краткими словами исследовал труд блаженного ради истинной веры Церкви, то достаточны те сорок шесть посланий, которые он

написал иереям, и царям, и вельможам, и насельникам монастырей. Их, если поможет благодать, мы потрудимся, чтобы перевести с греческого на сирийский, чтобы они показали тем, которые встречаются с ними, какая ревность по Боге (441) жгла его и пламенела (в нем). Ибо он был последователем веры Павла в его надежде и любви, ибо хотя он не молился, как апостол, чтобы быть отлученным от Христа ради братьев и сродников его по плоти (Рим. 9: 3), но чтобы быть принесенным в жертву за Иисуса ради братьев и сродников своих по духу к этому, если было можно, он много раз побуждался. Но время не давало возможности быть этому явно. В вольных страданиях своих и в свободных скорбях, которые он показывал в самом себе, в постоянных крестных страданиях во (все) дни жизни своей он вышел из этого мира.

Но не только в этом он уподоблялся Павлу, но и в великом даровании, которое [как бы] поручено было ему от предшествовавших ему апостолов, – заботиться о нищих У него была забота это именно делать (Тал. 2, 10). Как бы сам он с Павлом принял от самих апостолов это повеление заботиться о бедных, так заботливо он и соблюдал его. Ибо кто может рассказать о великой ревности его об уходе за нищими, которая была у него, особенно же о высшей любви к бедным святым, которую он приобрел, Ибо в некоторых уединенных обителях их монастырей, в которых жили преподобные мужи постоянно в затворе и после кончины которых и кости их делались благоуханием о Христе, по его слову устраивали ему уединенную келлию по его воле, чтобы всякий раз, когда он шел посетить их, получал бы помощь по своей вере от тех, которые почивали там в мире, и особенно, чтобы самому помогать их сынам (442) (духовным) своим увещанием, чтобы в ней жить спокойно и отдельно и пребывать в молитве, приятной Богу, и чтобы молитва его была угодна.

Когда, таким образом, было много милостынных приношений его и они во все времена скоплялись у каждого человека, то он сильно желал за всякого человека сознательно принести Христову жертву от своего лица. И по желанию своей доброй воли в отношении к Богу и всякому человеку он тем, что

принадлежало его Господу, кормил своих бедных ближних, пока жил в мире по воле Божией. Но он оставил им и после своей кончины благое наследие молитвы и поручил их матери всех, благодати Божией, чтобы при помощи ее ежедневно было удовлетворяемо количество их нужд. Ибо вследствие того, что огонь любви его жил и сохранялся в сердцах их, и возжеленная память любезного имени Раббулы питала их и возжигала огонь любви в сердцах их. Поэтому все нуждавшиеся приобретали в надлежащей полноте при посредстве этого самого доброго имени необходимое в своих скорбях. Ибо тотчас, как только слышали (об этом) любившие возжеленное имя Раббулы, в сердцах их возгоралась любовь к нему и вскипало милосердие их, и они давали милостыни, и радовался дающий, и получал помощь берущий, и прославлялся Бог, когда соблюдалось дело отца нашего Раббулы, и за это и для его Господа (достигалась слава) вследствие того, что сказано верными (именно) что блажен раб, ради которого будет прославляться имя его господина.

(443) А из любви своей к бедным, которую он приобретал сам, он произвел великие перемены в странноприимнице своего города, которая сперва существовала только по имени, а не на деле. Во славу Божию он открыл ее истинно и для похвалы своей устроил надлежащим образом. Ибо из имений своей церкви он отделил известные селения, от произведений [имущества] которых пополнялось бы количество расходов, и открыта была дверь (возможность) многим давать в наследство свои имения и скот так, чтобы число доходов каждый год было тысяча динариев, из которых по распоряжению его слова был бы [обеспечен] покой больным и помощь здоровым. Ибо кто из тех, для кого совесть их была не ненавистна, не захотел бы перетерпеть (лишение) различных кушаний, чтобы они были для больных ради ревности [к] его заповеди? Ибо человек из призираемого состояния узнавал, что не могло быть, чтобы болезненные и покрытые ранами были брошены там, по причине заботливости и чистоты, которая была ... по слову его: ибо кровати их были прекрасны, благодаря мягким тюфякам, которые на них были наброшены, и совсем не были видны на

них или при них грязные или презренные одежды. Ведь для успокоения их ... и для необходимого в их скорбях [утешения] были ... назначены служители верные и усердные...

(444) Так же он сделал и в странноприимнице женщин, которой [прежде] вовсе не было, но по его повелению она вскоре устроилась из камней чetyех капищ, которые властно были разрушены в городе по его слову. Так он поставил над ней ... диакониссу с женщинами, сестрами завета, чтобы они целомудренно и усердно исполняли служение их [странниц] успокоения.

Опять же, по любви Божией, которою он милостиво в отношении к своим соплеменникам горел и пламенел, он особенно великую заботливость показал о бедных, искушенных (бедствиями), которые жили вне города отдельно как ненавистные и презренные. Ибо он назначал для них истинных служителей, которые, живя в их стороне с терпеливыми братьями, были поставлены для прислуживания им. Все же необходимое для потребности их исходило от церкви постоянно, тогда как и сам он опять всегда успокаивал их души делом и словом: делом – ибо его дарование врачевало страдание от их болезней; и словом Божиим он укреплял их помыслы, чтобы он не был угнетен болезнью. И сколько раз как бы для ободрения их он приветствовал святым лобзанием в гнойные уста тех людей, чьи тела загнивали, и, чтобы они не отчаялись в учении Божиим, (обращенном) к ним, он ободрял их, и, чтобы за самые скорби (445) свои они более благодарили Господа, он увещевал их, говоря: «Помните, братья, что написано: Лазарь за то, что терпел злое (бедствия), сподобился лежать на лоне Авраама в стране Царствия».

Когда же во всем этом и во многом, о чем мы предварительно сказали, и прочем, о чем мы не в состоянии повторить, прославлялось истинное священство этого славного своим именем (мужа), когда злые и дерзкие трепетали пред его праведностью и слабые и немощные от дара его получали уход, когда он ухо свое благостно приклонял к угнетенным и в ревности своей был допросчиком обиженных, когда он усердно содействовал словом и делом угодным ему, когда он во всякое

время давал руку смиренным для возвышения их, когда он в своем лице воплотил дела закона и надел на себя заповедь Господа своего, как одежду, когда на нем видны были виды милостей его Бога и он щедро проливал их в пределы своей области, когда все поколения Ургэя хвалились и гордились им, и он хвалился и утверждался в Господе своем, когда он ясно видел заповеди Бога и на собственную праведность совсем не надеялся, – после всего этого случилось, [что] по обычаю своему, заболел он телом своим в новолуние месяца таммуз (июль), по исполнении трех месяцев сверх двадцати четырех лет его жизни в епископстве.

(446) Но обратим внимание и просветимся и тем чудесным знамением, которое было совершено у этого мужа, все дни которого были с различными болезнями. В тот день, в который с ним случилась последняя болезнь, вдруг открылось ему, и он сказал своим близким, что наступило для него время успокоения. Но он и делами показал, что наступила кончина жизни его, как то поистине было тайно возвещено ему Духом. От этого милостыню, которую он сделал обычаем разделять в каждый месяц кянун²²¹, он поспешил разделить скоро в месяце таммуз (июль). Послал он вдруг милостыни свои чрез своих служителей на север и восток: то, что обычно давал. И отослал других, которые понесли его милостыню в обители на западе и на юге, пребывающие в надежде на благодать Божию, до бедных святых, которые живут в пустыне Иерусалима, как и блаженный Павел писал, что он собирал для них милостыню. И вышли другие в область всех городов, которые были под его рукою. И другие разделяли священникам и заветным общинам мужчин и женщин. И дал он плачущим и насельникам монастырей, которые [были] в его области. И разделил бедным, которые находятся в деревнях по всей (области) Ургэй, когда другие разделили еще и в городе его всем нуждающимся и монастырским и заветным общинам мужчин и женщин. И вдовым и искушенным разделил, как желал, и многое написал, и прибавил на них [им], и простил все долги, которые наследовал, и разорвал документы, по которым ссудил

ремесленникам много золота, (447) и всем клирикам одинаково дал благословение из руки своей.

После того, как он исполнил всю добрую волю свою, и совершил все прекрасное желание свое, и увидел, что он повоевал с миром и его препятствиями, и сокрушил лукавого и его соблазны и уничижил плоть и ее возбуждения, тогда он умеренно возвысил свой голос на основании доброго свидетельства своих превосходных дел, хвалясь Господом, как говорил славный Павел, что подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, и отныне соблюден для меня венец прады, который даст мне Господь, праведный Судия (2Тим 1:7–8), и в руку Его я полагаю дух мой. Это сказал он (Раббула) молясь в страдании во время смерти своей, и осенил лицо свое крестом, и с любовью благословил тех, которые стояли перед ним, и с радостью предал душу свою Господу своему.

Когда же- в 8-й день²²² месяца августа к городе внезапно распространилось известие его смерти, (тогда) и стены, наверное, задрожали и жилища потряслись от звука внезапного вопля жителей его. В скорби рыдания голос человека смешивался (связывался) с голосом его товарища и следовал [раздавался], не прекращая своего постоянства. Ибо весь город был как бы одним домом плача, разделившись на 18 партий служительниц (плакальщиц) во дворе (448) церкви. Партия плакальщиков от иудеев была вне, когда весь город оплакивал его на улицах порывистыми рыданиями, которые рождали горестные вздохи и скорбные слезы. Священники со всем народом Завета и миряне с иудеями возвещали самим себе горе, говоря: «На нас пришла совсем погибель: какой милости человеколюбца и Бога мы лишены! и после какого истинного пастыря и руководителя к праведности мы сделались сиротами! и от какого распределителя благ и ревнителя о благочестии мы удалены, и какого описателя истин и заботливого о добродетелях мы лишены! Ибо кто исследовал бы для нас его дела, дела этого святого ... которого ... возбуждали страдания его единоплеменников». Ибо он был отцом сирот по любви своей к ним, и братом бедных по своей заботливости о них, и

еще товарищем печальных по своему смиренному поведению, и любителем святых по своим отличным священнодействиям, и заботливым о спасении всякого человека, который находился (стоял) в его истине. Так говорили они это, оплакивая лица свои, и говорили это, когда рыдали души их.

На следующий день поспешили скрыть чистое тело его в деревянный ящик, что в его обители, чтобы его святое тело не было растерзано руками всего народа, который из любви к нему поспешил бы взять от него святую частицу по вере своей, и так проводили (449) с псалмами и гимнами, похваляя его открыто до пристани – могилы, что в усыпальнице, в которую и сошла утружденная ладья благословенной его старости, неся в себе великое бремя праведности, чтобы из него разделять помощь тем, которые с верою просят во имя Господа его, чтобы Он предал им чрез это истинное сокровище дар милости из сокровища щедрот. Ибо вот больные там – и исцеляются, и здоровые там – и получают помощь, опять там бесы – и прогоняются, и плачущие там – и утешаются. Опять бедные там – и получают помощь, и богатые – еще обогащаются. Ибо и холодное его тело есть источник приобретений от теплоты духа, который покоился в нем. И заведовал он с дозволения своего Господа полнотою его имений, из которых легко раздавал блага всем, которые приходили к нему как нуждающиеся. Когда же он собрал у себя самого вполне свое богатство, то и сохранил при себе вполне всю тяжесть своих богатств, пока воскреснет и обновится тело его, и соединится с ним душа его, и оно просияет, и от них (богатств) он просветится в славе, как совершенный в день славного явления Сына Божия, Спасителя всех, Который дарованием милостей Своих удостоит всех нас милостью Своею, чтобы в тихой обители славного Отца нашего стать нам одесную Его и чтобы Он сказал за нас Господу и не постыдился за нас: (450) «Вот Я и дети, которых дал Мне Бог» (Евр. 2: 13). Поклоняемся Тебе, и благодарим Отца Твоего, и славим Духа Святого Твоего и ныне и во веки веков. Аминь.

Кончил писать о славных делах епископа Раббулы.

III. Из миссионерской прозы архимандрита Пимена (Белоликова)

Святочные впечатления в Урмии

223

Путешествие по Урмийской области было без особенных приключений. К полудню 8 мая мы достигли пределов этой области (около 25 верст от города) и, одолев невысокий перевал Кашка Гядук, выехали в округ Дол. Дорога пошла по очень красивой местности, оттеняемой с востока Урмийским озером, а с запада пологими горами Курдистана. Дорога, очень прямая, шла на юг. Проливной дождь помешал нам полюбоваться красотами ее и побудил укрыться в ДIZE Дольской. Мы остановились у обширного, построенного из красного кирпича дома, принадлежавшего местной помещице Кейсар Ханым, но занятого арендатором ДИЗЫ русскоподданным армянином Арташесом Назарянцем. На доме развевался русский флаг; такой же виднелся и на караван-сарае²²⁴, бывшем неподалеку. Спасаясь от дождя, мы все скорее шмыгнули на крытый передний дворик, сюда же казаки и гулим (полицейский О. Х.) завели и своих лошадей. Осмотрев двери, ведущие в различные жилые помещения дома, мы убедились, что они все были заперты. Послали и кехой (старостой) селения. Последний оказался солидным и почтительным курдом. Он заявил нам, что дом был нанят приказчиком арендатора и что этот приказчик выехал для осмотра соседних селений, арендуемых Назарянцем (всего 9). Тогда гулям строго потребовал от курда найти нам приличное помещение. Владелец такого приличного помещения оказался сам кеха, но, по его словам, оно было занято гостями. «Да прогони их!» – посоветовал гулим. Гости оказались не столь важными, чтобы их не было возможности поместить и другие комнаты: это были странствующие дервиши, которых благочестивый хозяин хотел успокоить у себя. Он перевел их в нижнее помещение, а нам предоставил верхнюю комнату, чистую и устланную ковром. Такая обстановка несколько примирила меня с случившимся неудобством в дороге. Наступивший вечер тоже подал нам добрую надежду на

безболезненное продолжение пути: дождь перестал, засверкали звезды, подул сильный и теплый ветер. Ночь провели мы совершенно спокойно. Наши хозяева-курды были не из тех, чтобы внушать опасения: они нам рассказали, что их самих не раз грабили курды Маргявара и Таргявара. Да и вид у наших хозяев был не разбойничий, а скорее холопий жалкий. Бекзадинец, будь он хоть самым последним стремянным курдабека, не преминул бы при встрече с достоинством пожалить вашу руку, а эти только кланялись, прижимая руки к груди.

Утром 9 мая, обрадовавшись хорошей погоде, пошел я осмотреть Дизу Дольскую. Миновав грязный проулок, прилегавший к нашему ночному пристанищу, выбрался я на проезжую большую дорогу и увидел замечательно красивую картину. На востоке от дороги широкой полосой (в 2 версты ширины) раскинулась необозримая зелень виноградников и садов, сверкавшая блестками дождевых капель. За виноградниками виднелась красивая серебристая рамка Урмийского озера. То была картина совершенной тишины и довольства. Воздух был насыщен испарениями от вчерашнего дождя и тоже говорил нам о том, что тут можно жить и не тужить. Деревенька оказалась не из бедных. Благодаря поддержке русского флага, она скоро встанет на ноги и будет, вероятно, приятным местом для остановки путешественников и полезным купальным курортом.

Путь из Дизы Дольской к Сульдузу шел на юг, как и прежде, по берегу озера, но стал затруднительным из-за пяти каменистых перевалов, преградивших его в разных местах. Эти перевалы и следующие за ними ложбины были местами убежища и бесчеловечных подвигов людей, которые в прежнее время стяжали себе репутацию разбойников. У перевалов виднеются плиты, прикрывающие места случайных погребений несчастных путешественников, ограбленных и убитых здесь. В двенадцати верстах от Дизы находится на самой дороге старый караван-сарай, уже приходящий в полную ветхость, как и многое старинное в Персии. Оригинальное он носит название – Киздырмах (лихорадка, дрожь). Не подумайте, что это нездоровое в климатическом и природном отношении место.

Нет, это место здоровое, с хорошей водой, с массой зелени, приятным горным воздухом. Зловещее его название получилось оттого, что путешественники, подходя к нему, в чаянии встречи с разбойниками, дрожали как в лихорадке. И действительно, не далее как в полуверсте от этого места находятся две скалы, разделенные щелью только для прохода одного человека, – любимая засада прежних грабителей. Теперь присутствие русских войск в крае положило конец этому страху.

Переехав последний из перевалов, мы увидели маленькое озеро около версты окружностью. Это озеро осталось от прежних разливов Урмийского озера. Оно соленое и поддерживается теперь несколькими источниками и ручейками. Миновав это озерко, мы увидели всадника с ружьем за плечами в обыкновенной курдской одежде. Это был житель селения Мамет Яра Николай, выехавший нас встречать. Это едва ли не единственный сириец этой деревни, не забывший свой родной язык и даже несколько грамотный. Поравнявшись с нами и поприветствовав нас, он заявил, что нас ждали еще вчера, что и теперь неподалеку священник отец Иона и сирийцы верхами едут встречать нас. Действительно, проехав еще три версты, мы увидели группу всадников, впереди которой ехала знакомая фигура отца Ионы с его длинной бородой, поседевшей от сульдюзских треволнений. Тепло и сердечно приветствовали нас эти всадники. Мое нетерпение увидеть скорее резиденцию отца Ионы было сильно, и я попросил всех скорее продолжать путь. Но путь продолжать было нелегко. Вчера шел дождь, да, кроме того, началась поливка посевов. Целая сеть канав отделяла нас от столицы Сульдуза, смиренно выглядывавшей на нас издали в виде кучи серых построек и желтоватых полос навоза, их опоясывавших. Зрелище было печальное. Началось путешествие через канавы. Наш фаэтон с вещами, предоставленными нами на волю Божию, поминутно нырял в канавы, заливаясь почти до половины. А мы – то прыгали через эти канавы изо всех сил; то переходили их по дощечкам, случайно найденным нашими провожатыми; то, наконец, перебирались верхом на поданных нам лошадях. Вот одолели последнюю канаву. На зеленом лугу ожидают нас всадники с

типичными физиономиями карапапахов, со взглядом исподлобья. Это сын, племянник и слуги губернатора Сульдуса, высланные им приветствовать первого русского миссионера в их стране. На приветствие сына губернатора я поручил ему передать [губернатору] свою благодарность за честь, мне оказанную, и выразить надежду на свидание с ним. В ответ на это сын губернатора стал приглашать меня остановиться у него, уверяя, что у них все готово для моего приема. Пришлось немного разочаровать его, сказав, что я прежде всею еду к сирийцам, которые как мои единоверцы, дороже всего для меня в этом крае. Тогда эти всадники вместе с другими наши ми провожатыми составили конвой вокруг нашего фаэтона. Кпереди ехал все тот же усердный Николай, держа в руках запрестольный крест, который я вез для храма Мамет Яра. Шествие наше приобретало уже довольно торжественный характер в полуверсте от селения стояла кучка сирийцев всякого возраста – представители-добровольцы всех христианских селений Сульдуса. Во главе их стоял несторианский епископ Мар-Дынха давно уже заявивший нам о своем желании принять Православие. Он сдержанно приветствовал меня с благополучным прибытием, но лицо его выражало тревожное любопытство по поводу ожидающей его судьбы. Я поблагодарил епископа за приветствие и встречу и выразил ему надежду на то, что он скоро будет ближе к нам, чем теперь стоит. Благословив затем людей, откушав их хлеба-соли и вина, я пожелал, чтобы у них изобиловали эги продукты, и последовал пешком в Мамет Яр во главе громадной толпы народа.

Сразу же по прибытии в Мамет Яр я проследовал в храм во имя святого великомученика Георгия. Храм бедный, из сырого кирпича, но более похож на наши православные храмы по своему внутреннему устройству, чем древние несторианские храмы. Престол находится на середине алтаря, жертвенник – справа, вместо иконостаса – большая красная завеса с крестом посередине. Сооружение этой завесы есть уже дело отца Ионы и подвижных им на усердие прихожан. Храм снабжен православными иконами, к которым мы прибавили хоругви и

святой крест. Я в присутствии громадной толпы народа отслужил благодарственный молебен и, произнеся многолетие Государю Императору и Царствующему Дому, Святейшему Синоду, православным архиереям Персии и всем православным христианам, сказал проповедь о мире Христовом, пожелать которого сульдюзским христианам я прибыл.

После скромного обеда в сопровождении стариков деревни и отца Ионы я осматривал селение Мамет Яр. Оно лежит в ровной местности на берегу большой многоводной реки Гадыр-чая, помутневшей от вчерашнего дождя. Обилие воды вообще было поразительное для человека, выдавшего в Урмии недостаток воды в летнее время по целым дням. Тут же не только Мамет Яр, но и другие деревни, расположенные от него на запад, оказались окруженными густою сетью арыков (канал) замечательной ширины и глубины. Мне сказали, что из-за этих каналов фаэтон не может проехать туда, да и верхом добраться туда трудно. Поэтому я решил отказаться от намерения посетить тамошние христианские деревни: Охсар, Каравансера, Гасанлуви, Нагада и Чиянэ, тем более что и времени для поездки оставалось к малому: наутро мне предстояло поехать в Соуджбулаг для свидания с консулом господином Иясом, и дорога туда и обратно должна была занять не менее полутора дней. Однако осмотр окрестностей Мамет Яра оставил у меня приятное впечатление. Несмотря на совершенно деревенский вид, Мамет Яр считается столицею Сульдуза и служит резиденциею сульдюзского губернатора Гусейн Али-хага Эмир Тумана. Из этой деревни открывается очень хороший вид на весь Сульдуз, который по своему пространству гораздо более Салмаса и немногим меньше Урмии. Местность кругом зеленеющая, прорезываемая серебристыми лентами каналов, воздух чудный, мягкий и бодрящий. Все эти условия создали Сульдuzu славу хлебной житницы для соседних областей Персии. Здоровье жителей и их выносливость тоже удивительны: за 6 месяцев своей жизни в Сульдуже отец Иона не видал ни больного, ни покойника.

Но благодатные свойства природы Сульдуса как будто не замечаются сирийцами из-за их стесненного правового положения. Они находятся в полной земельной зависимости от своих помещиков, которые могут, когда им угодно, отказать неугодному им человеку в пользовании их землею. Государственная власть не знает сирийцев, она знает только помещиков как землевладельцев и готова помогать им прижимать христиан во всех случаях. Дорожа хорошою землею, мягкою как пух, совершенно без камней, сирийцы привыкли подчиняться всякому произволу своих помещиков. Так, например, помещик Мамет Яра, рассаживая у себя во дворе деревья, решительно препятствует своим крестьянам садить деревья и виноградные лозы на их двориках. Из урожая хлеба на долю сирийца достается всегда меньше половины, ибо, кроме половинной доли, которая идет помещику, приходится нести всякие повинности и на содержание его слуг и т. д.

Так мне изображали свое печальное положение представители вышеперечисленных христианских деревень Сульдуса, собравшиеся в доме кехи (старосты. – О.Х.) Сергиса в послеобеденное время. Там же я решил обсудить с ними вопрос и о способах содержания ими своего священника. Приглашая осенью к себе православного священника, сульдусцы обещали платить ему по 10 туманов в месяц. Исполнить это обещание им оказалось трудно. Отец Иона за свою шестимесячную службу получил пшеницей и рисом только 40 туманов. Я стал спрашивать, где взять остальные деньги. Мне отец Иона заявил, что за один месяц он прощает сирийцам 10 туманов, но что желает получить с них другие 10 туманов. Это обещали ему сделать на днях. Потом я возбудил вопрос вообще о способах содержания православного священника в Сульдусе. Мне объяснили, что они могут расплачиваться со священником во время веяния пшеницы, что деньгами платить для них трудно. После долгих споров и пререканий согласились, что отец Моисей [заместитель, отца Ионы) будет получать по 20 чт. пшеницы с их доставкой в родное его село, а без доставки – 24 чт. Кроме того, было оговорено, что добровольные даяния, плата за требы сюда в счет не идут.

В конце этого нашего заседания явились слуги губернатора, которые принесли мне как почетному гостю селения пешкеши (подарки): конфеты и сахар на подносе и живую овцу. Я хотел не принимать этих приношений, но мне сказали сирийцы, что их господин весьма неловко будет чувствовать себя пред ними, когда я верну его подарки. Пришлось все принесенное оставить для отца Моисея и рабби [учителя] Илии. На вопрос губернатора о том, когда он может меня посетить, я назначил для свидания с ним пять часов вечера. Распуская стариков по домам, я просил их не забывать того, на чем мы согласились. Вдруг сидевший там епископ Мар-Дынха возвысил голос и вызывающе сказал: «Это мы еще увидим, отец». Я не разобрал, по чьему адресу он взял такой тон, по моему или по сирийскому, но за такое неуместное восклицание я решил его наказать и заявил всем, что когда у меня будет губернатор, чтобы никого, кроме православных священников и учителя, при этом приеме не было. Губернатор пришел ко мне в назначенное время. Это был высокий седой старик, одутловатый и обрюзгший. Но взор глаз его еще живой, лицом он хочет казаться любезным. Костюм его – обыкновенный костюм богатого перса – обличал в нем аристократа среди карапахов. Я, прежде всего, поблагодарил губернатора за торжественную встречу, в которой он принял участие через сына и племянника. Он ответил, что считал это своим приятным долгом, что он с русскими давно состоит в добрых отношениях. Естественно, подвернулся вопрос о том, как турки относились к мусульманам Сульдуза. Мой вопрос заставил старика стыдливо улыбнуться, и он ответил: «Хуже чем с евреями, обходились с нами турки. Все с нас брали даром, а презирали бесконечно. Теперь, с приходом русских, мы опять чувствуем себя людьми». Я заметил, что хорошо было бы облегчить участь и его подданных в Сульдузе, дать им возможность вести хозяйство пошире. Например, почему бы не разрешить жителям Мамет Яра насаждать деревья и виноградники, без коих эта деревня – резиденция самого губернатора – представляет пустынное место. Губернатору этот разговор, видимо не понравился, но он обещал, что все устроится к лучшему и в его деревне. В

заключение нашей беседы я представил ему отца Моисея, заместителя отца Ионы, и рабби Илию как его помощника. Губернатор выразил надежду, что я у него побываю, но я сказал, что мой долг, прежде всего, посетить нашего консула в Соуджбулаге, с которым нужно завести знакомство, и что после этого я надеюсь посетить и дом губернатора. На этом мы и расстались.

Решили лечь спать пораньше, чтобы наутро раньше выехать в Соуджбулаг. Наступила «ночь мучений» от обилия блох, которые вели правильные атаки на мое грешное тело. Я устал переворачиваться с боку на бок, но заснуть ни на минуту не мог. Такую же ночь провел и отец Моисей.

Утром 10 мая я отправился в Соуджбулаг вместе с отцом Моисеем и с рабби Илией в том же самом фаэтоне и в сопровождении гуляма и казаков урмийского вице-консульства. Пред выездом моим из деревни губернатор пришел проводить нас и дал нам провожатого верхового. Это оказалось нелишним, ибо половина дороги (около 22 верст) до самого моста на реке Гадыр-чай была почти сплошь залита водой, преграждена глубокими канавами. Гадыр-чай оказалась весьма глубокою и довольно широкою рекою, богатою весьма крупными сомами. Эти сомы гуляют до самого устья реки. Почувствовав соленую воду озера, они стремительно поворачивают назад, отчего происходит настоящая свалка, доставляющая много забавы прибрежным жителям

Караван-сарай поражает здесь своими грандиозными размерами, массою комнат в трех этажах, построен сплошь из красного кирпича, но представляет собой жалкую картину запущенности и разрушения. Он находится всецело в распоряжении всяких случайных посетителей и напоминает только о прошлом времени, когда путешественники боялись делать длинные переходы. Здесь на берегу, на зеленой травке, пока кормили лошадей, я несколько вознаградил себя за бессонную ночь.

Дальнейшая дорога шла красивыми засеянными полями, красиво извиваясь между ними по холмистой местности. Верст за 6 до города она пошла по берегу реки Соуджбулаг-чая,

довольно многоводной и рыбной, обросшей природным лесом. Картина была довольно знакомая: она напоминала ландшафт средней полосы России. Пред самым городом пришлось переезжать эту реку, и водою залило фаэтон до самого сидения...

Соуджбулаг

Соуджбулаг тесно расположен в котловине, окруженной с востока, юга и юго-запада невысокими горами Курдистана. С грохотом понеслась наша колесница по этим тесным улицам города-муравейника, как бы спеша скорее выбраться из него на простор, на окраины города, где находится наше вице-консульство. Масса курдов всех возрастов и евреев, одетых совершенно по-курдски, запруживала улицы, привлеченная шумом нашего экипажа. Народ, как видно, не из деятельных, но любопытный. Вот, наконец, улица расширилась, и мы на окраине города увидели здание вице-консульства, большое двухэтажное строение из красного кирпича, могущее показаться дворцом по сравнению с соседними курдскими избушками. Оно просторно, чисто, светло и убрано с большою роскошью коврами, мебелью, картинами и редкостными безделушками.

Хозяин этого великолепного дома полковник А. И. Ияс, наш вице-консул в Соуджбулаге, вышел встретить меня на дворе. Оказалось, что мы поспешили своим приездом, избрав более краткий путь, а потому и не могли видеть казаков вице-консульства и всадников губернатора, высланных мне навстречу. Сам господин Ияс тоже собирался немного погодя встречать меня, но моя поспешность его предупредила. Тепло, сердечно приветствовал он меня и моих спутников и сразу же окружил нас таким вниманием, какого никогда не забыть. Недаром за ним создавалась репутация хлебосольного хозяина. Но он сделал для меня больше, чем простое хлебосольство. Несмотря на обилие дела, он обязательно сопровождал меня во время моих прогулок по Соуджбулагу, имевших целью посетить вечером того дня и утром следующего богослужение в местной военной церкви (было воскресенье 11 мая). Здесь я встретил много своих знакомых по Урмии из офицерства 5-го Кавказского стрелкового полка и священника 1-го Горско-Моздокского полка отца Юлиана Церетели. По предложению последнего я за литургией произнес проповедь о молитве как средстве получения благодати. Посещение русской колонии показало

мне, что все члены ее живут в полном единодушии между собой, столь необходимом для нашего дела в такой глуши как Соуджбулаг.

Теперь о Соуджбулаге. В этой столице курдов-мукри²²⁵ имеется 3850 домов, 25 000 жителей. Из этого количества 36 домов принадлежат тюркотатарам, 70 домов – евреям, 300 домов – армянам, имеющим здесь свою бедную церковь, все остальные дома принадлежат курдам. В городе 4 бани, 14 суннитских мечетей и 1 шиитская, 11 караван-сараев и обширный крытый базар в 505 лавок. Кроме нашего вице-консула, здесь проживает и турецкий шахбан-дарь (консул).

Интересную сторону в современной жизни Соуджбулага составляет здесь деятельность немецких лютеранских миссионеров. Она пока не представляет по своим результатам чего-либо серьезного и грозного для нас, но все же здесь примечательна неуклонная энергия этих работников. Курды-мукри, среди которых они работают, – народ ленивый и неподвижный, не способный ни на какие жертвы ради того, чтобы выйти из своего полудикого состояния. Тем не менее реверенд²²⁶ Фоссум постарался основательно изучить их наречие и собирается на их языке издавать в Тавризе журнал под названием «Курдистан». Его сподвижниками являются: доктор Эрдман, фельдшерица Гудайтис (русскоподданная полька из Сувалкской губернии) и старушка немка фон Шуленберг, занимающаяся обучением армянских и татарских детей Соуджбулага немецкому и французскому языкам. На помощь себе эти работники ждут еще эльзасца Башимона осенью текущего года. Вместе с тем ожидается и прибавление средств на поддержание здесь миссионерской работы этих лютеран. В Берлине госпожа фон Дамман пожертвовала крупную сумму на это в память о своем сыне – бывшем студенте-филологе, зарезанном в Соуджбулаге местными курдами в бытность его в гостях у бывшего здесь миссионером пастора Эрцена.

После обедни в воскресенье, простившись с гостеприимным господином Иясом, мы покинули смиренный и тихий Соуджбулаг, пожелав ему, чтобы он увидел не только русские

штыки и флаги, но и русские книги, и русские школы, и святой крест.

На обратном пути в Мамет Яр на берегу Гадыр-чая мы увидели стоянку полсотни казаков Полтавского полка, шедших в распоряжение к полковнику Андриевскому, члену разграничительной комиссии. Вечером я отдал визит губернатору и у него застал командира этого казачьего отряда. Он снял нас при свете магния своим фотографическим прибором. Особых разговоров с губернатором на этот раз я не вел, ограничившись только обычными любезностями. По возвращении от губернатора я имел маленькое столкновение с кехой Сергисом, который тормозил дело сбора денег в пользу отца Ионы. Пришлось повышенным тоном напомнить ему все то добро, которое сделал ему отец Иона, и решительно потребовать условленной для него платы. Деньги вскоре же появились.

На другой день в 8 часов утра, распрощавшись с гостеприимными сульдюзцами я с отцом Ионой покинул Мамет Яр и в 9 часов вечера был уже в Урмии.

IV. Труды епископа Пимена (Белоликова)

1. Православная Урмия в годы персидских смут. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1911.

2. Догматическое богословие на новосирийском языке / Пер. с рус. архимандрита Пимена. Урмия: Тип. Русской православной миссии, 1912. Ч. 1. Перевод «Догматического богословия» митр. Макария Булгакова.

3. Житие блаженного Мар-Евгена. начальника иноков в стране Низибийской на горе Изла / Пер. с сирийского. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1913.

4. Житие св. Иакова, епископа Низибийского, в области Тхумы / Пер. с древнесирийского // Православная Урмия. 1913, № 9.

5. Сказание о славных делах Раббулы, епископа благословенного города Ургэй (Едессы) / Пер. с древнесирийского // Православная Урмия. 1913–1914 № 10–16.

6. Гимны св. Раббулы / Пер. с нем. // Православная Урмия. 1913–1914. № 19–23.

7. Послание блаженного Кирилла к блаженному Раббуле / Пер. с древнесирийского // Там же. 1913 № 18.

8. Изъяснение, которое произнес Мар-Раббула, епископ Ургэй, в Константинопольском храме пред всем народом / Пер. с древнесирийского // Там же.

9. Молитвы Мар-Раббулы / Пер. с древнесирийского // Там же.

10. Речь о человечестве Господа, которую написал Кирилл, епископ Александрии, к благоверному царю Феодосию и послал экземпляр ее к св. Раббуле, епископу Ургэй, и последний перевел ее с греческого на арамейский / Пер. с древнесирийского // Православная Урмия. 1914. № 20–24.

11. Служба праздника Рождества Богородицы Пер. на древнесирийский. Урмия: Тип. Русской православной миссии. Б. г.

12. Служба праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста / Пер. на древнесирийский Урмия: Тип.

Русской православной миссии. Б. г.

13. Служба 4-го гласа недельного крута / Пер. на древнесирийский. Урмия: Тип. Русской православной миссии. Б. г.

14. О посланиях святого апостола Павла в связи с его жизнью и деятельностью. Киев, 1915.

Газетные и журнальные статьи

15. Иеромонах Пимен. Утешение Православной миссии в Персии: (Письмо в редакцию) // Русский Паломник. СПб., 1906. № 43.

16. Иеромонах Пимен. Угрозы Православию в Персии // Церковные ведомости. Прибавления. СПб., 1906. № 45.

17. Иеромонах Пимен Урмийские горизонты // Церковные ведомости. Прибавления. СПб., 1906. № 29 (22 июля).

18. Иеромонах Пимен. Из Православной Урмии // Церковные ведомости. Прибавления. СПб., 1907. № 51–52.

19. Игумен Пимен. Вести из Православной Урмии (Персия) // Церковные ведомости. Прибавления. СПб., 1909. № 39 (26 сентября).

20. Игумен Пимен. Забытая кончина: [К кончине епископа Мар-Ионы Урмийского и Супурганского 23 апреля 1910 г.] // Русский Паломник. 1910. № 50.

21. Архимандрит Пимен. Памяти почившего апостола Японии // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 9.

22. Архимандрит Пимен. О честности: (Забываемая ныне основа благополучия) // Владикавказские епархиальные ведомости, 1912. № 10.

23. Архимандрит Пимен. Один из немногих отцов Миссии: (Памяти новопреставленного архиепископа Иннокентия) // Там же. 1913. № 16.

24. Архимандрит Пимен. Письма миссионера // Православная Урмия, 1912–1914. (Письма 10–24).

25. Архимандрит Пимен. Миссионерская нужда и важный праздничный подарок местному христианскому населению // Там же. 1914. № 20.

26. Архимандрит Пимен. Законы святы, да исполнители каковы?! // Там же. 1914. № 22.

27. Акт 6-го выпуска воспитанников училища при Урмийской православной миссии (30-го июня) // Там же. 1914. № 23. (Без подписи.)

28. Наш черед: (Отголоски истории и современной войны)// Там же. 1914. № 23, (Подпись: «Урмийский летописец».)

29. Новогодние пожелания //Там же. 1915. № 1.

30. Архимандрит Пимен Печальная судьба христиан Персии: (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости. Прибавления. СПб. 1915. № 38 (19 сентября); № 39 (26 сентября).

31. Архимандрит Пимен. Место религии в жизни культурных государств и наша отсталость в этом отношении // Пермские епархиальные ведомости 1915 № 32.

32. Архимандрит Пимен. Из преданий о волхвах, поклонявшихся Младенцу-Христу в Вифлееме // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 1.

33. Архимандрит Пимен. К вопросу об анафематствовании // Пермские епархиальные ведомости. 1915 № 6.

34. Архимандрит Пимен. Человек Запада и человек Православной России: (По Киреевскому)//Там же 1915 № 8–9.

35. Архимандрит Пимен. О курдах: (Наблюдения миссионера) //Там же. 1915. № 11.

36. Архимандрит Пимен. Трудности избрания пастырей церковных по изображению св. Иоанна Златоуста: (К вопросу о предполагаемом преобразовании православных приходов; // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 13–14.

37. Епископ Пимен. Православная миссия в Урмии / Колокол. 1916. 25 сентября, № 3103.

38. Епископ Пимен. Еще одна жертва войны – изуродованные святые иконы // Русский паломник. 1917, № 31–32.

39. Письмо еп. Пимена, начальника Урмийской православной миссии, бывшего ректора Пермской Духовной Семинарии о материальной помощи урмийским православным жителям, разоренным в результате турецкого нашествия на Урмию // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 35–36.

40. Епископ Пимен. Ответ на статью Ф. Атурая «Русские миссионеры в Урмии» // Голос краевого Совета депутатов Кавказской Армии. Тифлис, 1917. № 43 (4 августа).

Опубликованные проповеди и публичные выступления

41. Высота пастырского служения и путь приготовления к нему: К вопросу о реформе духовной школы (Доклад, прочитанный на пастырском собрании во Владикавказе 5 сентября 1911 г.) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 18.

42. Слово на первый день нового года: (Характер времени зависит от деятельности людей) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 2.

43. Св. Земля – наше драгоценнейшее наследие: (Слово пред открытием Владикавказского Отдела Императорского Палестинского общества) // Там же. 1911. № 24.

44. Слово на день Казанской Божией Матери (22 октября): (Об избрании России в удел Богоматери) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 15.

45. О религиозном значении царской власти в русской истории: (Произнесено 21-го февраля 1913 г.) // Православная Урмия. 1913. № 11.

46. Поучение над гробом сотника Баева пред перенесением его на родину // Там же. 1914. № 21.

47. Поучение пред закладкою здания для Николаевского шестиклассного училища в г. Урмии (30 мая 1914 г.) // Там же. 1914. № 23.

48. Вступительная речь, произнесенная в храме Пермской Духовной Семинарии 2 ноября 1914 г. // Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 34.

49. Бодрость духа: (Произнесено в семинарской церкви 16 ноября 1914 г.) // Там же. 1914. № 35.

50. Памяти праведника: (На день кончины приснопамятного о. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. Произнесено за панихидой в домово́й церкви Архиерейского дома 20 декабря 1914 г.) // Там же.

51. Чего потребует для нашего счастья новый год? // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 2.

52. Святой паломник: (Речь [с сокращениями], произнесенная 25 февраля в зале Общественного Собрания г. Перми на вечере, устроенном для усиления средств Императорского Палестинского общества) // Там же. 1915. № 8–9.

53. Речь ректора Семинарии архимандрита Пимена. (Произнесена с крыльца кафедрального собора на праздновании памяти св. Стефана Великопермского) // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 15.

54. Великая победа в прошлом да повторится и в будущем: (Речь перед воспитанниками по случаю завершения учебного года 3 мая 1915 г.) // Там же.

55. Трудное, но благое дело: (Речь о. ректора Пермской Духовной Семинарии. Сказана с крыльца мужской гимназии им. Императора Александра I Благословенного на трезвенно-патриотическом празднике в г. Перми 14 мая 1915 г.) // Пермские епархиальные ведомости. 1915 № 19.

56. Положение обязывает: (Речь перед началом нового учебного года) // Там же. № 26.

57. Приятно принадлежать к народу-победителю, но надо сначала заслужить эту честь (Речь, произнесенная в Духовной Семинарии по случаю взятия Эрзерума) // Там же. 1916. № 7.

58. Святая Земля в родной поэзии: (Произнесено на вечере в пользу Палестинского общества в зале Мариинской женской гимназии 17 марта) // Там же. 1916. № 11–12.

59. Ныне все должны быть подвижниками: (Речь о. ректора Духовной Семинарии архимандрита Пимена с крыльца Пермского кафедрального собора перед началом крестного хода на трезвенно-патриотическом празднестве в г. Перми 29 августа 1915 г.) // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 15.

60. Помянух дни древния и поучихся: (Слово на литургии в с. Кольцово Пермской епархии во время перенесения местночтимой иконы Николая Чудотворца из с. Верхние Муллы в с. Кольцово) // В ответ благовествования. Пермь, 1916.

61. Речь начальника Урмийской православной миссии архимандрита Пимена (Белоликова) при наречении его во

епископа Салмасского 5 августа сего [1916] года // Церковные ведомости. Прибавления. Пг.. 1916 № 33 (16 августа).

62. Вступительная речь епископа Семиреченского и Верненского Пимена к духовенству и гражданам г. Верного, сказанная им в кафедральном соборе 11 октября // Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 20.

63. Добро сильнее зла: (Речь на неделю 21-ю по Пятидесятнице) // Там же. № 21

64. Для чего нам необходим теперь Всероссийский Патриарх? (Произнесено на литургии 6 декабря) // Там же. № 24.

65. Какое чудо нам ныне нужно? (Из чтений в Народном доме г. Верного) // Там же. 1918. № 1.

Примечания

1. Протоиерей Иоанн Захариевич Белоликов (1873–1937) одно время, еще при жизни отца Захарии, был священником в родном селе Васильевском, затем в селе Чуровском Череповецкого уезда. Впоследствии отец Иоанн служил священником Богородице-Успенской Рдейской женской пустыни у Рдейского озера, в 88 верстах от Старой Руссы. Последние сведения об этом служении – 1920 год. Там умерла его жена Наталья, оставив троих сыновей и пятерых дочерей.

После закрытия монастыря служение отца Иоанна протекало в городе Старая Русса, где он был настоятелем Георгиевской церкви. Он жил со старшей дочерью Марией Ивановной, но когда гонения на христиан усилились, отец Иоанн отправил дочь в Петроград к братьям и сестрам.

Верующие отзывались об отце Иоанне с глубоким почтением, но дети отказались от него – шаг, который понятен уму, но который не вмещает сердце. Родные вспоминают, как старый священник приезжал в Ленинград и тайком подходил к ограде детского сада, чтобы посмотреть на внуку, и маленькая девочка ловила на себе пристальный взгляд незнакомого человека в странной одежде.

26 октября 1937 года отец Иоанн был арестован. Решением «тройки» по Ленинградской области он был приговорен к расстрелу со следующим обвинением: «Проводил контрреволюционную агитацию против колхозного строительства, распространял измышления о колхозах, ссылаясь на религиозные учения, во время революции скрывал в монастыре белобандитов и эсеров». Расстрелян 12 ноября 1937 года в Ленинграде, на станции Левашове, где предположительно и погребен.

2. Протоиерей Алексей Захариевич Белоликов (1883–1937) окончил Новгородскую Духовную Семинарию и служил священником сначала в Ирме Череповецкого уезда, а с 1907 по 1937 год в родном селе Васильевском. Размеренная жизнь в окружении большой семьи, рядом с прекрасным человеком –

женой Верой Алексеевной – после революции стала мученической. Семья жила в тягостной нищете и в атмосфере травли по «спецзаказу» со стороны сельской шпаны. Летом 1937 года была снесена малая церковь прихода, подле которой находились могилы родителей. Неоднократные попытки выслать отца Алексея останавливались вмешательством его брата, Василия Белоликова: как член обновленческого Синода, он мог добиться отмены приговора, ибо некоторое время власти считались с обновленцами.

25 августа 1937 года отец Алексей был арестован. На вопрос следователя о контрреволюционной деятельности отец Алексей ответил, что состоял в 1905 году в монархической организации союза Михаила Архангела: «Вся наша деятельность заключалась в борьбе с сектантами-староверами, так как революционная деятельность в нашей местности была неразвита, вследствие наличия некультурности и религиозного фанатизма среди населения, и недовольство существующим строем проявлялось среди сектантов. Я лично вел проповедническую деятельность».

Он признался, что говорил с верующими о неизбежности войны с Германией, о пагубности колхозного строя и гибели Советской России. Его привезли в Ленинград и 23 сентября расстреляли в районе станции Левашово «за проведение антисоветской агитации». Его вдова Вера Алексеевна, дочь священника Алексея Нелазского из соседнего села Абакумово, прожила очень долгую и трудную жизнь, до конца дней оставаясь глубоко верующим человеком. Вот отрывок из письма этой удивительной женщины, адресованного внучке: «Приезжай, родная Наденька, сходим в церковь, исповедуемся чистосердечно. И, поверь, спадет с тебя вся тягость, дорогая». Благодаря Вере Алексеевне сохранилась фотография епископа Пимена: та самая, где владыка запечатлен с братьями, протоиереем Философом Орнатским и Василием Белоликовым. Вера Алексеевна была, наверное, единственным человеком, который в послевоенное время хлопотал о памяти епископа Пимена, пытался найти какие-то сведения о его кончине. Родня владыки смутно представляла, что же с ним случилось.

Племянник Антонин Николаевич вспоминает, что его отец, Николай Захариевич, сильно плакал, когда получил известие о смерти брата «где-то на Кавказе, где ему выкололи глаза, снимали кожу». И Вера Алексеевна в безответных запросах своих писала о епископе Пимене как о погибшем на Кавказе.

3. Протоиерей Философ Николаевич Орнатский (1860–1918) родился в селе Новая Ерга Череповецкого уезда Новгородской губернии. После учебы в Кирилловском Духовном училище, где преподавал его отец, и окончания Новгородской Духовной Семинарии Философ Орнатский в 1880 году был зачислен студентом в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил в 1885 году. Его сокурсниками были будущие митрополиты Антоний (Храповицкий; † 1936) и Серафим (Мещеряков; † 1932). Женившись на Елене Николаевне Заозерской и приняв священство, он остался служить в Петербурге сначала настоятелем домового храма гимназии, носившей название «Приют принца Ольденбургского», а потом настоятелем церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг. В последней он прослужил более двадцати лет. В 1913–1918 годах он был настоятелем Казанского собора в Петербурге.

Приведенные в тексте факты из биографии отца Философа взяты из воспоминаний его дочери, Лидии Филосовны, «Святой священномученик Философ Орнатский», опубликованных в США в журнале «Православная Русь» (1983, № 21), из устных воспоминаний его внучки, Ирины Николаевны Ильинской, а также из «Формулярного списка о службе», копия которого хранится в Череповце у правнука отца Философа – В. П. Ильинского.

4. Василий Захариевич Белоликов (1887–1937?) – самый младший из детей отца Захарии Белоликова. Окончил Кирилловское Духовное училище, а в 1907 году – Новгородскую Духовную Семинарию. В тот же год поступил в Киевскую Духовную Академию, которую окончил в 1911 году со званием кандидата богословия за сочинение «Деятельность Блаженного Августина против раскола донатистов». Был оставлен сверхштатным профессорским стипендиатом на 1911–1912 годы. Магистерскую степень получил за сочинение «Инок

Никодим Стародубский. Его жизнь и литературная деятельность». Книга с тем же названием была издана в Киеве в 1914 году. С 1914 года был доцентом на кафедре истории и обличения русского раскола в Киевской Духовной Академии. В Киеве вышли его работы: «К вопросу об единоверии», «Историко-критический обзор существующих мнений о происхождении, сущности и значении русского раскола», «Яков Стефанович Беляев. Старообрядческий писатель второй половины XVIII в.». Одна за другой появлялись его статьи в академическом журнале. Труды В. З. Белоликова вошли в библиографию русской богословской литературы.

Свою преподавательскую деятельность В.З. Белоликов возобновил в 1924 году в Московской богословской академии, разрешение на открытие которой было получено раскольниками-обновленцами. Профессор Белоликов присоединился к обновленческому расколу и стал его активным участником, членом обновленческого Синода от мирян. В статье «Мученики братья Белоликовы» (вологодская газета «Речь», 1994. № 220–221) священник Николай Балашов пишет: «Как же оказался в стане раскольников человек, воспитанный в семье со столь крепкими церковными традициями да еще и посвятивший до этого свою деятельность изучению и обличению раскола? А ведь профессор Белоликов, не ограничиваясь своими лекциями по истории Русской Церкви, принимал в те годы активное участие в обновленческих соборах и совещаниях, был хранителем и редактором произведений знаменитого митрополита Введенского. Не стоит, однако, забывать, что обновленческое движение состояло вовсе не из одних только конъюнктурщиков вступивших в союз с коммунистами по борьбе с гонимой «Тихоновской» Церковью; среди «живоцерковников» было немало людей искренних и болеющих за Церковь, страдавших от недостатков церковной жизни в дореволюционной России и надеявшихся найти пути ее улучшения».

В 1934 году В. З. Белоликов резко порвал с обновленческим движением. Циркуляр, разосланный управлением обновленческой церкви, сообщал: «Священный Синод

Православных Церквей в СССР сим поставляет Вас в известность, к сведению и руководству, что Василий Захариевич Белоликов, уволенный со службы при Священном Синоде постановлением Священного Синода от 1 марта 1934 года, определением Священного Синода от 4 июля с. г. освобожден и от данного ему назначения в Казахстанское МЦУ и поэтому должен считаться с 4-го сего июля никакого отношения к Православной Обновленческой Церкви не имеющим. Председатель Священного Синода митрополит Виталий»²²⁷.

Последовавший 28 апреля 1935 года арест и осуждение на три года были, видимо, следствием этого поступка. По свидетельству племянника Антонина Николаевича Белоликова, «дядя Вася вышел из дому и не вернулся». Из справки Верховного Суда РСФСР: «Определением Судебной Коллегии по уголовным делам от 16 октября 1991 г. постановление особого совещания при НКВД СССР от 28 апреля 1935 г. в отношении Белоликова Василия Захариевича, 1887 г. рождения, осужденного по статье 121 УК РСФСР к трем годам лишения свободы, отменено, и дело производством прекращено за отсутствием в его деятельности состава преступления. (...) Согласно материалам дела, Белоликов В. З. до ареста работал управляющим делами Ногинского завода грампластинок».

Известно доподлинно, что жизнь Василия Белоликова кончилась мученически и вне греха раскола.

5. Митрополит Анатолий (Грисюк; 1880–1938) известный на юге России исповедник. Окончил Киевскую Духовную Академию. Обладал выдающимися способностями к научно-богословской работе. Был оставлен в Академии профессорским стипендиатом и очень скоро получил степень магистра богословия. С 1913 года – епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии, и ректор Казанской Духовной Академии.

После революции разделил судьбу многих пастырей, пользовавшихся любовью народа. В 1924–1927 годах владыка Анатолий находился в заключении на Соловках. С 1928 года – архиепископ Одесский. Он присоединился к Декларации митрополита Сергия, был назначен членом сергианского Синода. Будучи свидетелем разрушения одесских храмов,

арестов настоятелей и лучших проповедников Одессы, он метался по учреждениям, вымаливая пощады своим подчиненным, но встречал насмешки и поношения. Сам владыка был запрещен в служении, и все же его арестовали и совсем больного отправили в заключение на север, где владыка Анатолий и скончался в 1938 году.

6. Архиепископ Иоанн (Поммер; 1876–1934) – по происхождению латышский крестьянин. В 1897 года окончил Духовную Семинарию в Риге, в 1900 году поступил в Киевскую Духовную Академию. Был ректором Литовской Духовной Семинарии. После революции, уже будучи архипастырем, посажен в тюрьму и приговорен к смертной казни. Был помилован и вернулся в Ригу, где владыку избрали архиепископом Рижским и всей Латвии (1921 г.). С 1925 года архиепископ Иоанн – член Латвийского сейма. Благодаря его усилиям Православная Церковь получила в Латвии равные права с другими церквями. Его речь по случаю кончины Патриарха Тихона – выдающееся свидетельство любви, верности и мужества.

Владыка Иоанн погиб смертью мученика – был заживо сожжен на своей загородной даче под Ригой. По одним предположениям его убийство – дело рук дружинников латвийского диктатора Ульманиса, по другим – чекистов.

7. Архимандрит Кирилл (Смирнов Константин Илларионович; 1863–1937) впоследствии был епископом Тамбовским и Шацким (1909–1918), с 1913 года – архиепископ, затем митрополит Казанский и Свияжский. В завещании Патриарха Тихона – 1-й кандидат в Местоблюстители патриаршего престола. Неоднократно был в заключении и ссылках. В 1929 году выступил против «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), за что 2 января 1930 года Синод вынес постановление о предании его суду епископов и отстранении от управления Казанской епархией. 19 августа 1933 года по окончании срока ссылки в городе Гжатске хотел воссоздать ликвидированную органами ОГПУ «Истинно Православную Церковь» совместно с епископами Дамаскином (Цедриком), Серафимом (Самойловичем), Парфением

(Брянских). Арестован вновь в июле 1934 года и сослан в Казахстан. По приговору Южно-Казахстанского НКВД расстрелян вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) и епископом Евгением (Кобрановым) в Чимкенте²²⁸.

8. Епископ Сергей (Лавров Алексей Петрович), сын священника села Большечева Мценского уезда Орловской епархии, родился 2 февраля 1878 года. После окончания Орловской Духовной Семинарии он поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха на 4-м курсе, в 1902 году. В том же году окончил Академию вторым по списку, назначен в Урмийскую православную миссию. В 1903 году возведен в сан игумена. В 1904 году стал начальником той же Миссии в сане архимандрита. 1 декабря 1913 года хиротонисан во епископа Салмасского. В 1916 году из Миссии отозван, получил назначение на Соликамскую викарную кафедру, на место, предназначавшееся епископом Пермским Андроником архимандриту Пимену, но служить там отказался, так же как и на вновь созданной Семиреченской и Верненской кафедре, на которую он тоже не поехал. Это был своего рода протест против отъезда из любимой Урмии. Епископ Сергей оставался в Тамбове под покровительством старого урмийца – архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова).

По свидетельству митрополита Евлогия (Георгиевского), епископ Сергей «под влиянием революционных настроений» на короткое время переходил в англиканство²²⁹.

Пройдя через многие испытания гражданской войны, епископ Сергей остался в Советской России. В 1922 году был арестован и сослан в Ашхабад. В жизнеописании русских архиереев, составленном митрополитом Мануилом (Лемешевским; † 1968), с 1923 по 1927 год он значится епископом Семиреченским и Верненским, временно управляющим Ташкентской и Среднеазиатской епархией. Однако, судя по документам Центрального архива Узбекистана (ф. Р-39, д. 659 а), в 1924 году в Ташкенте ни среди обновленческих, ни «тихоновских» иерархов епископа Сергея нет. Епископ Сергей активно обнаруживает себя с марта 1925

года воззванием, направленным против обновленческого раскола, которое имело большое значение для Туркестана. Один за другим священники стали писать ему заявления с покаянием и просьбой принять их из раскола в «Старую Церковь». Успешная деятельность по восстановлению истинной Церкви повлекла за собой в декабре 1925 года арест и, видимо, новую ссылку тут же, в Туркестане. К этому времени митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским), Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, владыка Сергей был запрещен в служении впредь до принесения публичного покаяния во временном признании обновленчества в 1923 году. В феврале 1927 года в Ташкенте епископ Сергей вторично объявил об уходе в обновленчество и женился. Известно, что в 30-х годах он был нижегородским обновленческим архиереем. О конце жизни епископа Сергия сведений нет.

Исторический интерес вызывают тексты двух ранее не опубликованных писем, имеющих отношение к характеристике епископа Сергия.

Письмо священника Григория Лазуревского епископу Сергию (Лаврову) из Алма-Аты:

«Ваше Преосвященство, Преосвященный Владыко!

Божию Промыслу угодно было толкнуть меня в Верный. Будучи у Вас, я даже не помышлял о нем. Отец Александр Поплевин направлял меня в Пржевальск, но когда у нас произошел разговор о Верном и он мне сказал, что в Пржевальске есть уже, и не один, священник, а в Верном нет никого, я решил поехать в Верный. Председатель общины Тимофей Наумович Тютюнников совместно с секретарем Петром Михайловичем Беленко не покидали хлопот о регистрации общины и вот 6 декабря с. г. получили регистрацию. Всего без дела я просидел 13 дней, хотя в это время помогал им, а главное, помог тем, что с собой привез Уголовный Кодекс РСФСР и в заявлении начали указывать статьи закона. Все это дело Божие. Приезд мой ободрил их. В среду с Божией помощью и с Вашего благословения, испрошенного телеграфно, 7 декабря приступил к служению. Богослужение предполагаем ежедневно пока, а дальше – как Бог велит. Сняли дом, но

хлопот о храме не оставили. На заявлении о храме получена надпись: «Троицкую церковь для общины староцерковников можете хлопотать в ЕУ, так как Троицкая церковь находится в ведении ЕЦУ. Власть понижает себя в пользу обновленцев, дабы подчинить староцерковников обновленцам. В день регистрации прислал настоятель Троицкой церкви Соколов делегата о соединении с нами, но здесь заподозрили выходку один раз уже проделанную автокефалистами, и им отказали, решив молиться пока на дому. Из обстоятельств, а тем более из разговоров видно, что для перехода всего духовенства в истинную Церковь не хватает теперь Вашего Преосвященства присутствия, о чем они неоднократно высказывались (конечно, насколько кто искренно). Ввиду чего по поручению Церковного Совета просим Вас, Владыко, если найдете для себя возможным, приехать в г. Верный, если не навсегда, то хотя бы временно. Мы уверены, что Ваше появление заставит обратиться, если не все заблудшее духовенство, то по крайней мере 2/3, а то даже и весь народ, столкнувшийся духовенством с истинного пути, снова встанет на путь истинный, и в день Рождества Христова, как звезда над вертепом, над Семиреченской областью воссияет истинная вера. Если согласитесь с нашими доводами и благоволите приехать, телеграфируйте, а мы телеграфно вышлем на дорогу деньги. Просим Ваших святительских молитв, чтобы Всемогущий Господь дал нам крепость бороться с врагами Христовой Церкви – ее отступниками.

1925 г., 8 декабря н. с. С совершенным смирением священник Григорий Лазуревский»²³⁰.

Из письма епископа Луки (Войно-Ясенецкого), управляющего Туркестанской епархией, митрополиту Сергию (Страгородскому) из Ташкента. 2 марта 1926 года:

«...По приезде в Ташкент 8 февраля я нашел тяжелое разделение в православной пастве, дошедшее до непримиримости и даже вражды; оно было вызвано назначением Преосв[ященного] Сергия (Лаврова) моим временным заместителем, ибо он скомпрометировал себя в глазах всей ташкентской паствы временным признанием ВЦУ, а

затем намерением снять сан и жениться; многие поэтому отказались признать его и полагали, что Св[ятейший] Патриарх при назначении его не был осведомлен о нем, хуже всего то, что Преосв[ященный] Сергей, несмотря на большое волнение в народе, категорически отказался засвидетельствовать перед народом или хотя бы перед советом кафедрального собора о своем покаянии перед Св[ятейшим] Патриархом и о намерении быть впредь верным ему. Так, по крайней мере, утверждают люди, заслуживающие доверия. Дело дошло до того, что виднейший из туркестанского духовенства митрофорный протоиерей о[тец] Михаил Андреев, мой ближайший сотрудник по борьбе с «Живой Церковью», вместе со мной вернувшийся из ссылки, отказался служить со мной без освящения храма после Преосв[ященного] Сергия и уехал в Москву. Для успокоения народа было весьма важно снять запрещение со священников, наложенное Преосв[ященным] Сергием за непризнание его, ибо этих священников считают наиболее стойкими в Православии. Поэтому я вскоре по приезде добился свидания с Преосв[ященным] Сергием, находящимся под арестом уже более двух месяцев, и просил его снять запрещение, но он категорически отказался, заявив, что иеромонахи Александр и Аристарх должны оставаться под запретом в течение года, а архимандриты Вениамин и Мелхиседек – до освобождения его из-под ареста или возвращения из возможной ссылки; мотивировать свое решение Сергей не счел возможным в присутствии чекистов. Я объявил об этом народу и запрещенным, но из них иеромонах Аристарх не подчиняется, а архимандрит Вениамин протестует лишь против моего указания о недопустимости запрещенным благословлять народ, считая его ошибочным. Запрещение архимандрита Мелхиседека не может иметь силы, так как в то время он был уже рукоположен во епископа, о чем Преосв[ященный] Сергей, очевидно, не знал. Вина запрещенных в значительной мере уменьшается тем, что они получили от епископов Андрея (Уфимского) и Петра (ныне архиепископа Воронежского) наставление в непризнании Преосв[ященного] Сергия. Снятие запретов с иеромонахов Александра и

Аристарха (он, я думаю, подчинится и покается) в значительной мере облегчило бы мне весьма трудную задачу умирения и соединения ташкентской паствы.

О Преосв[ященном] Сергии, как мне передают м[итрополит] Киевский Михаил, отбывающий в Ташкенте ссылку, сказал, что он действовал здесь как самый достойный архиерей, из паствы очень многие полюбили его за кротость, смирение и незлобие».

Резолюция Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия:

«1. Ввиду того, что запрещенные епископом Сергием архимандрит Мелхиседек, иеромонах Александр не признали его не из любоначала, а по искреннему опасению потерять чистоту Православия, причем епископ Сергей, произведший смущение совести православных, не принял со своей стороны мер к успокоению их, признать запрещение наложенным неправильно и поэтому отменить. (1Всел. 5; Антиох. 6)²³¹.

Усматривая из настоящего доклада, что епископ Сергей своим поведением в состоянии обновленчества произвел великий соблазн среди православных и этот соблазн не устранен и переходом епископа Сергия в Православие, так как самый переход совершен без каких-либо внешних доказательств, признать невозможным не только поручение епископу Сергию архипастырского попечения православными приходами Туркестанской епархии, но и разрешение ему в ее пределах священнослужения, впредь до принесения им публичного покаяния с обещанием быть до конца верным Св[ятой] Церкви.

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей, митрополит Нижегородский»²³².

9. Интересно, что келейником епископа Арсения в те годы был будущий митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов; † 1975), а тогда восемнадцатилетний Ваня. В 70-х годах он узнал отца Пимена на фотографии, которую ему принесли в его алма-атинский дом, и очень обрадовался... В конце жизни взор особенно пристально оборачивается к истокам судьбы, оживают лица и голоса давно ушедших людей, которые

становятся невидимыми спутниками стариков в последнее отпущенное им время...

Со своим водителем митрополит Иосиф ездил в рощу, расположенную в городской черте Алма-Аты. Брали для отвода глаз корзину для грибов, шли к месту, где епископ Пимен был расстрелян. Митрополит Иосиф ни с кем не делился своими воспоминаниями о «контрреволюционном» епископе. И нам остается остановиться лишь на сообщении во владикавказской печати о посещении Ардонской Духовной Семинарии епископом Арсением и как бы увидеть все глазами Вани Чернова. Отец Пимен встретил их с крестом в руках, возглавляя семинарский церковный причт, и предварил строго и самоуглубленно совершавшуюся литургию словами:

«...В то время, когда оскудевают преподобные и умалются истины от сынов человеческих, благовременно требуется особо напряженная работа от тружеников духовного просвещения... Вам, Владыко, как бывшему руководителю вверенной мне школы, без сомнения, хорошо известны условия благоприятные и неблагоприятные ее успешной работы. Она находится вдали от шума городского, от всяких развеивающих внимание впечатлений городской жизни. Человеку, готовому к усидчивым и серьезным занятиям, нельзя придумать лучше места, чем наша Семинария. Кроме того, здесь среди сельской природы легче сохранить юношескую чистоту и свежесть своих чувств... Но злая молва говорит, что здешняя обстановка заставляет дичать насельников Семинарии что она удалена от культурного центра края... От нас зависит, она сама может быть таковым центром... Хочется, наконец, полюбить это святое уединение и использовать его на пользу общую».²³³

10. См. рукопись очерков В. А. Игнатьева по истории Пермской Духовной Семинарии, которая хранится в личном фонде П. С. Богословского в Пермском областном архиве. В тексте приводятся отрывки из очерка «Наша Семинария в период первой империалистической войны». Ниже приводим другой, также ранее нигде не опубликованный, очерк.

Alma mater

Наша Семинария находилась в северной части горсуда и была расположена на высоком крутом берегу Камы... Со всеми своими постройками во главе с основным корпусом она занимала целый квартал строений, фасадом обращенный к городу а тыловой стороной к Каме; на востоке строения граничили с площадью перед кафедральным собором и архиерейской церковью, а на западе – с домами частных домовладельцев-горожан. Главный корпус имел форму буквы «П» с выступами на востоке и западе внутрь двора. Это было старинное трехэтажное здание с высоким средним этажом и сравнительно низким третьим и первым. Таким главный корпус и был увековечен на многих фотоснимках. Весь верх за исключением верхней части церкви, был отведен под спальни. В центре среднего этажа находилась церковь, двухсветная, в которую вела снизу мраморная лестница, сильно потертая, уже с небольшими ямками. В церкви было довольно богатое убранство: серебряный с литыми изображениями святых престол, также Царские врата и по обе стороны в нижнем ряду иконостаса – иконы, считалось за честь каждого старосты оставить по себе память каким-либо пожертвованием на украшение храма. Благодаря попечению старост, пол в церкви был покрыт коврами из крашеных веревок, чтобы не было жестко становиться на колени.

Значительное место в этом же этаже занимали актовый зал и фундаментальная библиотека. Самым замечательным в зале был художественно расписанный потолок с изображением четырех евангелистов и текстом из Евангелия Иоанна Богослова, помещенным в главном круге по всему потолку. Несомненно, это была чья-то заслуживающая внимания работа. Фундаментальная библиотека гордилась свитком Библии на древнееврейском языке (Торой) – даром архимандрита Антонина (Капустина), бывшего ученика Семинарии. В западном крыле – ученическая библиотека. Остальное пространство – 8 ученических комнат вдоль здания и по крыльям.

Первый этаж – налево вешалка для семинаристов, каморка дежурного швейцара, а по крылу – комнаты обслуживающего персонала. Против квартиры инспектора – гардеробная. Направо – квартира помощника инспектора, кабинет ректора, комната пед. советов, в юго-восточном углу – комната для секретаря, раздевалка для учителей и комната для официальных приемов с большим столом, она же – учительская. Против кабинета ректора и квартиры помощника инспектора – образцовая школа, состоящая из двух классных комнат и раздевалки. Это было любопытное учреждение, которым Семинария была связана с ближайшим к ней соседним населением. В восточном крыле – квартира эконома и семинарский архив. За лестницей – уборные старого образца со сквозными ретирадными воронками без всяких культурных приспособлений. На востоке продолжением восточного крыла было одноэтажное здание: проходная комната, столовая, буфет, кухня, одним окном выходящая на Каму. С севера два здания – одно баня (двухэтажное), вверху – комната для сторожей, столярная, отдельная комната ректорского кучера. Во втором – каретник, конюшни и свинарник, внизу – склад. Эта часть отделена была от главного корпуса деревянным заплотом с двумя воротами, а между ними находился громадный навес со штабелями дров.

Далее на запад по главному фасаду – одноэтажное здание больницы с аптекой и тремя просторными палатами. Далее – главные ворота и одноэтажное деревянное здание из 6–7 комнат – квартира ректора. Ворота были между кухней и водокачкой у бани (всегда закрыты) и у дома ректора, у которых днем и ночью сидел сторож. Во дворе Семинарии было два скверика и сад. Один – между двумя крылами главного здания, росли в нем могучие тополя. Другой – между больницей и западным крылом. В нем росли липы. Он примыкал к окнам квартиры инспектора, и считалось, что он в его пользовании, в нем же была звонница. Сад располагался вдоль западной стены от квартиры ректора. Здесь росли тополя в три аллеи. Он вообще не блистал красотой. Кроны тополей были запущены, и весь сад походил на беспризорный. Две точки в саду были

рассчитаны на внимание посетителей его: беседка у стены, прилегающей к обрыву у Камы и набор кое-каких физкультурных предметов у ректорской квартиры. Зимой вдоль аллей здесь устраивались катушки (горки. – О.Х). Вот в каком виде в нашей памяти сохранилась наша alma mater²³⁴.

11.Архиепископ Стефан (в миру Николай Иванович Знамировский; 1878–1941) до принятия монашеского пострига долгие годы был инспектором Пермской Духовной Семинарии. Хиротонисан во епископа в 1924 году. Предположительно был расстрелян в лагере 17 ноября 1941 года. Приводим неизвестные воспоминания о епископе Стефане В. И. Игнатьева.

Николай Иванович Знамировский

Николай Иванович был сыном земского начальника г. Ирбита Пермской губернии. Это был редкий случай, чтобы чиновник такого ранга, каким был в свое время земский начальник, отдал своего сына по линии духовного образования. Не приходилось ни от кого слышать, в каком Духовном училище учился Н. И. Судя же по тому, что ближе всего к Ирбиту Камышловское Духовное училище, можно предполагать, что он учился в нем... По окончании Пермской Духовной Семинарии Николай Иванович учился в Казанской Духовной Академии и кончил ее со степенью кандидата богословия. Я увидел Н. И. впервые, когда учился еще в Семинарии, а Н. И. был студентом Казанской Академии. Помнится, были вечерние часы занятий, а по коридору второго этажа Семинарии расхаживал высокий человек, брюнет, с пышной шевелюрой волос и бородой а la Fidel Castro²³⁵, в студенческой форме. Это был Н. И. Грешным делом я еще подумал: «Как же так, студент – а с бородой». Это не мирилось с моим представлением о студенте, и я останавливался только на том, что это, верно, какой-то уникал. Через два года Н. И. был назначен в нашу Семинарию преподавателем литургики и гомилетики, которые преподавались в пятом классе... Н. И. большое внимание уделял гомилетике, проповедническому искусству. Это было его стихией. Мы писали Н. И. проповеди, и он особенно подчеркивал нам, чтобы в них была «элейность» и «помазанность». Ареной проповеднической деятельности для Н. И. была Стефановская часовня, которую он называл «училищем благочестия». Здесь по воскресным и праздничным дням в послеобеденные часы совершался молебен, а затем произносилась проповедь. Нужно было видеть Н. И. в момент произнесения проповеди. Он весь становился каким-то подтянутым, стремительным, взгляд его был направлен вдаль, голос звучал властно, и весь вид его был величественным... Инспектором Семинарии Н. И. был назначен через год вместо Миролубова. Мы, семинаристы, размышляя о судьбах нашей

alma mater, грешным делом сомневались в целесообразности такого назначения, зная очень мягкий характер Н. И. и «жесткий характер» нашей братии, думали: развалит он дисциплину. Однако подпорой Н. И. были его помощники, в числе которых далеко не мягкий Н. И. Колосов. На нашей памяти Н. И. был третий и последний инспектор Семинарии. И какая же получалась пестрота стилей их инспекторского руководства! Пользуясь литературными аналогами, эти стили можно было бы представить в следующем виде. В качестве объекта для характеристики стилей возьмем семинариста, замеченного в пьяном виде (случай исключительный).

Павел Семенович Потоцкий. Стиль грубо администраторский. Громким голосом, с головой, поднятой вверх: «Что, опять нализался? Еще раз замечу – выгоню!» И не выгонял. (Собакевич).

Александр Павлович Миролубов. Стиль тонко иезуитский. Спокойным, но с иронией жалящим голосом, с глазами, опущенными долу: «Ну, что ж вы так. Опять, говорите, дьявол попутал. Нехорошо! Нехорошо!» И уволит. (Шуйский).

Николай Иванович Знамировский. Стиль уговаривающий, почти умоляющий. Рука на плече или в обхват талии. «Ну что тебя угораздило! Ну ладно, только больше не делай». (Царь Феодор Иоаннович). Если вдуматься глубже, то это были не только три стиля инспектирования, но это были и три эпохи в жизни Семинарии.

Мы видели Н. И. в качестве участника в богослужениях. Коронным выступлением его на этом поприще было чтение «Слова Иоанна Златоуста» во время пасхальной обедни. Четкость и выразительность доведены были до предельной точки... Это состояние восторга и экстаза, как говорил сам Н. И., связано было у него с душевным переломом, пережитым в юности. Он вспоминал о том, как в его душе когда-то появился червь сомнения и неверия и как в пасхальную именно утреню а потом и обедню он пережил яркий момент религиозного экстаза, навсегда утвердившего его в вере. Кончилось богослужение в семинарской церкви, а Н. И. стремительно отправляется на подворье Белогорского монастыря, где богослужение идет

более длительно: ему хочется еще и еще раз пережить пир веры. Н. И. летом одного года ездил с семинаристами в Палестину и вернулся оттуда крестоносцем Гроба Господня.

Н. И. жил со своей мамой. Отец у него уже умер. Поскольку нам удавалось наблюдать, у него было очень почтительное отношение к матери. У мамыши его был грубоватый мужской голос, и она называла его по имени и отчеству. Н. И. был холост, и поэтому ходили разные толки и кривотолки для объяснения этого явления. Так, одни говорили, что это мама не дает ему жениться, другие – что у него склонность к монашеской жизни, но он не решается на постриг, потому что не согласен с той частью процедуры пострижения в монахи, где предлагается отречься от родителей. Высказывали и такое предположение, что Н. И. примет священный сан, когда это разрешается без вступления в брак, то есть в возрасте 50 лет. Так на самом деле и получилось: он принял епископский сан уже в пожилом возрасте. Частым посетителем Н. И. был преподаватель Епархиального училища К. П. Пономарев, с которым они учились вместе в Академии. Это свидетельствует о том, что у него было развито чувство товарищества и дружбы. В отношении с сослуживцами Н. И. был очень общителен и внимателен, ничем не выделялся среди других. Даже на вечерах он держался просто, «компанейски», вплоть до того, что участвовал в играх. По отношению к семинаристам Н. И. старался все-таки держать «твердую руку», но по природе он был мягок...

В июне 1923 года²³⁶ проездом из Белоруссии в Шадринск на станции Богданович мельком я видел Н. И. уже в сане шадринского архиерея. Он «переезжал», а точнее сказать, его «переезжали» из Шадринска в Свердловск. Он был окружен провожающими. Зимой, направляясь в город на базар, я проходил мимо дома заключенных и у спуска в город, на углу ул. Малышева, я видел Н. И. с метелкой под мышкой... Это была моя последняя встреча с Н. И. Передавали, что в Шадринске он пользовался такой популярностью, что за ним, когда он шествовал, всегда следовала толпа его поклонников.

Дальнейшая история Н.И. покрыта мраком неизвестности. 1960 год²³⁷.

12. Епископ Сергей, выехав из Ирана, прибыл в Петроград, но на Соликамскую кафедру не поехал, а отправился в Тамбов под крыло архиепископа Кирилла (Смирнова), с которым когда-то начинал миссионерский путь в Урмии. Там же находилась часть сирийцев, преданных владыке Сергию – своему «абуну» (епископу).

На должность ректора Пермской Духовной Семинарии был назначен смотритель Балашовского Духовного училища архимандрит Феофан (Ильменский). 26 февраля 1917 года он и был хиротонисан во епископа Соликамского и Чардынского. Быть архиереем ему суждено было недолго. В декабре 1918 года при отступлении красных епископ Феофан был зверски умерщвлен. Есть сведения, приведенные М. Польским в книге «Новые мученики Российские» (Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 70), что Преосвященного Феофана окунали в прорубь Камы до тех пор, пока он не превратился в ледяную статую. Да упокоит его Господь в селениях праведных!

13. Епископ Андроник и архимандрит Пимен на протяжении почти двух лет пребывали в счастливом союзе единомышленников, близких по складу людей. Читая летопись событий тех дней, убеждаешься, что они почти всегда были рядом. Епископ – частый гость в Семинарии, вместе они проводят беседы для народа, участвуют в детских утренниках и благотворительных вечерах, совершают богослужения, оба почти ежедневно проповедуют. Служат Богу так, что их жизнь приближается к идеалу непрерывной литургии.

Оба были в прошлом миссионерами: епископ Андроник несколько лет служил в Японии в составе Православной миссии, а отец Пимен – в Урмии. Владыка Андроник сотрудничал со знаменитым святителем Николаем Японским (Касаткиным). К тому же пермский Преосвященный начинал свое служение в селе Ардон, в Семинарии для осетин. И здесь им было о чем поговорить, что вспомнить. Все эти внешние приметы в биографиях дополнялись внутренним родством: оба были цельными и очень чистыми людьми, у обоих в жизни не

было ничего расходящегося с проповедническим словом и данными обетами.

Церковные круги Перми встретили епископа Андроника, прежде занимавшего Омскую кафедру, настороженно, почти недоброжелательно. Видимо, наслушавшись об истовости нового архиерея, опасались фанатичности. Еще, вероятно, и поэтому владыка Андроник дорожил сотрудничеством с отцом Пименом. Их деятельный союз дал ощутимые плоды: не без основания было признано, что Пермская епархия пережила в тот период подлинный церковно-религиозный взлет.

Когда пришел 1918 год и был издан Декрет об отделении Церкви от государства, а за ним последовали грабеж церковного имущества, гражданская война и террор инакомыслящих, Преосвященный Андроник встал незыблемой крепостью на пути зла. Тайная расправа над ним в 1918 году, не найденная многие десятилетия могила – это почти то же, что случилось и с епископом Пименом. То, что удалось узнать о жизни архиепископа Андроника в последний год жизни, общим духом, мотивами и обстоятельствами почти повторяет действия епископа Пимена в Туркестане.

Грозные тучи нависли над головой пермского владыки с понедельника Страстной седмицы 1918 года. В тот день у него произвели первый обыск, ему запретили выезд из Перми, и произошел первый разговор с представителем большевистской власти, который затем стал одним из главных пунктов предъявленных владыке обвинений.

Для ответа на вопросы обвинения владыка Андроник должен был явиться в «Юридический отдел». По всей вероятности, тогда он и составил следующий конспект защитительной речи:

«1. Моя речь кратка: радуюсь быть судим за Христа и Церковь. Вы дорого стоите, а моя жизнь – плевок. 2. Контрреволюция, политика – не мое дело, ибо погибшая Россия спасется в нашей взаимогрызне от отчаянности. 3. Но церковное дело – святыня моя. Всех всюду зовя, отлучаю, анафематствую восстающих на Христа и посягающих на Церковь. 4. Кто слов не принимает, тот, может быть, убоится

суда Божия за захват священного. 5. Посему только через мой труп захватите святыню. Это мой долг, почему и христиан зову к стоянию до смерти. 6. Судите меня, а прочих освободите: они должны исполнить мою волю, пока христиане. Иначе анархия, развал, презрение от всех».

Народ, узнав, что владыке предстоит идти на суд, стал стекаться к соборной площади. Суд пришлось отменить, но 16 июня 1918 года последовал арест с обвинением по нескольким пунктам. Прежде всего, владыку обвиняли за воззвания, препятствующие разграблению церковного имущества в соответствии с декретом. Архиепископа Андроника обвинили и за послание губернскому исполкому, в котором он предупреждал, что «всякое посягновение на церковное имущество вынудит его прибегнуть к самым решительным мерам иного духовного порядка, и тогда власти придется иметь дело с самим возглавляемым и предводительствуемым им верующим народом...». В вину архиерею вменялось заявление о непонимании местной властью Декрета о свободе совести и предложение исполкому учредить особую комиссию для разработки и исполнения означенного декрета. Наконец, последним пунктом обвинения была проповедь архиепископа Андроника в Неделю о расслабленном. 13/26 мая 1918 года²³⁸.

О том, как исполнялся приговор ГубЧК о расстреле архиепископа Андроника, рассказывает в своих воспоминаниях один из главных исполнителей злодеяния, некий Платунов.

«1918 год. Для всех известен был руководитель духовенства архиерей Андроник. В июне месяце, согласно постановлению Пермской Чрезвычайной Комиссии, было решено Андроника арестовать за его подпольную работу против Сов[етской] власти. Арест нужно было провести без восстания, так как Андроником были разосланы циркулярные письма: «В случае моего ареста по всей Пермской губернии и церквам и соборам богослужения прекратить в знак моего ареста». Мне было поручено поставить по два конных милиционера у каждой церкви. На случай, если звонарь будет бить в набат, немедленно остановить. В случае неподчинения стрелять в звонарей в окна. В отсутствие мое Андроник уже был

арестован. Сколько дней Андроник пробыл в ЧК, не помню, но вскоре был отвезен в Мотовилиху к председателю Совдепа Мясникову. Вернули в ЧК не помню какого числа. С вечера позвонил мне т[оварищ] Воробцов, предупредил меня сегодня быть в готовности. Я заявился в ЧК, и он мне объяснил, что я сегодня должен архиерея Андроника расстрелять: «Свези туда, чтоб никто не нашел следов». Сделал я с вечера отряд конных милиционеров: три человека из латышей и из управления кучера Уварова Дмитрия. В первом часу ночи Уваров запряг в управлении кобылицу в закрытый фаэтон, три латыша и я – верхами. Заехали на двор Чеки [ЧК. – Ред.] по Коммунистической улице – угловой низенький серый дом со стороны электрической станции, утонувший в садах. Недолго пришлось нам ожидать. Быстро вывели под конвоем Андроника, который мне показался довольно странным. В черной одежде, высокой на голове камилавке, с посохом в руках. Старый и дряхлый человек, который из себя представлял одно лишь малодвижущееся существо, который, может, и играл большую роль на Урале. Я не отрицаю своих поступков. Принял Андроника с озлобленностью и строгостью. Выскочил из подвала Жужгов Николай, попросился со мной присутствовать на похоронах Андроника. Я усадил Жужгова с архиереем в фаэтон, и двинулись в поездку. Направление взял мимо Коромысловского цирка и выехал на Сибирский тракт; отъехав от населения не более 4–5 верст, свернул в левую сторону тракта. Заехали в лес, выбрали место для ямы, где начать копать. Дали лопату архиерею: копай сам себе могилу, вот вся тебе почесть от нас. Андроник безоговорочно взялся и начал копать под высокими елями. Грунт земли попался крепкий, красная глина. Копка могилы шла медленно. У Андроника руки не привычные к физическому труду, да к тому же дряхлость и бессилие быстроту работы задерживали. Для ускорения дела пришлось копать латышам. Два раза примеривали глубину могилы. Ложился Андроник, по несколько раз крестится, сложит руки на груди. Третий раз примерили. Как только Андроник лег в могилу – я стоял у его головы с наганом в руке. Один миг – Андроник больше не встал. Я дал два выстрела, Жужгов один

выстрел в голову Наследства осталось от Андроника – чутунные часы и серебряный крест с изображением Богородицы под синей эмалью, цепь и крест под золотом. Процесс похорон окончился. Возвратившись в управление крест и часы я положил в письменный стол. Куда их девали, я не знаю, а сведения я имел от некоторых лиц, что на цепи, которая от креста Андроника, предокрисполкома Дрокин водил собаку».

Жизнь архиепископа Андроника была для новой власти и самом деле «плевком». Однако отношение к себе пермского святителя наводит на размышление; откуда та готовность умереть тотчас, теперь? Где истоки такого глубокого смирения перед смертью? Ответ на эти вопросы можно найти в жизнеописаниях и владыки Андроника и владыки Пимена. Так жить, как жили они, могли только люди, которым всегда было, что называется, не до себя. Они давно махнули на себя рукой и крест на жалости к себе был поставлен задолго до того, как фаэтон повез по Сибирскому тракту одного, а тачанка – к роще Баума другого.

14. Владыка Андроник зачитал обращение Преосвященного Пимена в Стефановском зале. Текст обращения был опубликован в епархиальном журнале и в городских «Пермских ведомостях»: «Переживаемая ныне тяжелая война своею тяжестью придавила и христиан Персии. В 1914 году они подверглись нападению и беспощадному разорению со стороны своих соседей-мусульман и пришедших к ним турок и курдов. Храмы и дома их в большей я своей части оказались разрушенными, имущество расхищено, много женщин опозорено, мужчин убито. Убыль этого народа была бы гораздо больше, если бы Россия не приютила многих из них. Эти нашедшие приют в России православные сирийцы возвратились в Урмию летом 1915 года. Но не утешением, не отрадою встретила их родина. Много труда и скорбей ожидало их здесь. Приходилось собирать свои семьи, рассеянные страхом перед курдами и турками, устраивать разрушенные ими храмы и жилища. В этом прошел первый год их пребывания на разоренной родине. Понятно, они не успели, как прежде, старательно обработать свои поля и виноградники. И вот

нынешним летом они не дали сирийцам хорошего урожая. Новое испытание для наших братьев в вере, принявших на себя все несчастья войны. Многие из них не будут иметь этой зимой достаточного пропитания, и им угрожает голод. Они ждут помощи и от богатых американцев и французов, но больше всего им знакомо милосердие русских православных людей. Они просят нас, русских миссионеров, их не оставить, оказать помощь материальную. Но Миссия сама разорена врагами христианства, сама потеряла большую часть своего имущества. Поэтому она обращается к русскому православному народу с просьбой о помощи бедным сирийцам Урмии и Салмаса. Не дайте нам видеть их голодную смерть, поддержите их жизнь своими добровольными и посильными пожертвованиями. Вспомните, что сирийцы Персии близки нам по вере, близки и по любви к нам. И ныне они дают приют нашим православным воинам в своих селах и деревнях.

Не забудьте православных сирийцев, помогите им, ради Христа.

Епископ Пимен, начальник Урмийской православной миссии». ²³⁹

15. Приводим несколько документов.

Телеграмма от генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова на имя прокурора Св. Синода от 28 июля 1915 года № 394: «По поводу возбужденного перед Вами епископом Сергием ходатайства о денежной помощи урмийским христианам считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству, что я не имею доверия к епископу Сергию на основании имеющихся у меня сведений от его паствы, почему в случае, если Кавказский комитет признает возможным оказать помощь урмийским христианам, деньги будут переведены нашему консулу в Урмии. Дальнейшее пребывание Сергия в Урмии я признаю нежелательным, такого же взгляда держится и министр иностранных дел...» ²⁴⁰.

Отношение кн(язя] В. Орлова – А. Н. Волжину от 25 февраля 1916 года, Тифлис:

«... Нежелательный характер деятельности названного епископа внушает весьма серьезные опасения как в смысле

осложнения отношений между Духовной миссией и нашим вице-консулом, так и ввиду могущих возникнуть трений с миссиями французской и американской.

При таких обстоятельствах и принимая во внимание, что события настоящего времени требуют особой осторожности и такта со стороны всех представителей русской власти в Персии, каковым требованиям еп[ископ] Сергей совершенно не удовлетворяет, Августейший Наместник признает дальнейшее оставление еп[ископа] Сергия в Урмии совершенно недопустимым как в интересах политических, так и по соображениям военного характера...»²⁴¹.

16. В январе 1918 года произошла страшная шамхорская резня: нападение азербайджанцев на русских солдат и офицеров, возвращавшихся с Кавказского фронта по железной дороге домой. Погибло более пяти тысяч солдат и офицеров.

Для Урмии политика большевиков обернулась еще большей катастрофой, чем война в конце 1914 года. Летом 1918 года ее христианское население (25 тысяч человек) поднялось и двинулось на восток в сторону Хамадана под защиту английских войск. Это был неслыханный переход по трудно переходимым горам. Деятельность Урмийской православной миссии тогда практически свернулась, хотя в ней еще оставались сотрудники. Русские миссионеры – иеромонах Виталий (Сергеев), священник Василий Мамонтов и диакон Феодор Ииденко приняли участие в героическом переходе, о котором иеромонах Виталий докладывал митрополиту Антонию (Храповицкому)²⁴². Этот эпизод оставил след и в художественной русской прозе²⁴³.

Отец Василий Мамонтов не вынес тяжести пути и скончался в Хамадане в августе 1918 года. Осенью 1918 года иеромонах Виталий стал настоятелем православного прихода в Тегеране и служил в нем до 1946 года, находясь в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви. Указом заграничного Синода от 31 октября 1922 года он был возведен в сан архимандрита и утвержден в должности начальника Урмийской духовной миссии. Пребывая в Тегеране, он вел переписку со многими священниками и учителями рассеянной урмийской паствы. До 1927 года он подписывался как начальник Урмийской православной духовной

миссии, с 1928 года – настоятель Свято-Никольской церкви города Тегерана²⁴⁴.

17. Владыка Иннокентий управлял Верненской кафедрой несколько раз, причем его служение не всегда вызывало сочувствие паствы. Об этом свидетельствует, например, следующий факт.

9 июля 1917 года в городе Верном состоялся епархиальный съезд, на котором священники Хлебников, Кошиц, Антонов потребовали внести в протокол особое мнение о недоверии епископу Иннокентию. Съезд вынес смягченное, но поистине знаменательное для времени постановление: «Не просить Преосвященного Иннокентия о перемещении с Ташкентской кафедры на викарную Верненскую»²⁴⁵. К этому решению побудило поведение епископа во время киргизского мятежа в Семиречье в 1916 году. Преосвященный Иннокентий, оставив паству, бежал в Петроград, добившись сопровождения отрядом казаков в опасной части пути.

18. Епископ Лев (в миру Черепанов Леонид Всеволодович) родился в 1888 году в семье священника. Окончил Пермскую Духовную Семинарию в 1909 году. В 1923 году хиротонисан во епископа Нижне-Тагильского в 1927 году – епископ Алма-Атинский и Туркестанский. В 1929–1933 годах жил в Казани, был отстранен от церковного управления, в 1933 году – епископ Ставропольский. С 1934 года епархией не управлял. Стойкий тихоновец, оставил заметный след в церковной жизни 20-х годов. Приводим воспоминания о Пермской Духовной Семинарии, где говорится о епископе Льве.

Черепанов Леонид

Его все звали Ленечка Черепанов, наш Красавец. Он на самом деле выделялся среди других товарищей правильными и тонкими чертами лица, стройной фигурой и чуть кудрявыми волосами... Главное же его качество было в том, что до конца Семинарии он сохранил чистоту своего сердца, мягкость и деликатность в отношении к товарищам. Уже в пятом классе он, очевидно, решил готовиться к принятию священного сана, принимал участие в проповедническом кружке, выступил в Стефановской часовне под руководством Н. И. Знамировского. После окончания Семинарии он принял священный сан, но... неудачно женился на купеческой дочери. После революции постригся в монахи с именем Лев и был епископом в Нижнем Тагиле. Пользовался популярностью и любовью верующих, но потом был выслан, и на этом сведения о нем прекратились²⁴⁶

19. Извлечение из хроники «Служение Преосвященного Пимена в городе Верном и окрестностях»:

15 октября, воскресенье. Первое служение Преосвященным Пименом Божественной литургии в кафедральном соборе в сослужении с настоятелем собора протоиереем Шавровым, ключарем, протоиереем Д. Копыловым, и священниками: Вл. Червинским, И. Соколовым, И. Уверовым и В. Рощупкиным. Тема слова на притчу о сеятеле и семенах – «Добро сильнее зла». По окончании литургии (пропето) молебное пение о спасении Державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений.

На вечерне в крестовой церкви после акафиста – «Высокий смысл всех церковных обрядов».

22 октября, воскресенье. Праздник в честь иконы Казанской Божией Матери.

Всенощное бдение с литией, величанием и чтением акафиста в кафедральном соборе в сослужении причта собора. Литургия в Малоалматинской станице в сослужении с протоиереем В. Антоновым, о[тцами] Д. Поливкиным, В.

Червинским и П. Красивским. Тема слова – «Иконы – знамена православных христиан в их борьбе с врагами спасения».

На вечерне после акафиста – «О почитании святых икон».

29 октября, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с причтом собора. Тема слова – «О бесновании в наши дни».

На вечерне после акафиста – «О почитании святых».

5 ноября, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с причтом собора. Тема слова – «О примирении и общественной дисциплине».

На вечерне после акафиста – «О молитве за умерших».

8 ноября, среда. Литургия в станице Каскеленской в сослужении со священником В. Ельцовым, иеромонахом Анатолием, священниками М. Колосовым и К. Зверевым. Тема слова – «Пример людям в служении Ангелов».

12 ноября, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с о[тцом] игуменом Вадимом, протоиереем Д. Копыловым, о[тцом] Вл. Червинским и о[тцом] И. Соколовым. Тема слова – «Против пьянства как общественного зла».

На вечерне после акафиста – «О любви к отечеству».

21 ноября, вторник. Введение во храм Божией Матери. Всенощное бдение в кафедральном соборе в сослужении с причтом собора.

Литургия в Введенской церкви г. Верного в сослужении с прот[оиереем] Д. Копыловым, А. Кислицыным, о[тцом] Вл. Червинским и о[тцом] И. Соколовым. Тема слова – «Храм Божий – училище благочестия, лечебница и судилище для людей; школьное и домашнее воспитание детей – не тот отец, который родил, а который воспитал и научил».

26 ноября, воскресенье. Память великомученика Георгия. Всенощное бдение с литией и величанием вмч. Георгию в кафедральном соборе в сослужении с причтом собора.

Литургия в военной церкви в сослужении с протоиереями: Д. Копыловым, Вл. Антоновым, Г. Тихонравовым и о[тцом] А. Марковским. Тема слова – «В похвалу былой доблести русского воинства». По окончании литургии молебен вмч. Георгию на площади и окропление войск, праздник георгиевских кавалеров.

На вечерне после акафиста – «О посте, его смысле и полезности для христианина».

3 декабря, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с причтом собора. Тема слова – «Значение восстановления патриаршества для русского народа».

На вечерне после акафиста – «Бытие Божие доказывается существованием мира и совестью человека».

6 декабря, среда. Память Св[ятитсля] Николая. Всенощное бдение и литургия в кафедральном соборе. Тема слова – «Призыв к пожертвованиям на открытие питательных пунктов для бедных детей г. Верного».

10 декабря, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с прот[оиереем] Д. Копыловым, о[тцом] В. Червинским, о[тцом] И. Соколовым и о[тцом] В. Рощупкиным. Тема слова – «Возможны ли ныне чудеса».

На вечерне после акафиста – «О молитве и ее верности в деле спасения души».

17 декабря, воскресенье. Литургия в кафедральном соборе в сослужении с настоятелем о[тцом] прот[оиереем] А. Шавровым, ключарем, прот[оиереем] Д. Копыловым, и священниками о[тцом] А. Дольниковым и о[тцом] Тушкановым. На «Буди имя Господне» владыка огласил «Послание Поместного Церковного Собора по поводу происходящих в России междоусобий». По окончании литургии – молебен о спасении города Верного во время бывшего в 1910 году землетрясения.

Пред молебном владыка сказал слово на тему «Все явления в физическом мире есть следствие нашей греховности».

На вечерне после акафиста – «О преподобных»²⁴⁷.

20. «Семиреченские областные ведомости» от 14 января 1918 г. сообщают: «В воскресенье, 14 января 1918 года, Союзом Георгиевских кавалеров и военных инвалидов устраивается музыкально-вокально-драматический вечер, сбор с которого поступит на улучшение жизни инвалидов и их семей и семей убитых на войне».

Помещаем еще один документ, отражающий деятельность епископа Пимена в Верном. Из журнала Верненской городской управы:

«Преосвященный Пимен, епископ Семиреченский и Верненский, обратился к городскому голове с просьбой об ассигновании от города денежной суммы на содержание хора кафедрального собор» мотивируя свою просьбу недостаточностью отпускаемых на это сумм из средств самого собора в количестве 110 рублей ежемесячно. Хор состоит более чем из 20 человек, добросовестно относящихся к своим обязанностям, но получающих за это ничтожное вознаграждение, а потому Преосвященный Пимен озабочен изысканием необходимых средств для справедливого удовлетворения всех участников хора по их трудам и заслугам и, не рассчитывая в этом случае на частную благотворительность, решил прибегнуть к общественной помощи, прося Городскую думу отпускать на содержание хора до 50 руб[лей] ежемесячно, а всего в год до 600 руб[лей]. Докладывая настоящее ходатайство епископа Пимена на благоусмотрение Городской думы, Управа, со своей стороны, полагала бы удовлетворить таковое, так как материальная помощь со стороны города обеспечит дальнейшее правильное существование певческого хора в главном нашем соборном храме, как усердно посещаемом горожанами, благодаря не в малой степени прекрасному церковному песнопению, что и в будущем послужит к удовлетворению духовно-эстетического чувства и возвышения религиозного настроения молящейся массы, так нуждающейся в настоящее смутное время нравственных шатаний в душевном упокоении и облегчении.

Выслушав мнение гласных по настоящему вопросу, собрание Думы, соглашаясь с докладом Управы, признает необходимым вопрос об ассигновании 600 рублей разрешить путем открытого голосования, причем за удовлетворение ходатайства Преосвященного оказалось поданным 20 голосов и против – 3 голоса. Поэтому Верненская Городская дума постановила: на содержание хора певчих Верненского

кафедрального собора ассигновать из средств города кредит 600 рублей в год, внесе таковой в смету на 1918 год»²⁴⁸.

Примечательно, что последний известный нам документ, написанный святителем, – доверенность епископа Пимена на имя регента архиерейского хора священника Петра Белоусова на получение от Городской управы 50 рублей для хора в счет августа 1918 года. Сумма эта хору не была выдана, так как постановлением от 9 октября 1918 года Верненский городской отдел Верненского уездного Совдепа определил «ежемесячную выдачу на содержание хора Верненского кафедрального собора по 50 рублей прекратить с августа месяца 1918 г»²⁴⁹.

21. В хронике церковной жизни по поводу первого собрания читаем:

«Собрание духовенства и мирян города Верного, обсудив 3 декабря приближение голодной опасности населению города Верного, решило взять на себя заботу о питании в пределах своих приходов детей беднейших родителей. Для изыскания средств на питательные детские пункты было постановлено произвести за богослужением 6 декабря «нарочитый сбор», а затем учредить кружку для сбора пожертвований деньгами и натурой по домам более состоятельных жителей приходов. Насколько отзывчиво прихожане откликнулись на это благое начинание отцов настоятелей города Верного видно уже из того, что сбор 6 декабря выразился в некоторых храмах далеко выше сотни рублей»²⁵⁰.

22. Из «Туркестанских епархиальных ведомостей» 1918 года. №1:

**Маршрут поездки Его Преосвященства
Преосвященнейшего Пимена от гор. Верного до гор.
Пржевальского (через Пишпек) и обратно от ст.
Джил-Арык (через Кастек) до гор. Верного для
обозрения церквей.**

1. Гор. Верный
2. Каскеленская
3. Сел. Самсоновское
4. Сел. Казанско-Богородицкое
5. Ст. Самсу
6. Ст. Таргань
7. Ст. Отар
8. Ст. Курдай
9. Ст. Сюгаты
10. Сел. Георгиевское
11. Ст. Константиновская
12. Сел. Молдаванское
13. Гор. Пишпек
14. Сел. Лебединское
15. Сел. Ново-Покровское
16. Сел. Димитриевское
17. Сел. Краснореченское
18. Сел. Ивановское
19. Сел. Большой Такмак
20. Сел. Старый Такмак (Белый Бекет)
21. Ст. Джил-Арык
22. Кок Майнак
23. Ст. Новодимитриевская
24. Ст. Тура Айгыр
25. Сел. Чактал
26. Ст. Чулпан-Ата
27. Ст. Курумды
28. Сел. Сазановское
29. Уй Тал
30. Мужской монастырь

31. Сел. Преображенское
32. Гор. Пржевальск
33. Сел. Преображенское
34. Мужской монастырь
35. Уй Тал
36. Сел. Сазановское
37. Ст. Курумды
38. Ст. Чулпан-Ата
39. Сел. Чактал
40. Ст. Тура Айгыр
41. Ст. Новодимитриевская
42. Кок Майнак
43. Ст. Джил-Арык
44. Михайловское
45. Бургунь
46. Сел. Казанско-Богородицкое
47. Каскеленская
48. Гор. Верный

ПРИМЕЧАНИЕ. Выезд Его Преосвященства намечается 10 января 1918 года.

23. Настоятелем Иссык-Кульского монастыря в то время был бывший заведующий церковноучительской школой города Владивостока архимандрит Иринарх (в миру Иван Семенович Шемановский), принявший настоятельство в 1915 году и переживший киргизский набег на монастырь. Уже летом 1918 года он станет активно сотрудничать с большевиками Пржевальска, прибудет в город Верный, а после расстрела владыки подаст заявление о приеме в партию.

Интересный документ отыскался в бывшем архиве компартии Казахстана, ныне Президентском (ф. 1, о. 1, д. 6, л. 36). Он был написан через три недели после расправы над владыкой Пименом:

«В Верненский отдел партии социал-демократов большевиков настоятеля Иссык-Кульского монастыря Пржевальского уезда архимандрита Иринарха
заявление

Расположенный к народовластию еще со времен первой революции 1905 г. и будучи идейным коммунистом около 20 лет я по сию пору юридически был беспартийным. Желая в настоящее время примкнуть к партии социал-демократов большевиков, я покорно прошу сделать обо мне, за мой счет, телеграммный запрос в Пржевальск у товарищей Гречки и Маричека и по получении благоприятного ответа зачислить меня в число партийных работников.

Архимандрит Иринарх. 5 октября Ю18 г.

Адрес Архиерейский дом».

Очень скоро Иван Семенович Шемановский освоился среди «товарищей» настолько, что стал сотрудником «Вестника семиреченского трудового народа». На страницах этого печатного органа он доказывал родительским школьным комитетам, возмущенным отменой преподавания Закона Божия, необходимость и даже полезность этого шага для христианства. Писал об оставшейся без описи огромной архиерейской библиотеке, которая собиралась несколько десятилетий, и просил поскорее ее национализировать. В большой статье «Отцы пустыnnики и жены непорочны» отец Иринарх подвергал злой критике быт и нравы насельников монастыря и верненского духовенства во главе с Преосвященным Иннокентием. Досталось даже покойным епископам Неофиту и Паисию. О владыке Пимене – ни слова. Завеса молчания²⁵¹.

По косвенным документам можно заключить, какой болезненной и тревожной была для верненских Советов церковная тема. В конце декабря 1918 года, под Рождество Христово, заведующий отделом записи актов гражданского состояния бывший богомаз и дьячок С. Федотов, будучи в пьяном виде, сделал самочинное распоряжение благочинному отцу Владимиру Антонову отслужить в соборе всенародную панихиду по случаю годовщины убийства Временным правительством большевистских агитаторов Овчарова и Березовского. На панихиду явилось все городское духовенство, кроме архимандрита Иринарха. Последний поставил в известность руководителя верненских большевиков. Тот, возмущившись неслыханным самоуправством работника одного

из советских учреждений, снял С. Федотова со всех должностей и открыл на него дело в Ревтрибунале. В показаниях Шемановского читаем: «Простой верующий народ (разные старики, старухи, ханжи из престарелых дев, истеричных девчонок и пр.) сбор духовенства на помянутую панихиду может толковать как попытку власти оказывать давление на Церковь, отделенную от государства, что не может быть благотворным для власти, нуждающейся в скорейшем умиротворении населения»²⁵².

В те же дни в «Вестнике семиреченского трудового народа» появляются рассуждения типа: «согласно ли с духом социализма гонение на Церковь и веру?». В них, без указания на лица, автор пробует расценить расстрел владыки как политическое деяние, не выражающее отношение к Церкви и вере в целом. «Если же недостойные священнослужители обращают иногда Церковь в арену для разжигания политических страстей, то сама Церковь здесь ни при чем, как ни при чем и вера. Виноват всецело священнослужитель, забывший свои прямые обязанности, и только к нему может быть применено социалистической властью решительное воздействие. Поэтому все разговоры в форме слухов о предстоящих гонениях веры, разрушении церквей, уничтожении икон не соответствуют действительности и с духом чистого социализма совершенно несовместимы»²⁵³.

«Прямые обязанности» священнослужителя, на которые указывает в статье ее автор – это совершение богослужений без малейших попыток просвещения и воспитания народа, без евангельского слова и проповеди христианского единения народа. Скоро оно одно и останется возможным в Советской России. В одной из своих статей в верненской большевистской газете Шемановский будет рассуждать о том, что иконы должны быть убраны из классов и других общественных мест и этим ограждены от «намеренных либо случайных кощунственных выходов». «Аннулирование «господствующего» положения Православной Церкви возвратит ее к первобытной христианской простоте, которая покоряла сердца древних иудеев и римлян.

Теперь настал момент возможности осуществлении этого идеала».

Весной и летом 1919 года И.С. Шемановский, вернувшись в Пржевальск, будет руководить коммуной «Единение» и редактировать местную большевистскую газету «Голос пролетариата». Если епископ Пимен за сохранение народно-церковных устоев, в том числе и в семейной жизни, отдал жизнь, то «герой революции в рясе» и апологет «человеческой естественности» смотрел на вещи иначе. В своей газете он противопоставлял освященному браку такую вот «чистоту»: «В коммуне царит свободная любовь полов, но не допускается разврат. Свободная любовь – одно из естественных чувств человека – всегда открыта, а разврат закрыт. Мужчины и женщины из членов коммуны могут сходиться только для чистой любви, а не для случайного разврата. Если такие взаимно любят друг друга, то замужняя или женатый, в целях удовлетворения своих влечений к другому или другой, должны предварительно в законном порядке развестись, чтобы вступить в легализованное новое сожительство».

Летом 1919 года в иссык-кульском селе Покровском вспыхнуло восстание, в котором казаки и крестьяне действовали заодно. Восстание было быстро подавлено, но из статьи Шемановского, громившего «смиреников в рясе», принявших в нем участие, мы узнаем имена насельников монастыря, которые не могли не сочувствовать действиям расстрелянного к тому времени епископа Пимена. Это иеромонах Геннадий (Гавриил Лобачев), по словам Шемановского, «бывший артиллерист, монархист по убеждению, передававший патроны восставшим, теперь свободно разгуливающий по Тюпу «на поруках». Это и бежавший после усмирения восставших иеродиакон Пахомий (Прохор Русин), «несколько лет роющий на монашеских землях пещеры, приобретая этим святость некую». С ним бежал и монах Ириней, новое имя которого Иларий, так как «чересчур высокопреосвященный Иннокентий разрешил облечь его в великую схиму».

Уже в начале осени 1919 года Иван Семенович Шемановский будет исключен из партии и по делам коммуны привлечен к суду в Ташкенте. В ноябрьском номере «Голоса Семиречья» (1919 г., № 116) была опубликована статья под названием «К позорному столбу». В ней, в частности, говорилось: «Исполком бюро Туркестанского краевого комитета, просмотрев дело о коммуне «Единение», постановил: архимандрита Шимановского, бывшего настоятеля Иссык-Кульского монастыря и поныне носящего рясу и, несмотря на постановление партийного съезда, числящегося коммунистом, советским работником и даже ответственным редакции Пржевальской газеты, немедленно исключить из партии, убрать со всех выборных должностей и доставить под караулом в Ташкент для предания суду. 25 сентября 1919 г.» В дальнейшем след Шемановского затеряется.

Это был типичный обновленец, явившийся на арене общественной жизни, что называется, не ко времени, «просчитавшись» в сроках спроса на таких, как он. Он являлся антиподом епископу Пимену, предтечей скорого церковного раскола. Встреча с архимандритом Иринархом должна была оставить в душе владыки Пимена тяжелый осадок и недобрые предчувствия относительно последующих поступков этого человека, да и судьбы всей Церкви в целом.

24. Матушка Евфросиния, дочь казачьего генерала В. И. Бакуревича, была назначена настоятельницей Иверско-Серафимовского монастыря в 1915 году владыкой Иннокентием (Пустынским). Она не смогла обеспечить жизнь монастыря на том высоком уровне, который был задуман создателем обители Преосвященным Димитрием (Абашидзе), епископом Туркестанским. О нестроениях, начавшихся в монастыре, свидетельствуют факты: монахини начали покидать обитель, и в церковной хронике появилась заметка о посещении монастыря владыкой Иннокентием, который «ввиду наблюдаемого в последнее время частого ухода многих сестер из обители указал им на неблагоприятность этого поступка, обнаруживающего в них недостаток веры в Бога и внутреннего горения по Боге и Божией правде»²⁵⁴.

У владыки Пимена был опыт в разбирательствах запутанных взаимоотношений в женских монастырях. В 1912 году, будучи благочинным монастырей Владикавказской епархии, он представил к исключению из Георгиевского монастыря настоятельницу и двадцать сестер. На этот раз время было иным и было не до внутренних церковных усобиц. Мать Евфросиния, несмотря на личные недостатки, оказывала епископу Пимену помощь. Например, доход монастыря служил материальной поддержкой консистории и Архиерейскому дому после прекращения поступлений синодальных субсидий.

25. Текст «покаянного» письма насельниц женского Верненского монастыря:

Акт

12/25 марта 1918 года.

Мы, нижеподписавшиеся насельницы Иверско-Серафимовского верненского женского монастыря, собравшись в числе 41-й для производства выбора настоятельницы вышеназванного монастыря, единогласно постановили: 1) принести искреннее и чистосердечное раскаяние в содеянных нами огорчениях и оговорах пред матушкой игуменией Евфросинией и просить ее не оставлять нас и быть на шей настоятельницей, забыв все прошлые наши грехи; 2) для заведования монастырским хозяйством и наблюдения за нравственной жизнью насельниц избрать в помощь настоятельнице следующих лиц: казначеей монахиню Лидию, благочинной монахиню Дорофею, экономкой монахиню Анимаису, помощницей казначеи послушницу Дарию Назаренко, помощницей благочинной послушницу Анисию Резанову и помощницей экономки послушницу Евдокию Ткаченко; 3) настоящий акт в копии препроводить в военно-революционный комитет и просить его оставить вышеназванный монастырь на прежнем положении; 4) сообщить военно-революционному комитету, что насельницы монастыря считают прошение, поданное 2/15 марта с. г. за подписью 15-ти сестер, недействительным, в чем и подписуемся²⁵⁵.

26. Приводим одно из писем епископа Пимена:

«3 апреля 1918 г.

Милостивый Государь!

Вчера для реквизиции принадлежащей Архиерейскому дому единственной лошади приходил один человек, вероятно, из Реквизиционной Комиссии. Выслушав объяснения моего слуги, отставного унтер-офицера Диомид Пискура, и эконома игумена Вадима, что эта лошадь у нас единственная, что она обслуживает все нужды нашего дома, в котором проживает 17 человек, он не стал настаивать и удалился без лошади. Несколько часов спустя пришли за этою же лошадию солдаты в числе 4 человек. Но так как они не представили нам никакого документа на право реквизиции, то мой слуга опять им лошадь не дал. Он даже приглашал их идти вместе в революционный комитет, чтобы выяснить там их права, но они туда не пошли.

Сегодня у меня постепенно отняли моего вышеназванного слугу, потом взяли, хотя и под расписку, лошадь и. наконец, арестовали эконома игумена Вадима – старика 64 лет и всеми в городе уважаемого – за якобы неуважение к советской власти.

Я полагаю, что, уступивши своего коня, мы исполнили тем свой долг перед народом. Поэтому арест двух лиц из Архиерейского дома, из которых одно – духовное, старое и уважаемое в городе Верном, другое – бывший солдат, много пострадавший от нынешней войны и даже раненный на ней, является делом излишним. Тем более мне тяжела даже кратковременная утрата этих двух лиц, а также их отсутствие вредно отзовется на благосостоянии и на хозяйстве нашего дома, ибо теперь весна, и мы все были заняты огородными работами Диомид Пискур и игумен Вадим в этих работах для нас самые нужные люди.

Покорнейше прошу Вас оказать содействие скорейшему освобождению указанных лиц и о последующем меня уведомлении.

С почтением Епископ Пимен».

27. 19 сентября отряд Мамонтова-Кихтенко совершил расправу над обвинявшимся в мародерстве и сидевшим в тюрьме Токашем Бокиным. 25 сентября боец этого же отряда Красников расстрелял монахиню Анимаису (Затыльникову), монастырскую экономку, и ее помощницу послушницу Евдокию

Ткаченко. На беду Красникова монахиня Анимаиса оказалась теткой другого столь же славного» красного командира Николая Затыльников. По его настоянию Красникова судили, сохранился подробный протокол судебного заседания²⁵⁶. Но предварительно Затыльников учинил самосуд, так что «герой» революционных битв остался жив только благодаря звериному чутью к выживанию.

Из дознания выяснилось, что у монастыря была за городом заимка с домом и землей. Отряд, следуя в город, остановился на ней, арендаторы же монастырской земли, не желавшие расплачиваться за аренду частью урожая, оболгали монахиню Анимаису и послушницу Евдокию, опекавших заимку, обвинив их в контрреволюционной деятельности. Мамонтовцы решили не упустить случая и продемонстрировать свои «доблесть и решительность» в областном центре. Суд долго выяснял, давал ли приказ на расстрел сам командир Кихтенко, ко времени суда да убитый на фронте.

Протокол судебного заседания дал много ценных фактов, вносящих дополнительные пояснения и к убийству епископа Пимена. В частности, суд отметил, что «товарищ Кихтенко, как борец за свободу и советскую власть, не стал бы производить самочинные расстрелы и поручать их отдельным лицам из своего отряда, находясь в областном городе, где сосредоточена вся власть, областной трибунал». Говоря иначе – свои действия Кихтенко согласовывал с революционной властью.

Послушницу Дуню Красников арестовал в свой третий приезд в монастырь. Он привел ее в штаб отряда, находившийся прямо в казармах, и там оставил на ночь. Рано утром городским следователям сообщили, что около казарм лежит убитая женщина. Близко подъехать к ней они не решились, поскольку, по их словам, вокруг было много пьяных солдат. Красников на суде заявил, что он объяснил солдатам вину «монашки», но расстрелял ее кто-то утром в его отсутствие, причем ей дали перед расстрелом помолиться Богу.

Монахиню Анимаису Красников расстрелял в отделении милиции. Правда, за это он пробыл два дня под арестом: в

протоколе сказано, что боевой отряд возмутился расстрелами на виду – надо было бы за городом.

28. Архиерейский дом, отмеченный пребыванием в нем святителя и священномученика, в течение пяти лет после расстрела владыки Пимена был использован как детский интернат для детей от трех до двенадцати лет. Маленькая домовая церковь, стоявшая между двумя крыльями Архиерейского дома, в то время еще действовала: указом от 14 августа 1918 года епископ Пимен успел придать ей статус прихода. Это настолько беспокоило администрацию интерната, что заведующий Адам Спркуль обратился за помощью в Джетысуйский облисполком.

В своем письме на имя председателя исполкома он сначала напомнил о том, что в дни революции верненский архиерей был расстрелян, а затем сообщил о сильной религиозности детей и объяснил это соседством с действующей церковью: «Религиозный дурман очень сильно влияет на воспитание детей в коммунистическом духе, так что дети более склонны к богослужению, нежели к преподаванию учителей. Очень часто бывают случаи, когда верующие родители или родственники приглашают детишек на богослужение, крадучи от воспитателей. Заведующий интернатом и учителя требуют о немедленном переводе интерната на другое место, подальше от церкви, т. к. они не в состоянии давать ответы на все возникающие вопросы ежедневно среди детей о церкви и богослужении»²⁵⁷.

Интернат остался на месте, а Успенскую церковь закрыли. Через десять лет в Архиерейском доме разместилось студенческое общежитие, еще через десять – жилой коммунальный дом. На жилплощадь перегородили и маленькую церковь. От прежних светлых покоев не осталось ничего. Разве что по Пролетарской улице все еще стояли тесаные большие ворота: именно сюда подкатила тачанка и вышел арестованный владыка Пимен. В 1974 году при строительстве Дома офицеров бывшее Архиерейское подворье снесли. На его месте собирались строить ресторан, входивший в комплекс Дома офицеров, да не хватило средств. Дальнейшие двадцать пять

лет здесь зиял пустырь, занятый после перестройки стоянкой автомашин. Вдоль забора еще виднелись кусты душистого жасмина, который когда-то рос под окнами епископа Пимена, а с южной стороны, по бывшей Советской улице, еще стояли вязы, они легко узнавались на фотографии предреволюционных лет по характерному наклону стволов. Это была память. В 1996 году не стало и ее. Землю приобрела Италия, и руками иностранных рабочих здесь быстро начали строить здание для коммерческих нужд. Страшно было смотреть на свежие пни от вязов и на котлован глубиной в семь метров. Земли, которая была святыней, не стало.

29. Собор был освящен 30 июля 1907 года выдающимся архиереем, епископом Димитрием (Абашидзе), служение которого на Туркестанской кафедре повлекло за собой расцвет Православия в Туркестане. Как бы парящий среди Тянь-Шаньских гор, покрытых тяжелыми елями и серебряными снегами, храм Божий имел три придела: центральный – в честь Вознесения Господня и два боковых – Благовещенский и во имя мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. «Собор великолепен, он огромен и величествен так, как должно быть величественно всякое здание, вписанное в снега Тянь-Шаньского хребта. Город, лежащий у его подножия, оказался поднятым на высоту добрых сорока метров. Высочайший, многоглавый, узорчатый, разноцветный, с хитрыми карнизами, гофрированным железом крыш... Внутри собор огромен. Его своды распахнуты, как шатер: под ним масса южного солнца, света и тепла, оно льется прямо из окон в куполе на каменные плиты пола...» Так писал о соборе Ю. Домбровский в известном романе «Хранитель древностей».

Рассчитанный на полторы тысячи молящихся, собор был полностью построен за два года. Но на целый год освящение задержала доставка из Киева икон для иконостаса. Их великолепие вознаградило верующих за месяцы томительного ожидания. Восемьдесят три иконы подготовила иконописная мастерская А. И. Мурашко. Образа были выполнены на листовом цинке с золотым чеканным фоном яркими праздничными тонами. В советское время этот прекрасный

иконостас был утрачен. Юрий Домбровский еще застал его на колокольне собора в середине 30-х годов: «Долгое время на чердаке музея валялось несколько черных досок, никто не обращал на них внимания. Но как-то я перевернул их и через пыль и лампадную копоть увидел проступающую живопись. Досок было много, наверное, десятка полтора, я их все обтер мокрой тряпкой и выставил вдоль стены. И они все стояли в ряд – воины, цари, мужи. Одни – суровые и решительные, другие – затуманенные трудным и светлым раздумьем предстоящего подвига, на них сверкали панцири, латы и мечи, над ними парили нимбы и небесные короны. Наверное, я наткнулся на остаток того самого иконостаса, о котором батюшка Марков писал в «Семиреченских ведомостях»:

Иконостас здесь резной и прекрасный,
Золотом чистым искусно покрыт.
Он грандиозный, высокий, трехчастный,
Точно охвачен огнем и горит.

И он действительно «горел» со всех сторон и со всех досок. «Горел» даже на чердаке. Даже через десятки лет забвения и пренебрежения».

Деревянное здание собора выдержало крупнейшее землетрясение 22 декабря 1910 года. Повис на цепях крест на колокольне, выпали из киотов иконы, но, несмотря на катастрофические трещины, глубиной до двух метров, прошедшие по городу, и разлившуюся на 400 метров в ширину Алматинку, собор – верный утешитель Господень – по-прежнему возвышался над покалеченным, испуганным городом. Строивший собор инженер А. Зенков писал: «При грандиозной высоте он представлял собой очень гибкую конструкцию. Колокольня его качалась и гнулась, как вершина высокого дерева, и работала, как гибкий брус».

Перед первой мировой войной без видимых причин наклонился крест на колокольне собора. Рабочие, прежде красившие соборную крышу, поднялись на веревках и выправили крест, но народ воспринял это событие как грозное знамение...

В 1923 году клир собора, напуганный неслыханно короткой расправой над непокорным архиереем, заверил свое признание советской власти переходом в обновленчество, а в 1929 году храм закрыли вовсе. В здании обосновался Республиканский исторический музей.

В 1943 году военизированная охрана была свидетельницей того, что глухой ночью поперечный затвор на двери в бывшую ризницу упал сам собой, а затем точно так же закрылся.

– Стой, стрелять буду! – кричал охранник, выхватив револьвер...

Шел легкий снег, вокруг собора в парке не было видно ни единого следа, не слышно никакого звука, кроме лязга открывшегося и закрывшегося затвора. Собор, превращенный в музей истории, жил таинственной жизнью, кто-то невидимый приходил туда...

Первое богослужение в возвращенном соборе состоялось 2 мая 1994 года, в понедельник Светлой седмицы. Уже за полчаса до начала службы храм и вся площадь были полны народу, а люди все шли и шли. Те, кто не смог попасть внутрь храма, слушали службу на улице, она транслировалась через передвижную радиоустановку, а к концу службы над куполом собора... засияла радуга. Стояла ясная погода, кое-где белели облачка, а неяркая слегка изогнутая радужная полоска, протянувшаяся с юга на север прямо над главным куполом, была видна в течение нескольких минут людям в очень необычном ракурсе – практически против света. Ее видели несколько сот человек, переживая величие и грандиозность происходящего.

Через два года в бывшем соборном парке, под одним из двух забытых надгробий в стороне от старой аллеи, было обнаружено место, где упокоился До скончания века, положив свою жизнь в основание веры «зде живущих и повсюду православных», святитель и мученик епископ Семиреченский и Верненский Пимен.

Примечания

¹ - В 1921 г. город Верный был переименован в город Алма-Ата, ставший столицей Казахской ССР с 1929 г. (ныне Алматы).

² - Речь начальника Урмийской православной миссии архимандрита Пимена (Белоликова) при наречении его во епископа Салмасского 5 августа сего года // Прибавления к церковным ведомостям. 1916. № 33 (13 августа). С. 810. (Далее при ссылке на этот источник указывается: Речь начальника Урмийской православной миссии...)

³ - С. П. Мельгунов. Красный террор в России. Берлин, 1923.

⁴ - Алма-Атинский обл. архив. Ф. 772, о. 1, д. 9. «Выездная экспедиция Джетысуйской ЧК» – ф. 744, о. 1, д. 2

⁵ - Туркестанский церковный вестник. 1918. № 3 (1 августа).

⁶ - Газета «Освобождение России». Пермь, 1919 № 84–96.

⁷ - Архимандрит Пимен. Что потребует для нашего счастья новый год? / / Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 2.

⁸ - Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Я любил страдание. Автобиография. М.; Русский хронограф, 1995. С 7.

⁹ - Речь начальника Урмийской православной миссии. С 810.

¹⁰ - Село Васильевское имело также второе название – Романово, которое в документах писалось в скобках – Васильевское (Романово).

¹¹ - Метрическая книга Васильевской церкви за 1870 год (Вологодский обл. архив. Ф. 496, о. 1, д. 42).

¹² - Цифры в квадратных скобках означают порядковый номер примечания (см. с. 383–431).

¹³ - В клировых ведомостях за 1847 г. (Вологодский обл. архив. Ф. 1147, о. 3, арх. № 31) значится также, что священник Глеб Стефанович Белоликов окончил Новгородскую Духовную Семинарию в 1841 г. по 2-му разряду. Сын пономаря. Дети – Агния, Александр, Василий. Сведения о священнике Глебе Белоликове имеются также в метрических книгах Никольской церкви села Николаевского Кирилловского духовного правления с 1840 по 1863 г. (ф. 496, о. 13, арх. № 18), а также в «Описи

имущества умершего священника Николаевской (Никольской) церкви Глеба Белоликова 7 июля – 30 сентября 1848 г.» (ф. 1147, № 2, д. 1271).

¹⁴ - Документы о закрытии Васильевской церкви (Череповецкий районный архив. Ф.Р-12, о. 1, д. 38). Опись церковного имущества Васильевской общины. Личное дело протоиерея Алексия Белоликова. Ведомость о церкви св. Василия Великого, состоящей в Череповецком округе Череповецкой епархии, за 1927 г. (Вологодский обл. архив. Ф, 1010, о. 3, Д. 385).

¹⁵ - Высота пастырского служения и путь приготовления к нему (к вопросу о реформе духовной школы). Доклад, произнесенный на пастырском собрании во Владикавказе // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 18. С. 628–629.

¹⁶ - Там же.

¹⁷ - Некролог подписан инициалами «А. Б.». У отца Захарии было два сына-священника с этими инициалами – Александр и Алексей.

¹⁸ - Новгородские епархиальные ведомости. 1904. № 23 С. 1508–1510.

¹⁹ - Амвросий (АА Орнатский; 1778–1827), архиепископ Пензенский, – сын диакона Новгородской епархии. Образование получил в Александро-Невской Семинарии и Академии. Принял монашество в 1805 г. В 1808 г. получил сан архимандрита, назначен ректором Новгородской Семинарии и настоятелем Антониева монастыря. В 1816 г. хиротонисан во епископа Старорусского, в 1819 г. назначен епископом Пензенским и Саранским. В 1825 г. вышел на покой и поселился в Кирилло-Белозерском монастыре, где вел аскетическую и уединенную жизнь. Погребен в Кирилло-Белозерском монастыре.

²⁰ - Священномученик Философ Орнатский // Православная Русь. 1983. №21.

²¹ - Старшего сына – Николая Философовича, военного доктора, – Петроград успел полюбить, как и отца, за

бескорыстие и человеколюбие.' Новые мученики Российские / Сост. М. Польский. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 185.

²² - Новые мученики Российские / Сост. М. Польский. Джорданвилль, 1949– Ч. 1. С. 185.

²³ - Рукопись воспоминаний хирурга А. А. Нелазского хранится у внучатой племянницы епископа Пимена Н. Н. Хлебовой.

²⁴ - Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 15. С. 532.

²⁵ - Архимандрит Пимен. Положение обязывает. (Речь к началу нового учебного года) // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 26. С. 847.

²⁶ - Все три приведенных выше документа взяты из Череповецкого районного архива. Ф. Р-12, о. 1, д. 38: Документы о закрытии Васильевской церкви. С. 44.

²⁷ - Речь начальника Урмийской православной миссии...

²⁸ - Дортуар – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

²⁹ - Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994. С. 51 и 25.

³⁰ - Рукопись воспоминаний хирурга А. А. Нелазского (см. сноску 1 на).

³¹ - См. сб.: Герберт Спенсер о народном воспитании. «Из Карлейля». М, Синод, тип., 1896. С 78 и 266.

³² - Так, брат епископа Пимена Николай Захариевич Белоликов (1881–1936) после окончания в 1905 г. Санкт-Петербургской Духовной Академии все годы преподавал в Краснохолмском Духовном училище. И он не был исключением: с преподавательской работы в Духовном училище начинали митрополит Трифон (Туркестанов), митрополит Евлогий (Георгиевский) и многие другие.

³³ - Игнатьев В. А. Очерки по истории Пермской Духовной Семинарии. Автограф (Пермский обл. архив. Ф Р-973. о. 1, д. 725).

³⁴ - Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. М., 1992.

³⁵ - Смирнов С. Из воспоминаний о Новгородской Духовной Семинарии // София (газета Новгородской епархии). 1992. № 4 (ноябрь-декабрь).

³⁶ - Окончание учебного года в Духовной Семинарии // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 15. С. 446.

³⁷ - Архимандрит Пимен. Высота пастырского служения и путь приготовления к нему. (К вопросу о реформе духовной школы) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 18.

³⁸ - Архимандрит Пимен. Высота пастырского служения и путь приготовления к нему. (К вопросу о реформе духовной школы) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 18.

³⁹ - Очевидно, построенном при митрополите Петре Могиле (1596–1647).

⁴⁰ - Труды Киевской Духовной Академии. 1904. Сентябрь, октябрь.

⁴¹ - Архимандрит Пимен. Слово на день Казанской Божией Матери. (Об избрании России в удел Богоматери) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911– №15.

⁴² - Речь начальника Урмийской православной миссии...

⁴³ - Письма Пимена (Белоликова), ректора Ардонской Духовной Семинарии Терской обл., митр. Флавиану 28 марта 1910 – 20 июля 1912 (РГИА, ф. 796, о. 205, д. 736, 13 д. об.)

⁴⁴ - Послужной список помощника начальника Урмийской Духовной миссии архимандрита Пимена (Белоликова Петра Захариевича) к ордену Св. Владимира 4-й степени (РГИЛ, ф. 796, о. 439, д. 729).

⁴⁵ - Архиепископ Софония (Стефан Васильевич Сокольский; 1800–1877) происходил из семьи священника с. Эсько Тверской губернии. Учился в Тверской Духовной Семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Позже преподавал и был ректором во многих семинариях. В 1848 г. назначен настоятелем подольской церкви в Константинополе, а затем в Риме. Дважды

совершал длительные поездки в Закавказье с целью изучения вероучений христиан несторианского толка и армян. В 1863 г. хиротонисан во епископа Миргородского, викария Херсонской епархии; в 1872 г стал первым епископом новой Туркестанской епархии. Из этой кафедры скончался и был погребен под спудом в Большестаничной церкви в г. Верном (ныне Софийская церковь). Владыка Софония оставил заметный след в истории Русской Церкви и в церковной науке.

⁴⁶ - Речь ректора Семинарии архимандрита Пимена // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 15: С.468.

⁴⁷ - Епископ Сергей. Неделя в Курдистане // Православная Урмия. 1914. № 21

⁴⁸ - При изложении исторических сведений по присоединению к Православию сирийских несториан, а также событий первых лет существования Миссии преимущественным образом использованы исследования преподавателя Санкт-Петербургской Духовной Академии иеромонаха Стефана (Садо): Российская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение 1996. № 13.

⁴⁹ - Несторианизм и первоначальная судьба его // Еп. Софония (Сокольский). Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии... СПб., 1876.

⁵⁰ - Отец Иоанн Восторгов: Русская Православная Миссия Урмии в 1900 г. // Полн. собр. соч. М., 1916. Т. 4. С 68.

⁵¹ - Архимандрит Феофилакт (Клементьев) впоследствии епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. Перешел в обновленчество. Скончался в 1923 г.

⁵² - Архимандрит Сергей. Неделя в Курдистане. (Дневник миссионера) // Православная Урмия. 1913 № 18.

⁵³ - Громцев В., свящ. Урмийская (в Персии) православная духовная миссия // Православный благовестник. 1914.

⁵⁴ - Православная Урмия. 1913. № 11. С 4–8.

⁵⁵ - Архимандрит Пимен. Нравственное удовлетворение нашей Миссии. (Письма миссионера) //Православная Урмия. 1914 № 12

⁵⁶ - Секретное отношение Сазонова обер-прокурору Сабле-В (РГИА, ф. 797, о. 84, д. 149, II отд. III стола).

⁵⁷ - Изложение событий приводится по книге К. П. Матвеева и И. И. Мар-Юханна «Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны» (М., 1968). Впоследствии многие ассирийцы-беженцы были расселены в городах России и Украины (В Москве, Петрограде, Воронеже, Курске, Армавире, Ростове, Харькове, Нежине и др.), где им оказали всевозможную помощь. Всего в годы первой мировой войны турки и курды уничтожили около 500 тыс. ассирийцев. Общая их численность в наши дни – от 1 до 2 млн. человек. В 1970 г. в СССР их проживало 24 тыс. человек (см К П. Матвеев. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1977).

⁵⁸ - Очерки «По пути в Урмию», «У порога Едема», «В персидском городе» помещены без подписи в журнале «Православная Урмия», в номерах 1, 3, 4 за 1912 г Они принадлежат священнику отцу Николаю Рубину В постоянной рубрике журнала «Письма миссионера» множество материалов опубликовал и архимандрит Пимен.

⁵⁹ - см. сноску 58

⁶⁰ - Архимандрит Пимен. Культурная отсталость Урмии // Православная Урмия 1913. № Ю. С 13.

⁶¹ - Послужной список помощника начальника Урмийской миссии архимандрита Пимена (Белоликова Петра Захариевича) к ордену Св. Владимира 4-й степени (РГИА, ф. 796, о. 4V-) д. 729).

⁶² - Речь начальника Урмийской православной миссии.

⁶³ - Всесвятский П. Н. Урмийская православная миссия // Русский паломник. 1906. № 40.

⁶⁴ - В те годы редактором «Московских ведомостей» был Л. А. Тихомиров, известный публицист, бывший народоволец, впоследствии пересмотревший свои взгляды и прочно вставший

на позиции самодержавия и Православия. Миссионер отец Иоанн Восторгов считал себя его учеником.

⁶⁵ - Туркестанские епархиальные ведомости. 1913. № 14.

⁶⁶ - Очевидно, имеются в виду богословские труды митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского).

⁶⁷ - Письма отца Пимена (Белоликова) митрополиту Флавиану (РГИА, ф. 796, о. 205, д. 736, 1 л. об.).

⁶⁸ - В Русской Православной Церкви память блаженного Равулы (Раббулы), прославленного ок. 530 г., отмечается 19 февраля /4 марта.' Перевод Сказания* помещен в разделе «Приложения* наст изд., с. 322.¹ Письма отца Пимена (Белоликова) митрополиту Флавиану (РГИА, ф. 796, о. 205, д. 736, 1 л. об).'Письмо архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) (РГИА, ф. 796, о. 193 (1911) Д 1395 [7015]. VI отд.

⁶⁹ - Перевод «Сказания» помещен в разделе «Приложения» наст, изд., с. 322.

⁷⁰ - Письма отца Пимена (Белоликова) митрополиту Флавиану (РГИА, ф. 796, о. 205, д. 736, 1 л. об.).

⁷¹ - Письмо архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) (РГИА, ф. 796, о. 193 (1911), д. 1395 {7015}. VI отд. I ст. Л 8–9 об.).

⁷² - Игумен Пимен (Белоликов). Православная Урмия в годы персидских смут. Киев. 1911. 24 с. Книга предварена эпиграфом: ... Беды от разбойник ... беды во лжебратии (2Кор. 11:26)

⁷³ - Со страниц прошлого // Православная Урмия. 1912. № 1

⁷⁴ - Дело по ходатайству начальника Урмийской духовной Миссии о замещении его помощника игумена Пимена другим лицом (начато 20 сентября 1910 г., кончено 10 июня 1911 г.). (РГИА, ф. 796.)

⁷⁵ - Церковный вестник. 1911. № 11. С. 54.

⁷⁶ - Письма отца Пимена (Белоликова) митрополиту Флавиану (РГИА, ф. 796, о. 205, Д. 736, 1 л. об.).

⁷⁷ - Кавказский благовестник. 1912. № 13, 2 сентября

⁷⁸ - Архимандрит Пимен. Поучение перед закладкою здания для Николаевского шестиклассного городского училища в г Урмии (30 мая 1914 г.) // Православная Урмия. 1914 № 23.

⁷⁹ - Николай, архиепископ Японский (Касаткин; 1836–1912), родился в семье диакона Смоленской губернии. Окончил Смоленскую Духовную Семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. При окончании последней принял монашество был рукоположен во иеромонаха и назначен настоятелем русской консульской церкви в Японии. С 1870 г – архимандрит, начальник созданной Японской миссии. В 1880 г. 30 марта хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии, и оставлен начальником Японской миссии. В 1906 г. возведен в сан архиепископа. Скончался в Токио, где и погребен. Перевел на японский Новый Завет, почти весь Ветхий Завет, книги богослужебного круга и др. Прославлен Русской Православной Церковью как равноапостольный.

⁸⁰ - Архимандрит Пимен. Памяти почившего апостола Японии // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 5

⁸¹ - Архимандрит Пимен. Сульдуские впечатления. (Письма миссионера) // Православная Урмия. 1914 № 23.

⁸² - Архимандрит Пимен. Миссионерская нужда и важный праздничный подарок местному христианскому населению // Православная Урмия. 1914. № 20.

⁸³ - Епископ Пимен. Православная Миссия в Урмии // Колокол (№ 3104). 1914. 27 сентября.

⁸⁴ - Громцев В. Урмийская (в Персии) православно-духовная миссия // Православный благовестник. 1914.

⁸⁵ - «Мирза» в переводе с персидского означает «писец, чиновник, секретарь». Мирзой также назывался член правящей династии.

⁸⁶ - Архимандрит Пимен. Краткий отчет / / Православная Урмия. 1914 № 23

⁸⁷ - Архимандрит Пимен. Краткий отчет / / Православная Урмия. 1914 № 23.

⁸⁸ - Архимандрит Пимен. Школьные развлечения в Урмии // Православная Урмия. 1913. № 13.

⁸⁹ - Письмо еп. Салмасского Сергия (митрополиту Владимиру) от 12 июля 1914 г. (РГИА, ф. 796, оп. 199(1914), д. 189, 6 отд. 1 стола, л. 13–16).

⁹⁰ - РГИА. ф. 796, оп 199 (1914), д.189, 6 отд. 1 ст., л. 26–27. Из рапорта еп. Сергия митр. Владимиру от 9 окт. 1914 г. № 321: «Теперь я побуждаюсь донести нечто другое. В последнее время мой помощник в служебно-дисциплинарном отношении стал настолько невыдержанным и некорректным, что я затруднялся бы иметь его помощником в высшем сане, опасаясь тогда положительно резких выступлений с его стороны. Он настолько не в состоянии сдерживать себя, что открыто в некоторых случаях восстает против меня. Он сам заявил, что служить здесь больше не будет. Цена в нем работника, я до сих пор терпел и молчал в течение чуть ли не 10 лет. Но он, пользуясь этим и прикрываясь авторитетом давно служащего в Миссии, не будучи в состоянии, к своему собственному сожалению, владеть собою, не перестает огорчать меня своими действиями, хотя и не постоянными. Это плохо влияет на молодых сослуживцев, как будто и они в этом находят ободрение к нежелательному образу действий. Посему я побуждаюсь просить освободить меня для пользы дела от настоящего помощника, давши ему другое назначение в России, как благоугодно будет Св. Синоду».

⁹¹ - Об ограждении христиан со стороны персов (РГИА, ф. 797, о. 84 (1914), д 149, II отд. III стола).

⁹² - В том же деле. Из секретного послания Надворного Советника Чиркова Г. Императорскому Посланнику в Персии от 1 апреля Архимандрит Пимен Миссионерская нужда и важный праздничный подарок христианскому населению Урмии // Православная Урмия. 1914. № 20 1914 года за №633.

⁹³ - Архимандрит Пимен. Миссионерская нужда и важный праздничный подарок христианскому населению Урмии // Православная Урмия. 1914. № 20

⁹⁴ - Письма отца Пимена (Белоликова) митрополиту Флавиану (РГИА, ф. 796, о. 205, д. 736, 1 л. об.).

⁹⁵ - Епископ Агапит (в миру Антоний Вишневский; 1867–1924) – уроженец Волынской епархии, выпускник Киевской Духовной Академии 1896 г. С 1902 г. – третий викарий Киевской епархии. На Владикавказскую кафедру назначен в 1908 г. В 1911 г. принял Екатеринославскую епархию. По данным протопресвитера М. Польского, в 1924 г. владыка умер в тюрьме от голода и тифа; по иной версии, приведенной тем же автором, епископ Агапит замучен в 1925 или в 1926 г.

⁹⁶ - Осетины особо почитают великомученика Георгия Победоносца.

⁹⁷ - Питирим, митрополит Петроградский и Ладужский (в миру Павел Васильевич Окнов; 1859–1919), родился в Лифляндской губернии в семье протоиерея. После окончания Рижской гимназии поступил в Киевскую Духовную Академию. Вышел из Академии в сане иеромонаха. Занимал должности в духовных школах. С 1891 г. – ректор Санкт-Петербургской Духовной Семинарии С 1894 г. – епископ Новгород-Северский, пребывал на различных кафедрах. В 1909 г. возведен в сан архиепископа. С 1911 по 1913 г. – архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 23 ноября 1915 г. – митрополит Петроградский и Ладужский. 6 марта 1917 г. уволен на покой согласно прошению. Скончался от тифа в Новочеркасске 25 марта 1919 г.

⁹⁸ - Архимандрит Пимен. Слово на первый день нового года // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 1.

⁹⁹ - Архимандрит Пимен Речь при открытии 11 декабря отделения Православного палестинского общества // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 1.

¹⁰⁰ - Архимандрит Пимен. О честности. // Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. № 9. (В конце – примечание автора: из журнала «Вестник воспитания», 1912 год, апрель, статья проф. И. Янжула «Экономическое значение честности», с. 79–103.)

¹⁰¹ - Архимандрит Пимен. Высота пастырского служения и путь приготовления к нему. (К вопросу о реформе духовной школы) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 15.

¹⁰² - РГИА, ф.796, а 193(1911), д. 1395 [7015] VI отд. I ст. Л. 8–9 об.

¹⁰³ - Епископ Андроник (в миру Владимир Никольский; 1870–1918). С 1915 г. – архиепископ. Мученически скончался 20 июня 1918 г. в Перми. Жизнеописание священномученика помещено в книге иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (Тверь: изд. «Булат», кн. 2, 1996).

¹⁰⁴ - В. А Игнатъев. Наша Семинария в период первой империалистической войны (1914–1916). (Пермский обл. архив. Личный фонд П. С Богословского. Р-973, о. 1, д. 725).

¹⁰⁵ - Архимандрит Пимен. Вступительная речь, произнесенная в храме Пермской Духовной Семинарии 2 ноября 1914 года // Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 31.

¹⁰⁶ - Пермские епархиальные ведомости. 1915.10 января. С 2.

¹⁰⁷ - Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 2.

¹⁰⁸ - Архимандрит Пимен. Что потребует для нашего счастья Новый год? // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 2.

¹⁰⁹ - Архимандрит Пимен. Место религии в жизни культурных государств и наша отсталость в этом отношении // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 32.'

¹¹⁰ - Архимандрит Пимен. Человек Запада и человек Православной России (по Киреевскому) // Там же. № 8–9.

¹¹¹ - В трезвенническом служении отца Пимена есть еще одна страница – деятельность против сквернословия. С разрешения пермского губернатора в рабочих районах расклеивались специальные плакаты. В них были не проповеди, не пространные аргументы, а односложные вразумительные доводы: «Имя «мать» с почетом произноси. Срамя это святое имя, ты срамишь свою родную мать, Мать Святую Церковь и мать сырую землю, которая поит и питает тебя на своей груди; вспомни, что имя матери носит Богородица». «Скверные слова исходят из скверного сердца». «Будь осторожен в разговорах

при малых детях; если ты соблазняешь их срамным словом, лучше бы тебе не родиться» и др.

¹¹² - Паломничество трезвенников // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 25

¹¹³ - На лекциях в новом Стефановском зале // Пермские епархиальные ведомости. 1915. №30

¹¹⁴ - В Алма-Ате в одной семье хранится детская поделка – бумажный цветной крест «Голгофа», наклеенный на шелковую голубую ленту. В месте своего последнего служения, городе Верном, владыка Пимен также организовал детский духовный кружок. Тревожным летом 1918 года дети собирались у него в архиерейских покоях. В день ареста и расстрела, предчувствуя свою гибель, владыка раздарил им на память о себе образочки из тех, которые всегда возил с собой, а крест на ленте достался девочке, всю жизнь хранившей его как самую дорогую святыню.

¹¹⁵ - Проводы архимандрита Пимена // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24.

¹¹⁶ - Представление Андроника, еп. Пермского и Кунгурского, Св. Синоду. Пермь, 19 июля 1916 г. № 218 (РГИА, ф. 797, о. 86 (1916), д. 153, III отд. IV стола «О награждении начальника Урмийской духовной миссии епископа Салмасского Пимена орденом Св. Владимира 3-й степени»).

¹¹⁷ - Проводы архимандрита Пимена // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24.

¹¹⁸ - Во время войны. (Картинка из духовно-школьной жизни) //Пермские епархиальные ведомости. 1915. №4.

¹¹⁹ - Петербургский листок. 1916. 6 августа (№ 214).

¹²⁰ - Речь начальника Урмийской православной миссии.

¹²¹ - Священномученик, открывший 25 января 1918 г. список архипастырей, убиенных в годы революции и гражданской войны

¹²² - Всероссийским Поместным Собором был направлен в августе 1918 г. в Пермь для расследования дела об убийстве архиепископа Андроника. На обратном пути убит чекистами в поезде.

¹²³ - Митрополит Киевский и Галицкий Владимир. Речь при вручении епископского жезла епископу Пимену, начальнику Урмийской миссии, 6 августа 1916 г. // Церковный вестник. 1916. № 30–31.

¹²⁴ - См.: Колокол. 1916. № 3066, 3076, 3077, 3086.

¹²⁵ - Колокол. № 3103–3104.

¹²⁶ - «Из Епархиального древлехранилища. В последнее время Епархиальное древлехранилище посетили ряд высоких особ. Записи, сделанные ими в книге для посетителей, со всею очевидностью говорят, какое сокровище представляет собой наше юное древлехранилище...» (Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 37. 9 сентября. С 154).

¹²⁷ - Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 90–91.

¹²⁸ - Выписка из донесения управляющего вице-консульством в Урмии от 21 декабря 1916 г. № 2975 (РГИА. Ф. 796, о. 204 (1917), Д.8, VI отд. I ст. Л. 2)

¹²⁹ - Из рапорта епископа Пимена в канцелярию Св. Синода от 27 октября 1916 года на имя митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (РГИА. Ф. 796, о. 193 (191 П. д. 1395 [7015]. VI отд. I ст. Л. 166–169).

¹³⁰ - На многочисленные отчаянные просьбы епископа Пимена из Урмии о финансовой помощи Миссии Св. Синод нашел нужным заверить телеграммой от 20 ноября 1916 г. о переводе 30 сентября на имя консула в Тавризе ранее намеченной суммы, но уже не в 15 тыс., а в 14 тыс. рублей. Телеграмма также сообщает, что разрешен кружечный сбор в пользу Миссии на Богоявление 1917 г. – 6 января, а Кирилло-Сергиевскому братству предложено принять меры к усилению притока пожертвований (РГИА. Ф. 796, о. 193 (1911), Д. 1395 [7015]. VI отд. I ст. Л. 174).

¹³¹ - Письмо епископа Пимена Преосвященный Андроник частично приводит в «Пермских епархиальных ведомостях» (№ 35–36 за 1916 г.).

¹³² - Отношение епископа Пимена на имя обер-прокурора Н. П. Раева от 24 января 1917 г, № 35 (РГИА. Ф. 796, с. 204, (1917

)д. 83, 1 отд. I ст. Л. 2–2 об).

¹³³ - РГИА. Ф. 796, о. 204, (1917), д. 83,1 отд. I ст. Л. 2–2 об

¹³⁴ - РГИА. Ф. 796, о. 193 (1911), д. 395 [17015], VI отд. I ст. Л. 241.

¹³⁵ - Из рапорта епископа Пимена Св. Правительствующему Синоду, Урмия, 27 мая 1917 г. (Обращение еп. Пимена в Комитет 7-го Кавказского отдельного армейского корпуса приложено им к рапорту). (РГИА. Ф. 796, о. 204 (1917) д. 70, VI отд. I ст.).

¹³⁶ - См. предыдущую сноску

¹³⁷ - «Послание епископа Салмасского Пимена, начальника Урмийской православной миссии, сирийскому национальному собранию», Послание прилагается к рапорту еп. Пимена Св. Правительствующему Синоду от 23 мая 1917 г., № 169. (РГИА Ф. 796, о. 204 (1917), д. 70, VI отд I ст.).

¹³⁸ - Письмо из Урмии от 11 мая 1917 г. на имя митрополита Сергия (РГИА. Ф. 796, о. 193 (1911), д. 1395 [7015], VI отд. I ст. Л. 202–203). Далее цитируется рапорт в Свят. Правит. Синод от 2 сентября 1917 г, № 377, а также письмо к митрополиту Вениамину (Казанскому) (то же дело, л. 249–250 и 192–194).

¹³⁹ - См Новый Завет: Мф. 13:3; Мк. 4:3; Лк 8:5.

¹⁴⁰ - Асхабад – с 1927 .г Ашхабад (с 1924 г. столица Туркмении)

¹⁴¹ - Пишпек – с 1926 г. Фрунзе (с 1936 г. столица Киргизии). С 1991 г. – Бишкек

¹⁴² - И. Соколов. Мои путевые впечатления и первое знакомство с Туркестанским краем // Туркестанские епархиальные ведомости. 1912. № 4.

¹⁴³ - К прибытию Преосвященнейшего Пимена в Верный // Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 20.

¹⁴⁴ - Семиреченские областные ведомости 1917 г., 15 октября

¹⁴⁵ - «Добро сильнее зла» (проповедь, сказанная в кафедральном соборе г. Верного 15 октября 1918 г.) // Туркестанские епархиальные ведомости. 1918. № 21.

¹⁴⁶ - Туркестанские епархиальные ведомости. 1918. № 1

¹⁴⁷ - Религиозно-нравственные чтения // Туркестанские епархиальные ведомости 1917. № 24.

¹⁴⁸ - Какое чудо нам теперь нужно: (Из чтений в Народном доме Верного) // Туркестанские епархиальные ведомости. 1918. № 1.

¹⁴⁹ - Письмо епископа Пимена правительственному комиссару Семиреченской области Петру Ивановичу Шебалину. (ЦГА РК. Ф. 1414, о. 1, д. 23).

¹⁵⁰ - Протоколы заседаний войскового совета Семиреченского казачьего войска. (ЦГА РК. Ф. 39, о. 2, д. 309. Л. 300).

¹⁵¹ - Ср.: 1Кор. 3:19.

¹⁵² - В отчете Туркестанского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1915 г. отмечается: «Миссионерская деятельность Иссык-Кульского монастыря пока и ограничивается только школьным обучением 14 мальчиков-киргизов, т. к монастырь не имеет возможности, по составу своей братии, открыть более или менее правильную миссионерскую деятельность... Пока приходится смириться с мыслью, что влияние монастыря не лишено значения в смысле укрепления православного населения в преданности своей вере и своим народным святыням» (Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 6). В отчете того же Комитета за 1916 г. читаем: «Мятежные киргизы, уничтожившие почти все окружающие селения, разорили и Иссык-Кульский монастырь, однако, к счастью, не затронув его строений, в том числе и только что окончательно отстроенного школьного здания. Монастырь, дочиста разграбленный мятежниками, осквернившими и храмы, потерял зверски убитыми иноками семь человек. Прочая братия, совершенно безоружная, спаслась на одном из монастырских островов, проникнуть куда киргизы не решились. По миновании опасности и возвращении братии в монастырь из него выбыла часть послушников, и к январю 1917 г. численность братии не превышает 20 душ» (Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 13).

- 153 _
- 154 - Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 24.
- 155 - Иоан.10:11
- 156 - Послания Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. Изд. Фонда славянской письменности и культуры СССР. 1990. С. 14.
- 157 - Семиреченские областные ведомости. 1918. 19 января.
- 158 - 5 декабря 1917 г. Войсковой совет Семиреченского казачьего войска вынес решение о присоединении к Калединскому Юго-Восточному Союзу. Войсковой старшина Шебалин возглавил эту делегацию Семиреченского казачьего войска, которая должна была связаться с генералом Калединым в городе Новочеркасске» // А. Яковлев. Справка об Октябрьской революции и гражданской войне в Семиреченской области 1918 г. (Алма-Атинский обл. архив. Ф. 1416, о. 1, д. 9).
- 159 - ЦГА РК. Ф. 39, о. 2.
- 160 - Джетысуйская правда 1920. 12 июня
- 161 - 'Яковлев А. Справка об Октябрьской революции и гражданской войне в Семиреченской области 1918 г. (Алма-атинский обл. архив. Ф 1416, о. 1, д. 9).
- 162 - Советы Туркестана. 1918. № 45
- 163 - Открытие народных чтений // Заря свободы. 1918. 30 марта.
- 164 - Алма-атинский обл. архив. Ф 348, о 1, д. 28. Л. 5.
- 165 - Заря свободы. 1918. 5 апреля .
- 166 - По делу оскорбления советской власти игуменом Вадимом и Диомидом Пискуром (Алма-атинский обл. архив. Ф. 348, о 1, д. 33).
- 167 - Муравейский. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии Ташкент. 1920. С. 20–21.
- 168 - Заря свободы. 1918. 26 апреля.
- 169 - Святое Евангелие от Мф. 5: 38–45.
- 170 - По поводу якобы пробольшевистских настроений епископа Пимена пишется в другом номере «Зари свободы», от 26 мая 1918 года: «Письмо в редакцию. Я беру статью Гречко,

который стал якобы адвокатом между духовенством и проснувшимся народом; он пишет, что Преосвященный Пимен вполне поддерживает все стремления народа и идет с народом одним путем. Почему же Пимен не написал сам, что он есть сторонник трудового народа. Ведь он мог это сделать, не прибегая к посторонней помощи. Так нет, где-то и когда-то он сказал кому-то, что он большевик. Это не есть факт, пусть он сам напишет подобную статью. Тогда и многие другие скажут, что Преосвященный Пимен действительно стал на ту дорогу, по которой повелел идти Сам Господь» (Юпатов).

¹⁷¹ - ЦГА РК. Ф. 48, о. 1, д. 969. Л. 441.

¹⁷² - Заря свободы. 1918. 15 июня. № 78.

¹⁷³ - Заря свободы. 1918. 28 апреля. № 35.

¹⁷⁴ - Протокол № 39 заседания членов областного исполнительного комитета под председательством тов. Горбунова, при товарище председателя Ламанове и секретаре Которча, а также протокол № 55 (Алма-атинский обл. архив. Ф. 489, о. 1, д. 43. Л. 88, также л. 108).

¹⁷⁵ - На основании статьи 10 декрета «О свободе совести...» лишаются права льготной пересылки почтовых отправлений все духовные лица, учреждения, организации всех вероисповеданий, духовные консистории, монастыри, церковные общества, братства и пр. (Телеграмма военного комиссара Туркестанского округа от 28 апреля 1918, № 2577).

¹⁷⁶ - Наша газета. Ташкент. 1918. Июнь. № 114.

¹⁷⁷ - Автор статьи неточно цитирует евангельские слова: все, взявшие меч, мечом погибнут (Мф. 26:52).

¹⁷⁸ - Лорд Фредерик Х. Моэм. Ложь как союзница. Лондон, 1941.

¹⁷⁹ - Дело Революционного трибунала по обвинению епископа Пимена в причастности к убийству Овчарова и Березовского (Алма-атинск. обл. архив. Ф. 348, о. 1, д. 210).

¹⁸⁰ - Протокол № 62 от 4 июня 1918 г. заседаний Семиреченского облисполкома, председатель Быков, тов. председателя Горбунов, Иванов, секретарь Беккер (Алма-Атинский обл. архив. Ф. 340, о. 1, д. 23. Л. 205).

¹⁸¹ - Дело Революционного трибунала по обвинению епископа Пимена в причастности к убийству Овчарова и Березовского (Алма-Атинск. обл. архив. Ф. 348, о. 1, д. 210).

¹⁸² - Протокол № 60 от 7 августа 1918 г. заседаний Семиреченского облисполкома (Алма-Атинский обл. архив. Ф. 489, о. 1, д. 43. Л. 122 об.).

¹⁸³ - Черная книга. Разрушение семьи // Москва 1993. № 8.

¹⁸⁴ - Об установлении и упрочении советской власти в Казахстане. Выписки и вырезки из газет 1955– 1964 гг. (ЦГА РК Ф. 1770, о. 1, д. 22. Л. 337)

¹⁸⁵ - Воспоминания о епископе Пимене // Газета «Веди». Алма-Ата. 1996. № 4.

¹⁸⁶ - Яковлев А. (Справка об Октябрьской революции и гражданской войне в Семиреченской области 1918 г. (Алма-Атинский обл. архив. Ф. 1416, о. 1, д. 9).

¹⁸⁷ - Вестник семиреченского трудового народа. 1918. 14 июля. № 19.

¹⁸⁸ - Протокол № 62 заседания Семиреченского облисполкома от 4 июня 1918 г. (Алма-Атинский обл. архив. Ф. 340, о. 1, д. 23).

¹⁸⁹ - Воспоминания участников революции и гражданской войны в Семиречье (Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 71, о. 3, д. 1).

¹⁹⁰ - Воспоминания Колесникова Трофима о Черкасской обороне (Архив Президента Республики Казахстан. Ф, 71, о. 3 .Д. 4).

¹⁹¹ - Протокол №6 от 16 июня 1919 г. общего собрания членов Верненской организации РКП(б) (там же. Ф 1. о 1, д. 16 С. 44,48).

¹⁹² - Сергей Булгаков на пиру богов Pro и contra. Современные диалоги // Наше наследие 1991 № 1.

¹⁹³ - Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 811, о. 4, д. 60. Л. 5–7.

¹⁹⁴ - Алма-атинский обл. архив. Ф. 489 о. 1, д. 40 (параграф 12 из протокола № 27 Семиреченского исполкома).

¹⁹⁵ - До 1916 года кафедра Туркестанской и Ташкентской епархии находилась в г. Верном.

¹⁹⁶ - «Изъятие церковных ценностей по Алма-Ате закончилось. Небольшой размер собранного объясняется бедностью храмов, к тому же некоторые из них в 1918 году были по несколько раз обворованы» (Как прошло изъятие церковных ценностей в Алма-Ате // Правда. 1922. 27 августа).

¹⁹⁷ - Павел Виноградов. Роль собора в годы гражданской войны. Историческая справка // Советская степь. 1929 10 окт.

¹⁹⁸ - Материалы по организации «Паркат» («Белая гвардия») см.: Алма-Атинский обл. архив. Ф. 772, о. 1, д. 1.

¹⁹⁹ - С. Брайнин Ш. Шафиро. Первые шаги Советов в Семиречье. Алма-Ата–Москва, 1934.

²⁰⁰ - Алма-атинский обл. архив. Ф. 489, о. 1. д. 44.

²⁰¹ - Еженедельник (орган Семиреченского союза агрономов и кооператоров). 1018. № 2

²⁰² - Архив Президента Республики Казахстан. Ф 666, о. 1, д. 1. С 10.

²⁰³ - Туркестанский церковный вестник. 1918. №4

²⁰⁴ - Телеграмма из Ташкента в Верный областному Совету от 19 сентября 1918 г (Алма-атинский обл. архив. Ф.489, о. 1, Д. 90. Л. 212)

²⁰⁵ - Алма-Атинский обл. архив. Ф. 489, о. 1, д. 90. Л. 210.

²⁰⁶ - Воспоминания участников революции и гражданской войны в Семиречье (Архив Президента Республики Казахстан. Ф.71, о. 3.Д. 4).

²⁰⁷ - Дмитрий Фурманов. Мятёж. Приводим полностью отрывок: «1918 год. Отряды Мамонтова, Иванова, Петренко проявляли в боях чудеса героизма... Но это не были отряды стойких сознательных революционеров. Независимость, эта вольность партизанская, родила, конечно, самоуправство, бесконтрольность в действиях и поступках. Безотчетность, безответственность... хулиганство мамонтовского отряда дошло, например, до того, что из домашней церкви пьяной ватагой был выхвачен архиерей и за городом расстрелян без суда, без предъявления должных обвинений».

²⁰⁸ - Воспоминания Анны Алексеевны Шпилевой в пересказе ее дочери приводятся по записям автора этой книги и по материалу, опубликованному в Алма-атинской газете «Веди» (1996. № 4).

²⁰⁹ - Воспоминания А. А. Шпилевой. См. сноску 208.

²¹⁰ - Аргументы и факты Казахстана. 1996. № 2796.

²¹¹ - ИГА РК Ф 825,0. 1. Д.62.

²¹² - Ныне установлено, что место погребения священномученика Пимена находится в фамильном склепе Колпаковских. См. с. 302–307 настоящего издания.

²¹³ - Перевод, сделанный по книге «Акты мучеников и святых», изданной Павлом Беджаном в Лейпциге в 1894 г. (Т. 4. С. 396–470), был опубликован в журнале «Православная Урмия» в 1914 г. (№ 10–16).

²¹⁴ - В квадратных скобках здесь и далее дается пояснение редактора.

²¹⁵ - Ветхозаветный царь Иосия – сын нечестивого иудейского царя Аммона. В противоположность отцу Иосия отличался чистотой жизни и благочестием (см. Ветхий Завет: 3Цар. 13: 2–3; 4Цар. 21: 24–25).

²¹⁶ - Ср.: Послание к Ефессянам св. апостола Павла, гл. 4, ст. 24.

²¹⁷ - Дарик – золотая персидская монета, равняющаяся приблизительно нашим 4 рублям (см. сир-латинский словарь Брокельмана, с 786 и греко-русский словарь Синайского).

²¹⁸ - Речь идет об Иисусе Навине и взятии иудеями Иерихона (Нав. 6, 19). – Ред.

²¹⁹ - И школа их (несториан) в Ургэе была разрушена, и все книги Феодора и Диодора, которые нашлись там, Раббула, епископ Ургэя, сжег огнем (Баргебраи. Речь 2-я. С 55).

²²⁰ - На Третьем Вселенском Соборе в Эфесе в 431 году Господнем.

²²¹ - Месяцы зимнего спокойного пребывания в домашнего очага: декабрь и январь.

²²² - В 746 г. греческой эры, 435 г. от Р. Х. исшел из мира сего Раббула, епископ Едесский, в 8-е (число) августа Едесская хроника).

²²³ - Напечатано в журнале «Православная Урмия» (1913., №9), под рубрикой «Письма миссионера»

²²⁴ - Караван сарай – общественное здание на Востоке, предназначенное для отдыха путешественников.

²²⁵ - Очевидно, имеются в виду микрикурды – курдское племя, проживавшее к югу от оз. Урмия.

²²⁶ - Reverend – преподобный. Так титулуют пасторов протестантских церквей.

²²⁷ - Вологодский обл. архив. Ф.100, о. 3, д. 3.

²²⁸ - См. публикацию С. Бычкова в «Московском церковном вестнике», 1993, № 4 (91).

²²⁹ - Путь моей жизни 1994. С. 325.

²³⁰ - Центральный архив Узбекистана. Ф. И. 429, о. 1, д. 659 а.

²³¹ - Ссылки на правила древних церковных Соборов: 1 Вселенского (5-е правило) и Антиохийского (6-е правило).

²³² - Центральный архив Узбекистана Ф. И-429, о 1. д. 38, Л. 6–7.

²³³ - Из хроники епархиальной жизни // Владикавказские епархиальные ведомости. 1911. № 15.

²³⁴ - Пермский обл. архив. Личный фонд П. С. Богословского. Ф Р-973, О.1, д. 725.

²³⁵ - Сравнение внешности Н. И. Знамировского с ныне здравствующим лидером кубинской революции является очевидным авторским анахронизмом. – Ред.Л(У\

²³⁶ - Очевидно, автор воспоминаний ошибочно указал год: по имеющимся сведениям епископская хиротония Н. Знамировского состоялась 30 августа 1924 года.

²³⁷ - Пермский областной архив. Личный фонд П. С. Богословского. Ф. Р-973, о.1, д. 725.

²³⁸ - Дело архиепископа Андроника // [Газета] Освобождение России. 1916. № 84–96 (приводится по

перепечатке из газеты «Свет Православия в Казахстане», 1995. № 23).

239 - Пермские епархиальные ведомости. 1917. № 1.

240 - РГИА. Ф. 797, о 8S (1915 г.), д. 230, II отд. III ст. Л. 22.

241 - РГИА. Ф. 796, о, 193 (1911 г.), д. 1395 [7015]. VI отд. I ст. Л. 134–135.

242 - ГАРФ. Ф. 4363, А 261. Л. 2–5.

243 - Шкловский В. Сентиментальное путешествие М, 1990

244 - Иеромонах Стефан (Садо). Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. 1996. № 13.

245 - О пастырском собрании // Семиреченские областные ведомости. 1917. 12 августа.

246 - Пермский обл. архив. Личный фонд П. С Богословского. Ф. Р-973, о. 1, д. 1285.

247 - Туркестанские епархиальные ведомости. 1918 № 1.

248 - Протоколы заседаний коллегии отдела по городским делам при уездном Совдепе исполнительного комитета Верненского городского совета. 1918–1919 (ЦГА РК. Ф 48, О.1, Д. 970. Л. 150–151).

249 - ЦГА РК Ф. 48, о. 1, д 970. Л. 495.

250 - Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 24.

251 - Вестник семиреченского трудового народа 1919. 28 января, 23 февраля, 6 апреля.

252 - Алма-Атинский обл. архив. ф. 348, д. 246. Л 7–8.

253 - Вестник семиреченского трудового народа 1919. № 1

254 - Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 12.

255 - Алма-Атинский обл. архив. Ф. 489, о. 1, д. 8. Л 99.

256 - Дело по обвинению солдата отряда Кихтенко Красникова, в расстреле монахини Затыльниковой (Алма-Атинский обл. архив. Ф 348, о. I, д. 274)

257 - ЦГА Узбекистана. Ф. Р-39, о. 1 д. 659а. Л. 286–288.